

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

НЕУЧТЕННЫЙ ФАКТОР

The background of the poster is a dramatic scene of the Moscow Kremlin at night. The towers and domes of the fortress are silhouetted against a dark, stormy sky with bright, jagged lightning bolts striking down. In the lower-left foreground, a soldier in a dark uniform and a flat cap is visible, holding a rifle. The overall mood is tense and action-oriented.

ОЛЕГ
МАРКЕЕВ

Annotation

В "Неучтенном факторе" Олег Маркеев довел до максимума все негативные тенденции сегодняшнего дня и наложил их на прогнозы ученых о грядущей глобальной катастрофе. Получился мир, в котором страшно жить. Это не то будущее, о котором мечтали. Это кошмарный сон накануне Страшного суда. Главный герой сериала "Странник" Максим Максимов оказывается в недалеком будущем. На руинах мира, пережившего Катастрофу, идет война всех против всех. Политики продолжают грызню

за власть, спецслужбы плетут интриги, армии террористов и банды уголовников терзают страну. Кажется, что в этом мире не осталось места для любви, чести и подвига. Но это не так, пока еще жив последний воин Ордена Полярного орла. Он готов пожертвовать собой, чтобы подарить миру надежду. Новый, самый неожиданный роман известного автора политических детективов.

- [ОЛЕГ МАРКЕЕВ](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [Ретроспектива](#)

- Вольная слобода
- Преторианцы
- Оперативная обстановка
- Оперативная обстановка
- Оперативная обстановка
- Дмитрий Рожухин
- Странник
- Оперативная обстановка
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- Старые львы
- Старые львы
- Старые львы
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- Преторианцы
- Странник
- Странник
- Странник
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

- Фараон
- Оперативная обстановка
- ГЛАВА ПЯТАЯ
- Преторианы
- Оперативная обстановка
- Оперативная обстановка
- Преторианцы
- Ретроспектива
- Преторианцы
- Г Л А В А Ш Е С Т А Я
- Черный лес
- Странник
- Странник
- Оперативная обстановка
- Преторианцы
- Преторианцы
- ГЛАВА С Е Д Ъ М А Я
- Оперативная обстановка

- Ретроспектива
- Г Л А В А ВОСЬМАЯ
- Фараон
- Фараон
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- "З". – Да.
- Преторианцы
- Фараон
- Фараон
- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- Ретроспектива
- Странник
- Преторианцы
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- Преторианцы
- Преторианцы
- Преторианцы
- Преторианцы

- ГЛАВА ТРИНАЦАТАЯ
- Оперативная обстановка
- Преторианцы
- Оперативная обстановка
- Преторианцы
- Оперативная обстановка
- Старые львы
- Преторианцы
- Странник
- Старые львы
- Странник
- Преторианцы
- Преторианцы
- Старые львы
- Странник
- Старые львы
- Старые львы
- Старые львы

- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
- Фараон
- Старые львы
- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
- Оперативная обстановка
- Преторианцы
- Преторианцы
- ГЛАВА
ВОСЕМНАДЦАТАЯ
- Оперативная обстановка
- Фараон
- ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
- Старые львы
- Странник
- ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
- Фараон
- Старые львы
- Странник

- Когти Орла
- Оперативная обстановка
- Старые львы
- Когти Орла
- Странник
- Фараон
- Преторианцы
- Фараон
- Преторианцы
- Странник
- Странник
- Странник
- Странник
- Старые львы
- Странник
- Странник
- Старые львы
- Старые львы

- [Эпилог](#)
 - [Франция, Ренн-ле-Шато](#)
 - [Оперативная обстановка](#)
 - [Странник](#)
-

ОЛЕГ МАРКЕЕВ

**НЕУЧТЕННЫЙ
ФАКТОР**

политический роман

а- Маркеев Олег, 2006 г.

От автора

Перед Вами роман-прогноз. В

“Неучтенном факторе” описываются события, которые в о з м о ж н о произойдут в слудующем десятилетии, ориентировочно — в 2015 году.

Считается, что прогноз на срок более, чем семь лет, из области науки переходит в научную фантастику. Согласен, пусть роман считают фантастическим, лишь бы мой читатель получил возможность ознакомиться с тем вариантом будущего, вероятность которого я оцениваю как угрожающе высокую.

К какому бы жанру не относили романы серии “Странник”, я считаю мои произведения политическими детективами. А, как известно,

политика — это искусство реально возможного, а не наука о претворении сказок в быль. Я не фантазирую о грядущем. Потому что убежден, будущее уже наступило. Оно здесь и сейчас, и завтра не будет ничего, чего уже не существует сегодня.

Внимательный взгляд не может не заметить посеянные семена и проросшие всходы, которые заколосятся в положенный им срок. Каждым днем вчерашним и каждым мигом сегодняшним мы творим свой завтрашний день. В котором на жить и искупать грех неведения. Иного будущего у нас нет, кроме того, что мы сотворили своими руками. Только

на это будущее надо рассчитывать, и только с таким будущим смириться. Или всерьез допустить в прогнозах и упавовать на то, что прилетят инопланетяне и все устроить по-уму. Но это уже, согласитесь, совершеннейшая фантастика...

Прочитав роман до конца, вы убедитесь, что я ничего не выдумал, а просто обострил и довел до крайности те тенденции, что существуют в дне сегодняшнем.

Политики и присягнувшие им на верность политтехнологи уверены, что путем манипуляций с коллективным сознанием возможно удержать под контролем социальные процессы, а при угрозе социального

взрыва задействовать всю мощь государственной машины подавления. Но, увы, ни природа человеческая, ни Природа им не подвластна.

По прогнозу ученых, нас ждут катастрофы и стихийные бедствия, по сравнению с которыми ад Второй мировой и преисподня Чернобыля покажутся детскими снами. Я рекомендую всем ознакомиться с докладом кандидата военных наук наук Смотрина Е.Г. “Стихии и катастрофы — главная угроза планетарной и евразийской безопасности при входе в III тысячелетие”, она опубликована на сайте Фонда “Геостратегия и

технологии в XXI веке” (www.geostategy.ru). Фрагмент доклада вы можете найти в моем романе “Странник: Цена посвящения” и в данной книге.

Катастрофы планетарного масштаба (цунами в Юго-восточной Азии и потоп в Сент-Луисе – это первые “цветочки” грядущих), серийные аварии техногенного характера с комбинированным характером поражения (например, выброс радиоактивных веществ при разрушении АЭС от локального тектонического толчка в условиях весеннего паводка на фоне аварийного выхода их строя региональной энергетической

системы), социальные потрясения, вызванные предельным падением уровня и качества жизни, психологический износ и снижение иммунитета населения при нарастающей угрозе пандемий ранее неизвестных науке болезней – вот фон, на котором развивается сюжет романа. Но и в преисподне Катастрофы творится «большая политика», кипят «подковерные сражения бульдогов», вспыхивает любовь и теплется надежда.

И последнее, что хотелось сказать перед тем, как Вы, открыв первую страницу романа, окунетесь в мутный, бешенный, неведь откуда

вырвавшийся и неизвестно куда несущийся поток событий.

Первая версия романа вышла под названием “Особый период” и написана давно, еще в 1996 году. Текст подвергся значительной авторской переработке, фактически, получился новый роман. Единственное, что я решил не менять — это концепцию романа. И все потому, что за прошедшие десять лет, по моему убеждению, ничего не изменилось.

Россия по-прежнему в летальной форме больна смутой и безвременьем. Все так же, как нож к горлу, стоит вопрос: что мы — страна или территория, государство или

отчий дом для всех, кто возводил его стены? Кто мы для власть имущих, не имущих не стыда, ни совести, но алчущих благ власти, — великий народ, достойный великой судьбы, или электоральное быдло, лишенное право на будущее?

Экскаватор реформ ползет по стране, торя дорогу к светлому будущему для избранных, перемалывая в кровавый фарш и выдавливая на обочину жизни большинство, лишние и обреченных. Стальной скербок алчности сдирает культурный слой, веками создававшийся нашими предками, обнажая залежи полезных ископаемых. Зубастый ковш хватается

то, что принадлежит всем, но приговорено к продаже ради прибыли немногих. Лязгающие гусеницы выдавливают на теле нашей земли тавро бесчестия.

Ограбленный народ молчит, как приговоренный у расстрельной стены. И мутно грезит о будущем, которого никогда не могло быть и уже никогда не будет.

Не стоит спорить, насколько правдиво видение будущего, которое предстанет перед Вами на страницах романа. Давайте вместе подумаем, как сделать так, чтобы оно так и осталось плодом воображения автора политических детективов.

Сколько бы не отпустила Судьба

нам и нашей родине, но Будущее в
наших руках. Каким ему быть — в
нашей власти.

С уважением,
Олег Маркеев

*...история снимает покровы и
обращается
в продажную девку,
а проснувшись утром, я увидел,
как орлы бьют крыльями, словно
полотнянный навес на ветру.
Чарльз Буковски*

ПРОЛОГ

Кто виноват, поздно гадать. Может, пришел срок. Но не удержали, не сберегли, проворонили и проболтали. Но вдруг пошатнулось и рухнуло разом, похоронив под обломками все надежды.

И рванулись друг на друга, поперли стенка на стенку, шалые от накопленной злобы. И родилась Первая волна. Она прошла от края до края, перемалывая и сметая на своем пути всех, кто был против, и разбилась о берега океанов, и пошла назад, породив Вторую волну, похоронившую всех, кто был за, и

заглохла, маленькие водовороты проглотили немногих уцелевших и тысячи неповинных.

И остановилось Время над развороченной и растерзанной страной. И стало страшно. И некуда было идти. Потому что никто не вел, не тащил, не гнал пинками вперед, к высотам, к светлому будущему, хоть к черту на рога, лишь бы строем и стадом. Все вдруг замерло и осталось покорно стоять, все глубже увязая в кровавой жиже и дерьме безвременья.

Но еще не все сожгли, сгноили, растащили, прожрали и пропили. И еще остались живые. А раз так, значит было что делить и

присваивать. Было кому править и кому сгибать спину. И родилась Власть. Такая же уродливая и бессмысленная, как и время, ее породившее. И Прошлое прокралось в день сегодняшний, а день грядущий стал Воспоминанием. Смешалось все. И потому никто не мог понять, откуда пришли о н и.

Не ведая тайны любви и презрев высокую науку ненависти, о н и были чужаками среди живых. Чужаки делали свое дело и уходили одним им ведомыми тропами в породившее их Неведомое, куда заказан путь живым. Уходили, приняв смерть так, будто были частицей Вечного, на веки сокрытого от живых. Но с каждой

смертью этих нелюдей что-то
необратимо менялось в людях.

Умирили незаметно,
захлебнувшись в зловонной тине
прозябания, тихо пухли от голода, с
пьяной тоски совали головы в петли,
кончались в судоргах, растерзанные
пьяной кодлой, а оказалось – можно
умереть за что-то, пусть и
непонятное другим, неподвластное
разуму, имя чему давно забыто, в
горячке боя, где есть только ты, друг,
враг да Господь, отвернувшийся от
всех. Чужаки ведали лишь один
Закон – право Выбора. И смертью
своей учили ему живых. Смерть,
оплодотворяя Жизнь, вернула ей
Бессмертие. Выбор, став сутью

Жизни, вернул ей Смысл.

И Власть вздохнула свободно. Теперь она уже не была сама по себе. Кто-то был против нее. Власть, наконец-то, встала на обе ноги и тоже обрела смысл. Все вернулось на круги своя и стало тем, чем было прежде.

И как только на чаши весов упала первая жертва, что-то необратимо изменилось в мире. Ожило Время, сдвинув мертвые стрелки часов, скрипнули заржавленные шестерни, привычно перемалывая человечину, и широко размахнулся маятник, разбрызгивая кровь...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Странник

В окно потянуло соблазнительным запахом полевой кухни; чего-то необычайно вкусного, замешанного на остром дымке костра. Максимов сглотнул слюну и натянул одеяло на нос. Не помогло. Разыгравшееся воображение рисовало сущий кошмар: краснорожий, упитанный дядька из резервистов острым ножом

вскрывает банки с тушенкой и небрежно, не выскребая, опрокидывает их в котел, где уже преет, исходя сытным паром, перловая каша. Пустые банки летят на землю, из них вытекает коричневая жижа в белых пятнах жира. И огромные ломти серого "народного" каравая, внавал лежащие на мокрых досках стола! Почему-то именно видение этих банок разозлило Максимова, он сплюнул липкую слюну и, завернувшись в одеяло, подошел к окну.

Так и есть! Ежедневная забота о народе. Посреди двора чадила полевая кухня, над распахнутым котлом, отставив жирный зад,

склонился солдат. Все было как всегда: банки на земле, куски хлеба на выщербленном столе и плакат под навесом — “Бесплатное питание”. Ниже еще что-то шло красным, но Максимов не стал напрягать зрение, и так все знал наизусть: “Только многодетным и грудным детям по предъявлению удостоверения личности”.

“Интересно, как это многодетно-грудной ребенок предъявит удостоверение? — подумал Максимов. — Совсем мозги пропили”.

Он захлопнул окно, хотя в комнате еще стоял спертый ночной воздух. Терпеть пытку запахом кухни уже не было сил.

Из-под лоскута оторванных обоев рябил в глаза мелкий газетный шрифт. Максимов машинально надорвал плотный неопределенной расцветки, сально-желтый лист обоев и по дурной интеллигентной привычке читать все подряд пробежал взглядом по колонке.

* * *

Оперативная обстановка

БАНДИТОВ – ВНЕ ЗАКОНА!

Трудящиеся нашего района с

чувством искренней радости
выслушали постановление выездной
сессии Особого трибунала.
Последние слова приговора,
произнесенные председателем
трибунала капитаном Таракановым,
утонули в шквале аплодисментов.
"Смерть бандитам!" – как один
скандировали граждане, до отказа
заполнившие актовый зал Дома
народных собраний.

Все пятеро боевиков из недавно
разгромленной банды: Петраков
Е.К., Столешников В.В., Сироштан
А.Д., Волков О.Л., и Мухамедов О.Э.
приговорены к расстрелу.

Вина еще двоих преступников в
организации и проведении

террористических актов полностью доказана. Пусть на этот раз им удалось избежать карающего меча правосудия. В отношении Максима Иванова и Юрия Садовского приговор вынесен – к расстрелу (заочно). Оба бандита объявлены вне закона.

Не долго вам, господа "защитники народа", осталось бегать от народного гнева! Не будет вам ни срока давности, ни пощады.

газета "Наш путь" от 11.08.

Максимов суеверно ногтем начертил на газете, твердой от столет назад высохшего клея, руну

Льда*.

Перечисленные фамилии были ему знакомы. А под псевдонимом “Иванов” в приговоре фигурировал он сам – Максим Владимирович Максимов. Странник...

Это был их первый бой. И первые потери.

“И не сто лет назад это было, а всего три, – поправил себя Максимов, на секунду закрыв глаза. – Просто ты потерял счет времени и потерям”.

* – знак сандинавского алфавита – I (isa). В символической трактовке – Лед (остановка, консервация событий); руны широко применялись

в магических практиках, считалось, что начертание символа есть прямая апелляция к символизируемому им явлению или феномену, что позволяет напрямую воздействовать на причинно-следственную связь. В данном случае, начертание руны Льда оставляет событие в прошлом, лишая его возможности оказывать влияние на настоящее.

Ретроспектива

Вольная слобода

(за три года до описываемых событий)

Так и жили, потерявшись во времени. Как-то сами собой пропали часы и минуты, уступив место восходам, зенитам и закатам. Сутки распались на день и ночь, а череда месяцев сложилась в три сезона — зиму, лето и слякотное и сырое непойми что, затесавшееся между долгим холодом и кратким зноем.

В первый же год все напрочь забыли тот мир, из которого убежали, как бегут звери, нутром

почуяв грядущую беду. Покинутый мир рухнул, а они остались живы. Даже если там, где-то далеко-далеко, еще и теплилась, копошилась и корчилась жизнь, то обитателей Вольной Слободы это абсолютно не интересовало. Они забыли о том мире, как вынырнувший из утробы младенец разом забывает свои прошлые жизни. Остаются только смутные воспоминания да странные сны. Но они никого не тревожили.

Только нравы в деревню перекочевали городские. Община больше напоминала колонию приснопамятных хиппи, чем строгий к себе и другим крестьянский “мир”. А впрочем, что требовать с молодых

неформалов и маргиналов даже в том, рухнувшем мире, живших через пень-колоду да как Бог на душу положит.

Семейные пары тасовались, как дамы и валеты в шулерских пальцах. Только катаклизменных последствий брачная чехарда и свободная любовь не имели. Как-то обходилось без шумного мордобития и поножовщины в летальным исходом. Все решалось просто и по взаимному согласию: любишь — живи, не можешь — ищи кто полюбит тебя. Скорее всего, из-за того, что оказавшись на островке обжитого пространства среди бескрайних лесов, иссеченных проталинами урочищ,

все разом и навсегда поняли – им тут жить. Как сами положат и сумеют. И жить очень долго. Просто потому, что больше им жить негде. Старый мир сгинул, и они сами отреклись от того, что от него еще осталось.

Новый мир принял их, как родных детей, и быстро научил всему, что необходимо знать, чтобы жить ладом и складом с самим собой, людьми и тем океаном жизни, что лежал вокруг, дышал сырой землей, разнотравьем и грибным лесным духом.

В домах завелись домовята, такие же шептуньи, как и народившиеся дети, прятали вещи, опрокидывали чашки, спутывали

спящим волосы, гугукали из подполья и шебуршали в сениях. В болоте заухали кикиморы, лешие беззлобно стали кружить новых соседей по рощам и долам, словно проводя ознакомительные экскурсии. Очень быстро выяснилось, что в окружающем пространстве, казалось бы распахнутом настежь, есть места, куда так просто не войдешь, а есть и такие, что не пустят тебя вовсе. Есть то, что само просится тебе в руки, а брать ни за что нельзя, а на все, что хочешь подобрать и унести с собой следует просить разрешения. Ни у кого персонально. Просто мысленно спросить: “Можно или нет?” И никогда не оспаривать ответа.

Незаметно в души людей вошел покой. Разгладились лица, звонче стали голоса, а из глаз пропал городской нервный блеск. Когда накатывало и вдруг опять становилось непонятно, что ты здесь свой, пока мыслишь и чувствуешь себя частичкой общего бытия, смотрели на детей, а они жили так, будто никакой другой жизни не знали и никаких других ее законов не ведали. И тогда вновь в головах наступала ясность неба, а в сердцах покой земли. Души, тысячу раз прошедшие фильтры задушевных бесед при лучине и омытые потом совместного труда не за страх, а за совесть, обрели кристальную

чистоту неспешных лесных ручьев.

А самое отрадное было осознавать, что за лад и склад, что установился в душе и малом мире вокруг, ты не обязан никому, кроме как самому себе да тем, кто жил рядом.

Первым признаком надвигающейся беды стал вертолет. Он появился нежданно и негаданно, нудным буравчиком вспоров тишину. На большой высоте надолго завис над деревней, потом завалился на бок и спикировал в сторону дальнего леса, прозванного Темным, потому что без нужды к его опушке старались не подходить, а глубже первого ряда деревьев Темный лес

никого в себя и не выпускал.

Вертолет вернулся через два дня. Потом еще. Через семь лун и восемь солнц стал летать регулярно, выписывая в небе ломанные кривые, то пропадая из глаз, то проносясь над самой головой.

Деревенские, уже важно величавшие себя общинниками, с показным равнодушием папуасов к чудесам мирового авиапрома, продолжали заниматься своими делами, на вертолет не пялились и в разговорах старались зеленого летающего “крокодила” не упоминать.

Но Максимов заметил тревогу, вновь поселившуюся в глазах у

многих. Было ясно, что-то радикально изменилось в т о м мире, если у вертолетчиков появился керосин. Ничего хорошего общинникам это не сулило. Максимов не стал усугублять тихую панику, как ночные тени с болот, засновавшую от дома к дому, и накладывающую серую тень на лица. А мог дать вполне квалифицированный комментарий: вертолет проводил разведку местности. И осталось недолго ждать, чтобы узнать, кто и какую операцию будет проводить в районе их деревни.

Потом появились и сами летуны. Просто свались с неба.

Вертолет однажды нырнул тупым рылом вниз, взбил ветром кроны берез на краю выгона, прозванного без особого мудроствования Бежин Луг, и по-хозяйски вдавил все три колеса в мягкую землю пашни.

По случаю прибытия незванных гостей устроили обед. Летуны в количестве трех человек ели местные разносолы за десятерых и только нахваливали. А женская половина общины просто осоловела до мартовского кошачьего блеска в глазах от вида и острого духа крутых пилотских курток и заветренных рож ангелов неба. Мужики ревновали, но по-тихому. Во всяком случае, под самогон на травах никто лиц дорогих

гостей подпортить не прорывался.

Летчики отвалили уже за полночь, загрузив на борт соленые, маринованные, копченые и вяленые гостинцы. В качестве ответного дара через два дня, снизившись, аккуратно сбросили общинником три армейских ящика. В одном был всякий металлический хлам для кузни, во втором радиоплаты и неработающие приемники, которые местные умельцы быстро починили. В третьем лежали стальные четверти спирта-ректификата, для безопасности, а может и с умыслом, переложенные пачками газет.

Из них-то, раньше, чем из оживших динамиков

радиопримников, общинники узнали, что покинутый мир выжил, устоял под ударами серийный аварий и социальных катастроф. Только окончательно сошел с ума.

Радостное известие, что таких общин по стране насчитывалось тысячи, быстро было омрачено программными заявлениями новых вершителей судеб и репортажами с мест.

Тот, полумертвый мир, объявил им, едва успевших отстроить и обжить свой крохотный мирок, войну. Ни на жизнь, а на смерть.

Из правительственных газет, а других, похоже, не осталось, ничего толком узнать не получилось. В

сухом остатке из идеологической жижи, густо расплесканной по газетным полосам, содержалось всего два факта: вольные поселения объявлены вне закона и практически повсеместно на появление посланников власти общины ответили их поголовным уничтожением. Власть по-волчьи оскалилась и спустила на общины спецназ.

В большом сарае, превращенном в очаг культуры (концерты, дискотеки и ночной клуб) и зал советов, до первых петухов кипели парламентские страсти. Все решали, как жить дальше. Как во всех демократических институтах ни до

чего путного не договорились, только языки стерли и глотки надорвали. Мудро решили, отложить вопрос в долгий ящик до полного прояснения обстановки, так как самые свежие газеты были годичной давности, а приемник принимал только какую-то местную станцию с какой-то нафталиновой музыкой и такими же затхлыми, провинциально неинформативными новостями.

В разлившееся по сараю всеобщему умиротворению ножом вонзился тихий голос Максимова.

— За право жить надо платить жизнью. Другой цены нет.

За год жизни в общине он ничем и никогда не позволил себя

выдлиться из общей массы общинников. Если и пользовался авторитетом у них как самый обстоятельный, уравновешенный и неспешный, то ни разу не воспользовался авторитом в своих интересах. Просто не было необходимости.

А сейчас в его голосе впервые проклюнулись характерные нотки способного отдать п р и к а з. Лишь проклюнулись, как слабые всполохи дальней зарницы. Но им, еще не познавших боя, побед и потерь, этого оказалось достаточно.

Максимов почувствовал, что на него обращены взгляды всех. Он отсчитал три удара сердца. Ровных,

тугих и сильных. И отчетливо, добавив в голос больше металла, повторил:

— За право жить надо платить жизнью. Другой цены нет.

Из темного угла слышался судорожный вдох, за которым неминуемо должен был последовать такой же заполошенный, растрепанный вопрос.

Максимов не дал тому, невидимому сейчас в колеблющемся свете свечей, но совершенно определенно самому слабому и заранее сломленному из всех, порушить то, что низримо возникало, обретало плоть и дух.

— Что тут не ясно? Сражайся —

или уми.

Повисла такая тишина, что Максимов счел за благо ослабить хватку.

— Радует одно — полная определенность.

Они поняли по голосу, что он широко и беззаботно улыбается.

И ожили.

Так он стал для них Странником. Неизвестно кем, пришедшим из ниоткуда. С приходом которого жизнь необратимо меняется. Иллюзия покоя и воли сменяется жестокой свободой. Правом выбирать: быть или умереть.

В ванной было холодно до дрожи. Как всегда, первую подачу воды Максимов проспал. Чтобы не ждать следующей, в одиннадцать часов, он ставил на ночь ведро в ванну и открывал кран. Пусть лилось через край, для тех, кто организовал эту скотскую экономию, убыток небольшой, но к его пробуждению всегда была вода.

Морщась и постанывая, он облился по пояс, докрасна растерся полотенцем. Глянул на тусклую лампочку и решил не бриться. Больше всего по утрам его

раздражала эта мерзкая, в белесых известковых разводах, еле переливающаяся тошнотворно-желтым светом, лампочка.

Жилище в лучшие времена принадлежало какому-то мелкому “новому русскому”, учудившему личную перестройку на площади всех квартир на этаже. Как выглядело все в те “лучшие времена”, сказать было уже невозможно. Уплотненные и подселенные разношерстные жильцы, очевидно, руководствуясь генной памятью, коллективными усилиями, усугубленными склоками и подлянками, уничтожили остатки “евростандарта” и воспроизвели интерьеры классической коммуналки

двадцатых годов прошлого века.

Нравы завелись соответствующие. На трехста квадратных метров, поделенных на клетушки, полыхали зощенко-шекспировские страсти. Но дальше порога не выплескивались. Жильцы коммуналки, даже захлебываясь желочью и исходя праведным гневом, никогда не перегибали палку. Потому что к любому можно придраться, а уж в наши дни — и подавно, поэтому никто не хотел провоцировать соседа на крайности; еще не остыв от кухонной склоки, стукануть на обидчика оперу или старшему по дому мог любой, а документы в порядке были не у всех, пойдет

писать губерния, и мириться придется уже в КПЗ.

Единственной благонадежной в квартире, если не во всем доме, заселенном злостными неплатильщиками, маргинальными личностями и откровенно криминальным элементом, считалась Мария Алексеевна, престарелая мать вертухая Бутырки в малом чине, да и та вторую неделю не вставала с постели.

У себя в комнате Максимов допил остатки вчерашнего чая и, подавив отвращение, с трудом прожевал кусок колбасы, ставшей за ночь серой и ослизлой. Колбаса теперь делилась на “гуманитарную”

и “отечественную”. Третьесортный по европейским стандартам, да еще явно “второй свежести”, деликатес “гуманитраки” полагался по карточкам и то не всем. Оставленным без льгот или хронически безденежным предлагалось демонстрировать чудеса патриотизма — жрать “отечественную” и не помирать от отравления.

Максимов закурил сигарету и долго рылся в куче тряпок, выбирая носки; попадались почему-то все непарные, наконец, нашел нужные, правда, один оказался свежее.

«Вот и старческий склероз, — усмехнулся Максимов. Видно, пару

раз ходил в разных. Не дай бог, убьют, в морге хохот неделю стоять будет!»

Джинсы и свитер были влажными, Максимов скривил губы, но делать нечего; аккуратно пристроив горящую сигарету на край стола, выдохнул, как перед прыжком в воду, и в два движения натянул одежду на еще горячее тело.

Куртка и кроссовки тоже были еще мокрыми после вчерашнего дождя. Максимов, кряхтя, обулся, перебросил куртку через плечо.

В коридоре по-прежнему было пусто. Максимов постучал в соседнюю дверь.

— Мария Алексеевна, можно к вам?

Соседка не отозвалась, и он, приоткрыв дверь, просунул голову вонутрь.

Пахло, как пахнет только в комнатах больных стариков. Старуха лежала на постели, навалив на себя кучу старых пальто. Из-под кучи свешивалась высохшая кисть. На столе стояла тарелка с застывшей кашей. Максимов принес ее вчера утром, значит, бабка с тех пор ничего не ела.

Он бесшумно вошел и склонился над заострившимся восковым лицом, прислушался к мерному, без всхлипов, дыханию.

«Слава богу! Пусть проспится. Встанет, разогреет кашу. Может еще

день и протянет».

Мало кого из жильцов грела мысль поучаствовать в разборках, связанных с бабкиной смертью, пусть и трижды прошедшей от естественных причин. Бабку негласно опекали всей густонаселенной квартирой.

Подумав немного, Максимов вытащил из кармана продуктовые карточки на следующий месяц, сунул под тарелку и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

В коридоре висел такой же стариковски болезненный духан, отягощенный ароматами кухни и санузла. Из комнат, сквозь фанерные стены, укрепленные обоями,

доносились по-утреннему сволочные голоса соседей. Наружу из клетушек еще никто не выполз, но, судя по нарастающим оборотам бытовых ссор, скрипу кроватей и топоту отечных ног, вот-вот должна была хлынуть тараканья лавина обитателей коммуналки.

Становиться свидетелем утренней свары у санузла Максимову не улыбалось. Повозившись с заедающим замком, на всякий случай глянул в глазок, распахнул дверь и выскочил на лестницу.

Лифт давно застрял между пятым и шестым этажами, и жильцы привыкли ходить пешком, как вольно или невольно привыкали ко всему.

Он пронесся вниз, сквозь миазмы гниющего, вечно забитого мусоропровода, по загаженной лестнице, стараясь не попадать в непросыхающие лужи мочи, пнул дверь и с облегчением глотнул свежий утренний воздух.

Ночные страхи были позади. Начинался новый день. Он обошел нахохлившуюся под дождем очередь молодых мамаш с разнокалиберными кастрюльками в руках. У самой кухни запах был просто невыносим.

«Как они только стоят? И лица у всех, бог ты мой! “Женщины русских селений.” Нашли время рожать!»

Большинство мамешек было из того попсового времени: яркие

краски легких тряпочек, животики с пирсингом, журналы “Космополитан” и “Кул Герл”, днем — лизинг-инжиниринг-маркетинг вполсилы, после работы — шейпинг и шопинг, и ночные клубы до утра; беспроблемный секс и первые проблемы с наркотиками. Им было лет пятнадцать-семнадцать, когда грохнула Катастрофа. Серийный выход из строя объектов энергетики погасил яркие ночные огни, а огненный смерч аварий смел подчистую всю промышленную инфраструктуру. Удушливый химический смог dokonичил дело. Вспыхнувшую волну насилия задавили жутким террором.

Началась новая, страшная и незнакомая жизнь. И в этой “жизни после смерти” им пришлось рожать. Потому что, несмотря на научный прогресс, выводить детей в пробирках так и не научились. А кого может родить бывшая нимфетка ночных клубов или загнанная, как лошадь, офис-герл? И от кого ей рожать? От мальчиков поколения “next” к тридцати годам оставалась лишь потасканная оболочка, а внутри — вся медицинская энциклопедия и таблица Менделеева.

Однако, природа брала свое. Бабы, как и положено им на Руси, рожали, несмотря ни на что. Обрадовавшаяся этой аномалии

официальная пропаганда бурно врала про “стабилизировавшийся демографический спад и явные признаки наметившегося роста”. Но достаточно было посмотреть на детей, чтобы понять, что никакого роста не будет. Поколение “next” породило поколение “end”.

За машиной резервист лет пятидесяти, краснорожий, с обросшими рыжей щетиной щеками, самозабвенно, с хряком, колол дрова. Ему с родословной повезло. Ширококостный, мясистый, крепко сбитый. Явно из деревенских.

Полюбовавшись на его работу положенное время, Максимов завел вежливый разговор, в результате

которого у Максимова оказалась полная миска горячей каши, увенчанная куском тушенки, и огромный ломоть хлеба, а в карман дядьки перекочевала пачка сигарет «Винстон». Цена им была две карточки на мясопродукты. Которые еще надо было где-то отovarить, предъявив кучу сопроводительных бумажек. Так что, обмен вышел вполне равноценным.

Максимов устроился на подножке машины. Миска приятно грела колени. Ел медленно, глотая обжигающую кашу, успевая с набитым ртом поддерживать разговор – приходилось отрабатывать харч.

– Че бездельничаешь, а? Поди, призывной. – Дядька решил по такому мелкому поводу работы не прерывать; говорил между ударами, небрежно бросая слова.

– Отпризывался. По разнарядке картошку лопатил. Все выкопали – и по домам.

– Ага, продотрядовец, значит. Это дело. А то жрать все горазды, а в поле не выгонишь. И-эх! – Он вогнал лезвие в крючковатое полено, оно хрустнуло, и две половинки, мелькнув белым нутром, отлетели в стороны. – Во как, твою Люсю! Слыхал, че товарищ Старостин сказал? “В России кормит только труд”, во!

— Он много чего сказал. — Максимов набил рот обжигающей кашей.

— Зато правду! Всю страну, суки, по карманам распахать хотели. Благо дело, нашелся мужик, навел порядок.

«Ага! Конечно, порядок! Сидел бы ты в деревне, доярок лапал, а так подфартило, маши себе топором при кухне, да еще в Москве! Спасибо отцу родному, спасителю Отечества», — подумал Максимов.

— Я, вообще-то, подумал из этих ты... Не в розыске?

— Нет, братан, чистый я. И хвостов нет. Могу бумаги показать.

Он пошевелился, как будто действительно решил полезть в

карман за документами. – “Началось!
"Бдительность – оружие воина".
Рубил бы ты лучше дрова!”

– Ладно, сиди уж! – Мужик сапогом отбросил в кучу очередное расколотое полено. – А в деревне понравилось?

– Конечно. Воздух чистый, тишина. Самогон – просто класс! Так и жил бы всю жизнь!

– То-то и оно,- с грусть выдохнул мужик, явно задетый за живое.

В хаосе кризиса ничего лучше не придумали, как вспомнить хорошо забытое старое. Творчески перосмыслив наследие товарища Троцкого, возродили “трудовые армии”. Принудительный

полукаторжный труд приказали считать высшим проявлением патриотизма. У кого еще сохранились иллюзии рыночной экономики говорили об опыте Рузвельта, бросившим армию безработных на строительство дорог и тем самым вытащившего Америку из “Великой депрессии” тридцатых годов XX века. Большинство же на геннетическом уровне помнили трудовой энтузиазм первых пятилеток. Да и за годы “реформ” вкалывать почти за даром еще не разучились.

Если на производствах требовался более-менее квалифицированный труд, то в

“продотряды” сгоняли всякий сброд и под конвоем этапировали на поля. Расчет и обсчет велся на “трудодни”. По окончании сезонных работ “трудодни” множились на норму выработки, делились на штрафы, из остатка вычитались расходы на содержание и добровольные пожертвования в Государственный фонд “Возрождение”. В результате каббалистических вычислений “продотрядовец” получал пару мешков провизии, продуктовые карточки “трудовой категории” и справку для прописки по постоянному месту жительства.

“Продоотряд”, в который забрили Максимова, пахал под

Ярославлем. Когда работы подходили к концу, пошел слух, что перебросят на строительство коровников. Домой отпускать не будут. Такой расклад Максимову не светил, кровь из носу нужно было проникнуть в Москву до холодов.

Но просто ударится в бега было глупо. Все равно нашли бы и вклепили года два тех же работ, но уже с приставкой “исправительные”. То есть под конвоем и даром. В продотряде платили гроши, но можно было пить, гулять, драться, но не до смерти, короче, отдыхать в полный рост после выполнения дневной нормы. Но из лагеря — ни ногой. Дезертиров ловили, судили

товарищеским судом, выступавшие получали недельный отпуск, поэтому отбоя не было от желающих заклеить позором беглеца, и торжественно отправляли в соседний ИТЛ.

Максимов месячной пахотой на раскисших полях заметал следы. “Липовые” документы с печатью лагеря приобретали силу, по ним можно было протянуть минимум полгода, если не нарываться на крупные неприятности. Он считал, что пролежал на грунте достаточно, чтобы всплыть с новыми документами, и пахать “на хозяина” еще неизвестно сколько не входило в его планы.

Начальник продотряда, он же по совместительству председатель Совета бригадиров, майор Колыба, любил письменные приказы. Развешивал во всех бараках, чуть ли не на каждом столбе, украшая снизу немудрящей подписью и почему-то красной печатью. Эта майорская закорючка, попадавшаяся на глаза на каждом шагу, и стала основой плана.

Сознательно нарвавшись на скандал с майором, Максимов как-то вечером оказался лежащим на полу хозяйского кабинета с екающей печенкой и разбитой губой. И пока начальник выскочил разобраться с двумя мужиками, прямо под его окнами устроившими драку с матом-

перематом, а Колыба, сам матершинник-виртуоз, мата от других терпеть не мог, Максимов выудил из стола три удостоверения, свою “липу” и тех двух мужиков, они были в сговоре, в карточках учета, в журнале и на последней странице удостоверений шлепнул штамп “Убыли по отработке” и заверил все немудреной майорской подписью. Печать лагеря цэковско красного цвета в левый угол и – “свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут”!

Все заняло не больше двух минут, но задумывалось и отрабатывалось неделю.

Когда Колыба вернулся, потирая

натруженные кулаки, Максимов, получив прощальный пинок в зад, был вышвырнут из майорских апартаментов на улицу. На свободу!

Утром в лагере не досчитались троих. По документам — отправленных домой личным распоряжением майора Колыбы.

Представив морду майора, который наверняка счел за благо шума не поднимать, а, может, даже и родил очередной необязательный к исполнению приказ, Максимов счастливо улыбнулся.

— Че щеришься? — Дядька воткнул в колоду топор и выпрямился, разминая затекшую спину.

– Да так. Люблю, когда дождик.

– Нашел что любить! А ну,

подвинь задницу.

Он подтолкнул Максимова с подножки, полез в кабину и завозился там, предоставив всему двору любоваться своими стоптанными “партизанскими” сапогами и лоснящимися на задугалифе; достал невероятной грязноты полотенце и, вытирая на ходу покрасневшееся лицо, пошел к кухне.

Максимов стрельнул глазами в кабину. Под ватником лежала, ошибиться было невозможно, сумка с магазинами. Автомат был пристроен между сиденьями.

«Автомат резервисту не положен. Возит так, на всякий случай. Добыл где-то. Не мудренно, сидел бы я на тушенке, давно бы обзавелся танком. За тушенку можно купить все. Придется восстановить справедливость».

Максимов, сохраняя на лице невинно-счастливое выражение, положил ложку в миску и сунул руку под телогрейку. Пристроил подсумок под курткой.

Он быстро доел кашу и понес миску к кухне.

— Че? — Мужик, не стесняясь мокнувшей очереди, уписывал тушенку прямо из банки.

— Может добавки, а?

Услышав в ответ родное – “морда треснет”, Максимов пристроил миску на подножку полевой кухни.

– На нет – и суда нет! Пока, мужик!

* * *

По Ленинградке, несмотря на ранний час, сновал народ. Максимов отметил, что заметно прибавилось молодежи – кончался сезон летней продразверстки.

Правда, специальным указом

лето затянули до середины октября. Но календарные выкрутасы режима уже мало кого трогали. Власть крутилась как могла, а люди, как во все времена, пытались жить своей жизнью.

С возрастающим волнением он приближался к эстакаде на пересечении Ленинградки с Беговой. Максимов почувствовал, как внутри проснулась и стала легко трясти все тело нервная дрожь. Идти дальше было опасно.

Под курткой еще грелся подсумок с четырьмя магазинами. У резервиста-бедолаги наверняка что-то с головой, намылил где-то полный боекомплект, будто действительно

собрался воевать. Магазины были настоящим богатством, но и неприятностей, если что, не оберешься. Но и без этого впереди ничего хорошего не ждало.

По внешнему периметру Второго кольца шла граница Особой зоны. Или “Района непосредственного президентского управления”, как велеречиво называла это ублюдство официальная пропаганда. В народе говорили проще — “домен”. Иногда “дом”, отсюда всех счастливицов, все еще живущих в Центре — “домушниками”.

Поговаривали, что периодически проводились выселения, вернее, замена случайных “домушников” на

проверенные кадры. Нынешний Первый, был ничем не лучше всех предыдущих правителей. Начиная с римских цезарей и мелких азиатских сатрапчиков, каждый создавал вокруг себя кольцо безопасности, живое кольцо из верных ему людей, их семей, телок, знакомых и прихлебателей. Любая власть превращает допущенных к кормушке в буфер между собой и народом. И Первый был в этом не оригинален.

Максимов замедлил шаг, стараясь не бросаться в глаза, стал быстрыми взглядами проверять знакомые ориентиры.

Два БТРа, сужавшие проезд под эстакадой до одного ряда, были на

месте. Вдоль них прохаживалась охрана в черных комбинезонах президентской гвардии.

Перевел взгляд на здание гостиницы “Советская” и довольно ухмыльнулся. Во-первых, потому что у этого режима, как у всех предыдущих так и не дошли руки сменить явно идеологически вредное название гостиницы. А во-вторых, потому что два дня назад о н и оборудовали огневую точку на крыше, да забыли убрать мешок с цементом, так и торчал на верхней кромке крыши. Сегодня мешка не было. Но из едва приметной амбразуры поднимался прозрачный столбик пара. Мысленно прикинул

сектор обстрела и опять усмехнулся. Он стоял в самом центре.

У э т и х, Максимов всегда называл тех, на другой стороне, “эти”, раз и навсегда проводя незримую границу, что-то изменилось в дворцовых раскладах или окончательно поехала крыша. Домен с каждой неделей все больше и больше походил на крепость, готовую к осаде. От Большого Домена, как повелось, старались не отстать маленькие доменчики в провинции. По всей стране центры городов, захваченные новой номенклатурой, превращались в крепости. Феодалщина, едва прикрытая православным

славословием и демагогией “славянского патриотизма”, перла из всех щелей.

Но сейчас все стало гораздо серьезней. По всем признакам шла усиленная подготовка к боям в городе. Кто и с кем будет воевать за Домен, Максимов не знал. Это была уже не его игра. Но то, что очень скоро будет проведена чистка города и ужесточен режим проживания, касалось его непосредственно.

«Пора. Уже кое-кому намозолил глаза», – решил Максимов, заметив, как завозились в припаркованном на углу “жигуленке”.

Обязательная в таком месте “наружка”, наплевав на инструкции,

во всю жгла казенный бензин, греясь всей бригадой в машине. Берeditь в такую погоду их профессиональную подозрительность и искушать судьбу Максимов не хотел.

Ленивой походкой он пошел вдоль эстакады к Масловке.

Прямо по курсу в сером небе торчала Останкинская башня, за спиной, по левую руку, небо царапала ракетобразная высотка на Соколе.

Максимов бросил взгляд через правое плечо на шпиль гостиницы “Пекин”.

«Интересно, почему до сих пор и ее не переименовали? Назвали бы “Харбин”. И овцы целы, и волки

сыты. И патриотично, и китайцы не в обиде. Хотя, нет, есть кое-какие новшества. Можно сказать, прогресс науки и техники на службе человека!»

Там, на шпилях высоток находились технические посты “Службы мониторинга социальной среды”. Немного заумное название. От многочисленных служб анализа общественного мнения, расплодившихся за годы демократии, она отличалась, как фельдфебель от монашки. Служба “пасла” социально неблагонадежных. То есть потенциально всех.

Все было организовано научно и достаточно подло, но эффективно.

Чтобы не переполнять тюрьмы, на кисть “профилактируемого” намертво прикреплялся толстый браслет. Миниатюрный передатчик в нем позволял следить за всеми передвижениями человека в границах города.

Сеть технических постов, размещенных на крышах московских высотных зданий, накрывала город невидимым покрывалом. Если поблизости от “профилактируемого” отмечалось “антисоциальное действие”, а сюда включалось все, от заурядной пьяной драки до массовых беспорядков и стихийных митингов, сигналом с пульта бедняга на несколько минут погружался в

шоковое состояние. Народ метко окрестил браслеты “торпедой”, в память об известном средстве борьбы с алкоголизмом, а обладателей браслетов величал “товарищами зашитыми” и “торпедоносцами”.

Раз в месяц обладатели чудо-браслетов были обязаны являться в районные пункты “Службы” для смены батареек в браслете и профилактической беседы. Многие не возвращались. По совокупности правонарушений они “профилактировались” надежным дедовским способом — к стенке.

Вот такой вышел фортель с эволюцией мобильной связи в

стране. Хотели, чтобы “как у них”, а вышло как всегда — “как у нас”.

Максимов до сих пор до браслета не дослужился. И был уверен, что никогда не увидит эту штучку на своей правой кисти. Для таких, как он, власти на браслеты не тратились.

Идти вдоль границы Домена — гарантия нарваться на проверку документов, и Максимов свернул в переулок.

В первом же дворе, обходя кучу помоев; говорили число крыс в городе перевалило грань, за которой неминуемо начинается чумная эпидемия, он услышал за спиной тихий окрик: «А ну, мужик, стоять!

Проверка документов».

«Вот и все, нарвался!» — Максимов расслабил ноги и стал медленно поворачиваться. Жизнь приучила делать резкие движения только при крайней необходимости.

Сзади стояли двое парней в кожаных куртках и армейских штанах. Типичный городской прикид, сразу и не поймешь, кто такие.

«Наверно, сидели в засаде в подъезде, гады».

Ветер, заблудившийся в колодце двора, остервенело гонял газетный лист. Где-то наверху скрипнула рама. Максимов стоял, чуть разведя руки в стороны, и ждал.

Первым не выдержал парень,

что покрепче, и двинулся на Максимова.

«Вот ты себя и выдал, понтырщик. Э т и никогда не подходят, они ждут, им некуда спешить, за ним власть, хоть дутый, но авторитет».

– Документы! Живо! – Пахнуло перегаром.

«А в голосе уверенности-то нет, один понт. Ладно, обнюхались, пора кусаться. Не стоять же здесь до посинения!»

Максимов не стал совать руку в левый рукав, где всегда держал нож, случай был не тот, а резко наотмашь ударил ближнего ребром ладони по переносице. Тот всхлипнул, закрыл

лицо руками. Добивать было некогда, успел отметить, что у парня сквозь пальцы побежали красные струйки, и бросился на второго.

Парень замешкался, пытаюсь вытащить что-то из правого кармана, Максимов успел ударить по ней ногой боковым слева, дал ему отклониться в сторону и ударил ногой справа. Оба раза почувствовал, как носок кроссовки вминает дельтовидную мышцу. Не разворачиваясь, выбросил ногу назад; первый, с раскроенной переносицей, нелепо взмахнув руками, опрокинулся на спину. Второй, ничего не соображая, попер на Максимова. И нарвался на мощный

удар в грудь. Максимов выдержал паузу, дал ему просесть на ослабевших ногах и ударом локтя в челюсть свалил на землю.

Трофеи были неожиданно царские: две идентификационные карточки жителей Краснопресненского района – пусть ублюдки попробуют прожить без них! – пистолет с запасной обоймой, финка, целый ворох продуктовых карточек, попались даже самых ценных – на мясо, и пачка “зеленых”. Максимов быстро пересчитал. Сто тридцать долларов – целое состояние.

В стране, несмотря на запрет, свободно ходила валюта. Иногда

казалось, что на руках у населения находятся все доллары, выпущенные Америкой за последние сто лет своей истории. Наличных там давно не видали, пользовались карточками, может, поэтому и спланировали сюда как гуманитарную помощь весь этот бумажный ворох. Возможно, снюхавшись с Первым, подписали на этот счет какое-то закрытое соглашение, может их казначейство давно аннулировало серии банкнот, осевших в России, так что была ли эта валюта валютой мало кто знал.

Америка давно стала островом Авалоном, мифом и ночным мороком для демшизанутых граждан. Страна-остров эшелонированно

закрылась от всех системой военных баз, авианесущими ударными соединениями ВМФ и самой мощной в мире системой контрразведки. Для всего остального мира она существовала лишь в виртуальной реальности телевизора. Но все на острове было замечательно, если из этого рая время от времени прилетали стальные ангелы “С-130 Геркулес” с “гуманитарной помощью” на борту.

Границы того, что осталось от России, опять объявили “священными и неприкосновенными”, с этой стороны забора, естественно, чтобы не пускать нищету в Европу. И

“зеленые” вывозить было некуда. Вот и играла страна в эти фантики самозабвенно, как дети. Выходило, еще один бред местного значения.

Однако, бред бредом, а рынок — не Справедливый, Свободный и Регулируемый, эта затея в конце концов провалилась почище сухого закона, а Его Величество Драгомиловский и иже с ним принимал только эти импортные бумажки.

Максимов считал, что с таким же успехом можно торговать и на этикетки от жвачек или китайские презервативы. Но рынок есть рынок, ему и Минфин — не указ, а захватившие все прилавки

смуглолицые торговцы брали только валюту. За ними тянулись остальные.

Максимов не раз видел, как караваны разномастных машин пробивались к столице через голодные губернии под бдительной охраной военных. За сопровождение, конечно же, расплачивались по установленным в Генеральном штабе тарифам. Кормились все, начиная с бойцов на блок-постах, а отстегивать проценты наверх в мандариновом эквиваленте, естественно, никто не помышлял. По команде свыше, самодеятельности в таких делах не допускают, “черных” трясли на “зеленые” на каждом блок-посту и в каждом штабном вагончике. Сколько

требовалось дать за мандат на беспрепятственный проезд по дорогам, входящих в зону ответственности Минобороны, ведал лишь Господь. Почему спрос на валюту исходил от военных, было военной тайной. Дураков задавать вопросы уже не осталось. Перестреляли заодно с особо умными в ходе Первой волны.

Максимов еще раз оглядел лежащих на земле. Тот, кому суждено теперь ходить с перебитым носом, больше не стонал. Максимов носком кроссовки повернул ему голову набок, чтобы кровь могла течь изо рта, еще не хватало чтобы парень захлебнулся и закончил свои

паскудные дни на мусорной куче. Второй, казалось, безмятежно спал, уткнувшись лицом в мокрый асфальт. Максимов сплюнул, скользнул взглядом по темным стеклам окон и пошел к выходу из двора.

* * *

Ретроспектива

Вольная слобода

(за три года до описываемых событий)

Так уж устроен мир, заберись в самую глухомань, а война все равно тебя найдет.

Максимов жевал травинку, сглатывал пряную горечь и считал секунды до начала войны.

«Вот так ребятки, именно так все и начинается. С первой лично тобой пролитой крови. Тогда, чья бы она не была, война становится твоей. Значит, и конца ей не будет, пока ты жив. Мне ли этого не знать!»

Старлей продолжал стоять у

плетня, ничего не подозревая. Сосредоточенно дымил самокруткой с анашой, она росла здесь буйно, как крапива, под каждым забором, курил, вперив взгляд в низкое солнце.

Красный шар закатывался за Черный лес. Луг источал томный запах разомлевших трав. В еще горячем небе заливался припозднившийся жаворонок.

Максимов знал, что это последний закат, который видит старлей. А тот продолжал беззаботно подставлять спину под удар.

Он явно презирал копошащегося у сарайчика аборигена в стареньком ватнике, стоптанных сапогах и нелепой панаме, украшенной

перепелинными перышками. Впрочем, презирал он всех обитателей этой лубочной деревушки, людей с ярко выраженным прибабихом на всю голову: тут каждый одевался в меру своего понимания прекрасного. Если смешать цыганский табор, поселение викингов, староверческий скит, колонию растаманов, байкерский слет и тот интернационал, что Моисей водил пятьдесят лет по пустыне, то получилось бы слабое подобие Вольной слободы.

Старлей был хищником, профессиональным охотником за человечиной. Это Максимов вычислил сразу, стоило группе людей

в камуфляже показаться на околице. Перед этим они сутки таились в лесу, наблюдая за деревней. Аборигены почуяли их присутствие, но старались не подавать виду. И хищники купились на абсолютно беззащитный вид аборигенов и полную фортификационную нелепость их поселения.

По тому, как пришельцы впивались взглядами в женщин, и как пренебрежительно посматривали на мужчин, стало совершенно ясно, с чем они пожаловали. Максимов чутко уловил нотку паники, повисшую в воздухе. Пришельцы не почувствовали ничего. Этот мир был им чужд, он ничему не хотел их

учить и ничего не подсказывал.

Пришельцы, семь человек вместе с командиром, не стали снимать с себя бронежилетов. Так и завалились в них за стол. Оружие держали при себе, как знак, подчеркивающий их тотальную инаковость. Или жезлы власти в этом маленьком мирке. Они вели себя с самоуверенностью сильных, с которых заранее сняли все грехи. За ними была не только хищная сила, основное их преимущество состояло в численном перевесе. Форма, которую они самодовольно демонстрировали, словно говорила: «Нас, таких, тысячи. По нашим следам придут сотни таких же —

безнаказанно сильных. Даже стрелять не придется, просто затопчем в землю. Потому что нас — легион».

Пришельцы смачно жахали земляничную самогонку и жадно чавкали местными разносолами. Сколько не заталкивали в себя, в глазах все не гас белесый огонек оголодавших псов.

И разговоры плели неумело. Скорее всего, даже не хотели таить, что из всей жизни странного мирка их интересуют всего две вещи: что там за Черным лесом, и как часто в Слободу заходят люди с оружием.

Аборигены делали глупые лица. Даже врать не приходилось. В

Черный лес никто не ходил, лес попросту к себе никого не допускал. А люди с оружием? Какие еще в этой глухомани люди, кроме нас самих? А у местных оружие если и было, так исключительно для охоты.

Максимов сплюнул травяную горечь. Ладонью вытер губы. Достал из рукава ватника стилет. Выждал, когда рука старлея поднесет ко рту самокрутку. И метнул нож в цель.

Лезвие наполовину вошло в ложбинку у основания черепа. С кхекающим звуком из горла старлея вырвалось облачко дыма. Он уронил руки, выгнулся, до хруста прогнув позвоночник. И рухнул в траву.

Максимов подошел к бьющемуся

в конвульсиях телу. Поставил ногу между лопаток. Наклонился. Вытащил из затылка нож. Тело дрогнуло. Из легких, как из пробитой шины, с шипением вышел воздух.

Нашивки на обмундировании были совершенно незнакомые. Какая-то крылатая тварь на шевроне. Крой формы за то время, что Максимов отсутствовал в Большом мире, стал совершенно натовским.

«Нет, что-то там у них в головах совсем с рельсов соскочило. И не в форме дело, — думал Максимов, быстро и сноровисто обшаривая карманы убитого. — В наше время, я бы застрелился, если бы получил приказ зачистить своих. И все, кого я

знал, или себя бы кончили, или того, кто такой приказ отдал. Хотя ангелами никогда не были. Взять хотя бы Славку-Беса... А э т о т смог. Поэтому – и труп. Точка!»

Он вытащил из кобуры старлея пистолет. К удивлению, и он оказался импортным. Максимов покрутил кольт. Отщелкнул обойму, проверил, сколько осталось патронов. Вогнал ее на место. Передернул затвор.

Уловил легкую вибрацию, идущую от земли. Кто-то бежал через луг. Максимов не встал с корточек, чутье подсказало, бежит свой.

Секущий звук, стелящийся по траве, стал ближе. Уже отчетливо

слышались похрустывания сухих стебельков, попавших под быстрые ноги.

Максимов встал.

Юрка, увидев его голову над плетнем, срезал путь. С разбегу перемахнул через плетень. Встал рядом. По случаю боевой тревоги Юрка, как и все члены братства рукопашников, нарядился в домотканную рубаху, отороченную по швам волчьим мехом, с кожаными протекторами на локтях, в просторные штаны и мягкие онучи.

Максимов всмотрелся в его покрасневшее, сбрызнутое потом лицо. Очень важно было знать, как парень отреагирует на труп.

Отреагировал нормально. Не охнул и не отпрянул. Только чуть поблек румянец на щеках.

— Минус один, — произнес Максимов.

— А остальные?

— Туда же. В Нижний мир. Прямо сейчас.

Юрка глянул на клубный сарай. Там еще шло застолье по случаю прибытия гостей.

— В лесу чисто?

— Да, — кивнул Юрка. — Я кругом все обшарил. Их лежку нашел. Других людей в лесу нет, точно. Молчит лес.

— Это не люди, Юра. Раз и навсегда это запомни. За этой стаей

придут другие. Гораздо больше и гораздо злее. У нас мало времени, чтобы встретить их достойно.

Максимов сунул кольт под ремень, развернулся и пошел к клубу.

«Восемь стволов, не считая пистолетов. С полным боекомплектом. Шестнадцать гранат. Рация. Прочее тряхомудие. Для начала хватит».

Он уже точно знал, кто пойдет с ним. Те семеро, кто сможет обыскать еще теплые трупы. Юрку он брал с собой без экзамена на вшивость.

«Надо валить их выстрелом в голову. Пацанам форма нужна, хватит из себя деревенский спецназ изображать».

Юрка на ходу привел в боевое положение арбалет. Максимов покосился на него, но ничего вслух не сказал.

Указал на оконце. Юрка, тихо шурша травой, занял огневую позицию.

Максимов распахнул дверь.

В темном предбаннике жарко целовались. В полосу света попала спина в оливковой пятнистой форме.

— Ой, дядя Максим, испугал! — выдохнула девушка, отстраняясь от ухажера.

— Бог в помощь, детки, — отозвался Максимов, закрыв за собой дверь.

В тесном предбаннике

сгустилась темнота. Только острый лучик пробивался сквозь щель двери. Из-за нее доносились звуки дружного застолья.

От парня пахло амуницией и горячим потом. Он развернулся, уступая Максимову дорогу.

Максимов не мог видеть, но отлично почувствовал, что парень улыбается самодовольной улыбкой хищника, уверенного в своей силе и в своем праве брать то, что захочется.

«Приятная случайность, — машинально отметил Максимов. — Дашка вытащила в сени именно радиста».

Основание ладони врезалось в грудь, чуть ниже горла.

Бронхиальный спазм опрокинул парня в обморок.

Максимов подхватил тяжелое тело, беззвучно опустил на пол.

— Последи за ним, Дашенька, — ласково прошептал Максимов.

Встряхнул кистями, сбрасывая напряжение. Открыл дверь в клуб.

Остановился на пороге, давая глазам привыкнуть к свету.

Как и предвидел, гости уже перемешались с аборигенами. Поймал несколько настороженных взглядов. Широко улыбнулся.

— Максимыч, а ты что от коллектива отрываешься? — окликнул его Антон.

— Да, там...

Он сделал шаг вперед. Теперь все гости были в секторе огня.

– Оп! – крикнул Антон.

Все свои дружно легли на стол. Остались торчать только чужаки. Как грудные мишени в тире.

Шесть выстрелов. По широкой дуге слева на право.

И гробовая тишина. Только потяжный звук катящейся по полу гильзы...

* * *

Преторианцы

В дождливую погоду у Тихомирова дела никогда не ладились. Хотелось спать, хоть вешайся. «Вся моя жизнь прошла на невидимом фронте борьбы. До обеда с голодом, после обеда – со сном», – любил он пошутить за рюмкой в кругу особо доверенных сослуживцев.

В дождливые дни это правило организм самовольно нарушал. Аппетит отшибало напрочь, постоянно клонило в сон, голова, казалось, была до отказа набита ватой. В таком состоянии работать

могла заставить только угроза расстрела. А так как за отсутствие служебного рвения не стреляли, то в «критические дни» Тихомиров с чистой совестью лишь иммитировал работу.

Тихомиров зевнул, не разжимая рта, и слезящимися глазами уставился на подследственного. Возиться с бог весть откуда взявшимся клиентом Тихомирову пришлось по собственной глупости. Черт его дернул выйти из кабинета и нос в нос столкнуться с начальником отделения. Тот сунул ему вялую ладошку для рукопожатия, через губу приказал вне очереди отдежурить на приеме в комендатуре и линкором

порулил по коридору по своим начальническим делам.

Тихомиров мысленно выматерил все начальство с первого этажа до последнего во всех зданиях и на всех объектах Государственной Службы Безопасности.

Пришлось переть во внутреннюю тюрьму и высвистывать из камеры задержанного ночью в Домене за нарушение комендантского часа и ношение оружия. Какого рожна он оказался здесь, Тихомиров не представлял. Вояки вполне бы могли доставить его в свою комендатуру и после недолгих разборок шлепнуть, благо, закон позволял.

То, что вояки и менты принялись дружно спихивать на его родную “контору” самую грязную работу — факт тревожный и требующий осмысления. Но думать не хотелось.

«Если такая психотехника войдет в моду, можно смело прописываться в рабочем кабинете, все равно жизни не будет».

Тихомиров покосился на стажера Ваську. Здоровый, как бык, тот сидел на стуле в сторонке и, как инструктировал его Тихомиров, изображал дежурного садиста. На некоторых действовало. На большее от Васьки рассчитывать не приходилось, был он тупой, как и

всякий “блатной”.

На клиента Васькины таланты впечатления не производили. А на вид был, не чета Васе, поджарый, легкий в кости. Его, естественно, помяли при задержании, наверняка, уже успели добавить. Боль он терпел хорошо, отметил Тихомиров, только побелел лицом.

Тип, по мнению Тихомирова, был явно криминальный. Оставалось только выяснить специализацию: обычный бандит или с политическими “понятиями”.

Мелькнула мыслишка сбегать его на часок-другой Ваське, пусть щенок блатной помучается, а самому пойти проветриться. Но Васька, он

был уверен, либо будет так же сидеть и тупо молчать, либо понесет такую фигню, что заржет даже конвоир за дверью. А начальство спросит с него, Тихомирова. Им плевать, не у них с утра башка трещит.

В раскалывающейся от боли голове заворачались тяжелые, щербатые жернова. В глазах запульсировали яркие точки, словно на сварку насмотрелся. Мыслительный процесс доставлял такую физическую боль, что Тихомиров слабовольно решил не мучаться. Сверился с бумажками в тонкой папочке. В рапорте вояки указали, что задержанного передала им неустановленная опергруппа ГСБ,

рыскавшая в Домене.

«Очень даже может быть. Или врут, как сивые мерины. А и хрен с ним! Если за нашими сел, то пусть будет террористом. Ибо нефиг носить “стечкин” с глушителем».

– Ладно, герой, – Тихомиров решил применить свой любимый прием, чутье подсказывало, что на этом клиенте трюк сработает. – Бить я тебя не буду. У нас в камерах сидят “торпедоносцы”, попавшие в облаву в Красногорске. На них все плюнули и забыли. Кстати, как и твои дружки на тебя. Но нам с тобой они могут пригодиться. Возьмем пару-тройку и станем стрелять по одному у тебя на глазах. Кто из них по ошибке

попался, кто по недоразумению, я сам не знаю. Как думаешь, долго ты выдержишь?

Клиент поднял голову, посмотрел в лицо Тихомирову, но оно было едва различимо сквозь ослепляющую пелену яркой лампы. Облизнул коричневые от спекшейся крови губы и прошептал:

— Гад ты, следак! — И опять опустил голову.

— Не тебе судить, парень. Ты лучше кончай в молчанку играть. Всем легче будет.

«Прежде всего мне. А клиент потек. Сейчас начнет вилять, а потом и соловьем запоеет», — подумал Тихомиров и с облегчением зевнул во

весь рот, изогнулся на стуле грузным телом и вытянул вперед ноги.

Как только его ступни вылезли из-под стола, Юрка, давно все решив и рассчитав, не вставая, ткнул ребром правой стопы по ногам следока, туда, где под штанинами белели полосы носков. От неожиданной резкой боли следак сложился пополам, навалился грудью на стол и зашипел. Юрка врезал ему кулаком в лоб, отбросив на спинку жалобно скрипнувшего стула. Следак, забыв про кнопку под столом, инстинктивно закрыл лицо.

А Вася среагировал в меру сообразительности. Он встал и сделал два шага вперед. Большого и

не требовалось.

Юрка вскочил, нырнул под летящий кулак, выбросил левую руку, глубоко ткнув твердыми пальцами Васе под кадык, плечом оттолкнул в сторону, схватил со стола первое попавшееся, ярко отсвечивающее металлом, и размаху вогнал себе в горло.

Когда в кабинет ворвался конвой, он уже бился на полу, обдавая все вокруг себя ярко-красной кровью...

* * *

Дмитрий плеснул в стаканы водку.

– Давай, по-быстрому.

– Ага! Спасибо, брат! Ты представляешь... Нет, ты представляешь!

– Пей, не дома.

Зубы Тихомирова пробили морзянку по краю стакана.

– Эх, пошла. – Он вытер влажные губы рукавом. – Нет, ну кто-же знал, что эта сука...

– Хватит скулить! – Дмитрий, сжав зубы, следил, как медленно проясняются бесцветные, в мелкой красной сетке по белкам, как у кролика, глаза Тихомирова.

«Сейчас из него можно веревки вить. Сейчас он мой. А завтра? Нажмут, сдаст с ботвой. Ох, рискую больше меры, а делать нефиг. Ладно, если дело только в Тихом, то, пока держу его за яйца, сдать меня он не посмеет. Главное, самому выкрутиться».

— Скажи спасибо, что он тебе твой же "Паркер" в горло не пристроил. Сейчас думать надо, а не скулить, — надавил голосом Дмитрий.

— Ага, думать! Ты бы видел, все в кровище... Бьется в судорогах, блядь такая, а рук не разжимает. А от этого дырища еще шире... У, жуть!

На Тихомирова действительно

было жутко смотреть: белое, потное, дрожащее лицо и собачьи глаза, жадно смотрящие на бутылку, куда только подевался весь лоск и гонор лучшего офицера Следственного управления.

«Если дать ему волю, нажрется до чертиков прямо у меня в кабинете! Дерьмо дерьмом, а нужен. А, хрен с ним, рискую!» – Дмитрий отодвинул бутылку и сказал:

– Расслабься, Тихий. Ты сказал, два трупа?

Тихомиров вздрогнул и тупо уставился на Дмитрия, а Рожухин ждал, когда помутневшие от страха и водки глаза прояснятся, и молчал.

– А! Так, он сам... И Вася. –

Тихомиров снова завелся. — Бля, я в шоке! Прикинь, такого жлоба ткнул — и писец. Нет, ты, прикинь...

Дмитрий не дал ему пойти вразнос:

— Значит, было вас там трое?

— Ну.

— Что "ну"? Тебе, что, так мешалкой по промежности врезали, что мозги отшибло? Протокол допроса есть?

— Так ведь... — Тихомиров нервно сглотнул.

— Понял, некогда было. Начальство от тебя еще ничего не требовало, смекаешь?

— Некогда было. Когда дерут, разве думают. — Тихомиров начал

немного соображать.

— Вот-вот. А скоро очухаются и потянут по второму кругу. Была бы хоть какая бумажка. Положить им на стол, чтобы утерлись. Мол, сознался клиент, а уж потом себя кончил. Ловишь мысль?

Дмитрий щедро плеснул в стакан водки. “Кремлевская особая”, чистая как слеза, выдавалась только старшему офицерскому составу. У Дмитрия, не по чину, она водилась всегда и в избытке.

— Ты “сверху” сразу ко мне? — Он не спешил придвигать стакан к Тихомирову.

— А к кому еще? Ты же мне как брат! — Тихомиров предано, как

побитая собака, посмотрел на него слезящимися от водки глазами. — Сколько дел вместе провернули. Я бы без тебя давно спекся.

— Правильно. Пей!

С брезгливостью посмотрел, как тот жахнул водку.

«Тамбовский волк тебе брат. Куда же тебе, пьяни подзаборной бежать, как не ко мне. Не зря с рук прикормил, приучил пить в моем кабинете. Вот и бежишь, если приспичит. Заодно и информашку таскаешь».

— С бумажкой могу тебе помочь.

— Это как?

— Очень просто. — Дмитрий выложил на стол два машинописных

листа. – Прочти и перепиши своим почерком в протокол допроса.

– Ты что, Димка, это же подлог!
– ужаснулся Тихомиров.

– Какой, нафиг, подлог! Дубье! – Дмитрий для пользы дела бухнул кулаком по столу. – У тебя же ни хрена нет. Только труп. Воскреси, как Лазаря, и допрашивай сколько влезет. И Васю заодно, чтобы помог. Сейчас твои дубы с лампасами очнутся, тогда посмотришь. Пыхтеть будут с месяц, пока до смерти не затрахают! Все батареи в Управлении носом пересчитаешь, пока на улицу не вышвырнут. А за что? Подумай, за что? Таких сам бог велел стрелять, как собак. Сдох – и хрен с ним!

– Дай-ка, почитаю. – Тихомиров придвинул к себе листки. Профессионально быстро пробежал взглядом.

Именно на такую реакцию Дмитрий и рассчитывал – Тихомиров даже рот открыл, словно обухом по затылку получил.

– Ты, Дима, часом не того, крыша на месте? – протянул он.

– На месте, не бойся.

– А на кой хрен ему “центральный террор”* вешаешь?!

* – профессиональный жаргон спецслужб; террористический акт, направленный против высших представителей власти.

– Как сказал один обкуренный еврей: «Оставьте мертвым хоронить своих мертвецов», – Дмитрий подмигнул Тихомирову.

– Не понял?

Димтрий долго выдохнул.

– Новости слышал? Сегодня ночью, в своей квартире был убит Карнаухов.

– Да иди ты! Тот самый?

– Работал профессионал. На, прочти шифрограмму. Но ты ее никогда не видел, уговор?

– Договорились.

Тихомиров быстро прочитал текст, Дмитрий тут же сунул листок обратно в папку.

* * *

Оперативная обстановка

*Вне очереди
Особой важности
Председателям*

*территориальных
Управлений ГСБ России*

Шифрограмма № 000-1297 УТ

*Информируем, что сегодня,
ориентировочно в 02 часа 30 мин., в
своей квартире был убит г-н
Карнаухов А.С. – член Совета по
национальному развитию при
Президенте России, заместитель
председателя Президиума движения*

“Родина”. Предварительные данные осмотра места происшествия позволяют предположить “заказной” характер преступления, выполненны профессионалом высокого уровня. Проводятся необходимые следственные и оперативно-розыскные мероприятия.

По получении настоящей шифрограммы, приказываю усилить охрану лиц категории “А”, провести в районах ответственности территориальных подразделений оперативные мероприятия по профилактике актов “центрального террора”.

Председатель ГСБ РФ

* * *

Дмитрий с высокомерной ухмылочкой произнес:

– Как видишь, новости я узнаю раньше всех.

– Тебе сам Бог велел...

Тихомиров заметно сник.

Дмитрий, хоть и моложе, в служебной иерархии был на голову выше его. Ну кто такой старший следователь Следственного отделения Московского управления

рядом с молодым и перспективным начальником отдела, структурно входящего в Центр особого назначения при Антитеррористическом управлении ГСБ? Никто. Так, чернорабочий, разбирающий мусор после оперативных игр ЦОНа. Ни славы, ни звезд, ни кайфа от работы. Одна рутина да нервотрепка.

– Телись быстрее, Тихий! – подхлестнул Дмитрий. – Все клеится один к одному. Место задержания, время. Надо уточнить, но, скорее всего, твоего клиента зовут Юрий Николаевич Садовский, кличка – “Соловей”. Боевик экстра-класса. Входит в элиту “исполнителей

приговора”.

– Это еще что за хрень?

Дмитрий сыграл удивление:

– Ты оперативки-то читаешь?

Ладно, по глазам вижу, что некогда. Поясняю для особо занятых: в группировке “Меч” есть такая заморочка – собирают сходняк, у них именуемый “Трибунал”, заслушивают компру и выносят приговор. Установочные данные на приговоренного передаются в “группу исполнения приговора”. Прямого выхода не нее ни один член “Трибунала” не имеет. А киллеры не имеют права мочить кого-либо без приговора. Иначе их самих мокнут. Но в заседании “Трибунала” не

участвуют. Они даже не знают, где, когда и в каком составе он собирается. Классно, да?

Дмитрий присел на угол стола.

— А дальше, Тихий, вообще — классика жанра! Старший, получив приговор, готовит тринадцать конвертов, в один кладет приговор, в другие — чистые листы или отвлекающие задания. Перемешивает и вручает курьерам. По каналам связи задания приходят киллерам. Друг друга они не знают и никогда не пересекаются. Каждый имеет свою группу обеспечения и с момента получения задания начинает автономные действия. И кто выйдет на реальный выстрел, а

кто отработает “отвлекающий маневр” не вычислишь, хоть тресни.

– А если знать жертву?

– А хрена толку, если не знаешь, кто и как его завалит? Тем более, что конкретных сроков не устанавливают.

Тихомиров, подумав, согласно кивнул.

– То-то, брат! Поэтому, если они кого-то приговаривают, можно смело заказывать полированный ящик и полковой оркестр.

Тихомиров стал еще мрачнее. А Димтрий, напротив, сиял, словно сам все разработал.

– Странно, что тебя такого умного они еще не приговорили, –

пробормотал Тихомиров.

Дмитрий хохотнул.

– Может, и приговорили, только я об этом не знаю. А что касается их системы, то и доподлинно я сам ничего не знаю. Только предполагаю. С известной долей вероятности, могу утверждать, что они именно так все и организовали. Идею эту я еще пацаном подцепил в одной книжке. “Бойцовский клуб”*. Не читал?

* – роман лидера контр-культуры 90-х Найджела Пенника. В основу сюжета романа положена идея разворачивания террористической организации на

базе любительских клубов боев без правил.

– Нет.

– Само собой... Отрадно, что начальство тоже книжек не читает. Поэтому мне и поверило.

– Ну ты даешь! – выдохнул Тихомиров. – Так все нае...

– Стоп! – оборвал его Дмитрий. – Никакого должностного подлога я не совершал. Потому что уверен, в отличие от тебя и наших дубов в лампасах, мои клиенты такие книжки штудируют, как раввин Тору. И мне не нужно искать доказательств, если я и без них уверен, что все устроено так, или приблизительно таким образом.

Он придвинул листы к Тихомирову.

– Как в данном случае, я имею все основания предполагать, что Соловей имел или мог иметь отношение к убийству Карнаухова.

– Та-а-ак. – Тихомиров что-то прикинул в уме. – А тебе на кой хрен это нужно?

– Хочу это дело получить в разработку.

– Ну ты и патриот, Диман! – Тихомиров покачал головой. – Не знал, что ты такой любитель искать приключения на свою задницу. Дело же сразу на контроль поставят, сам знаешь.

– Ну и пусть.

– Тогда на клумбу, где железный Феликс торчал, надо тебе памятник забабахать, в полный рост. Из стекла и бетона, бя. Как передовику чекистского труда. В назидание потомкам, ха-ха-ха! – Страх у Тихомирова неожиданно смененился истерическим весельем.

Дмитрий
поморщился, из рта Тихомирова
пахнуло свежим водочными
перегаром.

– Тебе-то что? Да, я – карьерист. О себе думай, идиот! Тиснешь мне справку, я тебя официально высвистаю, сделаем вид, что плодотворно поработали, доложу шефу, он крякнет, но резолюцию

шлепнет, и все — ты чист. Дрыхни дальше в своем пыточном подвале. А твое начальство тебя еще в зад расцелует, когда ты ваш навоз мне сбагришь. — Он схватил Тихомирова за лацкан, притянул ближе, прошептал, не тая раздражения:

— Карьеру делают на «громких делах». Это мой шанс, понял?

Тихомиров отстранился.

— Кто будет знать?

— Только ты и я.

Тихомиров сделал вид, что взвешивает все “за” и “против”.

— А счет когда предъявишь? — с глупой улыбочкой спросил он.

— Да иди ты на хер, мудака! — Дмитрий сплюнул и потянул листки

к себе.

Тихомиров дрогнул всем телом и накрыл их потной ладонью.

– Извини, Дим, слышь, извини! Риск-то какой, ты прикинь! Головы всем порубают. – Глаза опять стали собачьими. – Больше всех рискую я.

– Не хочешь, не пиши. – Дмитрий крепко прижал свой угол листка и чуть поятнул к себе.

– А твой патрон там, “наверху”, прикроет, если Васькин папаша на нас наезжать начнет? – Он отвел руку Дмитрия от листка.

– У меня нет патрона, это раз. – Дмитрий убрал руку, пальцы сохранили влажное прикосновение потной ладони Тихомирова, и он

медленно вытер их о рукав. – Два, у тебя устаревшие сведения. Васькин папа больше не входит в правление “Госметалла”. Его год назад “задвинули на повышение” в Западноевропейский отдел. В настоящее время наводит загар на правую ягодицу где-то в Испании. В Россию по такому поводу не ломанет, потому что прилюдно называл сынка мудаком и дегенератом, и уже давно махнул на него рукой. Может быть, он тебе еще благодарен будет, ты только подсуетись, чтобы начальство шлепнуло телеграммку, мол, погиб ваш сынок на боевом посту, это три.

– И когда ты все узнать успеваешь?!

– В сутках двадцать четыре часа. Мне хватает. Наконец, четыре. Подбери сопли, Тихон, смотреть тошно. Будешь писать?

– Да. – Тихомиров машинально вытер влажные дрожащие губы.

Дмитрий успел выкурить сигарету, пока Тихомиров старательно переделывал текст оперсводки в черновик протокола.

Рожухин разглядывал фотографии в рамках на стене над своим рабочим местом, временно занятым Тихомировым. Злословы из отдела прозвали фотографии “Наш боевой листок”.

На всех снимках был изображен он, Дмитрий. С планшеткой в руках,

с “Винторезом” на изготовку, с автоматом на плече. На броне БРДМа, БТРа, БМП и Т-80. В стальном нутре КШМки, в десантном отсеке вертолета, у раскрытого люка десантного отсека ИЛа. В горах, в болотах, на пустошах, на невзранных улочках неизвестных городков. Всегда в камуфляже, всегда улыбающийся. В окружении таких же крепких и хватких парней в камуфляже и с оружием в руках. Только их лица на снимках были для конспирации густо замазаны черным маркером.

Отдельной колонкой висели парадные фото с награждений и тожественных мероприятий. На них,

напротив, лица тех, кому пожимал руку Дмитрий или кому он внимал с видом школьного отличника, остались доступными для узнавания.

Всякому, кто входил в кабинет, с первого взгляда на фотоэскпозицию становилось ясно: у начальства Дмитрий на особом счету, и имеет таких друганов, что лучше не связываться.

— Кончил? — спросил Дмитрий, бросив взгляд на настенные часы.

— Ага. — Тихомиров положил ручку. — Даже какие-то каракули изобразил, мол, думал, пока уличал злодея. И ошибок наделал грамматических.

— Молодца! — Дмитрий быстро

подхватил листы, пробежал глазами.
– Почерк у тебя, Тихий, как у пьяного дворника. Ладно, сойдет. Та-ак...
Коммуникативная активность
примерно равная, допрашиваемый
логику повествования не утрачивает,
спонтанность высказываний налицо.
Вывод – комплексная психолого-
лингвистическая экспертиза* “липу”
не вычислит. Вывод второй – Тихий,
тебе нафиг не нужны
подследственные. Гляди, как ты за
них все складно расписывать
научился!

* – исследования с применением
методов психологического и
лингвистического анализа,

позволяют по особенностям почерка, стиля и контекста установить психологическое состояние автора текста, особенности черт личности; в частности анализ протокола допроса позволяет установить получены ли показания во время допроса, либо предварительно подготовлены и заучены подследственным.

Тихомиров вспыхнул.

– Да пошел ты нафиг, Димон! Сам же предложил фуфло сляпать, а теперь издеваешься.

– Тихон, это не фуфло, а шедевр. Хоть сейчас в рамку. – Он хлопнул Тихомирова по плечу. – Да не ссы ты,

прорвемся! У тебя пять минут на дорогу к себе. Короче, даю полчасачас на охмуреж шефа. К одиннадцати я жду звонка. Пусть шеф дергает меня к себе. Здесь тебе больше ошиваться нечего. Там я сделаю круглые глаза и опознаю в вашем трупе своего клиента. Дальше – дело техники. Кстати, почему ты сразу ко мне рванул? – Дмитрий задал вопрос неожиданно прокурорским тоном.

– Так... Ну это... – Тихомиров стрельнул взглядом в стакан. – А...

– На! – зло ощерился Дмитрий. – Ты прибежал ко мне, потому что подследственный назвал себя боевиком по кличке “Соловей”. И кинул заявку на “центральный

террор”. – Он потряс листами перед лицом Тихомирова. – Вот ты и полетел ко мне для консультации, кто такой этот “Соловей” и с чем его едят. Ну, все понял?

Тихомиров слабо улыбнулся.

– Порядок, Димон. Я это от волнения... Так оно и было. У кого мне еще консультироваться, как не у аса антитеррора!

– Умница. Все, разбегаемся! Минутку! – Дмитрий подцепил у вставшего из-за стола Тихомирова торчащий из кармана платок. На нем еще не засохли пятна крови. – Очень кстати.

Дмитрий несколько раз промокнул его о листы протокола.

– Это для достоверности.

Тихомиров, глянув на кровавые отпечатки, едва сдержал приступ рвоты.

* * *

Оперативная обстановка

*Совершенно секретно
экз. единств.*

*Начальнику Следственного
отделения УГСБ по Москве и
Московской обл.
полковнику Баринову Н.В.*

РАПОРТ

*На основании Вашего
распоряжения мною проведен допрос
задержанного за нарушение
комендантского часа и режима*

"Района непосредственного президентского управления", находящегося под арестом в следственном изоляторе временного содержания.

На момент допроса личность задержанного установлена не была. Допрос был проведен мною в помещении следственного изолятора, комната N 3, в 09 час. 15 мин.

Допрос проходил в присутствии л-нта Говоркова В.В., проходящего стажировку в нашем отделе.

Аудио и видеозапись допроса не проводились. В ходе допроса задержанный дал показания, согласно которым он в ночь с 12 на

13 октября с.г. совершил убийство тов. Карнаухова А.С., члена Президентского совета по национальному развитию.

После этого, придя в крайне возбужденное состояние, воспользовался халатностью л-нта Говоркова, применив физическую силу, выхватил у Говоркова шариковую ручку "Паркер" и нанес ею себе ранение в область сонной артерии, от которого скончался не приходя в сознание.

Говорков, получивший тяжелую травму, был доставлен мною и конвоиром ст. сержантом Ляшко С.П. в медпункт изолятора. Дежурный фельдшер пр-к Зарудный

К.С. определил у Говоркова "закрытое повреждение верхней трети гортани" и попытался оказать первую помощь. По его словам, подобная травма "несовместима с жизнью". Говорков скончался не приходя в сознание в 9 час. 27 мин.

По факту происшедшего ст. сержантом Ляшко и пр-ком Загорудным поданы по командованию докладные записки.

Мною приняты меры по сохранению следов и охране места преступления. У комнаты N 3 распоряжением коменданта изолятора выставлен постоянный пост охраны.

Учитывая особую важность информации, сообщенной задержанным, прошу Вашего разрешения на передачу рабочих материалов по делу в Отделение "Б".

Прошу Вас направить меня на медицинское освидетельствование по факту нанесения мне задержанным закрытой черепно-мозговой травмы.

"13" октября Ст. следователь
Тихомиров П.К.

Резолюция: т. Тихомирову

Срочно информировать т.
Рожухина из Отделения "Т".

Зам. нач. отделения по
воспитательной работе т. Карпову

Провести служебное
расследование и доложить.

Ориентировать весь состав
отделения на недопущение
нарушений правил проведения
допроса.

Тихомирова на время
расследования от работы
отстранить. Направить на
медкомиссию.

Баринов Н.В.

* * *

Совершенно секретно
Экз. единств.

Начальнику Отделения "Т"
УГСБ по Москве и Моск.обл.
полковнику Губскому Д.А.

Р А П О Р Т

В ходе проверки информации т. Тихомирова, проведенной по просьбе начальника Следотдела т. Барина, мною было произведено опознание трупа задержанного с привлечением агента "Лось", неоднократно внедряемого нами в различные бандформирования и лично знающего

многих наиболее опасных боевиков.

Агент "Лось" безоговорочно опознал в погибшем Юрия Николаевича Садовского. Мною с агента "Лось" сняты письменные показания.

Справка:

Юрий Николаевич Садовский, кличка "Соловей", 1990 г.р., уроженец г.Чехова Моск. обл., холост, к судебной ответственности не привлекался. Подозревается в неоднократном совершении терактов на территории РФ и СНГ. Прошел диверсионно-разведывательную подготовку, владеет навыками стрельбы из основных видов

стрелкового оружия, владеет холодным оружием и навыками рукопашного боя.

Руководил бандформированием "Ермак". Неоднократно принимал участие и руководил боевыми действиями против правительственных частей специального назначения. Специализировался на боевых действиях в условиях лесисто-болотистой местности.

Под руководством инструктора по кличке "Тарзан" (информация агента "Лось") прошел подготовку по террористической деятельности в условиях крупных городов. Осведомлен о формах и методах

деятельности ГСБ, владеет навыками конспиративной работы.

При задержании особо опасен. Имеет твердую внутреннюю установку на совершение самоубийства в безвыходной ситуации. По имеющейся информации, Садовский включен в т.н. "группу исполнителей приговора" — высоко профессиональных боевиков, привлекаемых руководством террористической организации "Меч" к совершению актов "центрального террора".

Как правило, акции подобного рода планируются "Мечом" в обстановке максимальной

секретности, и исполнителя-одиночку обеспечивает группа поддержки.

С учетом вышеизложенного, при наличии улик на месте убийства т.Карнаухова, подтверждающих участие в преступлении гр. Садовского, с большой долей вероятности можно предполагать присутствие в Москве хорошо законспирированной особо опасной группы террористов, имеющей прямой выход на руководство подпольно-террористической организации "Меч".

Прошу Вашего разрешения на установление рабочего контакта со следственной бригадой,

*работающей по делу об убийстве
т.Карнаухова, в целях получения
уточняющей информации.*

"13" октября

м-р Рожухин

Резолюция:

*т. Рожухину Срочно
подготовьте план оперативных
мероприятий. На исполнение —
сутки.*

*Подготовьте материалы по
этим "исполнителям" для доклада
руководству Управления.*

Подпись: Губский П.И.

Резолюция: т. Таранову — в работу!

Копию — в дело.

т. Басову — срочно подготовить справку по организации "Меч".

Подпись: Рожухин

Ретроспектива Дмитрий Рожухин

Объектив ночного видения превращал капли дождя в фосфорные пунктирные линии. За их пульсирующей сетью стена дома смотрелась плотной матовой плоскостью. Прямоугольники окон, четкие, словно вырезанные из черного картона, отсвечивали темной

слюдой.

Дмитрий опустил бинокль. Закрыв глаза, давая им немного отдохнуть. Под веками сразу же запульсировала фосфорная рябь. Он потер веки.

– Черт, так и ослепнуть не долго, – проворчал он.

– Снайпер выцеливает цель не дольше десяти секунд, – подал голос Владислав.

Он стоял у соседнего окна. Бинокля от глаз не отрывал.

– Намек понял, – усмехнулся Дмитрий. – На “лежку” он не придет. Если не воспользовался нашим маршрутом, то глупо ждать, что он ляжет на выстрел на нашей “лежке”.

– Жаль. Изотопы пропадают зря.

Винтовка в тайнике, “лежка” снайпера на чердаке и подходы к ней были заранее густо припорошены радиоактивным порошком. Проследить и перехватить снайпера на отходе с выстрела не составляло никакого труда. Прибор из арсенала ГСБ на изотопы работал, как собака на запах.

– Не так, так эдак, но он будет в адресе.

– Оптимист, бля, – сказал, как сплюнул, Владислав.

Дмитрий сделал вид, что ничего не услышал.

– Такую наводку он не манкирует. Адрес известен, подходы

известны, расписание “объекта” известно. Кстати, Бетховен, втемяшил ему простую, как гвоздь, мысль, что удачный момент дважды не подгадать. Не сегодня, так завтра Карнаухов выползет из норы, засядет в штаб-квартире Движения, и достать его будет в сто раз сложнее.

Владисла опустил бинокль. Взгляда от дома Карнаухова не отрывал.

– Самое простое, Диман, это сейчас дать тебе винтовку и попросить нажать на курок, – ровным голосом произнес он.

Дмитрий хохотнул.

– Не, не катит. Тогда придется ликвидировать меня на отходе, а я

слишком ценный кадр.

Владислав охнул и резко вскинул бинокль. Дмитрий, спохватившись, поднес окуляры к глазам.

На фоне фосфорно-белой стены скользила черная фигура человека. Он бесстрашно скользил по канату вниз головой. За секунды он оказался напротив бойницы окна ванной комнаты. Перевернулся. Замер, уперев ноги в стену по краям окна. Притянул себя к стеклу.

— Лихо, — прокомментировал Дмитрий. — А ведь подъезды у них под охраной и видеонаблюдением. Значит, по крышам добрался. В дождь, между прочим.

Владислав сквозь зубы процедил

что-то матерное.

– Что будем делать?

– Ждать, – ответил Дмитрий.

– Когда рассветет, скажешь, чего

мы ждали, ладно?

– Шутка?

Владислав не ответил.

В комнату, тихо приоткрыв дверь, заглянула женщина.

– Мальчики, хозяин хаты в себя приходит.

– Наташа, не тупи! Вколи ему еще, пусть побалтует на халяву, – бросил, не оглядываясь, Владислав.

Ретроспектива

Юрка Садовский, по кличке

"Соловей"

Карнаухов страдал бессонницей, заработанной за долгие годы государственной службы. Убрать его ночью было самым оптимальным решением. Ни посетителей, ни свидетелей, ни экстренных выездов на службу. “Объект” гарантировано находится в адресе и был полностью беззащитен. Жил Карнаухов один. Домашних животных не держал. Горничная уходила ровно в девять вечера. В туалет ходил три раза за ночь, как по расписанию, раз в два часа.

Все получилось, как по нотам.

Карнаухов, шаркая домашними тапочками, прошел в ванную. Встал,

уперевшись руками о раковину. Тупо уставился на свое отражение в зеркале. Помял мешки под глазами. Зевнул.

В левом боку шаровой молнией взорвалась боль. Раскат грома раскололся в мозгу. Показалось, во всем мире погас свет...

* * *

Стеклорез описал правильную окружность вокруг резиновой нащепки. Стекло тихо дзинькнуло. В идеально ровное отверстие рука

прошла, не задев края. Пальцы нащупали крюк шпингалета.

Надавив ногой на нижний край рамы, Юрка открыл окно. Беззвучно впрыгнул в комнату.

Карнаухов уже затих. Лежал ничком, прижимая левую ладонь к сердцу. Сквозь пальцы обильно сочилась кровь.

Юрка зубами снял перчатку. Наклонился, приложил пальцы к дряблой шее Карнаухова. Вена на шее не пульсировала.

И тут в комнате возник какой-то посторонний звук.

Юрка моментально нырнул за ширму, закрывавшую унитаз. Снял пистолет с предохранителя, и замер.

В большой квартире царила глухая тишина. Источник тревоги находился где-то рядом.

Юрка обшарил взглядом комнату. Огромная ванная, стеклянная колонна душа, корзина для белья, массажный стол и плетенное кресло. Спрятаться негде. Разве что в шкафах, скрытых за зеркалами.

Вдруг опять повторился тот же звук, но уже громче и протяжней. Потом что-то полилось на пол.

Обмякший Карнаухов продолжал опорожнять кишечник, наполняя всю комнату зловонием. Юрка облегченно выдохнул.

Он посмотрел на посеревшее

обрюгшее лицо Карнаухова. Старик прожил непростую жизнь, умел вовремя притаиться, если пережил стольких вождей. Теперь на наливавшемся восковой тяжестью лице вся явственнее проступало выражение презрительности. С вывернутой посиневшей нижней губы свисала тягучая ниточка слюны. Юрка отвернулся.

Выключил свет в комнате. Подошел к окну. Ухватился за веревку. Дважды дернул. Не успел разжать пальцы, как веревку с силой потянули вверх.

Ретроспектива

Дмитрий Рожухин

Владислав поцокал языком.

— Видал?

— Да. Класс! — отозвался

Дмитрий. — Второй на крыше.

— Будем считать, что на подстраховке еще двое.

— Минимум. И оба со снайперскими винтовками.

— Резонно, — согласился Владислав. — Уши нам отстрелят, только сунемся к дому. Вот такая импровизация Бетховена получилась, Диман. Интересно, зачем он так рискует?

— Сейф, — коротко ответил Дмитрий.

Ретроспектива

Юрка Садовский по кличке

“Соловей”

Все три стены занимали высокие, под потолок, шкафы, до отказа забитые толстыми фолиантами. Много книг стопками были разбросаны по потертому персидскому ковру. Старик при жизни явно сдвинулся на древнем Китае: куда ни посмотри, всюду фарфоровые штучки. У дальней стены стояла оттоманка, полускрытая за ширмой. Тоже китайской. На черном фоне танцевали белые журавли.

Рабочий стол Карнаухова был министерский, фундаментальный и безбрежный, как статьи бюджета на оборону, со множеством потайных ящичков.

Юрка бегло просмотрел раскрытую папку, лежавшую напротив кресла. Тихо присвистнул. Подумав, положил ее на место.

Сейф был открыт. Юрка покопопался в его нутре, просмотренные папки и отдельные бумаги небрежно сбрасывал на пол. Ообрал одну, самую толстую. Из накладного кармашка на брючине штанов достал черный пластиковый пакет. Сунул в него папку. Приторочал к ремню.

Дело было сделано, пора было уходить.

Он откинул тяжелую гардину и беззвучно распахнул окно.

Дождь тихо барабанил по подоконнику. Где-то на Гоголевском взвизгнула и затихла сирена.

И тут...

Это не был обычный страх. И не привычное чувство опасности; к нему быстро привыкаешь и живешь с ним, главное, не перейти грань, многие срезались — одни вдавались в бесшабашность, другие зажимались, съеживались изнутри — и те, и другие рано или поздно делали ошибки и погибали. Сейчас было другое. Было явственное чувство сжимающегося

кольца.

Оно шло отовсюду: от папки, прижатой к бедру, от стен кабинета за спиной, даже привычная и столько раз спасавшая темнота за окном стала непроницаемой, как черное стекло. Она не хотела впускать в себя, укрыть своим пологом от чужих глаз, увести тайной тропкой в безопасное место, тщательно затерев за тобой следы.

Он обострившимся чутьем ощущал исходящую из темноты враждебность. Она предала его, теперь она прятала в своей черной утробе его смерть.

Когда-то Максимов натаскивал его на выработку "чувства врага".

Отдавало восточной мистикой, но результат был. Юрка научился шестым чувством, нет, самым нутром чутко улавливать приближение противника.

Макс тогда сказал: «Когда это ощущение сдавит тебя со всех сторон, назовем это "чувство кольца", знай, ты исчерпал свой лимит удачи, настала твоя очередь отдать долг убитым перед тобой. Найди в себе силы и сделай то, что ты должен сделать. Просто настал твой черед умирать, что тут поделаешь».

Юрка отстегнул от ремня короткий фал, перехлестнул через трубу батареи. Кошкой вспрыгнул на

ПОДОКОННИК, ПОСТОЯЛ,
ПРИСЛУШИВАЯСЬ, И МЯГКО
ТОЛКНУВШИСЬ, ПРЫГНУЛ В ТЕМНОТУ...

...Не дойдя несколько метров до подворотни, он замер. Впереди была смертельная опасность, он почувствовал это кожей. Еще можно было вернуться назад, чутье подсказывало, что несколько минут у него еще есть.

«Успею, – решил он. – Опять Макс был прав, черт его дери! Ладно, будет вам, гады, подарок на прощанье. Обхохочетесь!»

Он сдвинул сумку на поясе и быстро, хоронясь в тени, пошел назад по переулку.

* * *

Оперативная обстановка

*Контроль радиоэфира
частота: 441*

время: 02 часа 32 мин.

пеленг: квадрат 12-22 (9)

— "Четверка", ответь
"седьмому".

— На приеме!

— Я его потерял. Где он, видите?

— Пошел назад. Свернул за угол.

— Какого хрена он, как вошь на
волоске...

— Я — "первый". "Четвертый" и
"седьмой", а ну заткнулись, мудачье!

– " Четвертый" – "первому".

Вижу объект! Идет назад.

– *Принял. Внимание всем, начинаем. " Второй", перекрыть ему отход. Полная тишина в эфире!*

* * *

Опять та же подворотня. Юрка заставил себя сделать шаг вперед.

Как-только поровнялся с черным проемом, впереди в переулке вспыхнули фары. Ослепленный, он инстинктивно метнулся в темноту подворотни, срывая "стечкин" с

предохранителя. Рывкнул ревун, и он не услышал хлопка за спиной. В нос ударил приторно-сладкий запах.

«Газ! Ну, суки...» – Юрка хотел развернуться и дать очередь в круговую, но ноги заплелись, и он упал.

Чьи-то сильные руки вдавили тело в землю.

* * *

Оперативная обстановка

*Протокол
допроса подозреваемого*

(фрагмент)

Вопрос. Назовите себя.

Ответ. Соловей.

Вопрос. Это фамилия?

Ответ. Кличка. Этого

достаточно. Остальное узнаете сами.

Вопрос. Напоминаю, что нарушение режима само по себе является серьезным правонарушением. Не усугубляйте свою вину отказом от сотрудничества со следствием.

Ответ. Я хочу в протоколе идти под кличкой. Меня зовут – Соловей.

Вопрос. Как вы объясните свое нахождение в районе непосредственного президентского управления г. Москвы без надлежаще оформленного пропуска и в нарушение комендантского часа?

Ответ. Пришел по делам.

Вопрос. По каким делам?

Ответ. Я выполнял задание.

Вопрос. Какое задание?

Ответ. Ликвидировать Карнаухова.

Вопрос. Кто такой Карнаухов?

Ответ. Член президентского совета, функционер Движения “Родина”.

Вопрос. Если это самооговор, Соловей, то имейте в виду, что убийство государственного служащего такого ранга по регламенту мер Особого периода карается расстрелом.

Ответ. Не пугай. Запишите или запомните: я – позывной “Соловей”, привел в исполнение приговор трибунала. Карнаухов ликвидирован. Больше я ничего не скажу.

Ретроспектива

Дмитрий Рожухин

Дмитрий пнул неподвижное тело.

– Пофигу, Митяй. Спит, как сурок. И еще минут пятнадцать проваляется.

Они, почему-то окрестили его Митяем. Авторитет и право отдавать приказы признавали, но упорно именовали по-своему. Люди Владислава, всем давно за сороковник, молчуны и отличные исполнители, ему нравились своей обстоятельностью и неизвестно где и когда приобретенным профессионализмом. Работали

классно, хотя, как он знал, ни дня в "конторе" не служили.

— Проверили? — Дмитрий закурил, спрятав сигарету в кулак.

— Да. Пустой. Может, что-то мелкое не прощупали, но крупных предметов нет. Только оружие. Не хе-хе тебе, "стечкин" с глушаком. Все, как у людей.

Черный комбез боевик синул где-то по дороге, сейчас на нем была легкая ветровка, темные свитер и джинсы.

— Проверьте, может, флэшка есть, должно же быть что-нибудь. — распорядился он.

«Артель "Напрасный труд"! Не было у него времени переснимать

документы. Подстраховаться, конечно, надо, но результата не будет, я уверен».

Дмитрий отошел в сторону от оперов, присевших на корточки и в четыре руки быстро обшаривающих все швы на одежде лежащего на земле человека. Вход в подворотню сторожил Владислав.

— Что скажешь, Дима?

Рожухин досадливо поморщился.

— Одна радость, что это точно Соловей. Правда, раньше за ним самодеятельности не замечалось. Ты тоже догадался, что он что-то вынес с адреса?

— Что у Карнаухова братъ, кроме

бумаг? Папку, скорее всего, и прихватитил. Или конверт какой-нибудь. Дискета исключается, у покойника был технический кретинизм. — Владислав сплюнул. — Ясно-дело, сбросил, сука, по дороге. Что делать будем? Долго здесь оставаться нельзя. Скоро смена патрулей. Новые для согрева потопают по улицам, можем нарваться.

Владислав бросил взгляд на копошащихся оперов.

— Черт, без газа он кого-нибудь обязательно бы положил, а с газом лыка не вяжет. Хрен "момент истины" устроишь. Мить, может его на хату? Подвесим за яйца, через час

все выбьем. А утречком изымим заначку. Сейчас отрабатывать назад весь маршрут рисковно. Заныкал где-то недалеко, а вдруг какой-нибудь сюрприз?

— Нет, такой толпой, да еще с клиентом на руках... Топот и пыхтение на весь подъезд. А потом, как его расколоть без крика и звездюлей?

— А Наташа на что? У нее ширялово на все случаи жизни всегда при себе.

— Нет, спалимся. Ладно, есть идея. У тебя "ксива" с собой? — Дмитрий тайно гордился своим умением находить выход из любой ситуации. Всякий раз он за секунды

придумывал и просчитывал такие комбинации, от которых потом у других волосы вставали дыбом. Вот и сейчас он улыбнулся недоуменно покосившемуся на него Владиславу.

— Какая нужна?

— "Конторская".

— Есть. Внештатного сотрудника.

У меня. И еще одна у Петра.

— Отлично! — Дмитрий оглянулся на подворотню, где в темноте острыми кинжальчиками гуляли в темноте лучи точечных фонариков. — Как там у вас?

— Пустой.

— Заканчивайте. Сейчас

подгоним машину и будем грузить. Слушай. — Он ухватил Владислав за

рукав. – У ближайшего поста тормознем. Ты с Петром Алексеечем отволочешь клиента воякам. Они сейчас дрыхнут в БТРах и ни черта спросонья не просекут. Если что, ссылайся на приказ коменданта N 011/600. Это об оказании поддержки сотрудникам ГСБ. Попроси доставить задержанного в комендатуру Центра. Лепи, что выполнял оперативное задание и случайно наткнулся на нарушителя режима.

– А если они его потащит в свою комендатуру? Отмудохают до потери пульса...

– Ну и что? Или забьют, или он расколется. И так, и эдак мы во всем

белом. Не довезут – концы в воду, а мы – по боку. Расколется, дело автоматически уйдет в следотдел ГСБ, а у меня там все схвачено. Один фиг опознать мне придется. Тогда я его намертво со смертью Карнаухова и повяжу. Довезут живым до моей конторы, тот же расклад.

– Думаешь, выгорит?

– Должно сработать.

Владислав поскреб седой висок.

– Митя, окончательное решение за тобой... Но я предлагаю затащить его в подвал и быстро снять информацию. Что-то же он из адреса вынес.

– Ага! Первый крик – и жильцы вызовут взвод спецназа. Это же

Домен, бля!

— Так мы же аккуратно.

— Не сомневаюсь. Но спецназ аккуратно не умеет. Зальют свинцом подвал, а потом только документы на трупах проверят.

— Тебе виднее. — Владислав с сомнением покачал головой. — По мне тогда проще завалить его, как планировали. Оттащим к дому Карнаухова и завалим. С имитацией самоубийства после перелома голени. Типа выпрыгнул из окна, ножку сломал и решил живым не даваться.

— А если они прикрытие еще не сняли? Нас рядом с ним снайпер штабелем уложит!

– Понакрутили мы себе яйца, – пробормотал Владислав.

– Это не мы, это он все переиграл. Мы только приспособливаемся к обстоятельствам. Прикинь, как завтра все запрыгают, как воши на мертвой жопе. – Дмитрий криво усмехнулся. – Включая того, кто дал Соловью команду переиграть задание. Тебе разве не интересно, кто это такой умный выискался?

– Ладно, ты – за главного, тебе и рулить. – После секундного просчета ситуации ответил Владислав. – Только подстрахуй меня, пока я буду с армией общаться. Если заминка выйдет, изобрази крутого начальника

и быстро гони меня в машину.
— Договорились.

* * *

Странник

«Только не ври сам себе. Иначе можно впасть в панику и городить ошибку за ошибкой. Прими все, как есть. Уже ничего нельзя изменить. В нашем деле чудес не бывает».

Максимов неотрывно смотрел на нарисованный на стене круг. Это была последняя "контролька". Если бы Юрка вышел из Домена, круг был бы перечеркнут. Максимов в первую очередь проверил две "контрольки", которые должен был зачеркнуть сам Юрка, пройдя границу Домена у эстакады.

Эту должен был зачеркнуть

проводник, после того, как они разошлись бы с Юркой на Масловке. Больше надежд не оставалось.

Первым импульсом было позвонить проводнику домой, но это означало засветить парня. И начать метаться.

«Только не это! Будешь метаться, погубишь и себя, и людей. Это провал. Пойми, дурак, это провал! В нашем деле это почти нормально. Рано или поздно из игры выбывают. Еще никто не умер своей смертью.

Опять хитришь сам с собой! Еще немного, и найдешь оправдание всему. Как э т и, все спишешь на боевые потери.

Но ты же был рядом, ты же

почуял капкан! Зачем дал ему пойти? Будь честен, парень шел прямо в капкан. То, что ты переиграл задание, спасло д е л о, а не Юрку. Черт, как же жаль парня!

Нет, иначе и быть не могло... И ты ему это прямо сказал. Выбор он сделал сам. Тяжело на душе, но все было ч е с т н о. Просто ты затеял слишком опасную игру, и в ней погибнет не один, пока очередь дойдет до тебя. А ты так и не научился терять людей. И не научишься этому никогда.

Спокойно! Успокойся и начни думать. Что-то сорвалось. Или, наоборот, все прошло, как кто-то просчитал. Если так, Юрку попросту

отдали на заклатие, раньше, чем он сам решил рискнуть. Шансов у него просто не было. Кто-то играет по-крупному. И будь честен, играет очень хорошо.

Сейчас они должны нарезать круги вокруг тебя. Любимый финт – толкнуть на вынужденные действия и поймать на домашней заготовке. Долго ждать не придется, может быть, они уже идут по следу”.

И опять изнутри колыхнуло предчувствие беды. Оно разбудило среди ночи и не дало заснуть до утра.

Все явственнее складывалось ощущение к о л ь ц а. Медленно, тягуче и необратимо сжимающегося к о л ь ц а. Такое случалось лишь

несколько раз, Бог миловал, проносило, но все, что следовало за предчувствием, надолго врезалось в память и заставляло верить в неотвратимость связи этих тревожащих мутных волн, прокатывающихся по телу, и кровавым бредом, который Максимов так и не приучил себя считать нормальной жизнью.

Поиграем, суки, непременно поиграем! Но по моим правилам. И с выбыванием. Если Юрка не спалился на подходе, такое тоже могло быть, то “посылочку” вы уже получили. Только не подавитесь!

Прости, Юрка! Смерть...

К черту! Провал – это смерть!

Запомни и не скули!»

Он провел пальцами по стене, стирая никому не нужный круг.

На ощупь смерть была сырой и колюче-шершавой, она оставляла на пальцах белый налет. Как метку.

* * *

Оперативная обстановка

*Оперуполномоченному
комендатуры РНПУ г. Москвы
майору Нигаматьянову К.С.*

РАПОРТ

*Сегодня в 08.45 утра ко мне
обратился дворник нашего дома гр.
Целиков Н.Н., проживающий в
квартире N 2. С его слов, выйдя на
уборку в 08.00, он обратил внимание,
что на стене нашего дома у двери
подъезда ночью неизвестными
нарисован меловой круг диаметром*

до 10 см со стрелкой внутри, стрелка указывала на дверь подъезда. Гр. Целиков был уверен, что вечером этого круга не было. Закончив уборку, он внес инструмент в подъезд и обратил внимание, что аналогичный круг нарисован на двери силового шкафа. Обращаю Ваше внимание, что согласно инструкции, двери на ночь я закрываю лично, запасной ключ хранится у гр.Целикова, и попасть в подъезд в ночное время можно только вызвав его звонком.

О вышеперечисленных подозрительных признаках гр. Целиков доложил мне лично. Я решил лично убедиться и послал гр.

Целикова вниз, проинструктировав ни к чему не прикасаться и охранять место до моего прихода.

Запирая дверь своей квартиры, я услышал взрыв на первом этаже и крик гр-на Целикова.

Спустившись на первый этаж, я обнаружил гр-на Целикова лежащим на полу. Дверь силового шкафа была открыта. На полу рядом с гр-ном Целиковым лежал обугленный предмет, от которого еще шел легкий дым. Взрывом было повреждено силовое электрооборудование, отчего во всем подъезде погас свет и отключился лифт. Гр-н Целиков признаков жизни не подавал.

Мною были приняты незамедлительные меры по охране места происшествия и информированы соответствующие компетентные органы.

Докладываю, что за истекший период во вверенном мне доме нормы общежития не нарушались, антисоциальных действий не отмечалось, проживания посторонних лиц без отметки о регистрации не допускалось.

Со стороны гр-на Файдера С.И., проживающего в кв. 23, доктора ист. наук, временно не работающего, имеющего родственников за границей, продолжаются дискредитирующие

*руководство страны высказывания,
о чем я неоднократно информировал
компетентные органы.*

*Комендант дома № 12 пер. Б.
Левшинский
п/п-к запаса Еренков В.М.*

** * **

Контроль радиоэфира.

Частота мобильной связи

Запись от 13.10.99г. 09 час.

21 мин.

Абонент “А” – 789-44-12 (номер закреплен за гр. Дундуковым С.С. идентификационный №900 123643 8743 111)

Абонент “Б” – 963-36-18, АО “Корпорация “Сапсан”“.

– Владислав?

– Да.

– У нас накладка. Там какой-то идиот рванул бомбу. Понаехали “конторские”, патрули перекрыли всю улицу. Не пройти, не проехать.

– Так... Образцы у вас?

– Какие, нахрен, образцы! Наверняка уже опоздали. Я тут покрутился немного. Все равно

*делать нечего. Ребята в машине
музыку слушают. Понял?*

*— Ладно, Петро,
возвращайтесь.*

— Принял".

** * **

Срочно

секретно

т. Салину В.Н.

Силами СБ АО “Концерн

“Саспан”” произведена оперативная запись действия следственной группы на месте происшествия по известному Вам адресу. Запись произведена с использованием микрофона направленного действия. Пробелы в записи вызваны помехами от работающей на месте происшествия техники.

Стенограмма

— Уже сейчас...жешь сказать?

— Быстро, Вася, только кролики плодятся. А мы работу любим, мы ее не торопясь делаем.

— Ладно, не трепись! Что можно сказать?

— Если со столба, по первым признакам, ну, на нюх, плюс-ми... интуи... _____ ... на дурака. Запал от гранаты для детонации, пластмассовую баночку с напалмом внутрь свертка. Напалм сдетонировал, выжег все, что было в свертке. Там какие-то обрывки остались. - ...ет документы, не знаю. Короче, что-то напечатанное на машинке. Но это не ко мне.

— Работал профи?

— Вася, ты за кого меня держишь? По-твоему, профи, значит, обязательно спутниковый селеноид, радио-мина или взрывчатка со склада спецвойск?!

— Меня на...

... их не... ни
разу!

– А меня тем паче! Скажу так. То, что такую закладку мог придумать даже школьник, еще ни о чем не говорит. Закладка адекватна цели, если он заложил сверток на извлечение. Сам, или тот, кто должен был прийти за ним, никогда бы не потянул его на себя. В этом и весь фокус. Для меня профи тот, кто не делает лишних телодвижений. Можешь в рапорте так и указать.

– Спасибо, надоумил! Когда заключение подготовишь?

– Ты у меня не один. Дня три, не меньше... _____ ...

— Ну -- режешь!
_____ это мне на...

_____.

— Добейся, чтобы дело взяли на контроль. Но даже тогда без бутылки не приходи”.

Владислав

ГЛАВА ВТОРАЯ

Старые львы

Салин снял очки. От дымчатых стекол быстро уставали глаза, но за возможность прятать от других выражение глаз, смотреть куда и как хочется, можно было и заплатить легкой головной болью. Она обычно начиналась над переносицей, потом уходила к вискам, постепенно охватывая голову жестким обручем.

Хорошо ухоженными пальцами он стал массировать переносицу.

Все, что сейчас ему говорил Решетников, было правильно, умно и логично. На его месте он говорил бы так же. Был лишь один изъян. Каждый был на своем месте, и никто этого изменить не мог.

— Ситуация до конца не ясна. — Решетников крутил в коротких пальцах карандаш, время от времени постукивая им по столу. Эта дурацкая привычка всегда раздражала Салина, но за годы совместной работы он кое-как притерпелся. — Информации с гулькин нос. Кто принимает решения в такой обстановке? Двойной риск, как ни крути.

— Что ты предлагаешь, сидеть и

ждать? – Салин помассировал висок.
– Ты говори, не обращай внимания,
сейчас пройдет.

– Надо бы выждать момент,
когда он раскроется. А пока он нас
просто выманивает, хочет, чтобы мы
первыми сделали ход.

Салин сложил ладони перед
лицом, будто молился. Прикрыл
морщинистые веки. Устало произнес:

– Ты не учитываешь, что теперь
все надо рассматривать сквозь
призму смерти Карнаухова.
Дальнейшие шаги Старостина легко
просчитываются. Если он, нажав на
Первого, устраивает Карнаухову
похороны по высшему разряду и
созывает на них всех своих

региональных бонз, то только глупый не воспользуется шансом, глядя всем в глаза, сам знаешь, как это важно, протолкнуть важное для себя решение. Это и будет сигналом для нас.

— А если старика тихо, по-семейному, в землю бросят, то, выходит, крутил нам яйца?

— Можно считать и так. — Салин невольно поморщился от выражения Решетникова. — Или Карнаухов был ложным каналом, или Старостин действительно работал через него, но заложил другие сроки, а мы просчитались. Что гадать, время покажет. Но смерть Карнаухова его хорошенько подставила, ты не

находишь? У меня такое ощущение, что он запаниковал.

Решетников шумно выдохнул.

– Хрен его знает! Вроде, не тот мужик, чтобы паниковать. Но дернулся, это точно.

– Вот это меня и радует, дорогой! Он д е р н у л с я, ты правильно сказал. И сразу же сделал ошибку, отдав нам право первого хода. Только так я оцениваю его приглашение на приватную встречу. Кстати, навел справки, что за адрес?

– Само собой. В квартире проживает некая молодая особа. Как-то связана то ли с оперой, то ли с балетом, Владислав уточняет. – В глазах Решетникова мелькнул

лукавый огонек. – Официально по линии безопасности «Движения» числиться содержательницей конспиративной квартиры. По неофициальным данным, хозяйка содержится Старостинным.

– Очень добрый знак. – Салин положил вялую ладонь на лоб, козырьком прикрыв глаза от яркого света. – Личная встреча в интимном гнездышке. Он явно дает понять, что разговор будет неофициальный. Как раньше выражались – “без галстуков”.

– Ага, и без трусов! – вставил Решетников

Салин поморщился и из-под ладони взглянул на Решетникова.

– Павел Степанович! Обзвонил бы лучше наших. Мне интересно, что и кто скажет.

– Уже обзвонил! – Решетников добродушно хохотнул, от чего тугой живот угрожающе натянул ремень. – Что там кота за одно место тянуть, счет на секунды пошел!

– И? – Салин весь напрягся. – «Паразит, вечно мужиком-дурачком прикидывается. Век терплю, а все не привыкну!»

Второй слабостью Решетникова, кроме нудного постукивания карандашом, была страсть к театральным эффектам. Свои репризы он разыгрывал с самозабвением провинциального

актера. Салин с трудом приучил себя терпеть и эту слабость друга и многолетнего напарника.

Но сейчас он еле сдерживался, наблюдая, как тот с глубокомысленным видом прошелся к окну, забавно выворачивая ступни, и замер, запустив большие пальцы под ремень. Пауза, на его взгляд получилась достаточная, он пристально посмотрел на Салина, стараясь придать лицу должное выражение.

— Во-первых, все желали бы лицезреть того умника, кто так подставил Старостина, ухлопав старую жабу Карнаухова. Предлагают молодца шлепнуть, а потом объявить

народным героем. Или наоборот. Объявить героем и ликвидировать. Нам сейчас великомученники очень нужны.

— А если без шуток?

— А без шуток... Все за объявление полной готовности. Общее мнение, что он спекся. Считают, лучшего момента для перехвата инициативы не будет. Без Карнаухова китайская линия Старостина прикажет долго жить. Даже если Старостин дублировал канал, то проблем не избежать. Лично Карнаухова заменить нечем, он же чуть ли не с самим Мао водку пил. Китайцы ему доверяли, новое лицо в деле их очень насторожит.

Пока пообвыкнуться и перепроверят, пройдет месяц-другой. Короче, надо ловить момент.

«Вот оно как! Независимо от результатов встречи. Получается, решили, что Старостин проиграл. А он еще силен. Может д е р н у т ь с я так, что все кровью умоемся. Он не отдает нам ход, а делает рокировку — теряет темп с приобретением качества. А меня толкают на контакт с ним. Зачем? Сейчас узнаем».

— Когда?

Решетников хохотнул, дрогнув животиком.

— А когда на Руси к чему-то были готовы?! Карнаухов так неожиданно помер, что все планы к

черту летят. — Он стал серьезным и собранным. — По итогам встречи и дадим отмашку.

— Тогда и думать не о чем, надо идти.

— Лично я считаю, что можно и похерить, — обронил Решетников, отворачиваясь к окну.

— Будь добр, поясни.

Решетников покачался с пятки на носок, растягивая паузу.

— А о чем с ним переговариваться? Старостин напоминает мне раннего Ельцина. Глупо рассчитывать, что он поднимет лапки вверх. Скорее, набычится и попрет буром. Ты же его знаешь... Поточит об тебя зубы, попробует

снять информашку, вот и весь результат. Смысл встречи – пробить, кто заказал Карнаухова, это же очевидно. Никакого конструктива не предвидется. Оно нам надо, зря время терять и м а з а т ь с я прямым контактом?

Салин расслабленно откинулся в кресле. Всем видом демонстрировал полное спокойствие. Знал, ушлый Решетников сейчас боковым зрением следит за каждым его движением. Малейшего признака неуверенности, а еще хуже – паники, будет достаточно, чтобы с в о и через полчаса получили сигнал тревоги. А что бывает с вышедшим из доверия Салин знал отлично. Сам не раз

собственноручно переломал не один дрогнувший хребет.

«Вот оно! Интересно, интересно... Проверяют, черти! Правильно, сейчас самый опасный момент, когда никто никому не доверяет, еще не все сделали ставки, а некоторые уже смотрят в кусты. А главное, еще есть время перезаклучить любые договоры. Вот уж возня идет, могу себе представить! И в такой момент меня подставляют на контакт со Старостиним, да еще пытаются заглянуть мне в карты. Не выйдет! А что это ты, дорогой, там выстроился? Там, что, лучше слышно? Глупый, от меня ответа ждут, не от тебя!»

— Я все взвесил. — Салин заговорил профессионально размеренно, тщательно выбирая слова. В его кругах ценили не только поступок, но и слово. Верно и в нужный момент произнесенное. — Отказ не логичен. Это его насторожит. Разговор может быть информативен. Считаю, на заключительном этапе нам крайне нужна дополнительная информация. За неделю на ее основе успеем внести необходимые коррективы. Старостин политик опытный, не захочет сдать информацию, не сдаст. Но даже сам факт встречи можно и должно обыграть в нашу пользу. Риск есть, но сейчас рискуют все. Я решил

принять его предложение.

Он надел на нос очки, спрятав от Решетникова затаившуюся в глазах улыбку.

* * *

Оперативная обстановка

Стенограмма

выступления лидера движения

"Родина" И.И. Старостина

*на Третьем съезде молодежных
дружин "Молодые львы".*

г. Н. Новгород 19 августа

«Будущее России в наших руках? Нет, оно принадлежит не нам! Мы сделали свое дело, пора уступить дорогу молодым.

Посмотрите на нашу молодежь! Им, прошедшим тяжелую школу, отдавшим лучшие годы Движению, познавшим горечь потерь боевых товарищей и радость общей победы, им принадлежит будущее! Россия верит вам, молодые львы! Ваша отвага, железная дисциплина и верность долгу – залог процветания нашей Отчизны!

Наше Движение сплотило лучших из лучших, душой болеющих

за святую Россию. В этом была наша сила. В этом был залог победы! (Апплодисменты.)

И мы победили! Движение оказалось единственной силой способной остановить развал, раздавить гниду коррупции, пустить гнилую кровь организованной преступности. Теперь не осталось желающих грабить и насиловать нашу Родину. Народ русский долготерпив, но страшен гнев народа. Мы сумели направить стихию народной мести против истинных виновников кровавого беспредела и хаоса. Думаю, мы хорошенько почистили это сучье племя! Мы вытравили из генофонда

нации дьявольское семя иуд, каинов и фарисеев. Тело России уже не точат кровавые гнойники уголовщины и казнокрадства. Израненное и истощавшее, оно уже дышит жизнью. Россия очередной раз выжила! Назло врагам, на зло завистникам, назло разномастной сволочи, что привыкла делать доллары на муках и горе русского народа. Выстояла и победила! Стояла Россия-матушка и стоять будет!

(Аплодисменты в зале. Крики "Виват, Россия!")

Кто мы, взвалившие на себя бремя народной борьбы за будущее России? Кто дал нам право? Никто!

Никто не вправе дать или отнять у меня право любить и защищать свою родину. Никто не вправе учить меня, как мне жить и служить своей родине! Есть только я, Родина и Бог. Если дела мои угодны Богу, цветет моя Родина. Если я отклонился от пути истинного, Господь карает, посылая страдания моей Родине. А у какого истинного патриота не зайдетса от боли сердце, если страдает Родина?

Поэтому, я говорю вам, пока с нами Бог, пока наши сердца отданы России, нет и не может быть для нас преград. Нет таких врагов, которых мы не разбили бы наголову во славу России! (Аплодисменты.

Крики с мест "С нами Бог и Россия!")

Сказано, "время войне и время миру". Наш бой еще не окончен. Но настала пора вернуть мир на нашу землю. Потомки не простят нам, если мы уйдем, почив на лаврах победителей, оставив им поруганную и опаленную русскую землю. Нет, земля русская испокон веков рожала и рожать будет самое лучшее, что способно родиться в этом грешном мире. Лучший хлеб, лучшие леса, самые могучие реки. И лучших детей. Сыновья и дочери России, настала пора отстраивать и обживать нашу землю!

В народе говорят, ломать — не

строить. Но разве мы ломали? Разве мы покорежили, продали и испоганили то, что поколения русских людей собирало по крупицам? Не мы осквернили и разорили наш дом. Не мы! Но кому, как не нам, его восстанавливать?! В этом теперь наша задача. В этом наш подвиг во славу России.

Идите в народ. Народ русский велик вековой мудростью. Слушайте его, как слушаете свое сердце. Живите его чаяньями. Встаньте рядом с теми, кто пашет и жнет, кто плавит металл и добывает уголек, кто учит наших детей и выхаживает страждущих. Встаньте рядом с теми, кто

скромным ежедневным трудом
умножает славу и силу России!
Работы хватит на всех. Везде
нужны ваш молодой задор и
верность делу, как в годы кровавого
хаоса потребовались ваш верный
глаз и твердая рука.

Пусть кто-то успел унести
ноги, сбежал поближе к
награбленному. Господь и народ еще
покарают их. Пусть кто-то
кривится, глядя вслед вашим
колонам, в марше проходящим по
улицам. Россия для них лишь место
жительства. Господь уже наказал
их, лишив великого дара любви к
родине.

Вы — другие. Вы избраны для

великого дела служения Родине.

С вами благодать Господня и крест веры Его! К вам обращены мольбы и надежды народа русского.

Помните девиз нашего Движения: "Родина – это судьба"! С этим девизом вы боролись и побеждали, с ним вам и возродить Россию!

Ваша судьба – Россия! Будущее России – в ваших руках!

Родина – это судьба!

(Шквал аплодисментов. Крики "Родина – это судьба!", "С нами Бог, Россия – с нами!")

Старые львы

Потолок был девственно чист. А ведь где-то там должен быть микрофон. Не зря же Решетников маячил именно здесь, на самом краю ковра.

«Я не паникую, я просто проверяю версию. Решили "дать понюхать микрофон", паразиты? Может быть, может быть. Во всяком случае, объяснимо. Не стоит из-за такой ерунды портить себе нервы», — подумал Салин.

Он с удовольствием смахнул с носа очки. Если не считать возможности прятать взгляд и

необходимой по статусу
респектабельности, от них было
мало толка. Даже наоборот, от
тяжелой роговой оправы, будь
проклят тот, кто опять ввел эту моду,
к середине дня тяжестью наливалась
переносица, от темных стекол
ломило глаза, но приходилось
терпеть.

Кто-кто, а Салин знал цену
имиджу, великому умению быть
своим и тонко чувствовать
дистанцию, не накапливать ошибок
по мелочам, а тем паче не давать себя
провести по-крупному. Сколько раз
он становился свидетелем падения
человека, лишь на миг позволившего
себе стать смешным.

Как умный человек, он отдавал себе отчет, что карьера в его среде — субстанция метафизическая, неповторимая и невозстановимая. Играя на симпатиях и отвращении, успевая пригнуть голову, когда сшибались *большие*, успевая сделать ставки, когда неожиданно шли в рост *мальнькие*, успевая отскочить, когда летели вниз зарвавшиеся, он упорно шел, карабкался, перескакивал через ступени, но все время — вверх, только вверх, иначе, все теряло смысл, а век человеческий все еще “три по двадцать и десять лет”, и какая потом разница, где тебя после всего бросят в землю — на Новодевичьем или у Стены, или, как безродного,

ночью — в овраг, да известкой сверху
посыпят.

А раз так, надо стараться быть
наездником, сжимающим узду,
погонщиком, не жалеющим кнута,
ведущим, тянущим за собой
безропотного ведомого, только это
дает смысл в бессмысленном
кружении к последней точке, за
которой лишь огонь крематория и
нелепая фарфоровая посуда,
брошенная в яму.

Только Власть способна
выделить тебя из безликой массы
смертных, лишь Ей одной
позволенно превратить тебя в
бессмертного, заставив всех: и
близких, и врагов идти за твоим

гробом, преклоняясь не перед тобой, а перед неведомой частичкой Ее, что на злобу и зависть живым, последний раз подчинив других своей воли, уносишь в могилу.

«Господа-товарищи, ваши мотивы мне понятны. Даже не мотивы, а мотив. Один он у нас на всех. Лежит на самой поверхности, и только по недоумию или из пошлого политеса, словно на банкете начальник сверкает расстегнутой ширинкой, а все глаза отводят, никто не посмеет сказать об этом вслух”.

Он прошелся по кабинету. Мягкий ковер гасил звук шагов. Встал у большого окна. Стекла давно заменили на пуленепробиваемые, ни

один звук не проникал в огромный кабинет. Решетников со свойственным ему юмором прораба северной стройки, в первый же день щелкнул ногтем по стеклу и авторитетно произнес: «Во! Как в дурдоме имени Кащенко, только щами за обедом еще не умываемся. Но если так пойдет, то скоро будем!»

Внизу мок смертельно больной город. Шпили остоверхих небоскребов резали низкие, сочащиеся дождем тучи.

Отсюда, с высоты Воробьевых гор, были отчетливо видны грязно-черные проплешины среди плотной поросли крыш. Остывшие пожарища, которые еще не успели застроить

сборно-блочными времянками. В череде домов, вытянувшихся вдоль магистралей, как в стариковской челюсти, зияли прорехи. Рухнувшие дома. Сами собой, без особых причин.

«Вот он – наш общий мотив!»

Салин отчетливо помнил, как все началось.

Политики еще делали державные лица, а ведущие на ТВ еще блудливо улыбались, заканчивая сводки с места очередного стихийного бедствия: «Принимаются все необходимые меры. Будем надеяться, все будет хорошо».

Смерч в Самаре. Полностью обесточенный город, до первых

этажей залитый волжской водой, принесенной смерчем.

Мурманск — шквал силой до десяти баллов. Десять минут стихии — и город раскатало, как после бомбежки. В Северодвинске шторм и ураган разрушил то, что еще осталось после конверсии от знаменитых «Звездочки» и «Севмаша». В Оленьей губе разбило о пирсы и затопило подлодки, не успевшие выйти в море.

Селевые потоки в Дагестане. И следом — снег в полтора метра. Тысячи замерзающих, отрезанных от помощи. Колонны МЧС не в состоянии пробиться через снежные заносы.

Пока бились со снегом, по неизвестной причине полыхнула тайга под Красноярском. Да так, что город накрыло удушливым, непроглядным смогом. Самолеты садились вслепую, как в густое молоко. Бортов МЧС не хватило, людей эвакуировали авиацией Сибирского военного округа.

Массовая психическая эпидемия в районе Екатеринбурга. Многочисленные «сердловски-21», как по команде разнесли рабочие зоны и захватили здания администрации. Самое странное, что побегов не было, лютовали и буйствовали за колючей проволокой. Но угроза нашествия зэков на

мирные горда была велика. На умирение зон бросили все имеющиеся в наличие силы. Первую атаку спецназа ГУИН зеки отбили. Пришел приказ действовать максимально жестки и за два дня взять ситуацию под контроль. Зоны “зачистили” швальным огнем вертолетов.

Только когда уже не было возможности врать, что “принимаются меры”, на “меры” уже не хватало сил и средств, в Кремле сели думать. Думали в основном, как избежать массовой паники. Государственные думы были прерваны дипломатической депешей – Япония потребовала объяснений по

поводу инцидента на базе Тихоокеанского флота.

На четырех из шести атомных подлодок, стоящих на приколе и ожидающих очереди на демонтаж реакторов, произошло самовозгорание. Сборный экипаж из десятка матросов и лейтенанта, чья служба заключалась в удержании на плаву этого атомного металлалома, сражался с огнем до последнего. Но лодки все равно затонули прямо у стенки. Японцы дипломатично интересовались, ждать им новой Хиросимы или все ограничиться русским Чернобылем. Наши сняли командующего Тихоокеанского флота и заверили, что ситуация под

контролем.

Как назло именно в это время взлетел на воздух цех на алюминиевом комбинате. Облако ветром погнало в Китай. Наши заявили, что предпринимаются все необходимые меры. В ответ пятимиллионная армия узкоглазых солдат была поднята в ружье. Якобы для обеспечения эвакуации населения из попавших под облако приграничных районов. Пекин запустил в дипломатический обиход термин «экологическая агрессия». Москва византийски усмехнулась и сделала вид, что поигрывает атрфированными имперскими мускулами. Президент США

попросил Китай не пороть горячку и сесть за стол переговоров. Германия, сидящая на русском газе, поддержала Москву, а Париж занял «особую позицию» в конфликте.

Была надежда, что все закончится дипломатическим бриджем с шулерским обменом картами под столом.

Но ничего не вышло. Потому что привычного мира ничего не осталось. За считанные месяцы мир превратился в хаос.

Сами собой закорачивались электросхемы, магнитные бури блокировали связь на всех частотах, грунтовые воды сами собой поднимались на поверхность. Ветры

превратились в ураганы, реки рвались из русел, а по морям прошли волны цунами. В Альпах и Татрах трижды ударили семибалльные землетресения. Мелкие сейсмические возмущения лихорадили Крым и Балканы. Повсеместно рухнула энергетическая система. Стало холодно, голодно и страшно...

Досталось практически всем. Когда все немного улеглось, и ООН подвела первый подсчет потерь, выяснилось, что меньше всего пострадали Африка и Россия. В Африке просто нечего было разрушать, а в России все загодя порушили в перестройку. Кто-то

даже запустил глумливую шуточку, что нищета спасает от крупных неприятностей.

А потом грянула такая зима, что шутки замерзли на губах. Когда стоял снег, серый от осевшей с небес сажи, обнаружили, что страна провалилась в полное Безвременье.

Россия и в лучшие-то годы представляла собой хронологический винегрет, где век семнадцатый спокойно соседствовал с двадцатым, а медвежьих углах ворочался век пятнадцатый. А после Катастрофы образовалась такая временная чересполосица, что стало жутко. Очень скоро выяснилось, что и в головах царит такая же катавасия.

Поэтому не надо удивляться, что Власть врезала кулаком по столу, и по стране прокатилась Первая волна.

Салин помял занывший от боли висок. Здоровье стало ни к черту. Хоть и всю жизнь принадлежал к меньшинству, имевших доступ к лучшему медобслуживанию и самым качественным продуктам, но после Катастрофы стал резко сдавать.

«Я просто устал, – сказал он сам себе. – Смертельно устал».

Он машинально раскрыл папку. Достал листок шифрограммы.

Пробежал взглядом по строчкам.

Оперативная обстановка

*Весьма срочно
Особой важности
т. Салину В.Н.
личным шифром*

Мне удалось убедить "наших друзей", что инициативный выход на контакт с ними представителя г-на Карнаухова был спланированной провокацией. Я высказал недоумение, почему столь грубый ход г-на Старостина мог их встревожить.

По инициативе г-на Арнольда Ганнера я был ознакомлен с документами о контактах

финансового представителя
"Движения" г-на Артемьева с
Фридрихом Эггеном и Клаусом
Майером. Они оба подозреваются в
причастности к т.н. "Черному
Интренационалу" и находятся под
плотным наблюдением спецслужбы
финансовой группы "наших друзей".
В политических кругах Запада
"Движение" позиционированно как
крайне националистическое, с
явными тенденциями к откровенному
фашизму, контакты с ним
возможны только по линии
политически маргинальных
организаций типа "Черного
Интернационала". Естественно,
что инициатива Карнаухова по

выходу на контакт с финансовой группой г-на Ганнера была расценена как неприкрытый вызов.

С учетом известных Вам тенденций, а их динамика, по мнению, наших партнеров признана угрожающей, было решено ускорить переговоры по известной Вам проблеме. Очередная встреча состоится сегодня в полдень по местному времени. О результатах доложу немедленно.

"Авель"

* * *

«Нет, я был абсолютно прав. Иного выхода не было», – подумал Салин.

Ретроспектива

Старые львы

В кабинет без стука вошел Решетников. Увидев в руках Салина свежий номер «Движения» с интервью Старостина, хохотнул:

— Изучаешь? Во-во. Ты еще законспектируй для партучебы. Зачет будем сдавать по краткому курсу «старостизма».

— Ты сам читал?

— А то! — Решетников, как всегда основательно уселся в кресло, сложил руки на животике. — Но у меня для тебя анекдотец свежий припасен. Вернее, притча. Хохма, если на идиш.

Салин отложил газету.

— Я весь в внимании.

Решетников закатил глаза к потолку, собрался с мыслями и начал:

— Случилось это в маленькой городишке. Допустим, во Франции. Один нашенский турист добрался до одного скромного домика на окраине того городишки. Постучал в ворота. «Прошу аудиенции у хозяина. Имею до него дело, муьонов на сто». Во как! — Решетников прищутив один глаз, хитро посмотрел на Салина. — Дурачину вежливо попросили нафиг. Он на другой день заявился. Ему опять — от ворот поворот. Так он, шельма эдакая, и в третий раз

заявился. Короче, надоел.

— Очень интересно.

Решетников неожиданно хищно сверкнул глазами.

— Дурачина в полных непонятках пошел к себе в отель, на постоянный двор, значит. А там по народной традиции с тоски бутылочку принял, сверху снотворным залил, а среди ночи дернул его черт полезть окно закрывать. Или открывать, я уж не помню. Да и выпал! И разбил свою дурью башку о заморскую мостовую. Вот такая история. Не догадываетесь, как того почтенного горожанина звали?

— Арнольд Ганнер. — У Салина похолодело внутри.

– Верно. Личность нам с тобой известная. И как к нему следует на прием попадать, нам с тобой известно. А дурак... Что с дурака взять?

Салин нервно забарабанил пальцами по столу, подгоняя Решетникова. Войдя в роль, тот мог тянуть театральную паузу до бесконечности.

– Чтобы вы не мучался, подскажу: гонец бестолковый был от Карнаухова.

Пальцы Салина нервно дрогнули.

– Источники надежны?

– До сего дня не подводили. Да я уже справки навел. Не каждый же

день у них из окон русские вылетают. А в Москве запросил, вернулся ли из командировки некто Харитонов. Какая-то мелкая сошка в Движении. Но ходил лично под Карнауховым.

— Если подтвердится...

— Уже пора привыкнуть, в первую очередь подтверждаются самые худшие опасения. — Решетников сбросил маску и стал самим собой, жестким и властным мужиком. — Что будем делать? Карнаухов явно выжил из ума.

Салин помедлил с ответом.

— Надо все взвесить. Слишком крупная фигура, слишком близок к Старостину.

— “Если всемирная история нас

чему-то учит, так только тому, что убить можно любого”. Как изволил выразиться “Крестный отец” дон Карлеоне.

Решетников славился способностью подбирать цитаты к любому случаю.

– Нашел с кем сравнивать! – Салин поморщился.

– Чем мы хуже? Они нам ясно дали понять, как следует поступить с хозяином гонца. Распустим нюни, выйдем из доверия.

Салин отложил очки “для чтения”, достал из футляра элегантные “Сваровски” с дымчатыми стеклами. Водрузил на нос.

– Надо все взвесить.

Старые львы

Салин отодвинул по дальше от себя папку.

«Карнаухов пересек черту дозволенного. По личной инициативе, по наущению или по прямому заданию, не суть важно. Это, в конце концов, детали. Он точно знал, просто не мог не знать, что так близко, а главное — нагло посягать на н а ш е нельзя.

И никто не смеет меня упрекнуть! Никто! Тем более, что решение было принято коллегиально. Я лишь выполнял коллективное

решение. Да и то... Я же не отдавал прямого приказа! Я лишь обсудил с Дмитрием Рожухиным в е р о я т н о с т ь внезапной смерти Карнаухова и ее вероятные политические последствия. Ничего более!

Операция была целиком и полностью его инициативой. Он все делал на свой страх и риск. Как всегда, между прочим. Ему и нести ответственность за последствия».

Салин, охнув, помассировал грудину. Там, слева, где сердце, все чаще и чаще возникала странная ломота.

«Ладно, не ври себе. Ты просто испугался. У нас один на всех мотив — страх. Страх проиграть, страх

не успеть занять место в бункере, страх не дожить до того дня, когда можно будет выбраться на поверхность и вновь увидеть солнце.

А Дмитрий? Он — пешка в Большой игре. Старается выбраться в ферзи. Но... Кто ему сказал, глупышу, что в этой партии не жертвуют проходной пешкой?»

Преторианцы

Дмитрий остановившимся взглядом следил, как танцует, дрожит, пульсирует, меняет форму

жирное пятнышко на лацкане поношенного пиджака Седого.

Тело обволакивала зыбкая пустота, ноги стали предательски ватными, в голове крутилась какая-то бессмысленная мелодия. Так часто бывало на ринге, после хорошего удара. Он по опыту знал, что надо собраться, иначе сладкая волна окончательно растопит волю, станет все равно, пьяно-бестолково, останется только смотреть, как медленно, неестественно медленно, наплывает черное пятно перчатки. А потом резкий толчок тупой болью взрывает вязкую пустоту в голове, и ты начинаешь парить, скользя невесомым телом в полной темноте,

с наслаждением ощущая, как угасает сознание.

Дмитрий сжал кулаки, с удовольствием почувствовал, как пошла вверх к плечам пружинистая волна. В голове сразу прояснилось, как-будто вынырнул из глубины, в глазах исчезла зыбкая пелена.

— Повтори, только без бубнежа. — Он попытался выиграть время, хотя и так все было ясно.

Седой нервно облизнул губы и прошептал:

— Понял, шеф! Последние новости. У соседей все лезут на потолок. С утра пораньше рванула "закладка" в Большом Левшинском. Дворника убило нафиг.

– Тоже мне теракт, – презрительно скривил губы Дмитрий. – Копать уже начали?

– Начальство еще мозгует. Соль в том, что кто-то ночью оборудовал там тайник.

– Так сразу и узнали? – усомнился Дмитрий.

– Остались клочки бумаги. Шиш да маленько, остальное выгорело, но плясать есть от чего.

– Ну и хрен с ними, пусть пляшут. Нам это пофигу.

– Я что думаю, это же рядом с домом Карнаухова.

– Ага, рядом! В другом конце соседней улицы. Прямо под окнами, можно сказать! – Дмитрий уже

окончательно пришел в себя. – Не притягивай за уши, Седой. Инициативу я ценю, но разумную.

– Тут, если покопать...

– Утомил ты меня, Седой! Вот пусть губошлепы Данилина и копаются! А нам свою работу делать некогда. – Дмитрий рывком встал на ноги. – Народ к выезду готов?

– Копаются еще, – неуверенно ответил Седой.

– Они там копаются, а ты здесь топчешься! Две минуты на сборы – время пошло! – по-армейски рывкнул Дмитрий.

Он достал из стола пистолет, сунул в кобуру.

Седой мелкими шажками

устремился к дверям.

— За сплетню спасибо. Шефа всегда нужно держать в курсе, — сбавив обороты бросил ему в след Дмитрий.

Седой ответил слабой улыбочкой. Вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В "конторе" теперь погоду делали молодые, состоявшиеся на Первой волне репрессий, когда потребовалось пролить кровь. И они пролили ее, вкусив вседозволенность и власть над слабым, дрожащим человеческим существом. У них не было идей, как у дедов и прадедов, они не страдали от комплексов отпрессованных гласностью и

реформами оперов КГБ.

Ветераны “крышевания”, мастера заказных “наездов” и идеологи перераспределения собственности, как тараканы обжившие пирамиду власти накануне Катастрофы, оказались полными импотентами, когда настало время действовать. От первого же удара безумной пугачевщины, полыхнувшей в очумевшей стране, с их лиц слетела вся сусальная позолота державности.

Оказалось, что под ней всего лишь серая нездоровая кожа на смерть перепуганных бюрократиков среднего звена. Масштаб событий был явно выше их

профессионально узколобого мышления, и их смела и растоптала лавина хищных, голодных и жадных до жизни молодых волков.

Молодежь, раз вкусив кровь, своей беспощадностью и беспринципность стала нужнее режиму. И старики, не нашедшие в себе силы ни отказаться, ни с энтузиазмом выполнить кровавый приказ, со всем своим опытом и комплексами превратились в жалких подмастерьев.

Седой откровенно боялся своего начальника, намного младше его, но действовавшего с невероятной коварностью и беспощадностью. Комбинации Дмитрия, красиво

выстроенные, как шахматный этюд, подкупали широтой и смелостью замысла. Но он с легкостью сметал с доски свои и чужие фигуры, не сознавая, что это живые люди. Седой знал, в Дмитриевой игре он такая же фигурка, пожертвовать которой пока не сочли нужным.

И самое важное. У Дмитрия был человек т а м. Где все решалось, где отдельная человеческая жизнь никогда не принималась в расчет. Это был не блат, нет, за этим стоял чейто интерес. Дмитрий был включен в и г р у, на каких правах, Седой не знал.

Иногда вечерами, листая дела, Седой изощренным чутьем

профессионала находил узелки в рутинном течении дел, которые, сплетаясь в замысловатую сеть, на все сто говорили, что не все так просто, что кто-то и г р а е т, играет по-крупному. Все они против воли были втянуты в эту игру.

Седой кожей ощущал опасность, но знал, уже не вырваться, не отскочить. Машина, которой он служил, такого не прощала, налетит всей громадиной, сомнет, искорежит, выплюнет окровавленный ком. Эта машина способна только давить и убивать. Он был слишком близок к ней, чтобы рано или поздно не быть засосанным в ее адское чрево.

Когда становилось особенно

невыносимо, он напивался. Тихо и жутко. До бреда и мучительной рвоты. В такие вечера жена пряталась с детьми в дальней комнате, с ужасом слушая, как он бубнит сам с собой на кухне.

А ему было хорошо. В бредовом видении к нему приходил лучший друг Пашка Казарин. Сидел молча, с улыбкой покручивая налитую для него стопку...

Пашка сумел, нашел в себе силы... Когда все только началось, когда сновали по коридорам, галдели в курилках, никто еще не хотел верить, что н а ч а л о с ь и отступать некуда, его нашли в кабинете с простреленным сердцем. Пашка

успел отскочить. Он всегда был честным...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Странник

Рынок всегда вызывал у Максимова смешанное чувство брезгливости и удивления. Стоило внимательнее присмотреться, как тягуче, тысячу раз прицняясь, расставались с деньгами покупатели, как презрительно-небрежно и в то же время профессионально-цепко продавцы выхватывали засаленные бумажки красными от холода пальцами, и уже не радовали глаз краски осеннего базара. Из самого древнего и полезного из человеческих установлений рынок

превратился в подмошки, где изо дня в день давали траги-фарс "Борьба двуногих за существование".

Все кричаще-яркое, праздничное, под серым небом, в вечной грязи, среди зловонных куч мусора в этом обреченном городе казалось неестественным и отталкивающим, как старуха, наруганная и раскрашенная в последнем приступе старческого безумия.

От ворот тянулся строй бабок, безнадежно мокнувших под дождем вместе с ворохом ношенного тряпья, пачек старых журналов и прочей дребедени.

Старик, закутавшийся в плащ-

палатку, как капучин, наруж торчал лишь нос, в крупных черных угревых точках, торговал разномастными значками: гербы городов СССР, знаки Советской армии, мишки Московской олимпиады, самоделки с “Борис, борись!” и “Партия, дай порулить”, юбилейные бляхи краткого века российской державности. Шрапнельные осколками старых времен.

Старики еще хорошо помнили те времена. Считали ли они их добрыми? Жалкие отбросы времени, выброшенные на обочину жизни вместе со своим тряпьем, что они познали о ней, что оставили детям, что унесут с собой в могилу. открыли

в себе, что унесут в могилу, кроме изношенных тел?

Может, была яркая вспышка любви, может, познали опьяняющий миг подвига, может, снизошло на них хоть раз божественное озарение. Или, судьбой на всю жизнь обреченные быть подопытными животными многолетнего сатанинского эксперимента, когда режут и жгут по живому, безропотно тянули лямку, до последней капли — чтобы детям, дай бог, не досталось! — пили из чаши страданий, не ведая, что бездонна она, и пить еще до смерти и внукам, и правнукам их?

В первом же ряду Максимов не удержался, очень уж раздражил

запах, и купил пакет квашеной капусты. Зачерпнул горсть из пакета, сунул в рот и блаженно прищурился. Бабка смотрела, как он уписывает хрустящую, источающую непередаваемый аромат пряностей, капусту, ласковыми выцветшими глазками.

— А у меня к капусте кое-что есть. Не желаешь?

— Смотря, что?

— Беленькая. Заводского разлива.

— И почему? — Максимов прикинул в уме, что водкой, действительно, не мешало запастись.

— А как у всех. Нам чужого не надо. Будешь брать? Товар хороший, чистый. Тебе в самый раз, вон

замаянный какой!

Максимов огляделся, стряхнул с пальцев прилипшие ниточки капусты и полез в карман. Он заранее рассовал деньги по разным карманам, светить пачкой при нынешних нравах было небезопасно. Бабка могла быть передовым дозором кормящейся с рынка "братвы"; сверкни он сейчас на радостях толстой пачкой, наведет за процент — “нам чужого не надо” — и проломленный череп ему гарантирован.

— Давай, мать! Угадала, душа с вечера болит.

— Я и смотрю, глаза болючие.

Он быстро сунул деньги, бабка

так же быстро их пересчитала и сунула под передник.

Пробка сидела плотно, жидкость в бутылке отливала, как керосин, не вода — и слава богу, а выдержит ли утром башка, тут уж дело привычки или здоровья. И то, и другое у Максимова было. Он сунул бутылку в карман и пошел дальше.

Стараясь держаться небольших очередей, покупая понемногу, чересчур заметный покупатель, на местном жаргоне "купец", мог привлечь к себе нездоровое внимание, он медленно приближался приближался к самой опасной точке своего маршрута.

Напряжение внутри стало

неуклонно нарастать.

Предстояло совершить ново-
русский бартер: патроны – консервы.
Махнутья смертью на жизнь. С
риском для жизни.

У туалета, за версту
отшибающего у всего живого аппетит
запахом разлагающихся нечистот, с
независимым видом, кучками и
врозь, стояли молодые парни и
мужики постарше.

Максимов выбрал подходящего,
лет пятидесяти, в таком деле важна
солидность, и, согласно ритуалу,
попросил прикурить. Мужик сунул
левую руку, правая что-то грела в
кармане, внутрь офицерского
десантного бушлата и вытащил

коробок спичек.

– Интересуешься или торгуешь?

– спросил мужик.

"Пятачок" демонстративно не обращал на них никакого внимания, нездоровая конкуренция в их деле до добра не доводила.

– Торгую, – выдохнул вместе с дымом Максимов.

– Уже легче. И чем вы, гости, торг ведете? "Маслята" или что?

– "Гвозди". – Расшифровывалось просто: "Патроны к ПМ? Нет, к АК".

Оружия на руках было много, а патроны в великом дефиците. Любая уважающая себя банда должна была время от времени устраивать налеты на склады или разоружать патрули,

иначе не выдерживала конкуренции. В лучшем положении были прикормившие складское начальство, или, так или иначе, работавшие на власти. Им отказа не было ни в чем.

Особенно ценились патроны к старому АК. Сам автомат был в цене из-за огромной пробивной силы: дверь – не дверь, кирпич – не кирпич – все вдребезги и навывлет.

– Сколько? – Мужик явно заинтересовался.

– Четыре рожка.

– Ого!- Он сразу проникся симпатией к человеку, умудрившемуся добыть полный боекомплект с одного захода. Тут надо было либо иметь мужество в

тихом месте насадить патрульного на нож, либо схимичить нечто незаурядное. – Почем?

– Три за рожок.

Только законченный лох мог заикнуться сейчас о деньгах. На этой "бирже оружия", как и на всех в городе, платежным средством была самая надежная валюта – консервы. Местные бизнесмены считали ниже своего достоинства мараться о "рвань" – рубли и прочую правительственную печатную продукцию. Баксы или другая иностранная валюта – промысел чужой, рисковать не хотели. Кого не устраивали правила, мог отваливать с "биржи", пока не пристрелили.

– Шалишь! Дам десять за все. – Мужик затаился и через плечо Максимова быстро осмотрел рынок.

«Если что не так, нож или пуля мне гарантированы», – подумал Максимов. Он хорошо знал нравы и негласные законы "биржи". Что в Москве, что в провинции закон был един: второй ошибки не бывает.

Видимо, мужика ничего не встревожило и он вернулся к делу:

– Так что, командир, сговорились?

– Не катит! "Гвозди" у меня "старые".

Максимов не собирался из-за колебания курса неделю пухнуть с голоду в лесу, пока еще доберешься

до базы.

— Без ножа режешь. — Мужик покачал головой. Но по глазам было видно, крючок уже заглотил. — Ну-ка, сверкни!

Максимов расстегнул молнию на куртке и приоткрыл подсумок.

— С подсумком, значит, — уважительно выдохнул мужик. — Так я и думал.

— Ну?

Максимов запахнул куртку. Неуловимым движением растегнул манжету на левом рукаве. После показа подсумка, нож мог потребоваться в любую секунду. Зрачки у мужика скосились в левый угол. Он просчитывал в уме

варианты. Черт их знает, какие. Возможно, просто комбинировал сделку, возможно, прикидывал, как получить товар бесплатно, а может, просчитывал, как без шума сцапать лоха, это если был переодетым опером. Такой вариант, худший из всех, тоже не исключался.

— Даю десять, больше не могу. Курс сегодня такой, пойми, не я устанавливаю. Зато дам нормальные, армейские, со “звездочкой”.

Консервы с армейской маркировкой, лучшие по качеству в стране, шли только на довольствие армии и на дополнительное питание многодетным матерям.

— И все? А подарок от фирмы за

оптовую партию?

Мужик принял окончательно решение:

– В качестве бонуса дам четыре брикета гречки. Лады?

– Договорились.

– Сейчас оформим. Эй, Клякса!

От соседней кучки отделился молодой, еле шестнадцать, помощник в линялой джинсовке. Вразвалочку подошел к мужику.

Поллица парня покрывала синяя корка экземы. Волосы над правым ухом выела парша. Сквозь редкие волоски просвечивала все таже мертво-синяя ступяная корка.

«Химический ожог». —

Максимов отвел взгляд, чтобы не

смущать парня. Поражения кожи различной природы стали нормой. Катастрофа безжалостно и без разбора ставила свое клеймо на всех, кто ее пережил.

Максимов научился разбираться в гнойной сыпи, синюшных омертвелостях, сочащихся пахучей слизью рубцах и прочей гадости, что корежила тела и лица. Та экзема, что обезобразила лицо парня, к заразным не относилась. Скорее всего, окунулся где-то в ядовитый туман, выстреливший из канализационного люка.

— Рывком неси десять «звездочек», человек ждет. Четыре гречки сверху. И пакетик

фирменный!

Парень шустро метнулся к сгоревшему до остова ларьку. Из тайника вытащил армейский рюкзак.

Максимов принял у него поклажу, взвесил на руке "фирменный пакетик". Тяжелый.

— Я посмотрю.

Мужик перекатил в губах
сигарету. Процедил:

— Не бойся, "шрапнелью" не торгую.

Находились особенно
предприимчивые, рисующие
втюхивать клиентам банки с горохом
или кашей. Долго они не жили, их
либо тихо кончали свои, либо со
скандалом – разъяренные клиенты.

– Одного шибко умного два дня назад туда спровадили, – сказал мужик, кивнув в сторону туалета. – Остались просто умные. Ты рюкзак себе бери, командир, не в пакетике же твоём дохлом банки нести. Считай, подарок фирмы.

– Спасибо. – Максимов развязал рюкзак, проверил содержимое, пристроил поверх банок пакет с покупками и бутылкой водки, привычным движением захлестнул петлю и забросил рюкзак на плечо. – Процент "братве" кто дает, ты или я?

– Ты торговал, я интересовался, мне и платить. Сам разберусь. Давай товар и ступай с богом. – Подсумок быстро перешел из рук в руки и

скрылся у мужика под бушлатом.- Если что будет, заходи, не стесняйся. Меня не будет, с Кляксой переговори, он знает, где меня искать, — сказал мужик и покосолапил к сгоревшему ларьку, там, видно, у него был склад.

Максимов, незаметно стрельнув по сторонам глазами, пошел назад к рядам торгующих. По пути он встретил двух новых клиентов. Что-то почуял, глядя на совсем еще пацанов, зажатых изнутри, будто не по своей воле идущих на "биржу", явно "интересоваться", в руках у одного болталась тяжелая сумка.

Под сердцем остро дрогнуло, словно кто-то щипнул невидимую струну.

* * *

Преторианцы

Дмитрий нехотя вылез из машины под легкий моросящий дождь.

— И куда он тебя послал? — с издевкой спросил он у переминавшегося с ноги на ногу Седого.

— Как, куда?

— Ну, если он тебя куда-то послал, какого хрена ты ко мне прибежал? Седой, ты хоть на старости лет работать научишься, или мне всю дорогу за тебя пыхтеть?

— Ты старший, тебе решать. Мое дело прокукарекать, а рассветет или

нет — не моя забота.

Дмитрий покосился на Седого, хотел промолчать, но решил себя не сдерживать:

— С такой философией будешь шестым подползающим до старости лет. Хотя, не так долго осталось, вон — вся башка седая!

Петровский, действительно, был совсем седым. Откуда было Дмитрию знать, что в роду у Петровских с незапамятных времен гуляет в крови какой-то злой ген, выбеливая к двадцати годам головы у всей мужской половины. Свои привычно называли его Седым, Петровский не обращал внимания; без амбиций и не склонный к

аппаратным интригам, он надежно застрял в звании, не выручила даже Особый период, когда карьеры порой делались за одну успешную операцию, Седой знал, что обречен умереть "капитаниссимусом союзного значения", как презрительно величал его Дмитрий.

– Где твои "малыши"? – спросил Дмитрий.

– Уже на рынке. Как велено, торгуют патроны.

– Ясненько! Давай к ним. Армию я беру на себя. Где их машина?

– Старший на УАЗИке, номер ИР 44-03. Стоит во дворе, третий дом от поворота к рынку.

– Ясненько. – Дмитрий хищно потянул носом. – Молодец, хоть вовремя заметил. Освободишься с "малышами", свистни по рации. Проследи, чтобы не торчали там без дела. Как отоварятся, пусть чешут оттуда. Ты подстрахуешь – и галопом сюда. На все у вас будет минут пятнадцать. Попадешь в облаву, не рыпайся, потом вытащим.

Седой с невыразимой мукой уставился на Дмитрия.

– Что, обосрался?! – усмехнулся Дмитрий. – Не бойся, до смерти не забьют. А и забьют, тоже не плохо, одним дураком меньше. Вот если "малышей" загребут, будет плохо. Вся операция псу под хвост. С "сапогами"

шутки плохи, шлепнут, а потом только документы посмотрят. Подведешь ты нас когда-нибудь под монастырь, Седой.

— Так говоришь, будто я во всем виноват!

— Только дурак совмещает приятное с полезным, — процедил Дмитрий. — Все нормальные люди сегодня облавы обеспечивают, один ты, дундук сосновый, агентурной работой заняться решил! Не мог отменить встречу, или, на худой конец, место изменить?

— Так я...

— Иди, не стой над душой, сил моих нет!

Он проводил взглядом нелепую

фигуру Седого, закурил и пошел искать старшего "сапогов".

* * *

Дмитрий ждал, когда
удостоверение произведет
необходимое впечатление.

Грубое, плебейское лицо майора
медленно вытягивалось, привычное
самодовольно выражение
постепенно исчезало. Времена, слава
богу, изменились, и один вид "ксивы"
прочищал мозги и не таким тупицам.

– Слушай, майор, повторяю для

бестолковых. Мне нужно ровно пятнадцать минут, — уже без нажима повторил Дмитрий.

— А у меня приказ! — Он зачем-то показал на часы.

— Ладно, кровь не пей! — Дискуссия по проблеме воинских уставов, как норме жизни, сегодня в планы Дмитрия не входила. — «Надавить или нет? Если сказать этому Спинозе в сапогах, что я лично разрабатывал план облав на рынках, и что за этим стоит, у него отрубится даже спинной мозг. Можно прямо из машины связаться с "Центром специальных операций", они подтвердят мои полномочия и за одно накрутят ему хвост. Нет, лучше

попроще, так надежней». – Слушай меня, майор. Если ты сорвешь мою операцию, я тебе не завидую. Отдерут, как кошку в марте и, в лучшем случае, сошлют на южную границу, в худшем – будешь иметь дело со мной. Лично! Тебе ясно, майор?

– Только на горло не бери. Пуганый уже. И на южной бывал не раз.

– Считаешь, мне нечем тебя удивить?

Майор поерзал задом по протертой коже сиденья и покосился на водителя. Молоденький ефрейтор сделал вид, что самое интересное на свете – стена соседнего дома.

— Положим, машины могли задержаться с выходом на рубежи. Водилы молодые, города не знают. Это уже бывало. — Он оказался не так уж глуп, этот майор. — Но дам ровно пятнадцать минут, не больше!

— Мне хватит. На какой частоте свистнуть, когда освободимся?

— Ни на какой! Ровно пятнадцать минут жду, а там — твое дело.

— Ясненько. Только смотри, по окнам не зацепи, а то потом вони будет на месяц!

Майор вздрогнул, развернул грузное тело к Дмитрию и натолкнулся на жесткий взгляд.

Дмитрий улыбнулся, но на душе у майора от этого легче не стало.

* * *

Странник

Максимов с трудом пережевывал кусок сыроватого мяса, остро пахнущего уксусом и дымом. Было ли при жизни животное свиньей, судить уже было невозможно, но, судя по резиновой упругости волокон, побегать при жизни ему пришлось изрядно.

«Дай бог, что скотинка умерла не своей смертью», – подумал Максимов, привередливо осматривая насаженный на палочку кусок, пропеченный до черноты.

Нервное напряжение уже дошло до того уровня, когда кусок не лезет в

рот. Максимов насильно заталкивал в себя кусок за куском, обильно смачивая их жгучим кетчупом.

Из "обжорки" – пять одноногих столов вокруг чадающего мангала – хорошо просматривалась вся "биржа. Краем глаза Максимов следил за седым мужичком, стоящим за соседним столиком. Одет он был с потасканным шармом коренного москвича: в серое пальтишко, поношенные ботинки на толстой подошве, отутюженные брючки и черный берет, на вид обыкновенная околонуточная вошь, он, побрякивая от удовольствия, уписывал подгоревшее мясо.

С седым мужичком было что-то

не так. Явно «не при делах». Местного обязательно бы заметили и подослали человечка выяснить, что да как. А этого даже не признал армянин, разгонявший куском картона сизый дым над раскаленным мангалом. Уж он-то наверняка знал всех и вся на этом рынке.

Седой хотел сойти за обычного покупателя, потерявшего голову от шашлычных ароматов, и ухнувшего месячный заработок за десяток горелых кусков мяса. Но чуть заметно переигрывал. Он так усердно старался походить на простого обитателя улиц, что невольно выдавал себя. Он и г р а л, талантливо и самозабвенно, не мог

не отметить Максимов, но все равно — играл.

«Серый — да. Затурканный — да. Помятый — да. Изъеденный изнутри страхом — да. Голодный — да. Но... — Максимов прислушался к своим ощущениям. — Несдешний, что ли? Да, наверное, так. И никакого желания стать своим. Более того, страх. Страх, что, не дай бог, станет».

Максимов несколько раз ловил на себе быстрые изучающе-взгляды седовласого. За себя не беспокоился, сколько не смотри, ничего подозрительного не заметишь. Давно овладел искусством растворения в окружающей обстановке. Он умел не играть, а

становиться своим. Ровно на столько, на сколько нужно. И держать себя новым так долго, как это необходимо.

«Меня даже в тифозном бараке не вычислишь», — Максимов подавил улыбку.

Седой слишком суетливо заелозил вилкой по картонной тарелке.

Максимов незаметно проследил его взгляд. Сомнений не было, седовласый наблюдал, как от кучки "оружейников" отделилась та самая закомплексованная парочка и стала наискосок пересекать рынок.

Дав им дойти до первого ряда прилавков, седой выплюнул недожеванный кусок, вытер губы

тыльной стороной ладони и пошел к куче ящиков у дальнего забора. Парни, как по команде, развернулись и, толкаясь меж рядов, двинулись за ним.

По-волчьи острым чутьем Максимов ощутил опасность. Он пробежал глазами по окружающим рынок высотным домам: в любом окне мог сидеть наблюдатель. Если велась оперативная съемка "биржи", то сегодня же вечером, в лучшем случае — завтра утром, фото его физиономии украсит рабочий стол какого-нибудь опера — и пошло-поехало!

Максимов не сомневался, что по рынку работа велась; местный опер

имел полную информацию на всех основных "биржевиков" и их клиентов. Но он не сомневался и в том, что "биржа" переживет не одного опера; пока начальство не спустило сверху заказ, опера и "биржа" без лишней надобности старались не нарушать "кодекса поведения". Под плановые задержания подставлялись чужаки и мелкота, дела крутили тихо, без шума, мешавших всем чрезмерной активностью стукачей незаметно, через несчастные случаи, выводили из игры.

Максимов зашел за шашлычную, перелез через забор и, мягко спрыгнув на землю, огляделся.

Ничего подозрительного. Можно было уходить, но что-то шевельнулось внутри и, до конца не отдавая себе отчет, повинувшись только чутью, он бросился вокруг забора туда, где по его расчетам должна была стоять гора ящиков.

Успел. Они уже собирались расходиться. Максимов, сдерживая дыхание, припал к мокрым доскам, ухватив последние фразы.

Говорил седой:

— Двух магазинов хватит, не Кремль брать идете. Запомните номер машины, М 391 ОГ 77, белая "девятка". Будет ждать на прежнем месте. Не опаздывать, будет ждать ровно десять минут! Доставит вас до

Зоологической, у водителя есть ночной пропуск. Если опоздаете, сами пройти не пытайтесь, свинтит первый же патруль. На Зоологической он передаст вам оружие. Ровно в 00.32 вам откроют "коридор". В Домене вести себя тихо. В засаде сидеть ровно до 5.00.

— А если никто не придет?

— Тогда, не играя в героев, срочно отходите. "Коридор" на выход откроют в 5.32 ровно. Не успеете, сбрасываете оружие, прячьтесь до конца комендантского часа. Утром позвоните по телефону, номер, надеюсь, запомнили, и за вами придет та же "девятка". Бог даст, вытащим вас из Домена. Попадётесь,

молчать до последнего. Предателей никто не любит и не ценит.

— Не бойтесь, живыми не дадимся. Поймают, лучше язык откусить, чем своих продать!

— Верю, соратники. Молодые еще, а думаете правильно. Вопросы есть?

— Нет.

— У тебя, соратник?

— Тоже, нет.

— Тогда, все. Быстро уходите. Да хранит вас Господь!

Максимов еще не переварил услышанное, как за забором пропел тональный вызов и раздался характерный шелест работающей рации.

Оперативная обстановка

*Контроль радиоэфира
Закрытая частота ГСБ РФ*

- " Ястреб", ответьте
"четверке"!
- На приеме.
- Я свободен.
- Где "малыши"?
- Уже у ворот рынка.
- "Четвертый", быстро уноси

ноги!

— Сколько у меня времени?

— Долго вошкался. Осталась минута. Дальше, как учил. Конец связи!

** * **

— Твою бога-душу-мать, щенок поганый! — выругался седой мужичонка.

«Вот так о н и работают: сначала создают террор, потом с ним мужественно борются. Старо, как мир, зато эффективно», — подумал

Максимов.

Первым желанием было лупануть сквозь доски в спину седому, Максимов хорошо чувствовал, где он стоит. Подождал, надеясь, что тот сиганет через забор, тогда с превеликим удовольствием завалил бы его голыми руками. Но седой, как назло, пошел к воротам.

Максимов бросился вокруг забора, к воротам уже не успевал, побежал в ту сторону, где местные пробили лаз.

Заглянул в дыру между досками. Так и есть, о н и уже были на рынке. Передовой отряд, все, как инкубаторские, одетые в однотипные цивильные шмотки, под которыми

легко угадывались армейские повадки, согласованными ходами брали в полукольцо "биржу".

Максимов свистнул. Мальчишка, копавшийся в мусорном баке поднял чумазую мордашку.

— Чего? — голос хриплый, то ли от простуды, то ли успел прокурить.

— Дело есть, вали сюда.

— А денег пришьешь? — Юный бомж оценивающе посмотрел на Максимова. Как бродячая собачка, прикидывая в уме, дадут ли очередного пинка или свершится чудо и бросят кусок мяса.

— Будут тебе деньги, давай сюда, говорю! — как можно убедительно выкрикнул Максимов.

Мальчишка спрыгнул с бака, подошел к лазу. Держался на расстоянии, видно жизнь уже научила никому не доверять.

— Сперва деньги покажь, потом ля-ля, понял? — с независимым видом произнес он.

Максимов выгреб из кармана карточки на продукты, скатал разноцветные листки в комок и бросил мальчишке под ноги. Тот моментально, как голодная собака кость, подхватил их в воздухе.

— Ого! Ты, дядь, наверно, с дочкой генерал-губернатора трахаешься? — Карточки тут же исчезли в кармане его куцей курточки.

— Рви на "биржу", скажи мужикам, сейчас облава будет!

— Врешь! — выдохнул мальчишка.

— Беги, говорю! Назад не возвращайся, уходи через забор. Пошел!

Мальчишка, слава богу, поверил и припустил, прыгая через лужи, к "бирже".

Сзади заревели моторы, на улицу с двух сторон вползали армейские "ЗИЛ"ы.

Максимов во весь опор бросился через дорогу, нырнул в подворотню. В гулком колодце двора перепуганными птицами металось эхо криков, рывкающих команд и рева перегретых движков.

Бежать дальше было бессмысленно. Бегущий еще более подозрителен, чем затаившийся. Наверняка, рынок был оцеплен несколькими кольцами. Все вырвавшиеся из облавы будут просеяны сквозь их сито, избиты и брошены в кузова для последующего детального разбирательства.

Он рванул дверь подъезда и прыжками понесся вверх по лестнице.

На верхнем этаже остановился. Перевел дух и наскоро осмотрелся. Дверь квартиры слева можно было снести с петель одним ударом ноги. Дальше – или превратить ее во временный ДОТ, или балконом

уходить в соседний подъезд. В зависимости от обстановки. Лесенка, упирающаяся в чердачный люк, — еще один выход из западни. Замок на люке — ерунда. Один выстрел — и путь свободен.

Сквозь мутное стекло было плохо видно; он плюнул на стекло и растер пыль пальцем, посмотрел через узкую полосу вниз. Рынок был как на ладони.

* * *

Оперативная обстановка

Шифрограмма

№ СС – 85001

В целях пресечения незаконного оборота оружия и боеприпасов приказываю:

13 октября с.г. в г. Москве и Московской области силами военных комендатур совместно с приданными воинскими подразделениями и во взаимодействии с территориальными органами ГСБ согласно прилагаемому плану провести оперативно-войсковые операции по ликвидации выявленных мест незаконной торговли оружием и

боеприпасами.

При подавлении вооруженного сопротивления законным действиям представителям власти разрешаю открывать огонь на поражение без предупреждения.

Всех задержанных в районе проведения операций доставлять для фильтрации на спец объекты комендатур для последующей передачи в установленном порядке представителям ГСБ.

Всему личному составу комендатур и приданных подразделений оказывать содействие представителям ГСБ в проводимых ими оперативно-розыскными мероприятиях.

Общее руководство
проводимыми мероприятиями
осуществляют региональные штабы
Антитеррористического центра.

Устанавливаю персональную
ответственность начальников
районных комендатур за срыв плана
оперативно-войсковой операции в
части их касаемой.

Генерал-губернатор г. Москвы

Л. Трошев

* * *

Странник

На рынке у туалета жажнули одиночные выстрелы. И сразу утонули в треске автоматных очередей. Били остервенело, свинцовым шквалом пытаюсь задавить малейшее сопротивление. Патроны казенные, можно не жалеть. Рынок завыл на разные голоса, люди, давя друг друга, бросились к воротам.

Просочившиеся заранее “близнецы” в штатском повыхватывали из-под одинаковых курток автоматы и, стреляя в воздух и лупя прикладами по мелькающим

спинам и головам, валили всех лицом в грязь. Им на подмогу уже прыгали через забор одетые в пятнистую серую форму, сбивали с ног столпившихся у забора, вминали в грязь ногой или стволом, воткнутом между лопаток.

Прорвавшихся через ворота поджидали две шеренги, ошестинившихся дубинками и до ног закрытые пластиковыми щитами, лиц из-под низко надвинутых касок было не разглядеть, не люди, а роботы. У машин уже откинули задние борта, чтобы принять первых избитых.

Максимов увидел, как лежащий среди сваленных посередине

"биржи", его недавний знакомый поднял залитое кровью лицо, вытянул из-под привалившегося к нему Васьки руку и навскидку выстрелил в подходившего солдата. Тот схватился за голову руками, выронив автомат.

Все, окружившие "биржу", разом вскинули автоматы. Очереди, как взрывом, разорвали два лежащих рядом тела, заляпав землю красно-сизыми лоскутьями внутренностей.

Максимов закрыл глаза.

Преторианцы

Седой сорвал пальцы бабки с дверной ручки. Локтем заехал в перекошенное от крика лицо. Оттолкнул от двери. Бабка кулем рухнула на землю. Из распахнувшегося мешка хлынули пачки вермишели, суповые пакетики и всякая бакалейная ерунда. Клацнула об асфальт бутылка водки. Вонючий спирт растекся прозрачной лужицей.

Бабка завывала белугой. Одной рукой размазывая кровь по морщинам, второй стала судорожно сгребать в мешок просыпавшийся товар.

— Сука! — выдохнул Седой.

В голову вдруг ударила багровая волна ярости. И он стал месить бабку ногами.

Бил от перебродившего до кислой отрыжки страха, от унижительной боли от удара дубинкой, от бессильной злобы на Дмитрия, бросившего его в мясорубку облавы, от животного ужаса перед той машиной, что привычно и бездушно месила фарш из грязи и человечины, смачно чавкая горячей плотью и разбрызгивая вокруг себя вишневые бусинки крови. От тоски осознания неумолимого факта, что он есть лишь безликий и потасканный техник, обслуживающий эту машину. Для

машины он никто, ей все равно, кто заталкивает в ее жерло сырье для фарша. А он слишком близко стоит к ее костоломным шестерням, и при малейшей оплошности стальной молох насытится его плотью.

Бабка затихла, безобразно раскинувшись на земле.

Седой смазал с лица липкую испарину. Сиплое дыхание вырывалось из резиновых от судороги губ. Слюна шекотала подбородок.

Таким его и увидел ворвавшийся во двор мужичок. Тоже рыночный, с сумкой-баулом на плече.

Мужичок охнул и замер, как припечатанный.

Седой выхватил из-под пальто пистолет.

— Стоять! Государственная безопасность. Документы, живо!

Мужик испуганно заморгал. Обе руки его были заняты ручками сумки. Ничего достать он не мог. А бросить сумку под ноги — гарантия получить пулю в живот.

Седой осознал всю нелопость своей команды. И снова волна ярости замутила взор, выдавив слезы бессилия из глаз.

Рукоятка пистолета сама собой вспрыгнула и врезалась в переносицу мужичка. Потом с хрустом треснула ключица. Потом...

Седой отвалился от

распростертого на земле тела. С ужасом осознал, что же натворил. Сплюнул вязкий комок. Попробовал выжать хоть каплю мутной злобы.

— Звездец суке!

Ничего не вышло. Внутри остался только страх. Тошнотворный, как протухший, наполовину растаявший студень.

Он воровато осмотрел два тела у своих ног. Они надежно перекрывали вход в подъезд.

В подворотне загудел топот бегущий ног.

— Стоять! — влетела следом команда.

И сразу же за ней хлестко ударила автоматная очередь.

Седой подпрыгнул на месте, рванулся к дверям.

В мутном полумраке подъезда гулко билось эхо выстрелов.

Хватило сообразительности пошарить взглядом по полу. Повезло. У батареи валялся обрезок трубы.

Седой запер дверь обрезком. И крадущимся шагом припустил вверх по лестнице.

«Дай бог, не найдут, – клокотало в голове. – А найдут, не страшно. Успею ксиву показать. На улице не сложилось... Ублюдок даже смотреть не стал, сразу полоснул дубинкой по горбу. А здесь не страшно. Здесь не страшно...»

Он сам не заметил, как поднялся

на верхний этаж. Поперхнувшись от судороги, перехватившей горло, на секунду замер на верхней ступеньке.

Успел лишь увидеть силуэт человека у окна...

Странник

Максимов столкнул с плеча рюкзак, шлепком ладони направил назад, под ноги зашедшему сзади человеку, развернулся, скользя плечами по стене, выхватил пистолет и резко присел.

Он сразу же узнал седовласого с рынка. За какие-то пять минут седой успел потерять берет, угваздать пальтишко в грязи и сукровице, постареть и съежится, как гнилое яблоко. Цвет лица был именно таким: багрово гнилостный, блестящим от липкой пленки.

Рюкзак заблокировал ноги,

мешал вступить на последнюю ступеньку. Правая рука утонула в кармане пальто, опереться на стену нечем, а левая повисла в воздухе, не дотянувшись до перил.

– Не шумим. Стоим спокойно. Не дергаемся, – отчетливо, как для слабослышашего прошептал Максимов.

Он постарался максимально, до кисельных мышц, расслабиться. Представил, что лежит в горячей ванне. И сразу же щекотка царапнула переносицу. Отчаянно захотелось зевнуть.

Седой покачнулся. Краска схлынула с лица. Он отчаянно зевнул. И он стал медленно оседать на пол...

* * *

Оперативная обстановка

Совершенно секретно

только лично

Председателю ГСБ РФ

*Первому заместителю Коллегии
СНБ РФ*

генералу армии Ларину С.К.

Докладываю, что в ходе оперативно-войсковой операции “Трал” на 14.00 в Северо-Западном, Северном и Юго-восточном округах Москвы выявлено и блокировано 8 мест нелегальной торговли оружием. Войсковые подразделения комендатур были вынуждены открыть огонь на поражение.

На месте ликвидировано 72 человека, оказавших активное вооруженное сопротивление представителям власти.

На настоящее время задержано по подозрению в причастности противоправной деятельности 259 человек. В отношении задержанных

проводятся фильтрационные и неотложные следственные действия. Среди задержанных агентам-опознавателями установлены 34 человека, проходящим по учетам “АТ”.

Силами войсковых подразделений комендатур, нарядами милиции и оперативных групп территориальных органов ГСБ ведется активные оперативно-розыскные мероприятия в районах, прилегающих к выявленным точкам незаконного оборота оружия.

Оперативный дежурный

Штаба “Центр” ГСБ РФ

полковник Варенков

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Преторианцы

Ларин посмотрел на часы. Ровно два часа дня, минута в минуту. Он во всем любил точность, в любых обстоятельствах старался следовать раз и навсегда установленному распорядку.

Сегодня с утра все шло наперекосяк. Пришлось отменить два совещания с зампредами, перенести встречу с агентом и, это почему-то больше всего его выбило из колеи, остаться без обеда. Голод

уже давал себя знать, под ложечкой мерзко посасывало, Ларин усилием воли заставил себя думать о чем-нибудь другом.

Руководитель, как он считал, должен быть образцом организованности и самоконтроля. Горячка хороша на нижних этажах, где к аврамам относились как к неизбежному злу, привычно ударными темпами доделывая за сутки то, до чего руки не доходили целый месяц. Высший эшелон всем своим видом должен был демонстрировать спокойствие и уверенность в надежности и эффективности работы гигантской машины "органов".

Чего стоило поддерживать
порядок в этой разношерстной массе
карьеристов, высокопородных
лоботрясов, тихих алкоголиков,
молчаливых олигофренов,
откровенных шизофреников,
авантюристов от бога, которых, если
не польза делу, давно не мешало
упечь за решетку, добросовестных
трудяг, спящих и видящих уход на
пенсию, скрытых садистов,
работающих за одно удовольствие,
стервозных "боевых подруг",
мальчиков-романтиков — кандидатов
на скорое увольнение или на путевку
в дурдом. Кого только под его
началом не было, так еще "всякой
твари по паре", и это в лучшем

случае.

Примитивных стукачей и интриганов-информаторов всегда было в избытке, он дал себе зарок использовать их исключительно в конструктивных целях, крайне редко задействовал их и н ф о р м а ш к у в собственных интригах, достаточно было знать, кто и как подкапывается под его кресло, но больше всего он боялся хорошо организованной информационной блокады. В его окружении крутилось парочка мастеров, способных так обложить начальника ватой, что указ о своей отставке прочтешь последним во всей "конторе". Поэтому он загодя заложил каналы, по которым кое-кто

непрерывно качал для его личного пользования наиболее ценную информацию о жизни и настроениях "низовки".

Вот эти-то негласные источники и стукнули об одном анализе, якобы из личного интереса проведенным каким-то мелким сотрудником Медуправления. Опять же окольными путями, он организовал свою встречу с молодым гением. "Залегендировал" под прием по личным вопросам.

Когда вежливый, державшийся со спокойным достоинством, что Ларину невольно понравилось, ведущий психолог-психиатр отдела вкратце изложил ему суть и показал

бумаги, волосы у Ларина встали дыбом. Оказалось, более шестидесяти процентов сотрудников балансировали на грани психического заболевания.

“Так называемая "шизофрения без шизофрении" — привычная двойственность мышления, поведения, морали и восприятия, начало разложения личности. Достаточно толчка, и разовьется классическая клиническая форма", — пояснил сотрудник.

Большая часть ударилась в пьянку, половые излишества, кое-кто наркоманил, горстями потреблял тазепамы-нозепамы, по науке звучало приличней — "истероидные формы

поведения". Отмечалось возрастание признаков олигофрении, вот тебе сюрприз!, по мере продвижения по служебной лестнице. "Золотым фондом" оперов следовало считать не более восьми процентов, не утративших первичную структуру личности. Да и у них обычным делом была запущенная астенция, снижение иммунитета и, соответственно, "букет" болезней, слава богу, не по психиатрической части.

Ларин карандашом пометил два абзаца. Первое, здоровое большинство признавалось, в интимных беседах — но кто верит в "интимность" в их учреждении, совсем же еще свихнулись — что

практически не ведут половую жизнь со своими женами, за исключением "истероидов", кобеляжничающих с кем попало. У жен от такого невнимания развивались неврозы, психозы и женские болезни. На этот счет у молодого гения тоже имелись статистические данные.

Второе, необратимые изменения структуры личности, в силу специфики "закрытой организации": устойчивые замкнутые коллективы, жесткие нормы секретности, дефицит времени на межличностное общение и утрата навыков общения с простыми смертными, на которых невольно смотришь как на своего, соседского или вражеского агента,

наступают через пять-шесть лет службы.

Вывод был убийственный. Дальнейшая форсированная работа по регламенту мер Особого периода неизбежно вела к окончательной и необратимой деградации оперативного состава, коллапсу управления "органов" и вероятному массовому истеричному протесту, в форме "бунта слабоумных", пояснял сотрудник. Говоря профессиональным языком, "низовка" могла пойти на создание "эскадронов смерти" и приняться наводить порядок в меру своего понимания, а высший состав, как ему и положено, начнет плести заговоры,

в паутине которых потом не разберутся лучшие психиатры.

Ларин не морщась проливал кровь, кровь малую, неизбежную при любой хирургической операции, но здесь пахло кровавым беспределом, потоками бестолково пролитой, не загнанной в каналы "государственного интереса" и "исторической неизбежности" крови, красного половодья, готового залить издыхающую державу.

Пришлось делать выводы. Первым делом он разговорил не в меру толкового сотрудника, поинтересовавшись его научными интересами. Слушал из вежливости, пути отвода черезчур

информированного молодого человека от реального дела Ларин заготовил заранее. Изобразив глубокую задумчивость, выдержал паузу и дал вельможное добро на проведение исследований. "Неординарно мыслящий" интересовался чем-то уж чересчур неординарным.

Жена Ларина и ее подружки-дуры так ему все уши прожужжали Абсолютами, Шамбалами, психокинетикой и прочей заумью, что он тихо сатанел при одном упоминании об "экстрасенсорных возможностях".

"Этого бы умницу да в их компашку, на руках бы носили,

молились, как на Рериха", – подавив естественную брезгливость ко всему психически нездоровому, умал он.

Но тем не менее, он вызвал секретаря и продиктовал приказ о переводе гения в "действующий резерв" и определением "подснежником" в подведомственную шарашку, где таких, как он, собрали в кучу и держали от народа подальше, на народные деньги, кстати, но это уже детали.

Потом решил заняться собой. В ближайший же выходной выманил к себе на дачу знакомого профессора и заставил, полушутя, полувсерьез, провести полное обследование.

Профессор обнаружил лишь снижение энергетического потенциала организма. Ларин не без удовольствия причислил себя к восьми процентам "золотого фонда" родного ведомства.

Выждав немного – не стоило беречь профессиональное чутье сторонних наблюдателей – устроил смотр личного состава Центрального аппарата. Выстроил всех в подземном переходе под площадью Дзержинского, специально заставив одеть офицерскую форму. Шел вдоль неровных шеренг и еле сдерживал злой смех.

Хоть какое-то подобие выправки было у недавних выпускников

"Вышки", у них армейская форма еще сидела по фигуре. На стариков больно было смотреть: кое-как пришпандоренные майорские погоны, животы, распирающие кителя, объемные задницы, сплюснутые от долгого сидения.

"Нестандартно мыслящий" был прав. И без специального образования было ясно, выгони их в город, заставь сменить партикулярные костюмы на одежду попроще – не отличить от обитателей низкопробных рюмочных и пивняков, где, если верить и н ф о р м а ш к е, они и обретались в служебное и неслужебное время.

Убедившись, что докладу можно

верить, накрутил хвост всему своему "агентурному аппарату". Требовалось взять под плотный контроль все более или менее значительные фигуры. Прежде всего, своего первого зама Давыдова и начальника Службы внутренней безопасности Калашникова. Проворонить заговор он не имел права. Либо его тихо опрокинут, освободив место для своего, либо как-то вечером придут с п р е д л о ж е н и е м, отказ или согласие в равной мере вязали его н а с м е р т ь.

И последний вывод. Самый сокровенный. В любой момент могла грянуть Чистка. Такие "органы" были не просто ненужны, а смертельно

опасны. Сделать на них ставку мог только полный идиот, воспитанный на многолетнем восхвалении чекистских подвигов в советской прессе. А за провал в и г р е, а он запрограммирован, если привлекать в исполнители низкосортный человеческий материал, отвечать ему, Ларину.

А кто ответит за все грехи Особого периода? Качнется маятник политических интересов, и первой срежет его голову, до замов может и не дойдет. Одна радость, если в расход пустят всех скопом. Не так обидно будет, когда всех выстроят вдоль одной стенки.

Он запросил из архива все

материалы по делу Ежова, Ягоды и Бери. Подлинны, с грифом “хранить вечно”, а не те ошметки информашки, что бросили толпе в шизоидное времечко гласности. Чтиво на Ларина произвело угнетающее действие. Нет, его мало волновали страдания и предсмертное отчаяние жертв. Он интересовался главным — тактикой работы аппарата. И пришел к неутешительному для себя выводу: мотивы менялись в зависимости от политического момента, но механизм п о д с т а в к и был доведен до совершенства.

Ларин вдруг улыбнулся, вспомнив Анастасию. Девке, можно сказать, повезло, есть шанс через

десяток лет тиснуть мемуары "Я была любовницей Ларина". Все прибавок к пенсии. Но зная ее характер, он был уверен, Стаська ждать не станет. Пока не потеряла формы, снимется для "Пентхауза" и вывесит свои "нюшки" по всему Интернету. Можно не сомневаться, от стыда не сгорит, еще и гонорар сдерет по высшему тарифу. "Эту позу особенно любил бывший шеф русской секретной службы, расстрелянный в подвалах Лубянки". Можно себе представить!

«Дурак! – оборвал он сам себя. – Ты обречен. Самой своей должностью обречен! Покажет Стаська свой голый зад всему миру

или нет, тебе уже будет до лампочки. Надо искать выход. Помереть, повесив на себя своих и чужих дохлых собак, много ума не надо. Надо думать, думать, думать! Пересчитай все варианты, ставь на тот, что позволит тебе в два хода выйти из опасной зоны.

Первый — прыгнуть с кресла шефа этого дурдома. Второй — войти в союз, в долю, а я могу такие досье в уставный фонд внести, любая группа с радостью примет! Главное, не просчитаться, за мою голову и личные архивы дадут много, а посему велик соблазн сыграть меня "втемную", сторговаться за спиной, а потом с двух сторон разом — и в

лепешку!

И главное, главное — максимально дистанцироваться от Старостина! Нафиг его игры! Хочет всех под себя подмять, это очевидно. А ну как надорвется? Лопнет пупок у нашего всероссийского Старосты, а у тебя задница на фашисткий знак треснет! Нет, надо искать варианты. Нужен зазор для маневра. Иначе — конец!»

На приставном столике у рабочего стола низким зуммером загудел телефон ВЧ-связи.

Ларин чертыхнулся. Никакого желания бежать через весь кабинет к телефону не было. Наоборот, больше всего хотелось забиться в темный

уголок, затаиться и ждать, когда кто-то другой поскользнется на паркете — и насмерть.

Он не любил свой кабинет. Только войдя в это самое секретное в стране помещение с камином, где никогда не горел огонь, Ларин решил, что он здесь временно. Начальник хозуправления так и не дождался отмашки нового Председателя. Вопреки традиции в кабинете не грянул ремонт. Ларин суеверно не стал ничего менять под себя. Интерьер так и остался “а-ля Овальный кабинет в Белом доме”, каким его завел предыдущий хозяин. Сам хозяин вскоре переселился в камеру во внутренней тюрьме.

Легенда гласит, что выволокли тайным ходом прямо из-за стола. Врет легенда. Ларин лично проверял: тайный вход в кабинет, которым поколения владельцев пользовались из конспирации, а группы захвата для облегчения своей работы, кто-то давно замуровал. Ларин грешил на одного председателя времен перестройки. Ему, полудиссиденту, полустукачу было чего бояться в этом наштигованном тайнами здании.

Из того же суеверного страха застрять в шатком кресле шефа ГСБ Ларин старался без особой нужды не садиться за огромный, как крышка рояля, рабочий стол. Ворошить документы и думать предпочитал за

низким журнальным столиком, спрятанным от любопытных глаз в темном углу кабинета.

Телефон на третьем гудке включил определитель.

– Звонит товарищ Старостин, – хорошо поставленным баритоном произнес аппарат.

* * *

Оперативная обстановка

Контроль линии ВЧ-связи

запись произведена по
распоряжению

начальника Службы Охраны
Президента РФ

генерал-лейтенанта Филатова
И.Л.

Абонент “А” — 779-23-23
закреплен за рабочим кабинетом
Председателя ГСБ РФ на
спецобъекте “Центр”.

Абонент “В” — 771-98-00
закреплен за рабочим кабинетом
Председателя всероссийского
Движения “Родина” в штаб-
квартире Движения.

В. — Привет чекистам!

А. — Иван, мне бы твое здоровье.

Все шутишь!

В. — Это у вас все смехуечки.

*Что за китайский цирк в городе
среди бела дня?*

*А. — У нас, Иван, в городе всегда
цирк, публичный дом и палата
буйнопомешанных. Странно, что
это для тебя новость.*

*В. — (Сопение в трубке). Ты уже
пообедал?*

*А. — Только сейчас собирался. Все
некогда было.*

*В. — Некогда... Понятно. А у
меня тут повар валь... вальшне...
Тьфу, не выговорить! Короче, каких-
то рябчиков нажарил. Товарищи из*

*Рязанской регионалки подогнали. Так
сказать, подношение от народа, га-
га! Подгребай, поможешь сожрать.*

А. – Когда?

*В. – Прямо сейчас и приезжай. А
то все остынет.*

*Запись произвел и
стенографировал
ст. оперуполномоченный
3 отд. 12 отдела 7 управления
СОП
Рябокоть Д. Д.*

** * **

*Из интервью
Председателя всероссийского
движения “Родина”*

*Ивана Старостина с шеф-
редактором информационного
агентства "Либрэ" господином
Ури Крайснером.*

Москва. 11.10.

*Вопрос. Многие эксперты
характеризуют нынешнюю
ситуацию в России как агонию.
Согласны ли вы с такой оценкой?*

*Ответ. Кто это говорит, кто?
Меня всегда интересует – кто
говорит. Если человек ни дня не*

прожил в России, не врос в эту землю, что дает ему право судить о нас?!

Эксперт для меня бездушное существо, придаток компьютера. Он такой же без душной, а значит – безумный, как и этот комок микросхем. Без сопереживания, без любви как можно думать о России?! Если хотите, это не анализ, не экспертиза, а интеллектуальный онанизм. Вот и пусть они этим занимаются на деньги ваших налогоплательщиков, если вы им позволяете. А в наши дела пусть не лезут. Мы свою страну не построили, мы ее выстрадали!

Вопрос. Но экономическая

ситуация...

Ответ. "Экономическая ситуация"! У нормального человека уже челюсти сводит от этой экономической брехни! Я уже говорил, сегодня мы расплачиваемся за десятилетия экономической брехни! Нам тычут пустыми полками... А я отвечаю, сегодня мы живем лучше, потому что живем честнее. Мы честно заявляем: в стране разруха, потому что лопнул тот распрекрасный мыльный пузырь, который раздули господа либерал-реформаторы на пару с чекистами-экономистами. А сами в это время набивали карманы. А когда шахтерам жрать нечего было,

очередной завлаб в костюме от Кардена, рожка аж в телевизор не вмещается, начинал им вещать о экономических моделях.

Домоделировали... Из великой России на моделировали Парагвай!

Вопрос. Но, господин Председатель, вы же не можете игнорировать экономические закономерности, или в России вновь восторжествовало революционное мировоззрение?

Ответ. Нет. Мы не отвергаем экономических закономерностей, но и не молимся на них. Вы признали неразрешимость собственных проблем и фетишизировали их. Нам отцы-реформаторы тоже

предлагали смириться с нищетой, безработицей, падением рождаемости, коррупцией и преступностью как с неизбежной изнанкой всеобщего рыночного изобилия. Мы на это не пошли. Если это экономические закономерности, то такие закономерности мы отвергаем!

Вопрос. Но еще есть инфляция...

Ответ. Инфляция! В первооснове инфляции лежит два начала — безответственность и жажда легких денег. Спросите у активистов Движения "Родина". Они вам ответят, как бороться с инфляцией. Там, где они установили контроль над торговыми точками,

все в полном порядке. Цены там не кусаются. Любой рабочий может купить все необходимое на свою небольшую зарплату.

Прежде всего мы отучаем людей от страсти к большим деньгам. Работать надо только за необходимое. Роскошь – развращает. Все, что необходимо сверх прожиточного минимума обязана дать власть. Иначе непонятно, зачем она нужна.

Второе, мы с корнем вырываем безответственность. Взятся тачать ботинки – делай так, чтобы в них можно было ходить год, а не до первого дождя. Взятся обслуживать, обслужи так, чтобы о

тебе как можно дольше не вспоминали. Мы остановили безумный механизм экономики, пожиравший людей и ресурсы, а на выходе дававший лишь отраву и дерьмовые продукты. Мы вернули истинный смысл труду – работать, чтобы жить, а не жить, чтобы вкалывать. Мы вернули истинный смысл деньгам, когда их надо меньше, чем плодит Минфин. А вы это называете развалом! Посмотрим, кто быстрее развалится!

Вопрос. Как я понял, вы очень высоко оцениваете роль Движения в современной России.

Ответ. Движение создано ради

будущего России. Его цель —
возрождение России. Но как
возродить страну, не возрождая
человека? Вернуть человеку образ и
подобие Божье, вот, если хотите,
истинная цель Движения. На
русского человека попытались
напялить личину рыночного шакала.
Из него хотели сделать
дарвиновскую обезьяну. Из
общинника, государственника и
богоносца пытались вылепить
самовлюбленного скота без Рода, без
Племени, без Родины. Не вышло! Мы
не дали. Но и народ сам не захотел
превращаться в иванов-родства-не
помнящих. В големах вашей
экономики не гоже русскому быть!

Вопрос. Многие считают, что Движение патронируется государством, так ли это?

Ответ. Вы путаете государство и государственников. Все члены Движения – патриоты и государственники. Президент и патриоты во власти нам симпатизируют. Не более! Ни о какой государственной поддержке речи не шло и не может идти. Наоборот, это мы – опора государства. Мы ему служим не за чины, а за совесть. Это мы подставили плечо, когда государство затрещало по швам и было готово рухнуть, похоронив все: наше прошлое и наше будущее.

Я повторяю, за Движением – будущее. Мы, старики, уйдем. Останутся они – молодые, сильные, вытравившие из себя заразу гнилого либерализма. Честно скажу, иногда даже завидно. Но успокаивает, что мы сыграли свою роль в истории России. Мы остановили передел власти и собственности, начавшийся аж со смерти Брежнева. Да, да! Оттуда идут истоки нашей беды, оттуда! Сегодня опять Россия входит в полосу стабильного роста. Именно так – стабильность, что есть – сильная власть. И рост, то есть неустанное развитие, которое она обеспечивает. Рост! А не загнивание

ради стабильного процветания кучки дельцов и проходимцев.

Вопрос. В таком случае, в своем дальнейшем развитии Россия перестает ориентироваться на опыт Запада.

Ответ. Через десять лет опыт Запада окончательно станет опытом паралитика, надорвавшегося на беспросветной работе, страдающего ожирением и к тому же подхватившего СПИД. Что вы можете нам предложить? Гнилую философию, хищническую идеологию, стяжательскую психологию, хваленные “высокие технологии”, половина из которых в Катастрофу накрылась сразу, а

вторая барахлит так, что проще выкинуть, чем чинить. Этого дерьма вы нам и так завезли столько, что лопат не хватит разгрести!

С Западом мы строим прямые и честные отношения. Я вообще за честность в политике. Хотите мирно дожить свой век, хотите до Конца Света утопать в вымученном благополучии – платите. Развалили Союз, чтобы избежать советской угрозы. Союза нет. Угроза осталась. Остались бесхозные боеголовки, атомные станции, много чего осталось! Платите, господа! Вы же все экономисты. Посчитайте и платите.

Вопрос. Но это или шантаж, или утопия!

Ответ. Утопией было внедрять сюда Маркса и все последующие извращения его замороченной теории. Экономизм – вот с чем вам нужно было бороться! С коммунизмом они боролись... Коммунизм мы породили, мы и задавили. Задавите у себя экономизм, тогда будет о чем с вами разговаривать. Вот ваш экономизм, вы же на него молитесь, как на золотого тельца, вот он весь и состоит из утопии и шантажа.

А мы – общинный народ. У нас ближнему помогать принято. А не делать деньги на его невзгодах. Вот

в этом – в отношении к человеку, в отношении человека к человеку, мы с вами никогда не сойдемся. Помните, у Кипплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Вот и нечего превращать пацана, который стал человеком, вступив в родовую общину нашего Движения, в голозадного Маугли, которому на роду написано для вас бананы таскать!

Вопрос. Запад, который вы так ненавидите, активно выходит из кризиса. И он готов протянуть России руку помощи. Зачем же отталкивать ее?

Ответ. Первое, я не ненавижу Запад. Я им брезгую.

Второе, какой такой кризис? Это катастрофа для вас. Чуть потряхнуло, как у вас все посыпалось. И экономика, и хваленные либеральные ценности. Забыли, что вам пришлось бросить армейские подразделения, чтобы задавить волну мародерств? Вы прикладами Национальной гвардии загнали всех по своим социальным нормам. Очень политкорректно — превращать гетто нищеты в концлагеря с вышками по периметру и спецназом с собаками. А нас тычите Особым периодом!

Мы из хаоса вышли еще крепче, чем были. Здоровее и сильнее. Вы думаете, что главное наше

богатство это леса, могучие реки, горы, полные полезных вам ископаемых? Нет, господа экономические чингисханы! Наше богатство – это народ! Великий, как наша земля. Могучий, как наши реки. Широкий душой, как наши просторы. И лютый, как наши морозы!

Так и передайте вашим читателям. Пусть образумят ваших любомудрых аналитиков. Кто не учитывал в своем анализе качества нашего народа потом горько об этом сожалели. Еще Бисмарк говорил, что высшая глупость, которую может совершить политик, – это война с Россией. Он же, если не изменяет память, завещал учиться на ошибках

других. Вот и учитесь! Что не поймете, приходите к нам — объясним в два счета.

Вопрос. Вас называют “русским Муссолини”. Как Вы относитесь к этому прозвищу?

Ответ. Даже когда меня называли “новым Жириновским” я не обижался. Унизить меня, приклеивая ярлыки, невозможно. Я — русский. И за мной — Россия.

** * **

Срочно

Сов. секретно

Ш И Ф Р О Г Р А М М А

*Ответственным сотрудникам
резидентур ГСБ принять
незамедлительные меры по сбору и
обобщению отзывов на интервью
И.И. Старостина агентству
"Либрэ" от 11.10. с.г. публикуемых в
открытой печати, высказываемых в
дипломатических,
правительственных, деловых и иных
кругах.*

*Наибольший интерес
представляет реакция
праворадикальных и центристских
политических группировок,*

проявлявших симпатии или пытавшихся установить контакты с Движением. Особое внимание уделить леворадикально настроенным интеллектуалам и студенческой среде, зондировать интерес к “народнической” идеологии Движения. По линии правоохранительных органов собрать информацию о степени инфильтрации имиджа “Молодых львов” в маргинальные социальные группы.

Уполномоченным сотрудникам предписывается задействовать оперативные контакты в средствах массовой информации и праворадикального

леворадикального толка для организации дискуссии на страницах их изданий по основным проблемам, поднятым в интервью.

Рекомендую следующие установки:

— “опыт России показал всем, что значит слепо следовать прогнившим традициям евро-американского либерализма”;

— “вновь свет приходит с Востока”;

— “вы боитесь сказать правду, за вас ее говорит русский патриот”;

— “настало время платить по долгам тем, за чей счет мы купили свое благополучие”;

— “останавливать Россию

бессмысленно и губительно”

— “тот, кто пугает “русским фашизмом”, ничего не смыслит ни в истории, ни в политике. Гитлер пришел к власти, оседлав волну Хаоса, а в нынешней России восстановлена вертикаль центральной власти, она есть надежный гарант от любых политических отклонений. Русский общинник, которого воспевают И.Старостины, не “белокурая бестия”, а “русоволосый богатырь””.

*Об исполнении доложить до
30.10.99*

11 октября

Ларин

* * *

Фараон

Старостин вошел в кабинет, на ходу распекая секретаря.

Черная шелковая косоворотка ладно обтягивала мощное тело, густые волосы – перец с солью, были тщательно зачесаны назад, открывая высокий, изрезанный морщинами лоб. Лицо мясистое, грубой лепки, боксерский подбородок с ямочкой и выпяченная нижняя губа, действительно делали его похожим на лидера итальянских “чернорубашечников”. Только, в отличие от дуче Муссолини, глаза у Старостина были не семитски

выпуклые, маслиничные, а посаженными глубоко в глазницы двумя осколками голубого стекла. Он и смотрел, будто чиркал бритвенно острым взглядом. В свои пятьдесят девять лет он выглядел профессиональным полутяжем, покинувшим ринг непобежденным.

Бросил через плечо секретарю "пшел работать!", Старостин пожал вскочившему Ларину руку, хватка, как всегда, было медвежья, значит врут, что подхватил грипп, просто прятался от всех на время. Сел за стол, сразу же потянув к себе папку.

Ларин было рот открыл, но Старостин досадливо махнул рукой:

– Потом трепаться будешь! Чего

тут у тебя?

Старостин быстро перелистал страницы. Ларин, внимательно следивший за выражением его лица, лишь раз заметил легкую тень. "Староста", как за глаза прозвали Старостина, удары держать умел.

– Это все?

– Все, Иван Иванович.

– Маловато будет. Раньше бы томов пять настругали.

– Перестроились. Наконец-то, – попробовал пошутить Ларин.

– Нашли время! “Не надо быть умным, надо быть вовремя”, как говорят наши носатые соотечественники. Это все, я спрашиваю?

– Пока, да. Работаем.

– На рябчиков ты сегодня не заработал, – с улыбочкой произнес Старостин. Отодвинул от себя папку.

– А сучье племя! – Мясистое лицо Старостина вмиг побагровело. – Бандиты, блядь, в центре столицы убивают моего человека, а шефа ГСБ всей ЧеКа найти не могут. Он, от дворянских собраний устав, в кабинете геморрой греет. Смотри, Денис Михалович, допрыгаешься у меня!

– Я в подобном тоне... – Ларин задохнулся. Его лицо залило краской. Знал, что краснеет по-девичьи быстро, стыдился этого, но ничего не мог с собой поделать.

– Тю, да мы в обиды ударились!

– Старостин прихлопнул лапой папку и злобно уставился на замершего в кресле Ларина. – Или не было такого?

Четыре дня назад они действительно столкнулись на заседании Дворянского собрания.

Каким ветром туда занесло Старостина, он не знал, сам посещал подобные сборища для предварительного знакомства с кандидатами на вербовку. Любая неформальная организация, сказывалось советское наследие, не представляла своего существования без тихой грызни и танцев-шманцев с "органами", а обделенная их

вниманием вела себя, как капризная девица, любыми выходками добиваясь внимания. Работать в среде людей состоятельных и состоявшихся было приятно. Ларину доставляло удовольствие подчеркнуто корректное внимание мужчин и почти неприкрытый интерес женщин. Легкую замороченность на дворянских корнях можно было считать простительной слабостью. Как и любая слабость, увеличивающая вербальность кандидата. И в конце концов, не дворников же держать в осведомителях шефу ГСБ!

Сам Старостин якшался с персонами совсем уж полоумными,

предельно озабоченными
языческими корнями своих
невразумительных биографий. Ларин
таких называл “иванчиками, вдруг
вспомнившими о родстве”. Другой
контингент Старостина составляла
бывшая технически-интеллигентная
рвань из разоренного ВПК. Ну и
само собой, вояки. “Кирзовые
патриоты”, как окрестил их Ларин. С
бюрократией Старостин не общался,
он держал ее в кулаке. Большинству
служилых мужей это нравилось.

– Нет, полюбуйте! Он еще и
обижается! – Старостин до хруста
сжал кулаки. – Тошнит меня уже от
ваших рож, дворянство совдеповское!
Откуда взялись, а? Поперли из всех

дыр, как тараканы после дихлофоса. В крутолобых технократов уже играли. Пока все не разворовали. Потом в буржуазию вы поиграли. Ага! На народные денежки. Теперь в дворянство ударились? Традиции возрождать они решили. Мне аж блевать от них хотелось! Все, как на подбор, слюнявые да косоротые. Девки не поротые в кринолинах, нос прыщавые морщат: «Паг-доун, князь, пегедайте соль, пожалуйста!» Что ты среди этих педиков делаешь?

— Я работаю, Иван. На моем месте... — Ларин непроизвольно провел пальцами по горящим щекам.

— А на мое не хочешь? Давай поменяемся! — Старостин даже

приподнялся в кресле. — У меня ближайшего человека убили! Доверенное лицо по финансам, это тебе понятно? А ты мне принес тоненькую папочку и думаешь, я утрюсь? Да тут на один подтир не хватит! Мне что, в заднице пальцем теперь ковырять, а? Писаки секретные, совсем мышей ловить разучились?!

— Ты бы держал себя в руках, Иван. Перед своими русского мужика играй. Передо мной не надо.

Ларин сделал каменное лицо. Правда, никакой уверенности, что Старостин не даст ему лапишей по лицу, не было.

— Вот как ты заговорил? Ага!

Посмотри-ка сюда, — сказал Старостин и, как фокусник, ловкими толстыми пальцами подцепил из папки фотографии.

— Я это уже видел. Что тебя заинтересовало?

— Ну, старика мертвого, мы разглядывать не будем. Зачем нам, еще ночью не заснешь! А вот эта хренотень как здесь оказалась? Что это — загадка на сообразительность для дебильных детей?

— Это обрывки бумаги. Очевидно, документы. Во всяком случае, печатали на машинке "Оливетти". Рядом с местом убийства утром рванула "закладка". Непрофессионально вскрыли

тайник.

— А какое отношение они имеют к Карнаухову?

— Выясняем. У него в кабинете стоит старая “Оливетти”. Старик явно был технологическим маразматиком. Наверное, последний из нас, кто компьютером не овладел. Будем искать.

— Ты еще всю туалетную бумагу в окрестностях собери и приобщи к делу! Умеете же вы там дурью страдать.

— Дай же людям поработать, Иван! Дело "крутим" всего несколько часов.

— Яйца вы у себя в карманах крутите, а не дело! Ты хоть сам

понял, что они тебе понаписали? Они же, паразиты, уже дело закрыли.

– Не понял?

– Ты сам-то материалы читал, Пинкертон? Время сопоставь. Не успели труп Карнаухова оприходовать, как какой-то отморозок на себя убийство взял. Не успели чернила на протоколе засохнуть, как он себя уже кончил прямо в кабинете следователя. Как, интересно, умудрился? Пальцы в розетку сунул, или в окно сиганул?

– Иван, он перьевую ручку себе в горло воткнул, – глухо произнес Ларин.

– Однако! – Старостин, задумавшись, на секунду

прищурился. – Отрадный факт. Если бы окно, или при попытке бегства, или запинали до смерти, я бы на твоих орлов подумал. А так... Садюги они, конечно, но не настолько, чтобы подследственным ручки в горло втыкать. Отраднo...

– Иван, у меня не институт благородных девиц, но и не гестапо, между прочим!

– То, что у тебя ни в зад, ни в Красную армию, я догадываюсь. Но дело, суки, закрыли грамотно.

– Почему закрыли? Следствие в самом разгаре. Совершенно очевидно, что работала группа. Допрашиваем охранника... Дали в розыск горничную, она пропала с

места жительства. Что само по себе, согласись, подозрительно. Неисключено, что она и впустила киллера. Кто-то планировал, кто-то наводил, кто-то обеспечивал и прикрывал. Мы намерены вычислить всех.

— А как вяжется взрыв в подъезде?

— Если экспертиза подтвердит, что машинки, на которых печатался текст, идентичны, то можно выдвигать версию, что мотивом преступления было похищение документов. "Прокачаем" и эту версию.

— Ага! Пока ты качаешь версию, кто-то уже качает информацию из

кабинета Карнаухова! Пока обрывки с бумажками в папках сличит, так поумнеет, что нам это кровью отрыгнется. Теперь ясно?!

Старостин не глядя вытащил из коробки папиросу. Курил исключительно папиросы, явно подражая одной известной персоне. Ларин завожился в кресле, пытаясь достать зажигалку. Старостин отмахнулся:

— Не семени. — Чиркнул своей зажигалкой. — Остынь, Денис, от тебя прикуривать можно. Красный, как рак. Давай-ка покурим и обкашляем это дело.

Ларин достал темно-красную пачку "Мор" и закурил. Знал, что вид

элегантно-тонких коричневых
сигарет, "подозрительно
педерастичных", как однажды
выразился Старостин, вызовет у того
раздражение, на то и рассчитывал.
Мстил. Мелко, пакостно, но мстил.

Старостин курил, смачно затягиваясь, пробивая горькую волну глубоко в легкие. Пускал дым через ноздри, кося прищуренные глаза на притихшего Ларина.

— Будя! — Старостин ткнул папиросой в пепельницу. — Теперь слушай, Денис. Я мужик русский, в гневе буйный, но отходчивый. Спокойно с тобой поговорю. Писанину эту, — он кивнул на папку, — можешь взять себе. Будет чем в

нужнике на даче подтираться. Дело уходит в Службу охраны президента. И это меня очень тревожит.

— Как так? — Такого поворота Ларин не ожидал.

— А вот так! Первый когда-то, сам уже небось не помнит, подмахнул указюльку, что по террактам в отношении президентской структуры работают только они. Карнаухов, земля ему пухом, входил в президентский совет. Не помню уже по чему... А, блин, по, мать его, экономическому развитию! Так что, повод налицо. Думаешь, Филатов упустит шанс сунуть рыло в мои дела?

Ларин задумался, уставившись

взглядом на алый кончик сигареты.

— Своих оперов “на земле” у него нет, — словно рассуждая вслух, произнес он. — Придется воспользоваться моими. К следствию Генеральную он вряд ли станет подключать, но не взять в бригаду моих людей просто не сможет. Так или иначе, я буду в курсе расследования.

Старостин зло запыхтел.

— О твоих дармоедах речь и пойдет.

Ларин насторожился.

— У тебя есть еще время до девяти ноль ноль. Почти сутки. И потратишь ты их, Денис, знаешь на что?

– Слушаю. – Ларин изобразил на лице максимум внимания.

– И правильно делаешь. За эти часы ты поставишь на уши всех своих орлов, но вычислишь контакты человека по фамилии...

– Филатов? – поторопился вставить Ларин.

Старостин крикнул и покачал головой.

– Салин.

– Салин? Это не из...

– Не из дворян, не напрягайся.

Виктор Николаевич Салин. Кормится при концерне “Сапсан”. Залегендирован под члена совета фонда “Система инновационных технологий”. Остальное нароешь

сам. Меня интересуют его контакты с неким человеком в твоей "конторе". Рассматривая их сквозь призму убийства Карнаухова. Только учти, с их системой шутки плохи. Любопытный нос могут оторвать вместе с головой.

— Иван, но Филатов же первый подозреваемый! — Ларин подался вперед. — Если убийство просто повод сунуть нос в твои архивы, то на Филатове шапка горит, это же очевидно.

— Если это Филатов, я даже не удивлюсь. Но мне интересен Салин.

— Есть данные?

Старостин усмехнулся.

— Скажу "да", ты за уши

притянешь, скажу “нет” – найдешь возможность подтвердить. Нет, дружище, на этот раз ты будешь работать, как полагается.

– Я всегда работал...

– Ладно, песни не пой! Мало что ли дел состряпал? Я прошу не стряпать, а перешерстить весь твой гадюшник. В твоих же интересах, заметь.

– Вот как?

– Ага. Я тебя с дачи вытащил, до сих пор огурцы окучивал бы. На Совбезе за тебя плотку драл, в кресло запихнул. Кто в этом кабинете мне поклялся, служить не за страх, а за совесть, или забыл?

– Я все помню, Иван. –

«Начинается! Сволочь, любит попрекать старым добром. Как-будто я по собственной воле в это дерьмо влез. Знал же, сволочь, что только самоубийца откажется работать на тебя, пока в стране идет Особый период. Ух, сколько же людей ждет, когда Староста свернет себе шею, даже страшно подумать». – Но одно дело искать убийцу, исполнителя или наводчика. А то, что ты мне предлагаешь...

– Поясню. – Старостин грузно откинулся в кресле. Сам был тяжел и неуклюж, как медведь, и мебель в кабинете подобрал под стать. – Не выгодно сейчас бесхозным быть. Опасно это. Поднять и удержать тебя

только я смог. Оттолкну – затопчут
вмиг или в шестерках бегать будешь.
А ты от рук отбился. Врать мне
рискнул. Не боишься из доверия
выйти, а? Один шанс у тебя, Денис
Михалыч, до утра добыть
"перевертыша". Кто-то же скурвился,
неужели не чуешь? Уж больно
быстро они тебе труп организовали.

Ларин не стал ручаться за
чистоту рядов своей конторы.
Почувствовал, что это вызовет новую
вспышку гнева Старостина.

Он придал голосу требуемую
уверенность:

– Иван, ты в праве не вводить
меня в курс своих дел. Но ответь.
Так, как сочтешь нужным. Ты уверен,

что у Салина мог быть интерес убрать Карнаухова? И второй вопрос. Ты уверен, скажем так, в вероятности такой связи? Слишком уж разный уровень. А контакт, насколько я понял, должен быть прямой.

— Ответ на первый вопрос: "но коммент", как говорят дипломаты, — криво усмехнулся Старостин. — Объяснять не буду, но данные у меня есть. На второй вопрос ответ прост. Как иначе можно было все прокрутить? Даже если у Салина свои специалисты есть, как не крути, без к о н т а к т а в твоей конторе ничего не вытанцовывается. Кто-то навел, кто-то обеспечил прикрытие,

кто-то концы в воду сунул. Кто это такой умный?

— Согласись, все из разряда домыслов. Подозревать можно кого угодно.

— Не тупи, Ларин! У тебя много народу на линии антитеррора работает? Вот среди них и ищи. Могу дать наводку. Насколько знаю Салина, он с тупыми служаками не работает. Человек должен быть на ключевом месте и ярким. Талантливым. Понял? Обрати внимание, что я предлагаю самый щадящий вариант: человек существует в единственном числе. Не потому я что глуп. Просто щажу твое самолюбие. Проворонить под носом

целую группу – это, согласишься, круто.
На тебя не похоже.

– Не-ет, группа исключается!

– Верю на слово. Ищи одиночку.

Это труднее, но интереснее.

Ларин прикинул в уме. С первого захода никого подходящего в Центре не вспомнил. Для него “волкодавы” и “лисы”, давящие и играющие многочисленные террористические группировки, расплодившиеся в стране, были на одно лицо.

– Тебя устроит даже отрицательный результат?

– Ну не совсем же я дубовый! Конечно, устроит. Если ты головой поручишься.

Ларин понимающе хмыкнул.

— А как иначе? — Старостин хмынул в ответ. — И последнее. Выполнишь на совесть, поговорим, как тебе жить дальше. Пора тебя из этой клоаки убирать. Есть мыслишка спихнуть тебя в отставку. Не делай круглые глаза! Пойдешь работать в Политсовет Движения. На место Карнаухова. Политика та еще грязь, но почище твоего "конторского" дерьма будет. Понял мысль?

— Понял. Морковку, значит, подвесил.

Старостин поморщился.

— Гордый ты до тошноты! Как твои дворяне беспартошные. Без морковки и ишак не пашет! Мне

старика заменить надо. Лучшего зама по особо щекотливым делам, чем ты, я не найду. Короче, решено.

— А Первый указ подпишет?

— А куда он, бедолага, от меня денется! Короче, иди работать. До утра найди засранца. И считай, кошек между нами не бегало.

Старостин протянул Ларину папку. Впервые за все время беседы Ларин увидел в его глазах улыбку.

«Что веселится? Ночью его тень убили, можно сказать, смерть вокруг вьется, а он веселится. Или играет? Конечно, играет», — подумал Ларин.

Сейчас он жалел об одном. Прошли времена когда шеф "конторы" мог взять "под колпак"

высших деятелей страны. Такое позволительно в исключительных случаях – когда лезешь в Генсеки. Так высоко Ларин никогда не метил.

– Да, чуть не забыл. – Старостин продолжал держать на лице отческую улыбку. – Облавы в городе никак не связаны с Карнауховым?

Первым желанием Ларина было соврать. Но он усилием воли сдержался. Знал, врать Старостину смертельно опасно. Мог простить глупость, но не трусливую ложь.

– Нет. Простое совпадение. Давно планировали зачистить рынки. А то совсем уже страх потеряли.

– Ага... Вечно у нас либо вместо, либо после, либо чисто

случайно. Ни разу на упреждение не сработали. – Старостин отмахнулся, не дав Ларину возразить. – Надеюсь, не твоя идея?

– Упаси Господь! Мой первый зам, Давыдов, инициативно решил прогнуться перед Первым. Предложил нанести удар по торговле оружием и рикошетом ударить по бандформированиям. Я не стал возражать, пусть нос себе расшибет. Дураку ясно, что дефицит оружия вызовет всплеск нападений на армейские склады...

– Или всплеск отгрузки с этих же складов, с последующей имитацией налета, – глухим голосом подсказал Старостин. – Кто

на Коллегии СНБ поддержал идею?
Не Филатов часом?

Ларин стал сосредоточенно разглядывать столбик пепла на кончике сигареты. Пальцы едва заметно подрагивали.

«Твою мать... Кажется, я зевнул такую комбинацию! Давыдов снюхался с Филатовым и крутят свои делишки у меня за спиной, а Калашников как шеф внутренней контрразведки прикрывает. Но тогда получается, что...»

Пальцы дрогнули, и столбик пепла упал на колено Ларину.

— Я всегда играю честно, — произнес Старостин. — Если предстоит сунуть голову туда, куда не

влезет остальное, то так и скажу. Вот и теперь я честно предупреждаю тебя, дружище, будь очень осторожен. Как никогда осторожен. Мне нужен только контакт Салина в твоей конторе. Кампанию по чистке чекистских рядов устроим позже. Но потянув за одного гаденыша, ты разворошишь весь гадюшник. Отдавай себе в этом отчет. Опасно, да. Но, согласись, это в твоих интересах.

Ларин тщательно очистил с брюк пепельное пятнышко.

– Мне потребуется прикрытие, Иван. Ты готов сцепиться с Филатовым?

Старостин кивнул.

– А какого хрена я тогда тебя сюда высвистал? Не рябчиков же жрать. В глаза друг другу надо было посмотреть. Перед серьезной дракой – самое оно.

– И какой итог гляделок?

Старостин помедлил. Привстал и протянул Ларину широкую ладонь.

– Иди с Богом. Я тебе верю.

* * *

Оперативная обстановка

Срочно

Совершенно секретно

Начальнику СОП РФ

генерал-лейтенанту Филатову

И.Л.

Оперативное донесение

Докладываю, что объект
оперативной разработки “Мент”
провел на литерном объекте

“Берлога” 32 минуты. Убыл в постоянный адрес в 14.47.

Ввиду принятых на объекте “Берлога” контрразведывательных мероприятий оперативная аудиозапись контакта “Мента” с объектом “Зубр” не велась.

ст. оперуполномоченный 7 отд. 2
отдела СОП РФ

Зинчук К. К.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Преторианцы

Седой в своем пальто, перемазанном грязью, блевотиной и сукровицей, походил на задержанного, а не на опера, возвращающегося со встречи с агентами.

Небо бы рухнуло на землю, реки потекли бы вспять, если бы Дмитрий удержался от шуточек в его адрес.

– Слышь, Седой. Теперь я знаю, как ты будешь выглядеть, когда тебя

из нашей конторы выкинут.

Дмитрий заржал первым. Остальные подхватили. Вовсе не из желания подыграть начальнику. Просто всегда приятно слегка попинать своего.

Седой промолчал. В машине было жарко и накурено. От подсыхающего пальто пошел кислый тошнотный запах. На душе было также: гадостно и паскудно. От удара дубинки ныла спина. Еще хуже было на сердце.

Седой не помнил, что было между тем, как он увидел в подъезде человека, и вытолкнувшего из забытья долгого зуммера рации. Странное ощущение не покидало его.

Внутри все было опустошено. Будто выговорился, выжал накопившийся гной обид и унижений, расхристался до несвежего исподнего души перед случайным попутчиком. Ушло все, что таил и копил, бередил и лелеял. Осталось только пустота. И в ней медленно проростала тревога. А вдруг случайная встреча будет иметь пренеприятное продолжение. И невольное покаяние обернется против тебя самого. А знание о сокровенном станет оружием, которое ты сам же сунул в чужую руку.

Он закрыл глаза, и тут же перед внутренним взором возник тот человек. Седой еще раз, в догон,

ужаснулся скорости изменений, которые произошли с тем странным типом: был серым, невзрачным и совершенно безликим, а в долю секунды личина рассеялась, как хмарь, и проступили снисходительная сила, уверенность в себе, отточенный интеллект, отшлифованная и прекрасно контролируемая боевая ярость, готовность убить и достойно принять смерть. И еще нечто странное и пугающее, что шло изнутри и концентрировалось в глазах. Седой отчетливо помнил, как за мгновение до полного забвения глаза незнакомца превратились в два водоворота в стилой ноябрьской

воде. Из таких не вынырнуть, как не старайся, они сначала сковывают тело и замораживают волю, а потом уже утаскивают в могилу омута.

— Слышь, Седой. Скинул бы ты пальтишко. Столько служишь, а не знаешь, что самый опасный террорист — это бомж с гранатой! — выдал с командирского места Дмитрий.

Все дружно грохнули таким хохотом, что у Седого зазвенело в ушах.

Шутка была дежурной, но запущенная к месту, всегда вызывала дружный гогот оперов.

Фразу “самый опасный террорист — это бомж с гранатой” на

полном государственном серьезе
выдала вице-председательша
Госсовета. Дама по-обкомовски
сиястая и безмозглая. Мало того,
что высидела мысль, как насадка
яйцо, так еще и раскудахталась на
весь Георгиевский зал, требуя
зачистить Москву и основные города
страны от завшивленных бездомных
горемык.

Выпучив глаза в праведном
гневе, с непередаваемым державным
пафосом доказывала, что легче всего
для терактов вербовать бомжа:
сунул ему в одну руку бутылку, в
другую – гранату – вот тебе и взрыв в
метро. Так вошла в раж, что
спросила у самого шефа ГСБ Ларина,

работает ли его ведомство по бомжам.

Интеллигентный Ларин долго жевал губы и пыхтел, глотая рвущийся наружу мат. Потом коротко обронил: “Примем меры”. Само собой, и пальцем пошевелить не собирался. Под описание госдамы подходило большинство граждан страны.

Говорят, по высоким кабинетам еще долго гуляла расшифровка аббревиатуры ГСБ в обратном порядке: “Бомж С Гранатой”.

Машина запетляла между бетонными блоками, поставленных в шахматном порядке. Впереди был блок-пост.

– Не понял? – протянул водитель и придавил педаль тормоза.

Седого резко качнуло вперед. И он открыл глаза.

Прямо у лобового стекла висела балка шлагбаума.

«Вляпались! Конспиратор хренов! – Седой скривил губы, наблюдая, как Дмитрий с вальяжной ленцой достает из бардачка пропуск. – Давай, давай, сучонок, работай. Сам закомандовал не светиться и пропуск на стекло не лепить – вот и нарвались!»

Судя по знакам различия, на блок-посту стояли бойцы из Сил Быстрого Реагирования. В город СБР ввели в ходе плановой замены

войсковых подразделений, приданных комендатурам. И почти сразу же выяснилось, что ребята с оранжево-черными нашивками на камуфляже жутко гонористые, упрямые и никого ни во что не ставят, зато молятся на своего командующего генерала Скобаря.

Молодой сержантик с осунувшимся лицом, давно и без пропуска все понял, не так уж много машин рискует пересекать границу Домена, а такие сытые рожи на каждом шагу тоже не встретишь, но упорно продолжал тянуть время, по извечной российской традиции мелко мстя залетному начальству демонстративно-тупым исполнением

этим же начальством придуманных правил.

Дмитрий тоже не спешил. За ним была власть и право ареста любого.

«Зря! Парень молодой еще, сдадут нервы – полоснет очередью. Пропуск твой хренов только в морге прочтут, если время будет», – подумал Седой.

Он чувствовал, как неудержимо вскипает злоба, захотелось двинуть кулаком в ненавистный затылок, туда, где уже наметилась плотная жировая складочка, выхватить пропуск и самому все разъяснить отупевшему от недосыпа парню.

«Ну и кретин! У, грохнули бы

тебя... Не доводи до греха, сволочь! Ему же все равно, по глазам видно, давно на все плевать. Сделает из "Волги" сито – и глазом не моргнет!»

Наконец-то Дмитрий достал пропуск и прижал его к стеклу. Но у солдата уже созрел свой план. Он пошевелил плечами, сдвигая промокший бронежилет, и слегка кивнул напарнику. Тот быстро сместился к багажнику.

– Вылезай из машины!

– Что?! – Дмитрий от неожиданности пустил петуха. – Что ты сказал, "сапог"?!

Парень поиграл желваками на скулах.

– Вытаскивай жопу из машины,

ясно?!

— Боец, да ты на пропуск посмотри! Читай — «Положено оказывать содействие...»

— На "положено" давно знаешь, что положено? Рысью из машины!!

Он отступил на полшага назад и скользящим движением снял предохранитель. Ствол смотрел прямо на Дмитрия. По глазам было ясно — будет стрелять, до последнего патрона, кромсать, пока не плеснет ярко-белое пламя, а потом станет смотреть своими перегоревшими пустыми глазами, как в ревушем аду будут биться эти жирные штабные свиньи.

У Седого между лопатками

шмыгнула холодная капля. Глупее положения придумать было трудно: переулочек наполовину перегорожен мешками с песком, сзади из подворотни высунул тупую морду БТР, их "фольксваген" зажат с двух сторон, а солдатик явный психопат, но если психанет, разбираться уже будут без них. Случись это где-нибудь в провинции, черт с ним, там вечный бардак, как норма жизни, но в Москве, в пяти минутах от родного Управления. Бред!

«За что боролись, на то и напоролись. Хотели порядка — хлебайте горстями! Только не наш это порядок, а вот таких пацанов с автоматом». — Седой отвел глаза

боясь встретиться с ним взглядом.

В машине стало тихо. В пальцах водителя дотлевала сигарета, тонкий дымок, дрожа у основания, тонкой ниточкой тянулся к окну. Дмитрий то ли выжидал бог знает чего, то ли отупел от неожиданности, но все еще прижимал к стеклу уже никому не нужный пропуск.

— Выходи! И мордой на капот. Руки — за голову. Все двери — открыть! Водила, вытащи ключи и брось на пол. Руки держи на руле, дернешься — первая пуля твоя. Остальные — сидят и не трепыхаются. Выходит этот. Самый умный. Все! Раз, два, три — пошел! — Он слегка согнул колени, ствол замер

на уровне стекол. – Пошел, я сказал!!

Седой закрыл глаза и сжал сцепленные пальцы между колен. В полной тишине было отчетливо слышно, как открылись двери, что-то глухо ударилось о капот и резко хрустнул под тяжелым сапогом камешек.

В распахнутые со всех сторон двери ворвался сырой ветер. Седой с тоской втянул острый запах дождя и поздних грибов.

«Вот и все. Когда-нибудь все должно было кончиться. Пусть так, если не вышло пожить по-людски».

– Эй, Кабан! – выкрикнул патрульный.

Седой открыл глаза. В зеркальце

хорошо было видно, как солдат, вальяжно развалившийся на броне БТРа и безучастно смотревший на эту сцену, расплылся в улыбке – его приглашали принять участие в бесплатном развлечении. Как видно, развлекались так не первый раз.

– Че?

– Через плечо! Старшого буди! – Патрульный упер автомат Дмитрию под ребро. – Тихо, зема, не рыпайся.

– А на хрена? – подыграл напарник.

– Морда треснет столько спать!

– Понял, не дурак!

Солдат со смаком грохнул сапогом по броне.

«Слава богу, стрелять не будут.

Вроде, обошлось. А Дмитрий сам виноват, довыеживался!»

Седой покосился влево и увидел, что рука Павлова медленно ползет к притороченному к спинке водительского сиденья автомату. Седой резко перехватил руку, больно стиснув запястье взмокшими пальцами, зло прошипел:

– Ты что, смерти ищешь?

– Пусти... Больно!

У Павлова весь нос был усыпан мутными бисеринками пота. Седой впервые видел, чтобы страх вызывал такое физиологическое действие.

– Успокойся, Миша, держи себя в руках.

Патрульный, что стоял у

багажника, грохнул прикладом:

— А ну, заткнулись, падлы! Руки за голову, живо!

Пришлось подчиниться.

Старший, с заспанным, помятым лицом, в давно нестиранном комбинезоне с капитанскими погонами, появился через две минуты. Хоть и был явно "под мухой", но сообразил быстро. Первым делом снял Дмитрия с капота, потом взялся за своих. Матерился он, конечно, виртуозно, но чувствовалось, что на мужиков он давно управы не имеет. Да и не хочет иметь.

— Сидоров, засранец, ты у нас грамотный или где? На кой хрен ты

тут мне стриптиз с балетом устроил, а?

– Действовал по инструкции. Принял меры и вызвал старшего.

– А глаза где твои? Какого хрена ты его раком на капоте поставил, чмо болотное! Я тебя сам раком поставлю! Пропуск смотрел? Че скалишься?!

– Он бы его еще в трусы спрятал. А полагается иметь на стекле. Так в инструкции сказано.

– Ты у меня не тупи, Сидоров. Если я начну тупить, тебе служба враз поперек жопы встанет. Не зли, ты меня знаешь. На номер смотри, баран! Открыл рот на ширину приклада и ворон ловишь,

допрыгаешься у меня, щегол
пестрожопый!

— Отупеешь тут, товарищ
капитан. Еще час без смены
простою, точно кого-нибудь из
автомата охерачу.

— Я сам тебя сейчас ломом
охерачу! Шлепай в машину, проспись
час, Перерве скажи, я велел
подменить.

Дмитрий зло чиркнул
зажигалкой. У Седого тревожно
запела тонкая струнка в груди.

Именно так все и начинается.
Маленькая нестыковка, диссонанс в
поведении, незаметный для других,
но тонкой невидимой иголкой
бередящей чутье истинного опера.

Что-то не вязалось. По идее, а своего молодого шефа Седой изучил вдоль и поперек, он сейчас должен был не сидеть, набывчившись, в кабине, а скакать вокруг полупьяного капитана, драть его до смерти, грозя всеми казнями египетскими, отводить душу после испытанного унижения. Но Дмитрий упорно не хотел светиться перед капитаном.

— Не, мужики, без обид. Бойцы оборзели, вторую неделю ждем смену, понять можно. Всякое бывает. Работа наша собачья — гавкать и не пущать. Вы без обид, лады? — Капитан наклонился к окну, заискивающе улыбнулся, показав ряд грязных щербатых зубов. — О, какие

люди! Слышь, старшой, че не здороваешься? — Он явно обращался к Дмитрию, но тот даже не пошевелился. — Извини, братан. Ты мне ночью такой подарок отвалил, в штабе до сих пор кипятком льют. Правда, это тот, что старика на Арбате грохнул? Если так, должок с меня. Подваливай со своими, я здесь ночью, отметим!

Дмитрия наконец-то прорвало. Он вытянул руку в окно, сгреб "сапога" за грудки и заорал в перекосившееся лицо:

— Я тебе отмечу, сволочь! На прочесывания в лес захотел? Устрою! Банда, а не взвод! Я тебе, бля, смену устрою! Штаны не успеешь менять!!

– Он повернулся к водителю. – Саша, не спи!

– Ты че, мужик?! – побелел лицом капитан.

– Рот закрой, сапог драный! – бросил Дмитрий в окно. – И шлагбаум задери, мудила!

Машина рванула с места, обдав обалдевшего "сапога" мелким грязным крошечком. Седой как-бы невзначай оглянулся, срисовав бортовой номер БТРа.

* * *

Уже в Управлении легкое подозрение, зародившееся у Седого в машине, переросло в уверенность. Стоило только сопоставить факты и Дмитрий спекался, как сосунок.

За долгие годы работы Седой усвоил главное: в первооснове самой сложной комбинации, самого накрученного дела лежит что-то до обидного элементарное, простое до невероятности: едва ощутимое желание или извращенная мыслишка, минутная трусость или элементарная зависть, наконец. Все растет оттуда, из грязи. Только бы не проскочить сгоряча, докопаться сквозь ворох бросовых фактов, найти и примерить на себя, без

брезгливости и гордыни, вжиться в изначальное, что толкнуло разрабатываемого к п о с т у п к у, и все становилось ясным, как божий день.

Он и заслужил славу тягуна и копалы за то, что один из многих шнырявших по коридору посредственностей и карьеристов испытывал истинное удовольствие, оставаясь вечером в опустевшем управлении, предаваясь, как сладкому тайному греху, копанию в каждой строке дела, выискивая и нанизывая на тонкую нить одному ему известной версии факты и фактики. Он был убежден, что эта презираемая большинством молодых

сторона их работы и была истиной сутью их сыскарского ремесла. А то, что благодарности не дождешься и бортуют тебя при раздаче наград, так бог им всем судья.

Дмитрий остановился у своего кабинета, полез в карман за ключами. Погруженный в свои мысли Седой сбился с шага и чуть не врезался в начальника.

– Не спи, замерзнешь! – Но и улыбка у Дмитрия сейчас получилась какая-то натянутая.

– Что дальше, шеф? Дмитрий покрутил связку на пальце. – М-м... Дальше будем действовать таким макаром. Контакт с “малышами” фуфловый. Пусть снимают наружку.

Боюсь, вспугнут. Переключи на технарей. Посмотрим, может, что-нибудь и вытанцуются. Чего это ты взбледнул, Седой? Перетрухнул малеха,а? Надо будет тебя на захват пару раз командировать.

— Мне там делать не фига. Пусть молодые геройствуют.

Дмитрий по авантюрной своей жилке обожал захваты. В командировки выезжал при первой же возможности. Возвращался бодрячком, с горящими глазами. Жаль, только живой. Обзавелся кучей дружков среди разномастных спецов силового задержания и огневых контактов. Готов был рассказывать о их и своих подвигах, только слушай.

Один раз обмолвился, что нет выше наслаждения, чем заглянуть в глаза только что свинченному клиенту. Седой это запомнил. Он помнил о шефе многое.

– Кому что, – обронил Дмитрий.

– Шеф, у меня полчаса будет?

Язва точит, на зуб бы чего-нибудь бросить. И душ не мешало бы принять.

– У тебя не язва, а яма желудка – сколько не ешь, а тощий. Не в коня корм. Давай. Только не пропадай. Полуправления из-за этих гребанных облав на выезде. В любой момент могут понадобиться люди.

– Спасибо.

Седой постарался побыстрее

исчезнуть с глаз начальства, пока оно не передумало.

Сейчас для него кровь из носу надо было пропасть на эти полчаса. Как старый кадр, он знал святое правило: над чем бьются в одном отделе, давно известно секретарше в соседнем, а все концы ищи в архиве.

В архив его гнало какое-то странное чувство. Смесь страха с сосущим чувством голода. Причем, голода по чему-то сладкому и запретному, словно припрятанная шоколадка.

Со страхом еще более-менее все было ясно. Адски рискованно совать нос в старые дела, да еще без ведома прямого начальника. Только за одно

это любопытный нос расквасят в кровь. А если Дмитрий узнает, что носом копали под него лично, то оторвет нос вместе с головой.

А вот мучительно сосущая тяга к запретному, но сладостному... Оно было гороздо сильнее, чем обычная щекотка от прикосновения к чужим похабным тайнам. А сколько их подшито в литерных делах, ого-го! Слюной и испариной от возбуждения изойдешь, пока перечитаешь.

Только в переходе между зданиями Седой вдруг осознал, что бежит, как испугнутая мышь в нору. Исходя потом от страха и предвкушая удовольствие, когда из темной безопасности норки можно будет

показать кукиш всем котам на свете.

Осознал и невольно сбился с шага.

«Да, я трус! – зашипел он на самого себя. – А кто тут герой? Суки одни и пауки в банке. Герои у нас, блин, на кладбище гниют».

Он машинально натянул на лицо улыбку и кивнул идущему навстречу соратнику по конторской войне. Засекреченная личность в сером костюме, черной рубашке и синем галстуке с искоркой, с никогда не выходящем из моды крохотном значочке на лацкане пиджака, кивнула в ответ. Аппоплескический румянец на отекавших щеках при этом сделался еще сочнее.

Преторианы

Барабин, прищурив от дыма один глаз, зажав изжеванную сигарету в углу рта, держал на вытянутой руке карточку фоторобота. Седой отметил, как она подрагивает в пожелтевших от табака пальца.

На обороте карточки кто-то из оперов написал для памяти: “Максим Иванов. Кличка “Странник”. Особо опасен. Ликвидировать при обнаружении”. Карточка не один год висела на стенде в отделе, прямо напротив рабочего стола Петровского, затерявшись среди нескольких десятков таких же

смазанных физиономий лиц, находящихся в вечном розыске.

— А что означает крестик насупротив фамилии? — спросил Барабин.

— Якобы ликвидирован.

— Якобы? — чутко среагировал Барабин. — И давно ты в этом сомневаешься?

— Сегодняшнего дня, — немного помявшись, ответил Седой.

Барабин накрыл карточку ладонью и внимательно посмотрел на Седого.

— Угораздило же тебя, Михаил Петрович.

— Что, серьезно?

— Вот принесут папочку,

поймешь. По твоему описанию и этой картинке, с учетом того, что фоторобот — дело максимально смутное... Но память меня еще не подводила.

— Потому я и здесь. Таких спецов, как ты, скоро не останется.

Барабин польщенно хмыкнул. Потянулся к сейфу.

— Может пока по маленькой? Для разрядки, а?

— Давай! — От острого желания выпить у Седого резью свело горло. — «Сейчас полста — не помеха. Только голова лучше фурычить будет. А разберусь со всей этой бодягой, напьюсь, ох, и напьюсь! Рожухин мой спекся, ясно, как божий день... Слава

тебе, господи, одной сукой меньше станет!»

Выпили из тонкостенных "служебных" стаканов, как стойкие часовые окружавших пузатый графин.

«А вот интересно, есть ли в "конторе" хоть один стакан, из которого не разит всеми сортами спиртного? Надо начальству подбросить идею, пусть устроят рейд по обнюхиванию всех стаканов. С "оргвыводами", как водится, — подумал Седой, наслаждаясь теплом, хлынувшим по венам. — Ого! Во, дает!»

Барабина развозило прямо на глазах. Одутловатое лицо медленно

наливалось краской, дрябло обвисли губы, в глазах появилась безумная поволока.

– Степаша, ты чего? На старые дрожжи развозит?

– Не-а. На новые. – Барабин облизнул губы. – Мне теперь стакана хватает. Да и пьется здесь легко. Это у тебя суета круглый день. А здесь – тишина. Болото, бя!

– Сам ушел с “земли”. – Седой всегда завидовал людям, способным на п о с т у п о к.

– Ибо в дерьме копать устал! И крови боюсь... – Барабин погрозил пальцем. – Я же между делом почитываю что вы сюда сплавляете, писаки херовы! Да и старые

архивчики, что не сожгли пока перестраивались, тоже, я тебе скажу, еще то чтиво. Пьешь под них, закусывать не надо! Работники, мать вашу за ногу...

— Всех-то не суди! Кто задницу рвет, а кто лямку тянет, — почему-то вдруг обиделся Седой.

— Все одно. Все на одной сковородке жариться будем. И большие, и маленькие. И те, кого для отмазки шлепнут, и те, что своей смертью помрут.

— Ну, тебя несет, Степан! О вечном начал думать?

— О чем еще думать в архиве, как не о вечном? Нет уже никого: и кто стучал, и кто дело крутил, и кому по

тому делу яйца открутили и лишнюю дырку в башке сделали, а дела — вон они. Стоят, родимые, как кирпичи в Китайской стене. И века еще стоять будут.

Барабинское лицо стало пунцовым, видно, эти полста коньяку, действительно были не первыми. Седой помнил времена, когда перепить Барабина было даже теоретически невозможно. — “Ох, сдал мужик! Скоро совсем сопьется”, — подумал он и демонстративно отодвинул стакан.

Барабин пошамкал дряблыми губами и продолжил мысль:

— Стоят, да... Только не папки это, Мишаня. А консервы с дерьмом.

В котором весь мир утопить можно.

В селекторе зашуршало и мягкий голос произнес:

– Принесли, Степан Андреевич. Мне войти?

– На подпись есть что? – спросил Барабин.

– Не срочное.

– Пускай отлеживается. А папку давай сюда. – Барабин вытер губы. – Твою порцию дерьма принесли, Миша. Шас покушаем.

Секретарша внесла тонкую папку, положила между стаканами. Молча вышла.

Седой проводил взглядом ее крепкие бедра, туго обтянутые юбкой, и улыбнулся:

– Я даже брошу пить!

– Из-за Ирки-то? Не стоит.

– Точно? – Петровский

подмигнул.

– Можешь мне верить. – Барабин расплылся в самодовольной улыбке. – Видал, даже бровью не повела!

– Твоя школа?

– А то! Сам муштровал. А то пришла дура-дурой после ускоренных курсов. Ни в рот взять толком не могла, ни папки по номерам расставить. Ты бери пока, читай. Даю десять минут. Больше нельзя, у меня своих стукачей, как тараканов. Еще будешь? – Барабин потянулся к бутылке.

– Капни чуток, – сдался Седой. –

“Не умру. Тем более, что один он
пить не станет, еще обидится”, —
подумал он, пристраивая папку на
коленях.

* * *

Оперативная обстановка

*Протокол допроса
полковника ВВС Семенихина В.Б.
(фрагмент)*

«Там такой крутой поворот, едешь почти вслепую. Только из поворота вышли, сразу его увидели... Водитель от неожиданности дал по тормозам. Правильно сделал. Там, они трос натянули. УАЗик тряхнуло и поволокло вперед. А этот... Он стоял посередине дороги и спокойно смотрел, как неудержимо тащит к нему машину. Автомат опустил на скрещенные руки, стволом вниз...»

Ретроспектива

Странник

Он стоял посредине дороги и спокойно смотрел, как неудержимо тащит к нему машину. Автомат опустил на скрещенные руки, стволом вниз. Так удобнее, ремень не давит плечо.

«Нормально, Макс! Только не мандражируй. Чем ты спокойнее, тем больше они паникуют. Если что, правая – к курку, левая ведет цевье,

ствол вправо — очередь в левое колесо, отпрыгнешь влево, и с колена — в правое заднее... Ты успеешь. Только держи себя в руках».

УАЗик не дотянул пяти шагов. Максимов невольно подал корпус назад, спиной ощутив, как дрожит на ветру туго натянутый трос.

Сквозь темное лобовое стекло лица людей казались размытыми пятнами.

«Не давай им опомниться! Не дай бог, полезут в дурь. Пока в шоке, они твои. Раз, два, три... Пошел!»

Он быстро подошел к машине. Рванул дверь водителя. Сержант сидел, чуть подавшись вперед, пальцы скрючились на руле.

Максимов сунул руку в кабину, выключил мотор и вынул ключи из замка.

Сразу стало оглушительно тихо. Где-то далеко в лесу отчаянно загомонили птицы. Пахло разомлевшей от зноя травой и взбитой в воздух по-летнему белой пылью.

Максимов левой рукой осторожно положил ключи на капот. Водитель сразу же уткнулся взглядом в ярко заблестевший брелок.

«Пока нормально. Парень в шоке, очухается нескоро. А полковник уже начал соображать. Молодец!»

Он отступил назад, ствол по-

прежнему смотрел точно в бок водителю. В кабине кроме этих двоих никого не было.

«И слава богу. Подвела бы разведка, все пошло бы насмарку. Просто чудо, что он никого не подобрал по дороге. Пока нам везет».

– Только не дури, полковник. У всех нервы. Не надо. Я не один. Малейший понт – из машины сделают сито. – Максимов говорил тихим голосом, без нажима, боясь испугнуть. – Выйди. Разговор есть.

Полковник, косясь на автомат, медленно открыл дверцу и вылез из машины.

Максимов отступил еще на шаг.

«Самый опасный момент.

Ударит моча в голову, схватится за пистолет. Сунется назад в кабину и пальнет. Придется стрелять. Парня наверняка зацеплю. Спокойно, сам не дергайся!»

Вчера он сам настоял, что на дороге он должен быть один. Пусть страхуют, как хотят, но один.

Сейчас, конечно, страховали, полковник был под постоянным прицелом. Стоит только потянуться к кобуре, срежут первым же выстрелом. И черт с ним, значит, говорить с ним не о чем. Но операцию придется крутить по полной программе, а этого как раз Максимову меньше всего хотелось.

«Выпендреж! По раскладу ты

прав, но это — дешевый выпендрей! Если в гроб захотел, делай. Но учти, Макс, этого понтырщика я сниму лично. При первой же подставке с его стороны, пусть только дернется. А потом из его аэродрома целину устрою, понял? И ты мне мешать не будешь. Все! Замяли!» — Юрка был прав, тысячу раз прав, но Максимов никогда бы не простил себе действий по "крайнему варианту".

Полковник спокойно встретил его взгляд:

— Мне сдать оружие?

— Не надо. Отойдем немного.

Максимов кивнул на кювет.

Оперативная обстановка

Протокол допроса
полковника ВВС Семенихина
В.Б.
(фрагмент)

«... Похож. Да, это он.

Но тогда у него были уставшие глаза. И лицо уставшее, издерганное лицо. На щеке царапина. Наверное, веткой полоснуло. Камуфляж старый. Линялый такой, в заплатах. А глаза запомнились больше всего. Глубокие. И уставшие. Он сидел рядом и

молчал...»

* * *

Он молчал, внимательно разглядывая полковника. Потом облизнул побелевшие от пыли губы:

– А ты крепкий мужик, летчик. С тобой можно говорить начистоту. Мы тут крутимся не один день. Разнюхали все. Вчера вечером я был под твоими окнами. Ничего не стоило бросить гранату или выстрелить в окно. Охрана аэродрома для нас не помеха, поверь

мне. Но это лирика, а сейчас — главное. Только не перебивай. Постарайся понять, многого я тебе сказать не могу. Но ты поймешь, я уверен. — «Он хорошо держится. Водила бы не начудил. А пока все нормально. Так, теперь у нас полный порядок».

Через плечо полковника он заметил, как к машине подполз Юрка и встал у открытой двери. Максимов сломал травинку, пожевал, ощущая под языком приятную горечь.

— Кто я такой, надеюсь, уже понял?

— Примерно.

Полковник поджал губы. На заветренной щеке поблескивали

черные точки плохо пробритой щетины.

— Поговорим как мужик с мужиком. Ты готов?

— А что мне еще остается? Ты себе все козыри сдал.

— Не все. Я не держу на мушке твою жену и детей. Не приставляю им ствол к голове. Обещаю, при любых раскладах ты уедешь отсюда живым. Разговор пойдет на равных. Ты солдат, и я солдат. Еще есть время договориться. — Максимов сплюнул горечь. — Сегодня, крайний срок — завтра ты получишь приказ. В этом районе будет проводиться акция.

— Какая еще акция? — Полковник насторожился.

— Вы хорошо жили. Как на острове. Впрочем, как и мы... Откуда тебе знать, что в мире делается. Смотри!

Максимов вытащил из нагрудного кармана пачку фотографий. Внимательно следил, как каменеет лицо полковника. Тот быстро перебирал фотографии, подолгу задерживаясь на самых страшных — с убитыми детьми.

— Акцией теперь о н и называют зачистку территории. Фильтрация с последующим принудительным выселением. Люди сопротивляются, как могут. Так или иначе, все кончается вот так. Снимки не я делал. Нашел на убитом. Мудак,

носил на память. Как тебе это?

— Причем тут я?

— Нет, к этим фотографиям ты отношения не имеешь. Но к тому, что запланировали в нашем районе, да. Ты будешь прикрывать с воздуха и обеспечишь их десантирование в район Выселок. Час лету отсюда, знаешь, где это?

— Да. Мои к ним пару раз летали. Нормальные люди живут. Пашут от зари и до зари. Черт с ним, что из городов сбежали, ни кому же не мешают?

Максимов покачал головой.

— Государев пес, а не понимаешь! Без царя люди живут. Нельзя так! Сыто и свободно жить

нельзя, человек должен, как пес, сидеть на цепи и с голодухи служить за баланду. На этом все и всегда держалось.

— Слушай, я ни черта не понял...

— Это война, полковник. Сначала война пришла в наш дом. А теперь она пришла к тебе. Я не имею право решать за тебя, все решишь ты сам. Хочешь остановить ее на пороге, остановишь. Нет — Бог тебе судья. Но решать придется. Выбор за тобой.

— А что я могу выбрать? Я присягу давал.

Максимов разрешил себе разозлиться.

— Вот и выбери, что я — твой враг. Которого поклялся истреблять,

не щадя жизни. Или как там сейчас в присягах пишут... Выбери, и отгребешь по крайнему варианту. Я не выпущу отсюда ни одной "вертушки". Проще всего поднять в воздух цистерны, пожечь все вертолеты, гранатами забросать казармы. Представляешь, какой фейерверк здесь получится?

Полковник зло прищурился.

— Так чего ждешь? Или на испуг берешь?

— Не для того я тебя сюда вытащил. Да ты и не из пугливых. Тебя хватит попытаться сейчас вырваться. Или нарваться на пулю. Надеешься, что вас хватятся. Найдут машину и объявят тревогу. Я угадал?

— По хмурому лицу полковника пробежала тень. — Ну, допустим, удалось тебе это. Погиб ты героически. А дальше, что? Допустим, твой полудохлый взвод охраны и технари отобьются, поднимутся вертушки и отстреляют нас, как волков. Ну я погибну героически. А дальше-то что? Ты пойми, кто-то там, — Максимов кивнул за лес, — нас приговорил. А мы с этим не согласны. И терять нам нечего. Задавить нас нетрудно, в поселении девки молодые, дети да пацаны. Но если хоть одного вы упустите, он проползет, слышишь, даже раненный проползет, и отравит воду. Литр настойки трав в системе

водоснабжения — и счет будет равный. Всех ваших за всех наших. Только так!

Максимов внимательно следил за глазами полковника, ровно на миг в них мелькнул неподдельный страх.

— Ты... Это... Долбанутый, да?

— Вот теперь ты испугался. Подумай о своих людях. Зачем им война? А так оно и будет! Пойми же, ты, сюда гонят банду убийц. И людей просто вырежут! Вырежут и пожгут там все. Это же бешеные собаки, их стрелять надо, разговаривать с ними мне не о чем. — Максимов ткнул в фотографии. — И эту грязь ты на себя возьмешь. Значит, станешь таким же, и разговора у нас больше не

получится. Не лезь ты в эту грязь, прошу тебя. Ты же летчик! Что у тебя общего с этим зверьем?

Полковник скрипнул зубами.

— Я не могу не выполнить приказ.

— Нет таких приказов для солдата — своих стрелять! У тебя один выход. Если ты, конечно, не горишь желанием прогнуться перед начальством и заработать очередную висюльку. Хочешь, подскажу?

— Ну?

— Сделай так, чтобы зверье не ночевало на аэродроме. Тогда у меня не будет соблазна накрыть вас одним ударом. Подсказываю, скрытно переночевать день-другой можно в

бывшем санатории.

— Это где раньше шизиков лечили?

— Да. От тебя всего три километра по грунтовке. Корпуса сохранились. Не баре, поспят на досках. Их будет два взода, не больше. Поместятся.

— Получается, я сам их на закланье отдаю, так?

— Не ставь себя с ними на одну доску, полковник. Ты — летчик, а они — звери. Отдай их мне. Все равно не люди они, зверье.

Полковник закрыл лицо ладонями. Долго растирал кожу, словно умывался.

— Я должен подумать, —

выдохнул он.

«Правильно! Иначе я бы ему не поверил. Он все обдумает и решит, как отрежет. Мальчишка загорелся бы и полез на рожон. Этот должен все взвесить».

— Хорошо. — Максимов пружинисто встал. Ростом он оказался по плечо летчику, но гибче и легче в кости. — Я тебя прошу, не делай глупостей. Сегодня ровно по нолям у тебя в кабинете должен трижды мигнуть свет. Я пойму, что ты сделал правильный выбор. В противном случае твой аэродром превратится в большую свалку. И один фиг им негде будет спать. Акцию отложат, а за это время мы

уйдем глубже в леса. Вот чуть не забыл!

Максимов протянул ему обрезок гильзы от крупнокалиберного пулемета.

— Откуда? Я все утро искал. Карандаши в нем держу...

— От верблюда! Я же говорил, что был у тебя под окнами, а ты не поверил. Держи!

Полковник машинально взял гильзу и сунул в карман бушлата.

— Мы у тебя кое-что со склада позаимствовали. Без обид, ладно?

— Ептыть! — простонал полковник, закатив глаза. — Что?

— Мелочевку всякую. Не пугайся, ЗИПы к вертушкам не тронули. И вот

еще. У водителя за сиденьем автомат. Проследи, как бы все не испортил.

— Да, конечно. — Полковник, как загипнотизированный, вяло кивнул.

— Вот и славно. И еще. — Максимов заглянул в болючие глаза полковника. — Как мужик мужику скажу: пуля в лоб — это не выход. С тобой или без тебя, все будет, как я сказал.

* * *

Оперативная обстановка

Протокол допроса
полковника ВВС Семенихина
В.Б.
(фрагмент)

«...Трос упал на дорогу, кто-то в лесу отвязал. Мы сразу тронулись. Тут водитель, сержант Осипов, как проснулся, заорал благим матом и полез за автоматом. Я не дал. Выхватил и бросил на заднее сиденье.

Вопрос. Почему не открыли огонь? Где был в это время тот

человек?

Ответ. Просто не смог. Не смог — и все! А этот... Он стоял и смотрел нам вслед...»

* * *

Ретроспектива

Странник

...Он стоял и смотрел им вслед.

Машину заволакивало белым

пылевым облаком.

Юрка беззвучно подошел сзади. Легонько ткнул в бок.

— Хорош маячить, пошли. Как он?

— Мужик!

— Я видел, что не баба. Результат-то есть?

— Все будет нормально, я уверен.

— А вот мой результат. — Юрка показал побелевший указательный палец. — Затек, пока ты с ним лясы точил. Всю кровь ты из меня выцедил, Макс!

— Не помрешь. Учись, пока я живой. В нашем деле главное лишние грехи на душу не принимать.

— Да все я понял! На душе с утра

свербит, дай спокойно поворчать.
Скорее бы прилетели, гады,
ненавижу ждать!

– Не егози, молодой. Наберись
терпения. Это война будет долгой.

* * *

Преторианцы

Барабин вполглаза следил за выражением лица читающего Седого, катал остатки коньяка по доньшку стакана. Ждал.

– Не хе-хе себе! – Седой закрыл папку.

– А то! Вопросы есть?

– Масса.

– Вижу, глазки загорелись! – Барабин пьяно погрозил пальцем. – Мой совет, остынь. Ничего путного из этого не высосешь. Только мордой об асфальт приложат и, кстати, будут правы.

– Тут же дураку ясно...

— Мишаня, не лезь. Шлепнули полковавта — и тишина! Дело сдали в архив.

— Боец заложил?

— Само собой. Но он и сам особо не рыпался. Все твердил: я свой выбор уже сделал, я свой выбор сделал... Ну как такого не уважить пулей?

— Выходит, сам под трибунал пошел?

Барабин цокнул языком.

— А не было трибунала, Миша. Не делай круглых глаз, не первый год за мужем, как говорит мой шеф. Не было! Было служебное расследование. Пристрелил его от полноты чувств один из оставшихся в

живых спецназовцев. Конвой, типа, не доглядел. Но дело замяли. Оба дела, как ты понимаешь. Для бестолковых написано. – Он взял папку и показал штамп на серой обложке. – «Выдавать по разрешению Первого заместителя директора ГСБ РФ». – Да не смотри ты на меня, как бык на телку! Ты дальше читай.

* * *

Ретроспектива
Странник

Юрка передал ему бинокль и подвинулся, уступая место на ветке. Они забрались под самую макушку сосны, отсюда просматривался и простреливался весь лагерь.

— На, посмотри. Не фигу в прицел не увидишь.

Максимов повесил на руку винтовку, поднес бинокль к глазам. В зеленовато-фосфорном свечении бинокля ночного видения отчетливо проступили контуры человеческой фигуры, замершей у угла барака. Он перевел взгляд чуть правее. Еще один человек, полускрытый в тени крыльца, будто почувствовал, что на него смотрят, трижды покрутил рукой над головой.

— Какой-то затык. Антон семафорит. — Максимов вытащил острую хвоинку, проколовшую черную ткань маски. Щелчком отправил в полет. — Прикрой меня, пойду проверю.

— Если спалитесь, что делать?

Максимов помедлил с ответом. Передал Юрке пульт дистанционного подрыва.

— По-любому, подрывай мины. Считай, что нас уже нет. А пока держи своего часового на прицеле. Только дернется, гаси.

Он осторожно вступил на канат, протянутый к соседнему дереву, замер на мгновение, собираясь, и, быстро перебирая руками, исчез в

темноте.

Как только стемнело, они скрытно подобрались к лагерю и растянули "обезьяний городок" по окружавшим его соснам. Теперь можно было передвигаться во всех направления, не боясь нарваться на растяжки, установленные по периметру лагеря и вокруг единственного уцелевшего корпуса, в котором расположился на ночь спецназ.

Максимов беззвучно спрыгнул на землю. По ложбинке обошел секрет; солдат, расположившийся у трухлявого пня, не подозревал, что уже давно взят на прицел. Как и трое других, сторожившие периметр

лагеря. В ночном воздухе от места, где притаился солдат, ползла тягучая струйка специфического армейского запаха. Был соблазн подкастаться и снять часового, но Максимов решил не рисковать. В конце концов, Юрка уже перекрестил часового прицелом.

Он подполз к Антону, тот оглянулся на шорох и поднял указательный палец вверх, потом медленно указал им на траву в метре от Максимова.

Максимов пошарил в траве и наткнулся на тонкую проволоку. Антон покачал пальцем – "не надо".

Это была хитрая растяжка, стоило по привычке перерезать натянутую проволоку, как рядом

взрывалась соседняя, сработавшая от ослабления натяжения.

«Голь на выдумку хитра». — Максимов, на четвереньках подобрался к Антону.

— Контакт, — выдохнул ему в ухо Антон. — На центральном заряде нет контакта.

Максимов на секунду задумался, посмотрел в сторону юркиной сосны, потом на полуразвалившуюся котельную, где уже ждала сигнала группа нападения. Напротив крыльца залег Шланг, прикрывая Максимова с Антоном.

Надо было срочно решать, везение — продукт скоропортящийся.

— Может, гранатой? — подсказал

Антон.

Максимов протянул открытую ладонь.

— Пульт, — одними губами прошептал Максимов.

Антон вложил ему в ладонь плоскую коробку.

— Отползай.

Антон кивнул в сторону котельной.

Максимов развернул за плечо Антона и указал на остов сарайчика в полуста метрах от них. Свиду прикрытие хиленькое, но кирпичный фундамент вполне мог защитить от взрывной волны и осколков.

Максимов хлопнул Антона по плечу — “Уходи!”

Максимов дважды ткнул пальцем, указав Кольке-Шлангу новую позицию, подал знак Юрке – "следи за мной" – и пополз к слуховому окну.

Антон обеспокоено оглянулся, Максимов махнул рукой – "уходи!", и нырнул в сырую темноту подвала.

Подсвечивая себе точечным фонариком, он пробрался через груды хлама и ворохи старого, слипшегося тряпья, к шалашу из ржавых скелетов больничных коек, под которым они установили фугас.

«Нет, не могли обнаружить. Шум бы сразу подняли. Да и не совались они в подвал. Вход давно завален, забраться можно только

через окно. Что-то не так. По всему же видно, нападения они не ждут. Раслабились, как на курорте».

Кирпич, придавивший ком гнилого одеяла был на месте.

Максимов опустился на колени. Сдвинул ком, прикрывавший фугас.

Один из проводков на детонаторе был разорван. Максимов тихо присвистнул. Фугас собирал сам. Контакты перед закладкой были в порядке.

Он достал нож, зачистил кончики на проводе.

Пальцы чуть дрожали. Как ни гнал мысль, а все равно проползла в сознание, выжав из тела холодный пот.

«Это ты расслабился, как на курорте», – подумал он, добела сжав губы.

Маскировать заряд хламом не стал – уже не было смысла.

* * *

Оперативная обстановка

Стенограмма допроса

командира ОБОНа капитана

Геркулова Петра Геннадиевича

Ответ: А что оставалось делать?

Не нюхать же краску вместе с летунами! Ремонт они, видите ли, затеяли. Не раньше и не позже! У меня и так еле-еле рота, еще не хватало, чтобы половина с отравлением слегла. Обстановка: в единственной казарме — ремонт, бойцы кукуют в палаках, в офицерских домиках, как в Шанхае, блохе негде приземлиться, в столовой жрать нечего, пайки урезаны ниже некуда. Их командир на меня волком смотрит. Засекретились так, что он обо всем узнал в последний момент. Сцепились мы с ним, глотки порвали, а что толку? Мужика понять можно. Мы ему, как татарва в гости. Приказали обеспечить

десантирование, но не проживание же, да? У него, кстати, из семи “вертушек” в рабочем состоянии три. Но как-нибудь управлись бы...

А, еще! Там не аэродром, а поле голое, за версту нас видно. Никакой скрытности. “Семьдесят шестой” нас высадил и сразу улетел. А мы, значит, как комар на заднице у слона... Полурота в полной выкладке.

Короче, дал я команду залечь, чтобы не маячить. И с замом поперлись, то есть, выдвинулись мы в этот лагерь на разведку. До аэродрома — минут десять по грунтовке. Место хорошее. Там, говорят, сначала пионерлагерь был, потом переделали под психбольницу.

Или наоборот, я не запомнил. Корпуса остались, кое-где из досок, а центральный и один спальный — из кирпича. Оборудование вывезли, остальное местные давным-давно порастащили. Бардак ужасный, но спать можно. Главное, сверху не капает. И лес кругом.

До ближайшего населенного пункта — час по грунтовке. Деревня Борки. На карте есть, а в реале — бузиной и крапивой все поросло.

Вопрос: Вы осматривали деревню?

Ответ: Лично — нет. Послал трех бойцов. Они доложили, что в деревне давно никто не живет. Относительно целы три дома. Нам там не

уместиться. Да и приказ был, сосредоточиться и выдвигаться в район проведения акции, минуя населенные пункты. Тут лучше затупить, чем потом оправдываться, что карта старая и на ней деревня несуществующая обозначена.

Вопрос: Во сколько вы были в лагере?

Ответ: В пятнадцать тридцать. Все сделал по уставу. Выставил боевое охранение, прошерстил лес по периметру. Никаких следов посторонних не обнаружили. На всякий случай, установили сигнальные растяжки.

Вопрос: Есть показания, что вы все-таки нарушили скрытность

расположения.

Ответ: Ну, разрешил я им сбегать на реку! Помыться и подмыться. Все равно там глухомань. На карте — деревень, как муха наредила, а на самом деле — одни кабаны да волки. Из Москвы, оно, виднее... Только я действовал по обстановке.

Вопрос: Что было потом?

Ответ: Поужинали, провел проверку — и отбились.

Вопрос: Все были налицо?

Ответ: Так точно.

Вопрос: Спиртные напитки распивали?

Ответ: Не распивали. Это... По пять капель приняли от холода, было дело, врать не буду. А чтобы пить,

такого не было.

Вопрос: Что произошло непосредственно перед нападением?

Ответ: Я вышел, значит, на крыльцо, хотел караул проверить. Моя смена была до полуночи, а потом зам должен был посты дрючить. Бойцы у нас опытные, но командирский присмотр, все равно, требуется. Да и не спалось мне, если честно. Предчувствие какое-то...

Вышел, гляжу — вроде кто у дорожки маячит. Подумал, бойцы до ветру вышли, а до кустов, значит, лень дойти.

Ретроспектива

Странник

Максимов развернулся на звук хлопнувшей двери. Силуэт человека на секунду возник в полосе света и тут же пропал.

— А-а, бля, сынки, попались! Ну-ка, оба сюда, рысью, я говорю! Счас я вам, козляры мерзкие, устрою. Нашли, где срать, поганцы! — Два тяжелых шага ухнули с крыльца.

«Со света в темноту. Он плохо видит», — сообразил Максимов.

Максимов вскинул “Винторез” и дважды выстрелил с вытянутой руки.

Не услышал, а почувствовал, как хлопнули с деревьев выстрелы, гася часовых.

Колька – Шланг сбил захват, попробовал провести подсечку. Не получилось. Блокировал приклад, летящий в лицо. И кувырком ушел в темную полосу кустов.

«Хрен с тобой!»

Максимов рухнул в канаву. Нажал кнопку на пульте.

Земля гулко дрогнула...

* * *

Оперативная обстановка

Стенограмма допроса

командира ОБОНа капитана

Геркулова Петра Геннадиевича

Ответ: Вот ты умный, ты мне скажи, откуда у него “Винторез”? Я же выстрелов не слышал. Два хлопка. Херак меня в грудак – и автомат кувырк в сторону. Херак второй раз, вот сюда, слава богу, бронник, как трусы, ношу постоянно. С такого расстояния, прикинь! Это же, как рельсом накернуть. Я, естественно, на жопу – и глаза в потолок. Затылком шваркнулся, звезд не надо, свои были! Такой вариант, значит.

А как только ушами начал шевелить, встал на четыре кости, ни дышать, ни орать не могу. Тут, значит, и рвануло. Меня по земле проволокло и башкой опять припечтало. Я и вырубился.

Очухался, когда тревожка с аэродрома подоспела. А хрена с них толку! Чуть друг друга не постреляли. Такой вариант. Правда, моих, кто уцелел и из здания сыпанул, минами направленного действия замочили, или врут?

Ответ: Правда. По периметру здания стояли четыре кустарно изготовленные МОНки*. В полосу поражения попали все, кто выпрыгнул из окон. Практически все

были уничтожены. Остальных, кто пытался отстреливаться, доби́ли. Стреляли снайперы с деревьев. Потом атаковали по земле. Зачистили и собрали оружие.

* — мина осколочная, направленного действия; предназначена для уничтожения живой силы противника, в основном — наступающей пехоты, зона поражения — сто метров по фронту, двести метров в глубину.

Ответ: Откуда здесь такие спецы? Мастера, едри их!

Вопрос: Вопросы задаю я. Сколько у вас было на поверке

личного состава?

Ответ: Пятьдесят два.

Вопрос: А осталось в живых, считая вас, десять! Да и те в строй не скоро встанут. Как вам такая арифметика? В результате вашего самоуправства группа полностью утратила боеспособность. Сорвана операция, разработанная Центром специальных операций. Ушли от возмездия преступники. Вы осознаете степень вашей вины?

Ответ: Почему самоуправство? Я не мальчик, тебе. Обо всем доложил по команде. Полковник Зеленчук дал добро на расквартирование в лагере...

Вопрос: Следствие не

обстановке". Согласитесь, назвать это приказом или распоряжением о расквартировании вне аэродрома нельзя.

Ответ: Да я всю жизнь по обстановке действую! У нас же ни одна скотина четкого приказа не отдаст! "Поди туда, не скажу куда, накрой того, сам знаешь кого" – вот их приказы! А ты как хочешь, так и крутись. И отвечай! Выполнил – виноват, не выполнил – все равно виноват. Такой вариант! Хоть плачь, хоть пей... Ну ты-то понимаешь, что меня подставили?

Вопрос: Прошу успокоиться. Следствие еще не закончено. Разберемся. Меру вашей

ответственности определит
трибунал.

Ответ: Трибунал? Ладно, пусть трибунал и ответит, откуда у них “Винторезы” и МОНЫ? Слышь, ты, умный! Я тут с мужиками своими перетер. У нас в полку группа три недели назад с задания не вернулась. Так, может, они здесь полегли, а? Вот тебе и “Винторез” и мины.

Вопрос: Повторяю, следствие на закончено.

Ответ: А ты выясни! Ух, если бы мне сразу довели, что до нас тут уже группа пропала, разве я бы шагу с аэродрома без прикрытия сделал? Ты сам подумай!

Вопрос: Пока что это ваши

домыслы. А факт в том, что практически у всех погибших в крови обнаружен алкоголь.

Ответ: Да причем тут это? Ждали они нас, ждали! Или сами все разузнали заранее. Или из Центра навели".

* * *

Ретроспектива

Странник

Ветки стегали по лицу. Загнанно дышали люди. Максимов сошел с

тропы, пропуская вперед бегущих. Выхватил за ремень Юрку, поставил рядом с собой.

– Что? – Пот почти смыл с его лица защитную краску, оставив лишь бурые подтеки.

– Плохо дело, Соловей, – едва переводя дыхание, шепнул Максимов. – Дождемся Антона.

– Давай, мужики, давай. – Юрка подтолкнул в спину остановившихся рядом с ними. – Блин, как ты уцелел, когда МОНки шарахнули?!

– Сам не знаю.

Максимов выставил руку, Антон, налетев на нее, как на шлагбаум, замер.

– Кто из вас маскировал фугас,

ты или Шланг? Быстро говори!

— Шланг.

— Где он был, когда ты в подвал решил залезть?

— Рядом лежал.

— Как рядом?

— Ну метрах в трех. Я ему показал — “иду, прикрой”. И пополз.

— Ясно.

Он стащил Антона с тропы, дав пробежать замыкающему.

— Догони мужиков и передай по цепи, на поляне — привал, — бросил ему в спину.

— Ты скажи, что случилось?

— Мину, паскуда, расконтачил!

Электрик хренов...

Максимов, согнулся, уперевшись

руками в колени. В висках отчаянно колотились молоточки.

– Живым нужен. Кровь из носу,
– выдохнул он. – Давно он в Слободе?

– Месяца два, – ответил Антон.

– Все понял, или объяснять?

– Не может быть... – Антон отшатнулся, как от удара.

Максимов скрипнул зубами.

– Да тебе вообще повезло, что на лежке от него далеко был! Просто удивляюсь, почему он тебя сразу на нож не поднял. Не сложилось, видно. Из подвала он бы тебя живым не выпустил, будь спок. Чиркнуть ножиком по горлу, когда ты назад полезешь – любо дорого. И никакого шума. – Максимов через силу

улыбнулся. — Как ты только сообразил мне отсемафорить!

— Не знаю. Само собой получилось.

— Получилось, себе жизнь спас. И операцию не дал сорвать.

— Макс, если он нас хотел спалить, сто раз мог бы это сделать! — вступил Юрка.

— Не, он умный, он все правильно рассчитал. Он не дурак вместе с нами под облаву попадать! До последнего играл, сука. И в самую точку ударил. Без взрыва центрального фугаса — все насмарку. Как бы мы их под МОНки выкурили?

— Гранатами.

— Хрен там! Не подпустил бы он

никого. — Максимов кивнул на Антона. — А его бы уже рядом не было. Ха, чтобы гранатой фугас подорвать!

Антон присел на корточки.

— Макс, я ох...еваю! — прошептал он.

Максимов усмехнулся.

— Привыкай! — Он выпрямился. — Короче, возвращаться надо. Он где-то поблизости затаился.

— С дуба на кактус?! Как туда вернешься? — Юрка кивнул на зарево, полоскавшееся над лесом. — Наш полковник сейчас протрезвеет и пригонит тревожную группу. А завтра, блин, завтра здесь будет толпа с автоматами!

— Ты не понял. — Максимов покачал головой. — Это я возвращаюсь, а вы уходите. Я лопухнулся, мне и исправлять.

Антон подскочил.

— Макс, ты гонишь!

Максимов, успокаивая, положил руку ему на плечо. Обернулся к Юрке.

— Соловей, уводи ребят за Черный лес. В поселке боя не принимать.

— Как скажешь...

— Не сказал, а приказал! Встретимся у Лисьей балки. — Он потрепал Антона по плечу. — Все нормально, мужик.

— Макс, как ты его один

найдешь?

– Секрет фирмы. Встретимся,
расскажу.

* * *

Оперативная обстановка

Срочно

Секретно

Москва, Центр

Рапорт

Сотрудниками отдела "Т" ВГУ СБР РФ, принимавшими участие в обеспечении операции "Капкан" проведено опознание трупа неизвестного мужчины, обнаруженного в ходе поисковых мероприятий в лесном массиве севернее д. Выселки.

По утверждению сотрудника СГБ РФ т. Рожухина Д.А. убитый является сотрудником СГБ, внедренным в бандформирование, в отношении которого в настоящее время проводится активная оперативно-войсковая операция.

Все собранные по данному факту материалы будут высланы в

Ваш адрес спецсвязью.

28 июня

Подпись: Скворцов Л.К.

* * *

Преторианцы

Петровский пошкрябал затылок.

— М-да! — протянул он. — Фоторобот “Странника” составлен по агентурному сообщению это убиенного?

— Само собой. Догадайся с одного раза, у кого он был на связи? Будет возможность, поинтересуйся у Рожухина, как ему тогда мешалкой промеж ног врезали. За дурную инициативу, бя! — хохотнул Барабин.

— В смысле?

— А нефиг высовываться. Слух, конечно, но приказ свернуть поисковую операцию отдал сам

Ларин. И уж совсем непроверенный слух, что надавил на него сам товарищ Старостин. Такие вот расклады!

Петровский нахмурился.

Барабин хмыкнул.

– Что сдуря? У меня самого проблемы, Седой. Слыхал, моего шефа на днях скидывать будут?

— За что?

— За дело, само собой! Он Ларину три месяца дела из архива не выдавал.

— Серьезно?! Во дает! —
подыграл Седой.

– Ларин жучара, обиду затаил и
тихой сапой Борисыча моего
принялся сживать. Вот сейчас

должна пролиться чья-то кровь. Так что есть основания опасаться, пришлют мне варяга, и кончилась малина. Для тебя, кстати, тоже. А парня, я так понял, ты сегодня зацепил?

Барабин, сам был не последним опером, время и тон вопроса рассчитал точно.

Седой чуть помедлил, можно, еще можно было уклониться от прямого ответа, опыта бы хватило, и Барабин понял бы и не обиделся, но он вдруг осознал, что дело не только в дружеском участии, за информацию предъявлен счет. Рискованно, иди гадай, кем стал и с кем сейчас его бывший сосед по

кабинету. Нет ничего вечного среди людей, нет. Кроме желания поиметь ближнего.

— Да. Оpozнал, но задержать не сложилось. Вояки, мать их за ногу, со своей облавой вспугнули. — Седой вытер о колени влажные ладони. — Ладно, бог — не фраер, будем надеяться, что этот Рембо не сегодня-завтра спалиться в облавах, тогда и поговорим.

Барабин смачно зевнул.

— Оханьки! А что там за облавы? У меня же тут болото, ни фига новостей не слышно. Просветил бы, боевой друг.

— Ай, лютуют по всему городу. Как в жопу ужаленные, — отмахнулся

Седой.

— С шумом по "центральному террору" связано? — как-то вскользь спросил Барабин.

— Еще не знаю. Но скипидаром им под хвостом намазали конкретно.

Барабин покачал круглой, как арбуз, головой. Что-то просчитывал в уме. Седой посмотрел за окно, где в серой влажной хмаре мутными пятнами светились зашторенные окна кабинетов. Управление заходило в ежевечерней последней судороге активности.

— Уу-ух. А по Карнаухову не ваш отдел пашет?

Барабин, задав вопрос, даже не изменился в лице. Слезящиеся от

зевка глазки смотрели ласково.

Седой нервно сглотнул. Как оказалось, Барабин даже в архивной глухомани умудрялся быть в курсе последний новостей. Не ответить было нельзя. И врать было нельзя. Неизвестно, как еще аукнется.

– Наш. Оперативно подчинили Службе Филатова. Рожухин по такому поводу гоголем ходит. Надеется, сука, отличиться, чтобы назад взяли. Он же к нам из СОПа пришел, помнишь?

Барабин безо всякого интереса кивнул. Покопался на пустые стаканы.

– Приходи как-нибудь в гости, Мишаня. Со второй половиной.

Отправим баб на кухню, а сами, под водочку с закуской, посидим полюдски, а? Как раньше, помнишь?

— Да все дела, жить некогда, Степа. Как белка в колесе крутишься, а живешь, как картошка — если зимой не сожрут, то весной непременно посадят.

“Чего он перепрыгнул? Вроде, действительно, пропал мужик. А какой был опер!” — с тоской подумал Седой, не глядя на Барабина.

— Вот такие дела, Мишань. Не лезь, сиди тихо, оно и легче будет. Не егози на старости лет. Рано нам с тобой на улицу вылетать, да и идти некуда.

Седой резко повернулся.

– Степан, не шути так! Если Рожухин в деле – то мне хана!

– Я не шучу, Миша, а нарушаю все инструкции и приказы по конторе от Дзержинского до наших дней, показывая тебе эти материалы. Потому что ты мне друг. И такой же дурак, как и я. А теперь иди, геройствуй. Я тебя предупредил. Естественно, этого разговора не было. Благородство, оно, – он кивнул на папку, – у нас боком выходит. Ступай, Мишаня, мне пора Ирке юбку задрать. Третий день баба без ласки ходит. Как начальник считаю своим долгом удовлетворить.

Выпроводив Седого и услав Ирину с папкой в хранилище, он стряхнул с себя пьянную расслабленность, быстро набрал номер.

— Барабин говорит. Тут забежал Петровский, вы его не знаете, он из отдела Рожухина. Да. Такие дела, не знаю как, но он зацепил концы акции в Выселках. Случайно вычислил основного фигуранта. Утверждает, что он сейчас в Москве. Хотя по учетам списан в расход. Такие дела... Вы просили держать дело на контроле, вот я и

докладываю. Нет, Петровский, – по слогам продиктовал Барабин. – Да. Да. Хорошо, я понял.

Он положил трубку. Вольготно вытянул под столом толстые, как тумбы ноги. Предстояло ждать полчаса, он был уверен, не больше. Если он все правильно рассчитал, а до этого правильно представил паутину разновеликих интересов, опутавших всех снизу доверху, этот звонок ему зачтется.

Невидимая война против Ларина достигла предельного накала. Некие невидимые силы, сплоченные общим интересом, разыгрывали самый ходовой сценарий – "новый начальник не

сработался с аппаратом".

"Кадровые", как они себя называли, по-своему были правы; порочная практика назначения на должность "главного чекиста" варяга из политической тусовки рано или поздно входила в противоречие с интересами самого специфичного из ведомств. Здесь никогда не терпели двурушников. Если не с нами, значит, против нас, так всю жизнь учили "кадровых", а понятия кастового братства и чувство исключительности надежных и проверенных до седьмого колена, вдальбливались с первых дней вхождения неопита в систему "органов".

Через "кадровых" протягивали свой интерес "старые кадры"; в какие бездны уходил и х интерес, Барабин предпочитал не дознаваться, себе дороже. Но он был, этот интерес. Причем такой, что "старые кадры" сознательно склоняли ход событий к крайним мерам. Самый быстрый и надежный способ устранить неподходящего — спалить его на лично проведенной и безнадежно проваленной операции.

Дураку было ясно, Ларина сожрут, те или эти, но сожрут непременно. А потом придет новый. Будет мести, как на Руси полагается, новой метлой. Куда направит невидимая рука эту метлу, Барабину

было небезынтересно.

Но малая чистка, на своем веку он пережил их не одну, еще полбеда. Не дай бог, грянет Большая Чистка! А все шло именно к ней. Как чистят, вернее, зачищают "органы" наиболее острые факты в своей биографии, он подробно изучил по хранящимся под его надзором пожелтевшим архивным делам, и прекрасно знал, как рубят концы. Вместе с отягощенными опасными знаниями головами.

Врут лукавые, говоря, что их контора – производство безотходное. Смотря, что считать отходами.

Грянет Чистка, спалят в одночасье и дела, и людей. Прах, так

сказать, к праху. То, что реестры дел, предназначенных к забвению и людей, приговоренных к закланию, ведутся постоянно, он теперь не сомневался.

Весь вопрос, как стать нужным на все времена. Проблема личного бессмертия в рамках системы сводилась к максимальному удалению от грязной работы и вхождению в "тайный круг" хранителей духа Системы.

Первое условие Барабин выполнил. Если повезет, выполнит и второе. Главное, соблюсти меру. "Тайный круг" хранит свои секреты надежней и беспощаднее.

— Ого! — Барабин заворочался в

кресле.

Снимая трубку, успел глянуть на часы. Не прошло и десяти минут.

“Приперло, мужиков, не утерпели!” – сыто ухмыльнулся он.

– Барабин, слушаю вас! Понял. Выхожу немедленно!

Он достал из стола бутылочку с розовой жидкостью. Отхлебнул из горлышка. Тщательно прополоскал рот мятной водой. Сплюнул розовую пену в стакан.

Оперативная обстановка

Совершенно секретно

Председателю СГБ РФ

генералу армии Ларину

Рапорт

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по сигналу "Центр" органами ГСБ РФ совместно с приданными силами войск Московского гарнизона задержано по подозрению в принадлежности к террористическим группировкам 1375 человек, изъято 149 единиц автоматического стрелкового оружия, 612 пистолетов различных марок, 459 единиц холодного оружия, 5 килограммов взрывчатых веществ, 12 радиостанций.

При проведении задержания имели место случаи оказания вооруженного сопротивления. В результате огневых контактов ранено 4 сотрудника ГСБ и 12 военнослужащих, тяжело ранен один сотрудник ГСБ, 7 военнослужащих убиты. Среди оказавших сопротивление потери составили убитыми – 72 человека, ранеными – 113 человек.

В настоящее время на объекте "Стадион" проводится фильтрация и неотложные следственные действия в отношении задержанных. На настоящее время лиц, проходящих по оперативному учету под категорией "А" и "АБ", среди задержанных не

ВЫЯВЛЕНО.

Оперативный дежурный

по штабу “Центр” СГБ РФ

полковник Жуков

ГЛАВА ШЕСТА Я

Ретроспектива

Черный лес

(кв. 23-36, 70 км. юго-западнее
п. Выселки)

Странник

Не выдержав нового приступа боли, он прижался к стволу сосны и закрыл глаза. В нос ударил терпкий запах разогретого на жаре дерева; захотелось упасть, зарыться лицом в траву, чтобы солнце грело спину, и от ласкового тепла, разливающегося по

телу, и дурмана летнего разнотравья пришел сон, красивый и легкий, как в детстве.

Сзади в лесу, уже совсем близко, слышались голоса и мерный хруст веток. Максимов затравленно оглянулся. О н и шли не таясь, растянувшись в цепь, как охотники на облаве. Как ни старался их сбить со следа, не удалось.

— Вот теперь ты допрыгался. Теперь — все! — прошептал он сам себе.

За последним рядом деревьев начиналась огромная поляна, широкой проплешиной сползавшая с холма.

«В самом узком месте — метров

триста, – прикинул Максимов. – Если дотянуть до того пяточка берез, то... Нет, это первое, что им придет в голову. Останавливаться нельзя. Бежать надо до самой опушки, прикрываясь березками. Там прилягу, переведу дух... Повезет, пойдут цепью, тогда успею пяток снять, пока не залягут. Еще пару человек можно накрыть по выстрелам. Дальше, хрен его знает... Скорее всего, залягут и будут ждать подкрепления. Высадят десант с тыла, и погонят малой скоростью на “номера”, как зверя. Вот непруха, а!»

Еще раз прислушавшись к лесу, он подхватил винтовку и, припадая на правую ногу, по бедру растекалось

темное пятно, подсохшая кровяная корка больно бредила рану, но посмотреть, что там, было некогда, побежал, путаясь в густой, годами некошенной траве...

Он почти повис на тонком стволе березки, хрипло выдохнул и сплюнул вязкую слюну.

«Ну, что же ты, гадина, а! — Правая нога самопроизвольно дергалась в судороге. Максимов что есть силы сжал руками колено, пытаюсь унять дрожь. — Только не здесь. Бежать надо, бежать! Первой же очередью прочешут березняк, ты же это понимаешь. Давай же, давай!»

Сзади над лесом, почти у самой опушки, взвилась в небо вспугнутая

сойка. Максимов закусил губу и заставил себя бежать...

Как подрубленный, он упал, едва дотянув до тени первых деревьев.

Мягкая, чуть влажная трава приятно щекотала пылающее лицо. Он с трудом перевернулся на спину. Солнечный свет, просеянный сквозь листву, терял свой июльский жар, от непрерывной пляски темных пятен листьев в слепящем мареве, а может опять сказалась недавняя контузия, закружилась голова, и к горлу подступила волна тошноты.

— В магазине осталось восемь патронов. — Он усилием воли цеплял ускользающее сознание, заставляя себя говорить вслух. — Еще один —

полный. Гранат нет. На хвосте усиленный взвод. Сорок стволов, против моего одного. Скорее всего, подмоги ждать не станут. Залягут, сориентируются в обстановке, оставят охранение у раненных и начнут воевать в полный рост. С такой ногой ты поменяешь позицию раза три, потом накроют... Прижмут к земле. И быстро поймут, что один. Группой не подберутся на бросок. Или закидают гранатами, или постараются взять живым. Последнее вероятней, но меньше всего улыбается. Не горюй, с такой ногой на жаре все равно долго не протянуть. В группе будет человек пять-шесть. Это все, кого ты можешь

взять с собой. Негусто, но и то — хлеб. Все лучше, чем тихо загнуться от гангрены. Нормальный расклад. Могли карты лечь и хуже.

Ни жалости к себе, ни страха он не чувствовал, была только усталость. Он выщелкнул из запасного магазина патрон, засунул в нагрудный карман куртки. Блаженно закрыл глаза, давая телу отдохнуть. Осталось последнее, самое последнее усилие, а дальше — покой...

Обостренное чутье загнанного зверя подсказало: рядом чужой. Гулко ударило сердце, и Максимов мгновенно вынырнул из сладкого полубреда, ощутил близкую

опасность. Большой палец привычно скользнул вниз, снимая предохранитель. Указательный чутко лег на спусковой крючок.

«Это еще не о н и. Не может быть. Слишком рано». — Он, не меняя положения, беззвучно повел стволом, готовый послать пулю на первый же шорох и молниеносно рвануться в сторону.

Боль катком прокатилась по позвоночнику и взорвалась в затылке. Максимов судорожно выгнул шею, еле сдержав крик, перед глазами все поплыло, и тело подхватила теплая волна невесомости...

Что-то прохладное коснулось лба. Максимов широко распахнул

глаза.

Над ним склонилось незнакомое лицо мужчины лет сорока: борода лопаткой; черные, глубоко посаженные глаза смотрели умно и добро; от больших залысин лоб казался еще больше и круче.

«Бред. Или это уже смерть? Так легко. И нет уже боли...»

Он попытался встать, но мужчина не сильно, но настойчиво надавил ладонью ему на лоб, прошептал:

– Не беспокойтесь. Я – друг. Лежите, все в порядке! – Голос был мягким, и Максимов, сам того не желая, расслабил мышцы.

– А о н и? – Он не узнал свой

ГОЛОС.

— Они сюда не дойдут. Все будет хорошо, успокойтесь!

Над поляной треснула короткая очередь. Максимов сжался в комок, стряхнул с себя руку.

«Это не сон. Господи, дай мне силы! — Он с трудом сел. — Вот теперь — все!»

У березняка чернели фигурки, то ли от марева, то ли от мути в глазах, они, нелепо дергались, как пляшущие марионетки.

«Сейчас осмотрят березняк, и прямиком сюда. Я так кровью наследил, собак не надо. Ладно, сейчас будем смеяться-веселиться!»

У березняка вспыхнул яркий

солнечный зайчик — в бинокль осматривали опушку.

— Вы не беспокойтесь. В этот лес войти нельзя.

Максимов оглянулся. Человек спокойно сидел в трех шагах от него, поджав по-турецки ноги. Одет был просто: в светло серую рубаху с пояском и темные старые штаны. Босые, перемазанные землей ступни. Максимов успел отметить, какие у него тонкие, почти женские, запястья.

— Уходи! — прохрипел Максиов. — Не знаю, кто ты, но уходи, пока есть время. Сейчас нас д е л а т ь будут! Не допер еще?!

— Все давно понял, — спокойно

ответил человек, хитро блеснув глазами. — Поверьте, ничего страшного не произойдет.

— Ага! Дырок нам сейчас понаделают и успокоятся. Вали, кому говорю!

Он повернулся и обмер. По полю не таясь, в полный рост, шла частая цепь. Солдаты из-за высокой травы решили не ползти, время от времени приседали, скрываясь в траве, но, скорее, по привычке, чем по необходимости.

Максимов пробежал взглядом по цепи, достал из нагрудного кармана патрон, зажал в потрескавшихся губах острую хищную головку.

«Только не потеряй в горячке», —

приказал сам себе.

– Это лишнее! Подождите чуть-чуть! – шепнул человек, подкравшись сзади.

«Еще здесь, дурило чертово!» – только и успел подумать Максимов. Хотел обернуться и выmaterить в три этажа, но тонкие пальцы впились в спину чуть выше лопаток, казалось, кто-то медленно вводит под кожу тонкие иглы, и вдруг стало тепло, исчезло тело, растворившись в знойном воздухе...

Зрение стало отчетливым, словно кто-то протер ладонью запотевшее стекло.

Черные фигурки стали выше, приобрели мишенную четкость,

когда так удобно ловить в перекрестье прицела этот скошенный книзу прямоугольник, и не думается даже, что там, на дальности прямого полета пули, — человек.

— Все, излучатель набрал мощность, — скороговоркой прошептал мужчина в ухо Максимову.

Он встал в полный рост, вышел вперед, замер на границе света и тени, и вытянул вперед руки...

Не дойдя метров сто, цепь сломалась. Фигурки сбились в кучу, только стреляй!, бурно замахали руками. Сюда доносился лишь приглушенный гул голосов. Потом копошащийся сгусток фигур

рассыпался, и Максимов не поверил своим глазам, они уходили! Фигурки становились все ниже и ниже, некоторые совсем скрылись в траве. Они уходили!

Мужчина вернулся к Максиму, провел холодной ладонью по его лицу. Сразу же вернулось ощущение тяжести в уставшем теле, и вернулась боль, забила горячая волной. Винтовка вдруг сделалась свинцово тяжелой. Ствол, дрогнув в ослабевшей руке, лег в траву.

– Все в порядке. Я же говорил. Они не вернуться. Потерпи немного, осталось чуть-чуть.

Голос шел сверху, Максимов с трудом поднял голову, пытаясь

заглянуть ему в лицо.

Краем глаза поймал, как одна фигурка развернулась и выпустила облачко черного дыма. Он рванул блаженного бородача за руку, опрокинул, вжал в землю рядом с собой.

Длинная, во весь рожок очередь, тридцать пуль, рассеянных по широкой дуге, ворвались в лес, срезая ветки, осыпая листву, завывли, рикошета от толстых стволов.

Их обдало белыми смолянистыми щепками; пуля вошла в ствол в полуметре от их голов.

— Я же их, сук, знаю. Вот теперь — все! — Максимов слабо улыбнулся и потерял сознание.

Оперативная обстановка

Секретно

код "Водолей"

СПРАВКА

В настоящее время на всех объектах, задействованных по программе "Водолей", развернута комплексная система охраны "Эшелон – 3".

Возможности системы:

- получение упреждающей информации об угрозе ЧС на объекте;*
- дистантное обнаружение и*

мониторинг биообъектов (людей и животных) и работы технических средств в зоне действия системы;

– контроль и управление поведением биообъектов в зоне действия системы;

– селекция биообъектов на вход в рубежи охраны системы (возможность пропуска людей и отпугивание животных, и наоборот, выборочный пропуск людей по соответствующим критериям – возможно пропустить одного, заблокировав продвижение остальной группы, или пропуск группы с блокировкой ее “негативного” члена);

– подавление работы, наведение

сбоев, вывод из строя технических средств на рубежах охраны системы;

– направленное лучевое воздействие на биообъекты и технические средства, в том числе – вооружение и военную технику / исходя из ТТХ – например- дальность стрельбы/ по низколетящим целям – до 20 км, по наземным – до 50 км. Гарантированный вывод из строя операторов технических средств (пилотов, водителей, наводчиков и т. д.) – до 75 км. по лучу;

– оперативное реагирование и ликвидация ЧС техногенного характера на объекте;

– оперативное реагирование и

ликвидация ЧС в случаях массового проникновения биообъектов через рубежи охраны и нападения на объект;

– оперативное реагирование и ликвидация вооруженного вторжения на объект с полным выводом из строя живой силы и технических средств.

Плановая замена системы "Эшелон-3" на объектах уровня А-1, А-2, Б-3, В-1 на систему "Преграда" возможна после окончания полевых испытаний изделий "Эхо" / дистантный индикатор биополя/ и "Рубин" /излучатель направленного действия/ – исполнитель: группа "Ротон".

Применение программного обеспечения, разработанного группой "Абердин", позволяет задействовать систему "Эшелон-3" в реверсивном режиме, срок работы элементов системы "на отказ" в данном режиме – не более 72 часа. При этом количество одновременно отслеживаемых целей увеличивается до 140, обеспечивается гарантированный выход из строя живой силы и техники на первом рубеже охраны, производится наведение сбоев в работе электронных, электрических, электромеханических и механических системах в радиусе до 75 км.

Остаточное негативное

воздействие на биообъекты / сонливость, угнетенное состояние, расстройство зрения, обман ощущений, подавление воли и др./ сохраняется от 72 часов до двух недель, в зависимости от индивидуальных особенностей.

Согласно расчетам, вышеперечисленного достаточно для подавления попытки вооруженного вторжения на объект, задействованный в проекте "Водолей", предпринятой силами до батальона ЧОН стандартной штатной численности и двух приданных взводов усиления.

Контроль за развитием ситуации в течение 72 часов /

максимум/ достаточен для
организации противодействия
обычными средствами, либо с
использованием "заказчиками"
возможностей по "верховному
перехвату".

Яков Зарайский

Странник

Дождинки брызнули в лицо.

Максимов открыл глаза.

Вокруг шелестел пожухлой листвой, скрипел стволами, тонко попискивал надломленными ветками неопрятный, запущенный лес. Воздух пах городским угаром и кислой помойкой, и лишь совсем чуть-чуть привычными лесными ароматами. Лесопарк Тимирязевской академии назвать настоящим лесом не повернулся бы язык, но хоть в жалком подобии, он все равно оставался Лесом. Единственным местом, где Максимов мог

расслабиться. В лесу он не боялся никого.

Левее, у платформы “Гражданская” низко рывкнул спецсигнал.

Максимов не пошевелился. Так и остался сидеть на рюкзаке, прислонясь спиной к стволу сосны.

Он был уверен, что в лес просто так облава не сунется. Им легче травить на улицах, чем подставляться на прицельный выстрел из укрытия. Для работы в лесу требуется особое мужество и специальная подготовка, тот, кто привык действовать в асфальтовых джунглях, в лес просто побоиться сунуться.

Лесопарк давно превратился в

стоянку цыганского табора. Бомжатского вида личности понастроили палаток из полиэтиленового рванья и коробок, развели кострища и обустроили схроны-склады. Прочесывать

лесопарк — дело хлопотное и небезопасное. За свое добро и свободу вполне могли и пальнуть из обреза. Или гранату кинуть. Ну их к лешему!

— К тому же сегодня у них работа по рынкам, — произнес Максимов вслух.

Он поднес правую ладонь к носу. Принюхался. Кожа еще сохранила кислую вонь от пота седовласого.

В памяти сразу же всплыло все, что седой выболтал срывающейся скороговоркой погруженного в гипнотический транс.

Пальцы чуть дрогнули. Они вспомнили, как им захотелось стальным кольцом лечь на горло седого, продавить морщинистую дряблую кожу, нащупать твердые скользкие пластинки хряща и с хрустом сломать, выдавив на синюшные губы розовую пену.

Максимов брезгливо вытер пальцы о колено.

Он оставил седого в живых в обмен на жизнь под управлением внедренной в подсознание программы. Человек, издерганный

страхом, с выхолощенной волей — идеальный вариант для зомбирования. По сути, в седом “конторском” человеческого ничего не осталось. Такой предаёт не разумом, а животным нутром, истерзанным смертельным ужасом.

“Сейчас в их гадюшнике всем станет нескучно. Хотели поиграть? Вот и поиграете!”

Максимов сейчас знал достаточно, чтобы испортить жизнь многим. И некоторых просто лишит жизни. За этим и шел три долгих года в Москву.

— Я — неучтенный фактор в ваших раскладах, — прошептал он.

И устало закрыл глаза.

Ретроспектива

Объект "Николина пустынь"

Странник

Максимов следил, как важно жужжащая пчела барражировала над букетиком полевых цветов.

Вода в стакане замутнела, солнечный свет, проходя через нее, приобретал нежно-кремовый тон. Он мысленно прикоснулся к ребристой стенке стакана, пальцы непроизвольно дрогнули. Ощущение пробежавшего по ним тепла было таким острым, что он невольно потер их друг о друга, пытаясь

избавиться от наваждения.

Яков проследил его взгляд, успел заметить непроизвольное движение пальцев и, откинув голову, засмеялся.

– Поживете у нас еще немного, перестанете удивляться элементарным вещам.

– Яша, не сватайте, не выйдет.

Максимов откинулся на подушку, вытянул раненную ногу. Второй день он не ощущал ноющей пустоты в том месте, где должна быть рана. Даже шрама не осталось.

Тогда же вечером, чудом вытащив из з а г о н а, Яков приволок его сюда, в самую чащу Черного леса.

Сквозь пелену бреда Максимов

запомнил склонявшиеся над ним лица, потом очень четко увидел поженские тонкие пальцы, плавно скользящие над его окровавленной ногой. Они без боли вошли в рану, ему показалось, дошли до самой кости; женщина, он был уверен, что это была женщина, хотя не видел ее лица, вытащила пулю, сдавила края раны, потом резко стерла бордовую сукровицу, заляпавшую все бедро до колена, и — не осталось ни раны, ни шрама, только тупая пустота там, куда вошла пуля.

— Болит? — спросил Яков.

— Нет. Даже не дергает.

— Отлично.

Пчела возилась между цветами.

В луче света кружились звездочки пылинок. От бревенчатых стен исходил томный запах разогретого солнцепеком дерева.

Яков машинально пощипывал бородку, в темных глазах мелькали лукавые бисеринки. Одет он был, как тогда, на опушке, в холщовый костюм “а-ля граф Толстой на пахоте”: домотканную рубаху-косоворотку и просторные штаны.

«И не скажешь, что кандидат всех наук сразу, — иронично улыбнулся Максимов. — Но, что спаситель человечества, видно невооруженным глазом».

— Обратите внимание, практически все без исключения

тираны стараются искоренить разнообразие в мыслях, чувствах, верованиях и даже в одежде своих подданных. — Яков оживился. — Почему?

— Чтоб было, как в армии, — проворчал Максимов. — Тоже мне — бином Ньютона. Как выражался прапорщик Перевертайло: «Чем тупее боец, тем дальше едет танк».

Яков закинул голову и зашелся переливчатым смехом.

Максимов продолжил голосом великомудрого старшины батальона:

— У шибко умного прапора боец в одной портянке ходит. Хорошему командиру книжки читать некогда. У меня с товарищем генералом один

размер головного убора, это вам о чем-то говорит?

Отсмеявшись, Яков вытер глаза.

— Частично ты прав, Максим.

Чем примитивней объект, тем проще процесс управления. Власть по сути своей хищна. И как всякий хищник знает только два состояния: активный поиск пищи и послеобеденная сытая нега. Больше чем нуно для удовлетворения своих потребностей власть никогда делать не будет. Разве что при угрозе личной безопасности. Власть узурпировала право управлять, но постоянно лениться выполнять свои социальные обязанности. И поэтому сознательно оглушает подданных и

ограничивает разнообразие. В результате общество стремительно деградирует. Это рыба гниет с головы. А человеческое сообщество гниет и с хвоста, где концентрируется эволюционный шлак, и с “головы”, куда пробились “лучше представители народа”.

— Мы для них эволюционный шлак?

— Много хуже. — Яков задумчиво покачал головой. — В начале Катастрофы начался исход из больших городов. Люди бежали в сельские районы, спасаясь от угрозы техногенных аварий. Конечно же, они потащили за собой всю муть, накопленную в грязи мегаполисов.

Какой опыт общежития имели наши люди? Зоны, казармы да общаги. Плюс опыт индивидуального рая в евростандартной клетушке в бетонном термитнике. То есть опыт ада. В большинстве “вольных” поселков жизнь быстро превратилась в ад. Частично я поддерживаю власть, бросивших войска против этих клоак зла. Мера хищности и насилия одних и рабской зависимости других в условиях дикой природа превысила все разумные нормы. Не поверишь, но кроме физических наказаний, в поселениях стали практиковать человеческие жертвоприношения.

Яков бросил на Максимова

пылитливый взгляд. По
напряженному лицу понял,
Максимов видел это своими глазами.

— Только с “эскапистами”
ситуация диаметрально
противоположная.

— “Эскаписты” это мы?

— Да. Те, кто сбежал в
собственный мир. Вы унесли с собой
очень важные видовые
характеристики. Они срочно
потребовались власти, и она всеми
силами пытается вернуть беглых.
Акции против “диких” поселков
служат только оправданием и
прикрытием охоты на вас,
эскапистов.

— У них там, что, дефицит в

кадрах образовался?

— В некотором смысле, да.

Пальцы Якова вновь зашуршали в рыжей щетине.

— Вас не просто сгоняют с обжитых мест. “Эскапистов” селят в особых резервациях. Расположенных в особых зонах.

— С особым режимом?

— Нет, режим обычный. Если точно, его вообще нет. Уклад ничем не отличается от того, к которому вы привыкли. Только выходить за границы зоны категорически запрещено.

— Тогда понятно, почему люди встречаются э т и х вилами.

Яков помолчал, скосив глаза на

бьющуюся о стекло пчелу.

— Новые поселения находятся в зоне геомагнитной активности, — тихо произнес он. Затаился, ожидая реакции Максимова.

Яков встал, распахну окно и выпустил пчелу.

— Оставайтесь у нас, прошу вас.

Он не повернулся к Максиму, но тот отметил, какой ж д у щ е й стала спина Якова.

— У вас без меня хватает психов.

— Он знал, что сейчас по лужайке прогуливается стайка в цветастых одеяниях, Яков, наверняка, смотрел на них.

— Это не психи. Не надо так. Психические отклонения у этих

людей есть, согласен. Их можно считать больными, если вам так удобнее. Мы их называем "нави". Это корректней и с человеческой, и с научной точек зрения. "Нави" — это пророк и сумасшедший, арабский вариант русского "блаженного". Им дано предвосхищать многое, о чем мы в своем здоровом бесчувствии и не подозреваем.

— Пытаетесь прогнозировать будущее?

— Уже умеем. Есть два пути. Первый — изучать опережающую реакцию социума. Через анализ кривых самоубийств, преступности, помешательств, рождаемости, короче, всего, что поддается

качественно-количественному анализу, можно с большой долей вероятности прогнозировать возможные изменения в социуме. Второй путь — попытаться интерпретировать бредообразования "нави". Мы лишены возможности изучать социум, не то время. Да и в прошлом это позволялось с великим скрипом. Зато нашим методикам работы с "нави" нет аналогов. Как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Зачем ты мне это рассказываешь, Яков? Я и так слишком многое о вас знаю. Знание в чужих руках — опасно.

— Знание опасно тем, что оно

обязывает к действию. — Яков повернулся и присел на подоконник. Черные буравчики глаз скользнули по лицу Максимова. — Ты сегодня проснулся с ощущением, что пора уходить. А сейчас впервые за две недели подумал об этом месте, как об о б ъ е к т е. Можно поздравить, опять стал самым собой.

— И на хрена я вам такой нужен? «Да здравствует нерушимый союз киллеров и хилеров! Голосуйте за блок экстрасенсов и экстремистов!»

— Хм! — Яков широко, по-детски открыто улыбнулся.

— Вот тебе и "хм"!

Яков присел на соседнюю кровать.

— Мы протестировали тебя всеми возможными и невозможными способами.

— Пока я без памяти валялся? — покосился на него Максимов.

— И тогда, и после. Сенситивность повышена, упреждающее отражение не хуже, чем у "нави", ресурс выживания — выше нормы. Самоустановка на действие слому не поддается.

— Что еще?

— Остальное — несущественные детали. Тебе неприятно?

— Почему? Вы же мне жизнь спасли. В ноге ковыряться можно, а в голове — нельзя? Тем более, вы бы все равно не удержались, даже если бы я

был против, так?

— Думаю, да. — Он пощипал бородку. Взгляд стал острым, черные буравчики впились, дойдя до самого дна. — Окончательно решил уйти?

— Да.

— Уйдешь завтра. Сейчас мы пойдем с тобой в одно место. Правильно подумал — в бункер. Пора тебе кое-что показать.

— А что скажет ваш "первый отдел"?

— Наш "первый отдел", ну и словечко, да? Они в полном составе вторую неделю пьют водку на дальнем озере. Миряться с теми, кто чуть не вторгся на нашу территорию. Все чуть не вышло по пословице:

“Паны дерутся, а у холопов чубы трещат”. – Яков подумал немного и добавил: – В Москве еще драка идет, а у нас уже мир, дружба и боевое товарищество.

Он кивнул, прочитав в глазах Максимова вопрос.

– Да. Целью акции были мы, а не ваша Слобода. Вас использовали в качестве повода.

Максимов прикинул в уме, какой потенциал должен иметь некто, способный цыкнуть, когда уничтожена рота спецназа. Да цыкнуть так, что все разом во фрунт встали. Получалось, этот некто был первым после Бога.

– И не боишься? – спросил он.

– Я же сказал, есть знания, обязывающие к действию. А ты – человек действия. Раньше таких называли “люди долгой воли”. Очень редкий психотип. Надеяться, что нам второй раз повезет, просто глупо. Я поговорил с ребятами, они все “за”.

– Зачем вам это?

– Уравниваем шансы. – Яков не стал пояснять. Покопался в бороде, смущенно потупившись. – Должен признаться, мы использовали Слободу в качестве лабораторного объекта. Мы живем в отрыве от мира и лишены возможности изучать “эскапистов” в массе. Для нас вы были, как “нави”, малочисленны, но вполне показательны для научных

обобщений. Тебе это неприятно?

— Что вы за нами подглядывали своими экстрасенсорным методами?

— Не только подглядывали. — Яков вздохнул. — В принципе, мы могли сделать так, что вы видели бы сны по нашим сценариям. Это очень легко... Но мы старались не вмешиваться без особо нужды. Просто корректировали некоторые процессы. Тебя разве не удивило, что у ребят все так легко получилось? И ветряк собрали почти из ничего, из какого-то хлама сварганили проточную электрогидростанцию, из минимума семян получали отличный урожай, врачевали, толком не разбираясь в медицине, даже телята

рождались двойнями.

— Ну самоделкиных и левшей там было — через одного.

Яков покачал головой. Мягко улыбнулся.

— Мы тонко воздействовали на одни задатки и незаметно подавляли другие.

— Управляемая эволюция? — спросил Максимов.

— В некотором роде, да. И результат оказался великолепным. За шесть лет из табора удалось создать родовую среду, живущую в балансе с собой и природой. Что самое отрадное, люди не утратили технической культуры. Все инженерные и научно-технические

знания задействовали на создание технологического базиса своей малой “цивилизации”. При этом избежали главной ошибки, они научились брать от природы меньше, чем отдавали ей. Это главный урок, который они вынесли из Катастрофы. За хищничество по отношению к природе людям рано или поздно приходится расплачиваться каннибализмом. — Яков тяжело вздохнул. — А два года назад пришел ты...

— И все пошло наперекосяк? — усмехнулся Максимов.

— Нет. Ты стал фактором, который мы не учитывали в своих моделях. С твоим появлением

община окончательно оформилась в гомеостат. — Яков сдалал волнообразное движение пальцами. — Биополе общины забурлило, структура его стала плотнее. Ваша община обрела способность расширяться, осваивая все новые и новые пространство. Если бы на планете не осталось бы больше людей, вы бы, вернее, ваши потомки, рано или поздно создали бы новый этнос. Или стали новым человечеством.

— А меня бы почитали, как Моисея? — Максимов без задержки влепил следующим вопросом:

— Вы спровоцировали нас ликвидировать разведгруппу?

Веки у Якова мелко-мелко задрожали.

– Тех, первых? Нет, не мы. Это вы сами. Община, как живой организм, обрела способность либо поглощать в себя все новые элементы, либо уничтожать чужеродные. Как ты воспринял солдат?

– Как волков, – без промедления ответил Максимов. – Двуногих хищников. Слов они не понимают. Их либо сразу надо приучить держаться от людского жилья подальше, либо...

– Либо рано или поздно возникнет религия жертвоприношений, – закончил за него Яков. – Хищника же надо

держат в сытости, да? Иначе он обезумет от голода и просто вырежет все “стадо”. Не думай, что это гениальная мысль пришла в голову только вам. Практически по всей стране общины “эксапистов” встречают посланцев Большого мира вилами. Образно говоря. На самом деле, молниеносно формируется прослойка кшатриев-воинов, принимающая на себя первый удар. А вслед за ними “боевой дух” овладевает всеми.

– Сражайся или умри?

Яков помолчал, словно смакую тминную горечь фразы, потом кивнул.

– А со второй партией “чужаков”

мы вам немножко помогли. — Он погладил морщинистый лоб. — Я был против... Это нарушало чистоту эксперимента. Но ребята настояли. Когда стало известно, что сюда перебрасывают крупные силы спецназа, мы, признаюсь, лишь усилили способность твоих воинов к обучению. Тебе разве не показалось, что переход от ролевой игры в воинов к реальным навыкам современной войны у них произошел скачкообразно.

— Жить захочешь, научишься.

— Безусловно, стресс боевой тревоги запустил адаптационные процессы, а у них они были развиты в ходе ролевых игр и повседневной

жизни в условиях дикой природы. Но кое-что нам пришлось подкорректировать. Скажи, они способны наслаждаться видом страданий, испытывать почти сексуальное удовольствие от кровавых зрелищ, считать, что сила есть высшее право или в тайне мучиться от греха убийства?

— Исключено, — подумав, ответил Максимов.

— То есть, не произошло охищнивания. Они будут делать свое дело, как работу. С азартом, на совесть, но без надрыва. Они не станут убивать, они будут отнимать жизнь у тех, кто угрожает Жизни.

Максимов решил обдумать

услышанное чуть позже. Пора было переходить к главному.

– Высокопарно, но, в принципе, верно. А вы, значит, спецназа не боялись?

Яков коротко хохотнул.

– Ты же видел, в наш лес не так-то просто попасть. К тому же, как раньше выражались, у нас надежная “крыша”. Хочешь посмотреть наше хозяйство?

Максимов прислушался к себе. Внутри до отказа сжалась пружина. Хотелось действовать.

Он откинул одеяло.

– Пошли!

Под урочищем, на котором стояли десяток изб и ветхая церквушка, действительно находился бункер. Шесть этажей вниз. Напичканный научным оборудованием.

Сначала Максимову показалось, что он попал в космический корабль, на первой космической влетевшем под землю...

Яков с товарищами затевали свою игру, это Маскимов понял сразу. Он волен был войти в нее или оставаться в стороне. Но знания, действительно, обязывали.

Максимов не стал говорить вслух, ребята и без него все понимали. Слишком далеко зашли. Не спасет ни врожденная или благоприобретенная сверхчувственность, и без ясновидящих было ясно — поздно. Грех соучастия требовал искупительной жертвы. Ребята свято верили в к а р м у.

Их полунаучный, полумистический лепет он перевел для себя просто: «Допрыгались!»

Насколько он знал правила, ребят приговорили. Или свои по ходу игры, или чужие в азарте контр-игры, но кто-то рано или поздно отдаст приказ. Что это будет:

спикировавший на цель штурмовик, кинжальный огонь штурмовой группы или надежный яд, полученный вечно пьяными "первоотдельцами" в очередной посылке, можно не гадать. Был бы приказ, желающих отличиться всегда навалом.

Он не стал изводить себя вопросом, почему выбор пал именно на него. В случайности он давно не верил. К чему вопросы, если все идет так, как оно должно идти.

Информацией они его завалили. Но ей была грош цена без главного – деньги. Откуда деньги у всемогущего Старостина, создавшего эту космическую лабораторию в

заброшенной пусковой шахте?

В нищей, разворованной стране стабильных источников больших денег, а здесь играли именно они, было раз-два и обчелся. Деньги м ы л и в концентрационных лагерях и продотрядах, по старинке – на нефти, газе и электроэнергии, процветал классический русский способ – "контрабанда с последующей усушкой, утряской и обвесом", пускали в оборот кое-что из конфиската прижатых к ногтю нуворишей, которые не успел смыться за кордон, а также всюю торговали оружием и наркотиками.

Максимов, как мог, четко сформулировал вопрос. На утро Яков

принес ему бумаги.

«Привет от "нави". Можешь проверить, но я ручаюсь», – сказал он и вышел.

В бумагах рядом с фамилией лидера движения “Родина” появилась фамилия Карнаухов.

* * *

Максимов ушел от них под вечер третьего дня. Все время качал информацию, заполняя пробелы, образовавшиеся за годы отсутствия в Большом мире. Чем больше узнавал,

тем крепче становилось убеждение: мир ничуть не изменился. Просто окончательно сошел с ума.

Он ушел не простившись и не пообещав ничего. Почему-то был уверен, Яков и его ребята ждали от него именно такого ухода.

* * *

Оперативная обстановка

копия

т. Старостину И.И.

Секретно

Оперативное донесение

В ходе оперативного мероприятия "ПК" на объекте "Николина пустынь" нами получен нижеследующий текст письма объекта "Свердлов" к объекту "Горский".

(фрагмент)

... Сидим и ждем команды "Открыть шлюзы". Азарт работы сменился тягучим бездельем. В голову лезут нехорошие мысли. Чем

больше анализирую ход работ по "Водолею", тем больше убеждаюсь в полной бесперспективности попыток создания "психотронного оружия".

Никакого нового оружия уже не создать. Можно лишь без конца модифицировать старое. Но качественно нового скачка вооружений больше не будет. Ядерное было последним. Посчитайте количество облученных при его создании, количество жертв лишь двух(!) его применений, затраты на обеспечение безопасности никому не нужных арсеналов. Я бы еще добавил генетические последствия и

катострофическое изменение сознания и подсознания от так называемого "ядерного шока". Все это умножим на N в степени N и получим цену, которую придется заплатить за новое оружие. Убежден, сама попытка его создания будет началом конца.

За время работ у нас на объекте трое покончили с собой, сломал шею в эпилептическом припадке Костя Столетов, бытовой травматизм перешел все разумные границы. Если ребята еще как-то пытались сдерживаться, то охрана и "соседи" не просыхали сутками. И это только у нас. Точных учетов потерь среди разработчиков, естественно, никто

не вел.

Каким все казалось простым в начале! Думали, стоит собрать образцы культурных слоев в районах, где происходили этнические толчки, вычленив из фонового излучения рабочие частоты, заложить их в излучатели – и вот вам светлое будущее и новая Россия! Надеюсь, Космос отзовется на нашу имитацию этнического толчка мощным потоком излучения, и все переменится к лучшему. Но кто может гарантировать результат. Подчеркну, результат, нужный нам. Кто мы? Что мы для Космоса? Никто не может предугадать, как он поведет себя.

Нам осталось только ждать. И продолжать работу, какой бы нелепой и опасной она не казалась. Вам, надеюсь понятно, что одним фактом теоретических исследований по программе

"Водолей", мы вступили в резонанс с Космосом. Закон упреждающего отражения еще никому не удалось обойти. Космос уже давно готов, он ждет нашего последнего шага. Более того, напряжение среды сейчас таково, что срыв или отказ от запуска системы излучателей, приведет к непредсказуемым последствиям.

Мы обречены действовать в рамках "Водолея", мы часть его

электронного нутра. Только независимый элемент, привнесенный в замкнутую систему, способен обеспечить свободу развития. Мертвая, машинная плоть "Водолея" вновь наполится жизнью. Потому что жизнь — это непредсказуемость бытия.

Моя совесть чиста, я внес "неучтенный фактор" в жесткий алгоритм системы. Он / в тексте зачеркнута строка/... Даже не знаю, как он себя поведет, но почему-то надеюсь.

Искренне Ваш Яков Зарайский

Резолюция:

т. Кравчуку

Ксерокопировать и — в дело!

*Письмо по почте не пересылать,
использовать собственные каналы.*

*Усиьте работу в отношении
"Черномора". Установите, о каком
"неучтенном факторе" идет речь.*

т. Самохвалову

*Усилить агентурную работу на
объекте! Собрать информацию о
настроениях работников, их мнения
о надежности и эффективности
объекта. Организуйте анализ
программного обеспечения,
разработанного "Черномором".
Разрешаю привлечь агента "Рубин".
Доложить в понедельник.*

зам. нач. 2 отд. 3 сектора

*управления кадров Движения
“Родина”*

Григорьев Д.Ю.

Резолюция:

*т. Кочубей! Вдуй Григорьеву по
первое число. Что там за
“неучтенные факторы”? Этого
Самохвалова с объекта – поганой
метлой!*

И. Старостин

*Особой важности
Циркулярно
Согласно списку
экз. единств.*

В целях обеспечения режима секретности при переходе к третьему этапу работ по проекту "Водолей" прошу в дальнейшем употреблять следующие кодовые обозначения:

- пси-энергия — "стиральный порошок";*
- излучатели направленного действия — "стиральные машины";*
- космические платформы — "звезды";*

- система низкоорбитальных спутников "Игла" – "созвездие";
- наземная система ретрансляторов, задействованных по программе "Нил" – "химчистка";
- рабочие частоты системы – "ручей";
- несущие частоты системы – "водопад";
- программное обеспечение системы "Абердин" – "штамп";
- программное обеспечение системы "НИЛ" – "матрица";
- операторы пси-техники – "технологии";
- технический персонал – "смотрители";

– научные сотрудники –

"мастера";

– руководители проекта –

"подрядчик";

– кураторы – "заказчик";

– система безопасности –

"водозабор";

– система мониторинга –

"контролер";

– команда на запуск системы

"Водолей" – "открыть шлюзы";

– команда на прекращение

облучения – "закрыть шлюзы";

– территории, подлежащие

первоочередному воздействию –

"первая партия";

– территории, подлежащие

воздействию во вторую очередь – "

вторая партия";

*— возможные негативные
последствия — "остаточное
загрязнение";*

*— меры по ликвидации
негативных последствий —
"отбеливание";*

— население — "белье";

*— население, избежавшее
воздействия — "грязное белье";*

*— население, подвергнутое
воздействию — "чистое белье".*

*Для слов-связок использовать
шифротаблицу "Клио-3".
Календарные даты указывать по
принципу "календарная дата минус
два".*

*"22" марта Подпись: И.
Старостин*

** * **

Странник

Выйдя из лесопарка на улицу Сенной сторожки, Максимов из ближайшего автомата позвонил старшему группы. В трубке пропел мелодичный сигнал и безликая девица стервозным голосом пропела: “Извините, ваш разговор прослушивается в интересах охраны общественной безопасности”.

Максимов поморщился: «Сука! С таким голоском дешевой шлюхи только об этом и радеть!»

В столицах еще надеялись на технику. В провинции действовали проще, вежливую фразу бубнил

дежуривший на АТС опер, явно осатаневший от бесконечного ее повторения, ближе к вечеру он просто шипел "Слушаем!", после чего следовал оглушительный щелчок. В Москве работали аккуратнее. Щелчок был слабый, едва слышен.

— Антон, ты? — Максимов привычно посмотрел по сторонам.

Узкая улочка, накрытая ветвями разросшихся тополей, была пустой.

— А кому еще тут быть! — ответили в трубке.

— Я ничего не купил.

— Ясно.

В трубке запиликали короткие гудки.

С этой минуты, получив сигнал тревоги, двенадцать человек из группы прикрытия Юрки начнут покидать город. Так же незаметно, как и вошли в него месяц назад.

Максимов нажал на рычаг. Набрал номер, который выболтал седой. Дожидаясь соединения, машинально пальцем на стекле вывел стрелообразную руну*.

— руна скандинавского бога Тюра, “руна воина”, в активной магии медитация на этом знаке используется для концентрации сил перед прорывным усилием.

Опять тот же глумливый голосок

девицы. Щелчок.

* * *

Оперативная обстановка

*Контроль телефонных
переговоров*

*Абонент “А” – 242-0909, номер
закреплен за Московским
управлением СГБ*

*Абонент “Б” – 745-5683,
таскофон №224569, ул. Сенной
сторожки*

“А” – Слушаю вас.

“Б” – Майора Рожухина.

“А” – Кто его спрашивает?

“Б” – Я говорю с Рожухиным?

*Если нет, передайте ему трубку.
Это информация касается только
его. Лично.*

*“А” – Хорошо, допустим, я –
Рожухин. От кого вы узнали этот
номер? Говорите, иначе я положу
трубку.*

*“Б” – Позывной “Соловей”.
(пауза – 8 сек.)*

“А” – Я слушаю вас.

*“Б” – Для тебя посылка от
Соловья.*

*“А” – Н-да? И когда я ее могу
получить?*

“Б” – Ты уже ее получил.

“А” – Не понял?

*“Б” – Вспомни акцию у Выселок.
Тогда я не промахнулся. А сейчас –*

мажь лоб зеленкой, сука, и заказывай себе отходняк “ре минор”.

“А” — Спасибо, что предупредил!

* * *

Максимов бросил трубку. Пробежал к остановке, успел сесть в отходящий автобус. На этом перекрестке они расходились по четырём направлениям, "наружка", даже если успела среагировать, сотрет ноги по пояс, пока зацепит след.

* * *

Оперативная обстановка

Контроль телефонных переговоров

Абонент “А” – 19-114, номер закреплен за отделом “Т”, кабинет 114.

Абонент “Б” – 22-221, узел связи Московского управления СГБ

“Б” – Узел связи, оператор

Доронина. Слушаю вас.

“А” – “Полтава”. Майор Рожухин. Откуда сейчас был звонок на мой городской.

“Б” – Назовите номер.

“А” – 242-0909.

“Б” – Секундочку... Таксофон на улице Сенной сторожки, дом три. Там, кстати, трубку плохо положили. Идут короткие гудки.

“А” – Вот такой у нас некультурный народ, барышня! Спасибо.

Преторианцы

Дмитрий бросил трубку. Откинулся в кресле, закинув ноги на стол.

Позу эту полюбил с детства. Мать гоняла, жена гоняла, пока, стерва, не ушла к другому. А он любил думать именно так, закинув повыше ноги. Зато до сих пор не было варикозных змеек на ногах. Несколько раз его заставляли врасплох подчиненные, и за ним плотно приклеилась кличка "Ковбой". Лично он в ней усматривал намек на авантюренность и лихость раскручиваемых им операций.

В кабинет он ни с кем не делил. В вечно перенаселенном здании Управления это было привилегией. Большинство ютилось по четверо, а то и по шестеро в кабинетиках, за тесноту прозванных “шанхайчиками”. Отдельный кабинет полагался только начальникам отделений. Но Дмитрий сумел убедить своего шефа, что на своей должности начотдела он пашет за троих, включая самого полковника Губанова. Шеф спорить не стал.

Дмитрий потянул к губам сигарету. Спohватившись, отбросил. Белый цилиндрик покатился по полированной столешнице. Замер на

самом краю.

«Кто играет?» – спросил себя Дмитрий.

Вариантов ответов было столько, что не хватит листа бумаги, чтобы записать. А для просчета возможных вариантов развития событий потребовался бы мощный компьютер.

Ретроспектива

(15 км. юго-восточнее д.
Выселки)

Преторианцы

Дмитрий потребовал, чтобы его отвезли к месту обнаружения трупа.

Поездка на БТРе никакого удовольствия не доставила. Спецназовцы глядели разъяренными волкодавами, которым так и не дали команду “фас”. Шутить с ними, видившими, штабеля “груза-200” у кромки летного поля, было просто небезопасно. Нравы у “волкодавов” были особые. Запросто могли подвесить на ремень гранату со снятой чекой. Свидетелей не будет, все свои, тридцать раз кровью мазанные. Так и скажут, сам лох

подорвался.

В полумраке десантного отсека царило тягостное молчание. Только надсадно выли движки, да клацала коробка скоростей. То и дело Дмитрий ощущал на себе тяжелые взгляды хмурых парней. Для них он был “шишкой из Москвы”.

Хорошо, что ехать пришлось недолго.

Спрыгнув с брони, Дмитрий осмотрелся. Едва видимая грунтовка, вынырнув из леса, петлей уходила в урочище. Темная кромка дальнего леса клином врезалась в пустошь.

«Метров шестьсот, не меньше», — прикинул расстояние Дмитрий.

Группа без команды

рассыпалась в круг. Люди в камуфляже просто растворились в высокой траве.

— Лихо! — сказал Дмитрий оставшемуся рядом с ним командиру взвода.

Взводный никак на комплимент не отреагировал. Трижды свистнул.

Из травы у дуба, на метров двадцать выступившего за край опушки, поднялся человек в камуфляже, махнул рукой.

— Вон там твой трупешник.

— Они, что, его из лесу выволокли?!

Взводный скрипнул зубами.

— Не первый год замужем. Где нашли, там и оставили. И еще следы

прочесали.

Он подтолкнул Дмитрия вперед.

Труп лежал лицом вниз. Руки связаны за спиной особым способом: тонкая бечевка в несколько витков стянула большие пальцы, не вытянуть, не разорвать. Свободный конец бечевки петлей захлестнут вокруг правой стопы.

Стороживший труп постовой сразу предупредил:

— Мы его чуток потормошили. Ну, на предмет “сюрприза”. Потом в исходное вернули. Так что, фоткайте смело. Все, как в аптеке.

— Обойдемся без формальностей.

Дмитрий сам перевернул труп

лицов вверх. Кожа уже налилась трупной синевой, от сухой травы остались глубокие морщины.

— Это мой человек, — глухо произнес Дмитрий.

Взводный пробормотал что-то невнятное.

— Ножом.

На груди у трупа слизко блестело буро-красное пятно.

Дмитрий прощупал воротник куртки убитого. Достал нож, вспорол шов. Вынул тонкий цилиндрок папиросной бумаги. Раскатал на ладони.

На листке угловатыми значками были написаны несколько строчек.

— Все ясно.

Дмитрий выпрямился.

– Осмотрели здесь все вокруг, да?

Постовой кивнул.

– Шел оттуда. – Он указал вправо. – Держался опушки. А здесь его перехватили. Натоптал один человек.

– И куда ушел?

Постовой пожал плечами.

– Хрен его знает. Петлю сделал, как заяц. След в овраг сбросил. И пропал. – Он указал за спину Дмитрию. – Ребята вдвоем туда пошли. Скоро должны вернуться. Мысль есть, что он по растяжкам на деревьях уходил. Хотят проверить.

– Такое возможно? – обратился

Дмитрий к взводному.

— Ну как сказать... Сам не пробовал, но слышал про такое. Конец с грузом или крюком на ветку, второй особым узлом на своей завязать, шлейф за собой пронести. Прошел, дернул за шлеф, развязал узел — и по новой. — Он сплюнул. — Геморрой одним словом. Китайский диверсант какой-то, бя.

Дмитрий отошел от трупа. Прижался спиной к стволу дуба. Отстегнул с ремня фляжку. Свернул пробку.

— Мужики, давай моего помянем. И ваших.

Взводный с бойцом переглянулись.

— Коньяк, небось? — с

недоверием спросил взводный.

— Спирт.

— Начинай, — сказал взводный.

Он сделал шаг к Дмитрию.

Рожухин выдохнул, прижал
вляжку к губам и закинул голову.

Пуля врезалась в ствол в десяти
сантиметрах от щеки.

Взводный взревел, распластался
в прыжке и сшиб Дмитрия на землю.

В полной тишине они ждали
новой пули. Ровно секунду.

Стальной трещеткой зашелся
автомат. Три короткие очереди ушли
в сторону опушки.

Следом за ними с воем пошли
те, что выплюнули автоматы группы

прикрытия. С небольшим опозданием ожил башенный ПКТ. Наводчик длинной очередью прошелся по опушке. Даже издалека было видно, как пули секут густой подлесок.

– Метил бы в грудак, тебе бы – полный звездеч, – жарко выдохнул в ухо Дмитрию взводный.

И вдруг зашелся хриплым нервным смехом.

Дмитрий стряхнул с себя его лапы. Перевернулся, лег лицом к урочищу.

Взводный рывкнул на бойцов. Стрельба сразу же стихла.

– С такой дальности... – Дмитрий провел ладонью по

оцарапанной щепками щеке.

— Мужик, ему по болту дальность. Снайпер тем и отличается от нас, убогих, что куда целит, туда и попадает.

Он пошарил в траве. Протянул Дмитрию флажку оглушительно пахнущую пролитым спиртом.

— Прими на душу, пока страх не пришел.

Дмитрий, не морщась, хлебнул спиртягу. Выдохнул в рукав. Передал флажку взводному.

— Как считаешь, он ушел?

Взводный набрал в рот спирт, рисуясь, сначала прополоскал им рот, потом сглотнул. Разлепил в улыбке губы.

– Бухгалтерия считает, а я чую.

– Ни у что ты чуешь?

– Чую, что труп он как приманку положил.

– Ха, мудрая мысль. И еще что ты чуешь?

– Чую, что ему был нужен кто-то круче, чем мои бойцы. Уж их-то он мог здесь положить штабелем еще пару часов назад.

– А меня почему не снял?

– Счас затравим, спросишь. Ты с нами, или как?

Дмитрий принял из руки взодного фляжку, пригоршней спирта протер пораненную щеку. Морщась от жгучей боли, оглянулся на дерево. На черной стволе отчетливо виднелась

белая полоска там, где пуля высекла щепку.

– С вами, само собой.

– Тады – отползай.

Взводный сделал знак бойцу: “Остаешься, ве́ди наблюдение”. Шурша травой, пополз к плотной стене подлеска.

На его место сразу же плюхнулся боец. Удобно расположился в ложбинке между корнями дуба.

– Эй, товарищ... Как вас там? – прошептал он. – Я сказать не успел, на дереве метка какая-то.

Дмитрий удивленно посмотрел ему в лицо.

– Что за метка?

– Буква, или чо, я не знаю.

Английская, похоже.

– Где?

Боец пальцем указал на скол от выстрела.

– Чуть правее.

Дмитрий с опаской глянул на урочище. Привстал на коленях.

Действительно, в двух ладонях правее скола кто-то вырезал ножом угловатую букву “R”*.

* – руна “Raid” – “Путь” или “Дорога” в том эзотерическом значении, в котором ее понимают авторы сказок и романов фэнтэзи. Путь без смысла и цели – “пойди туда, не знаю, куда, найди то, не

знаю, что”, движение как самоцель и единственный способ узнать свое предназначение. Знак “Странника” – человека Пути и Дороги. В активной магии начертание руны Raid способствует поступательному движению по линии судьбы, приводит с действие причинно-следственную связь, выводит из состояния косности и застоя.

– Странник, – прошептал Дмитрий.

И уже не боясь выстрела, встал в полный рост.

Каждый думает по-своему. Если вообще умеет думать. Например, товарищ Сталин возился с трубкой, набивая ее табаком папирос “Герцеговина Флор”. Привычные манипуляции с трубкой служили пусковым механизмом, включающим в форсированный режим изощренное мышление вождя.

Дмитрий сбросил ноги на пол. Достал из нижнего ящика стола шахматную доску. Быстро расставил фигуры на доске. Собрался, готовясь сделать первый ход.

В Управлении шел нескончаемый чемпионат по шахматам. Официальный, между

подразделениями, и негласный — чтобы просто убить время. Очень многие играли вполне прилично. Но так, как играл он, не мог никто. Все, кто пытался сразиться с Дмитрием в “мерцающие шахматы”*, оказывались на голову разбиты.

* — редкая разновидность классических шахмат; правила допускают менять фигуры на доске на взятые ранее, в результате игра становится непрогнозируемой, невозможно разыгрывать известные стандартные партии, от игрока требуется колоссальная реакция и предвидение развития ситуации “по

самому невероятному варианту”.

Дмитрий скорыми, привычными ходами разыграл дебют. Отказной ферезвой гамбит был его любимым началом.

А дальше понеслось... Он брал фигуры, выставлял на доску взятые раньше, атаковывал и защищался, шел на обмен и совершал позиционный маневр, вновь выставлял нужную фигуру из сбитых с доски, катастрофически меняя баланс сил. И все в таком бешеном темпе, словно бренчал на рояле безумный рок-н-ролл.

Лицо его покраснелось, с искривленных губ срывалось нервное

дыхание, на висках заблестел пот. Он впал в полутранс...

Обреченный король черных спрятался за пешку. Белый конь на Н-4 отрезал путь к отступлению. Мат через ход. Пешка черных превращается в ферзя – шах белым. Слон белых – на D-3 – парирует удар. Проходная пешка черных, до последней линии осталось два хода, становится ладьей. Шах белым. Король уходит за слона. Шах конем. Отход на В-3. Черный ферзь берет слона, шах и мат. Все, партия!

Дмитрий протяжно выдохнул и откинулся в кресле. С минуту сидел неподвижно, закрыв глаза.

– Шанс есть, – прошептал он.

Пальцы вывели на подлокотнике
кресла стрелообразный значок.

ГЛАВА СЕДЬМА Я

Старые львы

Салин вернулся в кабинет, на ходу одергивая пиджак.

— Вы извините, Константин Альбертович. Неотложные дела, беготня весь день. Продолжим, — сказал он, усаживаясь в кресло. Сидели по привычке рядом, чуть развернув друг к другу кресла.

— Ничего, я понимаю.

Ливитцкий успел раскурить

тяжелую трубку. В воздухе плавало сиреневое пахучее облако. Курил голландский "Клан". Узнав о его давнем пристрастии к дорогому табаку, Салин ненавязчиво организовал постоянное снабжение, благо, возможности по удовлетворению любых прихотей партнеров у него всегда были. Ливитцкий с врожденным тактом поблагодарил лишь раз, больше об этом не упоминали.

«Он очень похож на молодого Алексея Толстого. Бонвиван, та же барственная покойность, только бес, вечно точащий русскую душу, изредка пробивается сквозь вальяжную ленцу глаз. Есть в нем

бес, есть! Неземного хочется, страшного, невиданного. Вот и лезет в дебри, где слабый умом давно бы тронулся. И любит Россию, и презирает ее кислый дух одновременно. Все, как русскому просвещенному человеку и полагается», – подумал Салин, украдкой наблюдая за Константином Арнольдовичем.

Левитцкий был лидером философского кружка, пригретого Салиным. Во времена о н ы е Левитцкого называли бы “политтехнологом”. Широко эрудирован, способен масштабно мыслить, в частые моменты озарения способен выдавать нестандартные

решения, от красоты и логичности которых заходились от зависти узкие профессионалы. От плебейского вида “политтехнологов” Левитцкий отличался не только врожденным аристократизмом. У него хватало вкуса не корчить из себя политика и было достаточно ума, чтобы, образно выражаясь, будучи хвостом, не пытаться крутить собакой. С первых же встреч он четко очертил границы своего присутствия в мире Салина — мире выских интриг, тайных соглашений и смертельных схваток, невидимых непосвященному глазу. Он четко удерживался на грани, за которой высказанное вслух мнение становится попыткой воздействовать

на принятие решения.

— Продолжим анализ? Если я вас еще не утомил...

— Нисколько. Более того, сейчас необходимо именно ваше умение мыслить иными, скажем, менее банальными категориями. — Салин знал, что Левицкий падок на лесть.

— Отлично, — удовлетворенно пыхнул тубкой Ливитцкий. — Коль скоро мы затронули столь щепетильный вопрос, придется сделать небольшой экскурс в эзотерическую историю нашего родного государства.

Гений Сталина в том и состоит, что, как всякий гениальный человек, он сумел подняться над догмами и

увидеть свет там, где все его окружающие видели лишь частокोल проблем. Если помните, классический марксизм предполагал социалистическую революцию как перехват управления в высокоразвитом, как мы сейчас говорим, индустриальном обществе. После смерти Ленина ему досталась изнуренная войной страна с двумя, я подчеркиваю, двумя процентами пролетариата, полностью разложившейся системой управления и тотальной анархией, идущей от всеобщей жажды перемен. Что оставалось делать? И Сталин сделал гениальный по простоте и грациозности ход. Я бы назвал его

манифестацией непроявленного в проявленном. Он развернул структуру партии, то есть, закрытой, по-нашему — эзотерической организации, превратив ее в открытый аппарат государственного управления. До него мир знал лишь классический путь либеральной демократии с ее тайным всевластием закрытых клубов и обществ. Образно говоря, Сталин выстроил пирамиду, о существовании которой общество было практически неосведомлено. Поэтому-то никто и не обратил внимания на столь бросающиеся в глаза признаки тайной организации.

Вспомните, октябрюта с семи до десяти лет, потом — пионеры до

четырнадцать лет, начало полового созревания и связанные с ним энергетические пертурбации знаменующиеся вступлением в комсомол. Энергия, стало быть, направляется в созидательное русло. А в комсомоле самый бездарный обречен пробыть два раза по семь лет, то есть — до двадцати восьми, сумма чего дает нам десятку — нумерологический знак "человека познания". Определенное число созревает раньше и переходит в разряд кандидатов в члены, что есть полный аналог степени подмастерья. Я надеюсь, мои аналогии с масонской иерархией вас не шокируют?

— Константин Альбертович, вряд ли меня можно чем-то удивить. — Салин вежливо улыбнулся. — Кого, по вашему мнению, Сталин называл "меченосцами"? Помните его изречение?

— Конечно. "Наша партия должна представлять из себя боевой отряд, сродни "меченосцам", так, если я не ошибаюсь. Думаю, он имел в виду именно то, о чем я говорил. Он создал новую партию, партию управленцев, репрессировав всех пламенных профессиональных революционеров, способных только разрушать. Чем больше партийная иерархия пронизана духом рыцарского ордена с культом

магистра и веры в Абсолют, в нашем случае – в коммунистическое завтра, тем оптимальнее она в управлении и мало подвержена внутренним и внешним воздействиям.

– А результат? – саркастически ухмыльнувшись, вставил Салин, сверкнув на Ливитцкого темными стеклами.

– Произошло то, что должно было произойти. Система из тайной стала явной. Постепенно из нее ушел Дух. Более того, в таком виде она абсолютно не приспособлена ни к каким новациям. Ее конструкция неизменна, как сама природа Власти. А все реформаторы с упорством, достойным иного применения,

пытались перестроить именно ее, принимая внутреннее за внешнее. Чем кончались эпопеи по переделке фасада вы знаете. А теперь посмотрите на Китай. Конструкции идентичны, результат – прямо противоположный. – Ливитцкий зло пыхнул трубкой. – Необходимость восстановления партийной структуры у нас осознали еще при Ельцине. Но все “партстроительство” шло сверху и лепили из того человеческого материала, что был в наличии: из казнокрадов, взяточников, коллаборционистов и моральных разложенцев. Ошибка в том, что для “рыцарского ордена Партии” нужны

бессеребренники и фанаты д е л а, а не “скупые рыцари” с миллионными личными счетами в швейцарском банке. Итог, что называется, на лицо.

Левитин указал за окно, где в хмуром небе клубился дым. Опять в городе что-то горело. Или опять случился выброс какой-то химической гадости.

В кабинете, как и во всем здании концерна, воздух трижды пропускали через систему фильтров. Но Салину почудилось, что в стерильном, облагороженном ионами и ароматизаторами воздухе, появилась кислая химическая нотка.

Он с неудовольствием покосился на трубку Левитцкого.

— Хорошо, дорогой мой, вернемся к Старостину.

Левитцкий забросил ногу на ногу, аккуратно поддернув штанину.

— Что касается Старостина, то я уже говорил и не устану повторять: данный господин представляет собой редкий тип политика. Его и политиком назвать было бы не совсем точно. В отличие от всех, он не приспособливается к обстоятельствам, выгадывая момент, а жестко и планомерно структурирует внешние обстоятельства под себя. Для этого потребна изрядная смелость. Но не смелость авантюриста, но смелость гения, презревшего все каноны,

потому что ему, исключительно ему одному, открылись иные закономерности. Мне было важно понять, какой из инкарнаций высших сил может быть Старостин, скрывающийся за личиной очередного популиста и спасителя Отечества.

Левитцкий пососал трубку, уставившись на попыхивающий искорками табак.

Салин изобразил на лице скептическую гримасу.

— Знаете, Константин Арнольдович, я иногда ловлю себя на мысли: а не погрузились ли мы по извечной русской привычке в дебри любомудрия, а? Не идет ли все наше

философствование от желания признать проблему неразрешимой, а труды напрасными, как думаете? Ведь истина может оказаться гораздо проще, чем нам в силу уровня развития интеллекта хотелось бы. Что может быть проще? Делали партию под Первого, эка невидаль. Я просто сбился со счета, сколько их налепили со времен исчезновения нашей партии. Назначили первого подходящего горлопана из провинции. Он оказался способным организатором, горозде более способным, чем от него ожидали. Такое тоже не редкость. А “задвинуть” выдвиженца руки не дошли. Что случается довольно

часто. Вот теперь и кусаем локти.

Он сознательно подставлялся. Заряженный энергией конфронтации ответ Ливитцкого должен был выйти предельно кратким.

— Мы же не понимаем под политикой сводку новостей в газете! — живо откликнулся Ливитцкий. — Даже простое передвижение границ носит планетарный характер, а посему политика либо связана напрямую, либо вызвана силами иного, высшего порядка. — Левитцкий пыхнул трубкой. — Конец Времен, уважаемый Виктор Николаевич, Конец Времен! Тайное проявляет себя в явном. Я и мои товарищи абсолютно убеждены:

Старостин представляет собой проявленность глубинных сил разрушения, до поры сокрытых в недрах нашей цивилизации.

— Уверены, именно — разрушения?

— Абсолютно. Небезызвестная строфа "до основанья, а затем, мы наш, мы новый мир построим..." содержит в себе глубокий смысл. Новые цивилизации восходят на прахе предыдущих. Катастрофа только начинается. Первый удар стихии можно уподобить пожару, сжигающему стерню, чтобы подготовить почву для нового посева. Но Старостин — не сеятель и не землепашец. Он сам есть

Катастрофа.

Салин долго взвешивал вопрос, тщательно маскируя свой интерес; так уж повелось, беседы с одним из "невидимых советников" носили интеллектуальный характер, никогда и ничего практического, напрямую связанного с делом.

— Как с этих позиций можно оценить возможность сотрудничества, или, скажем так, взаимодействия?

— Со Старостиным?! — Ливитцкий развернул кресло, в упор посмотрел на Салина. Но сквозь темную толщу стекол выражения глаз было не разглядеть. — Что будет, если глыба льда упадет на Солнце? Что

будет, если обдать кипятком бутылку
хорошо подмороженного
шампанского? Вот такой эффект вы и
получите, уважаемый! Взрыв и Хаос,
из которого потом будет слеплена
новая Вселенная. Поймите,
Старостин отнюдь не
созидатель, хоть и хочет таковым
казаться. Он то, что в иные века
называли Бичом Божьим. Его
функция – разрушить. Выращивать
всходы и пожинать новые плоды
будут другие. Старостин – последняя
в нашем веке попытка создать новую
расу, новый тип человека, слепив на
скорую руку для него новый мир.

– Странно, что этого никто не
понял раньше.

– Случайность. – Левитцкий окатил себя клубом благородного аромата.

– Вы еще верите в случайное?

Салин взял тайм-аут, прошел к столу, машинально передвинул бумаги.

«В случайности я не верю, дорогой. В совпадения то же не верю. Я много во что не верю. Порой даже самому себе боишься поверить. Особенно сейчас. Меня подставили на контакт, а сами боятся союза. Только Старостина нам не сломать. Пусть мудрят сколько душе угодно, собирают Капитул, можно большой, можно малый, все одно – не по зубам. Давить его бесполезно. Пусть

Старостин боится меня. Деньги убивают надежней пистолета, так, кажется говорят. Кстати, о деньгах!»

Он поднял голову и посмотрел на раскинувшегося в кресле Ливитцкого. Нога небрежно заброшена на ногу, вересковая трубка грациозно лежит в узкой ладони.

«Не знаю, был ли Алексей Толстой англофилом, скорее всего, германофилом, иначе при Усатом долго бы не протянул придворный "красный граф", но этот-то точно — англофил. Для банальной диссидентской неразделенной любви к Америке слишком утончен и добротен образован».

— Вот еще вопрос, Константин

Арнольдович, нет ли признаков получения Старостиным, скажем мягко, крупных сумм?

Ливитцкий изогнул бровь, вычертил в воздухе трубкой замысловатую дугу и произнес:

— Исключено. Имеется весьма надежный признак. Старостин, как и все персоны определенного масштаба, прекрасно владеет герметическим языком цвета. Если бы он сподобился найти деньги, которые вы имели ввиду, или они нашли его, а такая вероятность с каждым днем возрастает, он бы не преминул показаться на публике в коричневом костюме. Идет ему этот цвет или нет, но хотя бы раз он был

просто обязан. Он же до сих пор, насколько мне известно, на публике и повседневно продолжает носить исключительно черные костюмы. В эту, фи, форменную косоворотку Движения с пояском а-ля Гришка Распутин.

— Я слышал, что черный предпочитают творческие натуры? Или опять наврали модные журналы?

— Черный цвет — символизирует власть над низшими энергиями, идущими из земли. Например, нефть, уголь. Желто-золотой цвет — власть небесная, божественная. Помазанника божьего венчали золотой короной во все времена и практически у всех народов.

Коричневый цвет получается при смешивании желтого с черным. Носящий коричневые одежды демонстрирует овладение двумя стихиями власти. Иными словами, коричневый цвет – решение задачи квадратуры круга, как ее понимали алхимики, то есть – соединение земного и небесного. Забавно, но по тесту Люшера коричневый цвет ассоциируется с гедоническими устремлениями. Ибо таков цвет, простите, переваренной пищи. Сытый лев, уже не лев, вы согласны?

Салин, подумав, кивнул.

– Если Старостин вырядится в коричневое, считайте, что он перестал быть самим собой. Его

цвета – черный и алый. Дым и пожар. – Левитций скользнул взглядом по Салину. – А вот вам, Виктор Николаевич, темно-коричневый к лицу.

– Благодарю за комплимент. Но костюмы мне подбирает жена.

«Вот и предел твоей компетенции, дорогой. Как только доходит до реального д е л а, вся твоеголюбомудрие теряет смысл. Какая же власть без с е р ь е з н ы х денег?»

– Пригласите ко мне Владислава. Да, немедленно. И будьте добры, еще кофе для Константина Арнольдовича. – Салин положил трубку, снял очки, протер стекла кончиком галстука. Не

поднимая головы — знал, без очков глаза становятся беззащитными — сказал:

— Константин Арнольдович, первую часть будем считать законченной. Сейчас подойдет Владислав, поделитесь с ним своими тревогами. Не знаю, что там у вас, но верю, зря панике вы бы не поддались, так?

* * *

Вместе с Владиславом в кабинет проникло невидимое холодное

облачко. Салин давно обратил на это внимание: стоило войти всегда собранному, внешне бесстрастному и уверенному в себе Владиславу, на сердце становилось тревожно и умиротворенно одновременно. Как в присутствии врача. Возможно, будет больно, но мера боли будет профессионально отмерена, а потом непременно наступит облегчение.

Владислав умел провести любую операцию с минимумом крови и боли. Он их не хотел, не брезговал и не страшился. Кровь и боль, реальные кровь и боль, были неизбежными составляющими его ремесла. Работая со смертью, он мог превратиться в гробовщика, палача

или вертухая. За долгие годы сотрудничества с Салиным, он ни разу не оступился, был и остался х и р у р г о м. И как положено хорошему хирургу, он не вел статистики. Мастерство не определяется количеством, как и во всяком искусстве, в ремесле тайных операций речь идет только о стабильности качества работы.

Владислав молча кивнул Ливитцкому, сел в кресло напротив.

Салин надел очки, кивком дал понять Ливитцкому — можно начинать, время не ждет.

— Откровенно говоря, несколько некорректно поднимать эту проблему в отсутствие Рожухина, но, боюсь, он

бы меня не понял.

Ливитцкий запыхал трубкой, переводя взгляд с Салина на Стаса. Оба молчали, умели молчанием вытягивать на разговор.

— Все дело в некоторых, подчеркну, исключительно на мой взгляд, тревожных симптомах. Я последнюю неделю анализировал материалы по отрядам наших, так сказать, "меченосцев". Картина безрадостная, доложу я вам.

Опять никакой реакции. Оба изобразили на лицах заинтересованность, но никакого ажиотажа. Лицо Владислава вообще замерло, как у Сфинкса.

— Я, естественно, не вдавался в

подробности, как у вас говорят, оперативной работы. Это епархия Владислава. Меня больше интересуют идеологические аспекты с выходом на некоторые эзотерические архитипы. Дело в том, что с самого начала мы пытались заложить в конструкцию организации "Меч" определенный архетип. Я, как вы помните, достаточно подробно обосновал свою точку зрения по данному вопросу. Сейчас лишь повторяю, что организация лишь тогда дееспособна, если ее структура не только оптимальна для решения внешних и внутренних задач, но и коррелируется с определенными

устоявшиеся формами коллективного бессознательного.

— Благодарю за вступление, Константин Арнольдович, теперь прошу самую суть проблемы, — первым не выдержал Салин.

Посмотрел на Владислава. Опытный глаз подметил тень тревоги, залегшую у него вокруг губ.

— За основу нами была принята модель рыцарского военно-религиозного ордена. Мы учли и специфику будущей деятельности, и отсутствие на тот момент скольнибудь дееспособной общественной идеи, и соответствие этики и морали военного ордена структуре личности будущих неофитов. Ведь им

предстояло воевать, как бы мы это не называли. И война это без сроков и конкретных целей, без врага, обозначающего себя другой формой одежды и чуждым языком. По сути, это война с невидимым, непроявленным врагом. Нам были нужны носители угасшего под гнетом цивилизации истинного духа Воина, сами не ведавшие, что в их крови есть малая толика святой крови Касты воинов. Только такие потребны для астральной битвы, которую мы на своем уровне воспринимаем как противостояние определенной политической фигуре и силам, его вызвавшим к жизни.

Ливитцкий достал из портфеля

и разложил на столе фотографии.

— Вот полюбуйте́сь. Большого мне не потребовалось. Я готов поставить диагноз.

Салин перебрал фотографии, передал пачку Владиславу.

— Продолжайте, — сказал он Ливитцкому.

— Перед вами снимки мест стоянок наших отрядов, места и результаты их акций. К сожалению, это все, что мне удалось фактически выпросить у Рожухина. Но мне достаточно. Вы обратили внимание на странные знаки? Иногда они вырезаны на дереве, вот здесь нарисованы на стене. Вот под этим деревом нашли труп какого-то

человека. Какая-то акция под деревенькой Выселки... А вот это место, где, по мнению оперативников, находился снайпер, ликвидировавший какого-то бонзу в Новосибирске. Опять, как вы видите, едва заметный знак. Уверен, на него они не обратили внимание. Или не смогли грамотно истолковать.

Салин чуть заметно двинул подбородком. Владислав принял сигнал, посмотрел на него и едва заметно кивнул.

«Фактура сходится. Ливитцкий своим умом доходил до многих истин, известных только узкому кругу профессионалов, я убеждался в этом не раз. Нет и не может быть

секретов ремесла, пусть и трижды секретного, для пытливого натренированного ума», – подумал он, переводя взгляд на покрасневшего от волнения Ливитцкого.

Тот был доволен, добился-таки своего. Они оба, на сколько позволяло благоприобретенное хладнокровие, демонстрировали неподдельную заинтересованность.

– Теперь посмотрите на эту книжицу. Вещь довольно редкая. – Он, как фокусник, достал из портфеля книгу в старинном добром переплете. – Трактат Гвидо фон Листа, посвященный эпосу "Старшая Эдда". Очень редкая книга! – Он погладил темно-бордовый переплет.

Издание 1908 года. А вот более поздний экземпляр. Ральф Блум, "Книга Рун", издана в Лондоне в 1984 году. Перелистайте на досуге и вы поймете: наши подопечные вдруг решили использовать руны для секретной связи. Склоняюсь к мысли, они используют руны в полном объеме, как опорный сигнал для самонастройки перед акцией и как мощнейший оракул, позволяющий успешно действовать и принимать решения в условиях полной неопределенности.

— Вывод? — коротко бросил Салин.

— Вывод? — Ливитцкий мягко улыбнулся. — Кажется, именно этот

прием называется "верховный перехват", да?

Он посмотрел на Владислава, но тот никак не отреагировал. Левитцкий заметно сник.

— Может, я и не совсем верно употребил узкоспециальный термин. Но мне кажется, он наиболее точно передает ситуацию. Наши "меченосцы" сподобились установить контакт с эгрегором более высокого порядка, нежели мы рассчитывали. В чем причина, я пока не знаю. Возможно, имеет место саморазвитие, которое нам неподконтрольно. Возможны любые варианты. Я обещаю все обдумать и в самое ближайшее время вам

доложить. Но я готов дать руку на отсечение – мы фактически утратили контроль над ними. Если в ближайшее время с их стороны будет проявлено открытое неповиновение, это только подтвердит мои догадки. Может, стоит проанализировать их деятельность за последний год под новым углом зрения, вы не находите, Виктор Николаевич? Только вот Рожухин... Я обратил внимание, он чрезвычайно ревнив, в свою вотчину меня он не пустит.

Ливитцкий вопросительно посмотрел на Салина.

«Шельма! Решетникову еще учиться и учиться! Вон как ловко гадости преподносит. Пропал в тебе

актер, мой дорогой!»

Салин обратил внимание, Владислав почти в открытую делает ему знаки.

— Ваше мнение?

Владислав сухой ладонью провел по седому бобрику.

— Я могу сказать вам пару слов наедине, Виктор Николаевич? — Не усидел, даже чуть привстал в кресле.

— Хорошо. Извините нас, Константин Арнольдович.

Они перешли в комнату отдыха. Салин вышел оттуда через пять минут с побелевшим лицом. Сел, смахнул с лица очки, принялся машинально протирать темные стекла уголком галстука. Ливитцкий

вежливо кашлянул в кулак, напоминая о себе. Салин поднял на него остановившийся взгляд.

— Константин Альбертович, думаю, мы прервем нашу встречу. Вас отвезут домой с охраной. В городе сегодня тревожно.

Ливитцкий легко встал, протянул руку.

— До свидания, Виктор Николаевич. Я оставляю вам записку, прочтите, если будет время.

— Хорошо. До свидания.

Салин вяло пожал его мягкие ухоженные пальцы. И впервые за годы знакомства не проводил Левитцкого до дверей кабинета.

Вся слабость после полученного

удара сконцентрировалась в ногах.
Икры сделались просто ватными.

* * *

Оперативная обстановка

Служебная записка

(фрагмент)

Уважаемый

Виктор

Николаевич!

*Порок самой идеи создания
псевдо-ордена "меченосцев"
заключается в том, что как и любая
искусственная модель, будучи
помещенной в живую среду,
принуждаемая ею к активной
самоидентификации очень быстро*

приобретает черты саморазвивающейся системы или разрушается средой, не терпящей ничего застывшего и косного.

Любая искусственно созданная система начинает взаимодействовать со средой, и первым вопросом обеспечения выживания является поиск источников энергии, живительных соков, если проводить аналогию с саженцем. Дерево пускает корни, а организация ищет во всеобщей истории собственное прошлое. Сила Традиции – вот ее жизненный сок.

Мы не учли одного важного фактора. Окружающая среда является для системы мощным

фактором эволюции, под воздействием которого даже возможна смена внутренней программы развития. И какой бы идеологической накачкой мы не подпитывали наших "меченосцев", среда и деятельность в ней должны были неминуемо сказаться.

Мы предлагали привлекать людей внутренне одиноких, с мощным зарядом пассионарности, достаточно развитых интеллектуально и духовно для овладения эзотерической премудростью. Оперативные способности, физическую подготовку и боевой опыт мы отдали на откуп "специалистов".

Первые девять неофитов должны были составить костяк будущего ордена. Для этого их протащили через все "горячие точки", изучали, "втемную", как выражается Стас, проверяли на контрольных заданиях. Уцелели все девять, что лишний раз говорит о правильной методике первичного отбора.

Вам ясно, что мы хотели воспроизвести историю создания подлинного ордена "храмовников". Но тут то, как нам теперь ясно, и кроется порок.

Рыцарский орден – идея и модель прекрасные! Но по внутренней сути и роду

деятельности наши "рыцари" являются чужаками для окружающей среды. В это же время, они должны быть ей полностью адекватны. Пусть чужаки, но не и н о р о д н ы, так бы я сформулировал.

Ближайшая историческая аналогия – варяги. На ум сразу приходит князь Олег с дружиной. Парадокс в том, что викинга и чужака, о языковой проблеме никто из историков не задумался, славяне признали своим предводителем. Он не просто стал удельным князьком, а водил на Константинополь армады челнов, объединяя под своим началом соседние славянские племена. Воевал не плохо, если – "щит на вратах

Царьграда".

Оперируя геополитическими категориями, он проторил путь "из варяг в греки", создал геополитический вектор развития России. Обратите внимание, Петр Великий, отвоевав Азов, пробивал "окно в Европу" почему-то в северной стенке русской избы.

Но существует еще одна ось развития – с Запада на Восток. По ней шли тевтонцы, Карл, Бонапарт и Гитлер. С тех самых пор, как Россия осознала себя державой, вся мировая политика направлялась одной целью – сбить ее с этой оси. Факт в том, что интеллектуальное воздействие на российскую элиту

всегда шло по второму вектору, а развитие низов – по вектору север – юг.

Как нам представляется, наши "рыцари", принуждаемые к роли "тайных хранителей земли", подключились или были вынуждены подключиться к энергетикам, идущим по оси север – юг. Для них, очевидно, это было единственным способом выживания.

Если же говорить о возможности "верховного перехвата", то я бы не стал отрицать и такой вероятности. Слишком уж быстро система изменила внутренний мета-язык. К тому же, они абсолютно грамотно

используют семантические и
гносеологические аспекты
рунических знаков.

Что же касается
персонификации "хранителей земли",
с которыми могли войти в контакт
наши "рыцари", мы их способны
установить. Очевидно, по методу
исторической аналогии следует
вести речь о своеобразной скрытой
линии наследования функций и права
управления. Наиболее подходит
аналогия с "князьями крови" —
прямых, тщательно скрываемых и
оберегаемых носителей крови
первых королей Европы. В нашем
случае это прямые потомки князей —
викингов, пришедших на Русь с

Олегом и Игорем.

Мои друзья уже включились в работу. Сам я сегодня же вечером пересмотрю все свои архивы. Возможно, потребуется Ваша поддержка.

Упреждая Ваш вопрос, отвечу – ктати, со мной солидарны мои друзья – господин С. ни имеет никакого отношения к "хранителям" и, без сомнения, к "князьям крови" не принадлежит. Он самодостаточен и эгоцентричен, что говорит о его невключенности в известные нам эзотерические модели. С большой долей вероятности могу предполагать, что им играют, как в свое время разыгрывали "проходную

пешку” – Гитлера...

С уважением Ливитцкий

Ретроспектива

Старые львы

За окном выл осенний ветер. Стеклопакеты лишь глушили звук, но ничего не могли поделать с низкой вибрацией и глухими ударами, то и дело сотрясающие рамы.

Салин поежился, представив обратный путь по шоссе, выбеленному первой поземкой. Вдоль исхлестанного ветром леса. Под каждым деревом мог затаиться обмороженный — в прямом и переносном смысле слова — с

гранатометом.

Охрана у Салина надежной, восемь человек в бронированных джипах. Вместо роскошного “мерса” люди его ранга теперь предпочитали для дальних поездок гибрид БМП с “кадиллаком”: гусеницы с резиновыми вставками гарантировали плавный и безвучный ход, в десантном отсеке помещалась капсула для пассажиров, комфорт на самом высоком уровне, плюс гарантия сохранения жизни даже при прямом попадании снаряда с сердечником из обедненного урана.

Но именно в езде на предельной скорости в броневице, прикрытом телами “джипов”, было самое

страшное. Осознание своей
обреченности, унижительной
зависимости от случая.

Плотные гардины не пропускают
солнечный свет. В кабинете царил
малиново-фиолетовый полумрак,
густо-черные тени растеклись по
углам. Свет лампы под старинной
шалью тусклой янтарный лужицей
растекался по столу, выхватывая из
полумрака сухую старческую кисть с
золотой капелькой перстня на
пальце. Только напрягая зрение,
можно было разглядеть контур
фигуры старика, утонувшего в
кресле, и венец из гладко зачесанных
седых волос.

В кабинете, несмотря на работу

кондиционера, ощущался запах старости и болезни. Старик умирал. Это знал он сам и те, кому полагалось это знать.

Салин сам уже давно чувствовал возраст и научил себя смиряться с блуждающими болями и то и дело накатывающей немощью. Но перед стариком он ощущал себя молодым и неопытным. Вместе со стариком, хрипло дышащим в кресле, уходила целая эпоха. Великая Эпоха Великой страны. Давным давно сухой палец Администратора указал на юношу Виктора, выбрав из сотни претендентов, вошедших в возраст начала карьеры. Прошли годы, но для заматеревшего и успевшего

состариться льва закулистных битв
Виктора Николаевича Салина,
Администратор так и остался
Администратором, чье слово — закон,
а выбор — неоспорим.

В полосе света проплыло белое
пятно скомканного платка.
Администратор тяжело откашлялся.
Долго переводил дыхание.

— Я мечтал умереть как Моисей,
— прошепелестел его севший голос. —
На берегу Иордана, приведя свой
народ к порогу нового мира. Моисей
же умер на берегу со стороны
пустыни, а мог — за рекой, в тени
деревьев. Но он не решился нарушить
волю своего Бога. Нарушить Договор!
В этом великий смысл: реку пересек

Ковчег завета, а не человек. Соль притчи: ничего личного в делах, связанных с Договором.

— Да, я понимаю, — промолвил Салин.

— Увы, умираю как Первосвященник, который видит, как пламя пожирает Храм, — с горечью произнес Администратор. — Скажите, неужели нельзя было избежать Катастрофы?

— Увы, мы делали, все что могли. Но о н и просто обезумели. Ничего не хотели слушать, ничего тольком не смогли предпринять.

— Временщики, — процедил Администратор. — Надеюсь, когда-нибудь построят новый музей

Катастрофы*. Музей зверинной тупости одних, покорной глупости других и умной подлости третьих.

* – музей Шоа в Израиле – памятник жертвам Холокоста, посещение музея обязательно перед принятием военной присяги.

Салин склонил голову. Он не знал, к кому Администратор причисляет его.

– Я сдаю дела, Виктор Николаевич. Мое время истекло. Я и так зажился и увидел то, что не стоило бы видеть. Пока еще в ясном уме и твердой памяти, я раздаю самое ценное – информацию. Вы

готовы принять от меня свою долю?

Салин понял, что вопрос ритуальный. Молча кивнул.

— Что вы знаете об Ордене Орла? — спросил Администратор.

— Перед самой Катастрофой они предприняли попытку изменить вектор развития. Чем это кончилось, мы знаем. Насколько мне известно, Орден объявил силанум*. Мы давно не ощущаем его присутствия.

* — букв. — “молчание”: временное прекращение активной деятельности тайной организации масонского типа, в этот период не ведется поиск и прием новых членов, не проводятся регулярные капитулы

и собрания лож, вся деятельность организации концентрируется в законспирированном “внутреннем круге”.

Мертвая ладонь ожила, трижды раза по три вяло хлопнула по скатерти. Перстень, блеснув печаткой, послал в глаза Салину золотую иглу.

Голос Администратора окреп, стал голосом м а г и с т р а.

— Они умеют проявлять себя ровно настолько, насколько посчитают нужным. У них нет жесткой вертикальной структуры, поэтому они неуловимы для обычных контрразведывательных мер. Их

члены действуют так, словно Орден существовал, существует и пребудет во веки веков. Есть он или нет в действительности, не важно. К действию их обязывают знания, а не устав или приказ.

Салин знал это, но сохранил на лице выражение уважительного внимания.

— Вы не забыли девяносто четвертый год? — спросил Администратор.

— Первая чеченская? Я тогда охотился за деньгам Горца. Можно сказать, последняя удачная операция нашей Организации.

Он не увидел, но почувствовал как на блеклых губах старика

всплыла тонкая улыбка.

— Я считаю своим долгом отдать это знания вам. В октябре того года я заключил договор с Орденом. В обмен на оказанную услугу представитель Ордена, его орденское имя я вам не назову, получил право владеть таким же перстением.

Салин замер. Потребовалось усилие, чтобы осознать степень важности и предельную опасность информации.

Невидимая финансовая империя, как утверждают некоторые исследователи, возникла задолго до разрушения Храма. Так ли это, судить за давностью лет сложно. Но в узких кругах широко известен факт,

когда тайное братство на краткий исторический миг вынырнуло из мглы. Некий меняла из Ломбардии по имени Джузеппе Бензони (для “братьев” — Иосиф Бен Сион) приказал изготовить тридцать три золотых перстня с двумя ключами на печатке. После чего или в результате чего, тут исследователи путаются, тайная конгрегация ломбардийцев нанесла смертельный удар по финансовой империи своих конкурентов. “Проклятый король” Людовик вдруг осмелел, вошел в союз с Папой и наложил королевский секвестр на имущество Ордена тамплиеров. На Еврейском острове на Сене вспыхнули три

костра аутодафе. Великий магистр Жак де Моле проклял короля и Папу. Проклятие-приказ, естественно, привели в исполнение, как и полагается в воинской структуре — точно, беспрекословно и в срок. Но главное дело было сделано — финансовая империя католического Храма перестала существовать.

Монахи-рыцари были опасно близки к созданию Объединенной Европы. Под сенью черно-белого стяга тамплиеров. Финансисты в плащах с алым крестом обрели достаточно власти, чтобы реализовать свою мечту об идеальном орденском государстве. Но пали от собственного же оружия

– золота, интриг и корысти.

А тайное братство “хранителей всего золота мира” продолжило свою историю. Ссужая золотом смертельных врагов, накидывая удавку кредита на сильных и опьяняя валютной инъекцией слабых, они т в о р и л и Историю.

Администратор выждал положенное время, дав Салину осознать услышанное и сопоставить полученную информацию с имеющейся.

– Орден имеет свой ключ от кладовой “гномов”. Договор позволяет им потребовать и получить любые финансовые ресурсы. А властных ресурсов, которые

происходят от истинного знания, у них всегда было достаточно. Учитывайте это в своих умопостроениях.

Салин помедлил, к о н с т р у и р у я вопрос, тонко сбалансировав все нюансы.

— Они еще не использовали свое право?

— Насколько мне известно, нет.

Администратор поднес платок ко рту. Глухо откашлялся.

— Теперь об этом человеке. Заслуги его велики. Насколько мне известно, ему предлагались регалии Рыцаря Хранителя Королевской тайны*. Он отказался. Остался Странником. Впрочем, его выбор

меня не удивляет. Тигр силен, когда он одинок и невидим. Тигр в куче себе подобных, да еще под светом прожекторов — это уже цирк. Унизительное зрелище.

* — степень в Шотландском регулярном масонстве, система посвящения созданная Альбертом Пайком, генералом армии конфедератов, позже — известным адвокатом; в отличие от нижних “просветительных” степеней, степени “черных рыцарей” (уровень с 19 градуса — по 30-ю — рыцаря Кадоша) требуют от адепта активных действий по защите интересов Ордена вплоть до убийства

отступников, по сути являются контрразведкой Ордена и его тайной армией.

— Вас эта информация касается непосредственно. Именно поэтому я ее вам обязан передать. — Администратор отдышался. — Если этот человек жив, он вправе перечеркнуть вашу игру с Арнольдом Ганнером. Перстень дает ему на это право.

— Остается надеяться, что Катастрофа его не пощадила.

— И он не успел выбрать наследника, — с плохо скрытым сарказмом подсказал Администратор. — К вашему

сведению, такие линии приемственности не прерываются случайной смертью. Расчитывайте на худший вариант. Первое, он жив. Второе, каким-либо образом он оказался в курсе ваших контактов с Арнольдом Ганнером. Знаете, тогда у меня сложилось впечатление, что для него нет невозможного. Вернее так: творить невозможное — его предназначение.

Салин не без труда взял себя в руки. Мозг уже лихорадочно просчитывал варианты действий.

«Успокойся, у тебя будет время все взвесить, все обдумать и внести коррективы, если потребуется. Не оскорбляй старика невниманием!»

Он немного подался вперед, демонстрируя готовность принять новую порцию информации. Какой бы убийственно тяжелой она не была.

Администратор долго откашливался. Потом еще ниже осел в кресле. Кисть, лежащая на столе, мелко дрожала в такт прерывистому, свистящему дыханию.

– Мой младший сын вступает в право наследства. Перстень переходит к нему. Такова моя воля, и с нею согласны все “гномы”. Теперь курировать ваши контакты с Арнольдом Ганнером будет Михаил. Это все. Благодарю вас.

Салин встал. Ждал, глядя на

стариковскую кисть. Приглашающего жеста не последовало.

Беззвучно открылась дверь. В кабинет повеяло свежим воздухом и запахами других помещений большого дома, где шла другая, совершенно другая жизнь.

За креслом Администратора возникла женская фигура в белом. В руках она держала подносик с флакончиками, прикрытых белой марлей.

Салин поклонился и стал пятиться к дверям.

Г Л А В А ВОСЬМАЯ

Странник

Автобус, чихая и скрипя всем стальным нутром, медленно тащился от остановки к остановке. На фоне серого неба медленно вырастали конусообразные башни ТЭЦ. Из высокой трубы тянулся слабый дымок. По всему зданию станции мерцали яркие всполохи электросварки. По задымленному щербатому фасаду гуляли лучи

прожекторов башенных кранов. Станцию обещали реанимировать к Новому году. А пока Бескудниково сидело на урезанном пайке энергии. В домах, тянувшихся вдоль дороги, уныло светились слабые огоньки. Фонари на столбах работали вполнакала, едва освещая улицу.

Напротив Максимова сидел парнишка лет семнадцати на вид, в шапочке с козырьком а-ля “немцы под Москвой”, напыленной до самых глаз. Выглядел он в ней полным дебилом. К тому же был явно под кайфом. Парнишку просто распирало от химического коктэйля, пузырящегося в крови. Он уже дошел до стадии “пробило на поговорить”.

Только говорить в салоне было не с кем. Пассажиры с тупым упорством таращились в окна или уставились перед собой ничего не выражающими глазами.

Вдохновение парнишка искал в объявлениях водителя и звуках, доносившихся изнутри автобуса.

— Крак-псы-ы-ы. Гы-гы. Следующая школа. Школа... Почему — следующая? Она же — предыдущая. За ней идет универ. Вер. Вера. Верно? Вера — она что? Женщина или религия? Надо разобраться. Если верна вера в женскую универсальность... Пшы-ыш! Двери закрываются! Зачем? Подумай над этим, братишка. Подумай, подумай,

поду-май. Май – этом месяц такой. Интере-есный. Или нет? Тогда, какой? Как школа? Или как универ?

Он захлопал маслянными от счастья глазками, улыбнулся Максимову, призывая вступить в дискуссию.

Максимов по опыту знал, стоит издать хоть звук, наркоша уже никогда не отвяжется. Руки чесались отправить нудного, как зеленая муха, наркошу в нокаут, но не хотелось скандала. По закону подлости, все, кто сейчас тихо сатанел и скрипел зубами, слушая этот бред, первыми же поднимут ор, стоит только пальцем тронуть блаженного.

В переднюю дверь втиснулась

бабища с характерным заостренным лицом профессиональной стервы. Окотив салон мутным полубезумным взором, она искривилась и неожиданно громко заголосила:

– А все равно будет по-нашему!!

Иш чего захотели, жрачки народ лишить!

Все разом вздрогнули. Взгляды против воли приковались к источнику истерики.

Овладев всеобщим вниманием, бабища, как опытный лектор, выдержала паузу и понесла:

– Стариков и так мало осталось, так всех решили разом угробить! Ну, суки, держитесь. Мы выйдем на улицы. Мы митинговать будем. Наш

будет праздник! А то удумали... Где еще дешево жаренку купишь? В магазине?! Там тухляк один, в ихнем магазине! А на рынке и мяско бывает с костью, и молочко. Много нам, старым надо? Сколько старикам осталось, а? И все терпеть?! Вот вам!

Бабища выкинула кукиш.

По салону покати́лся тихий ропот.

«Это она про облавы. Спровоцированный психоз, или просто провокация? — Поймав пристальный взгляд Максимова, баба смутилась, на секунду вышла из роли, и в глазах пропала безумная муть. — Ясно, провокация. Изучение и структурирование общественного

мнения. Ну давай, сука, отрабатывай пайку!»

Максимов сел поудобнее, изобразив на лице тупую сосредоточенность. Баба сразу же успокоилась. И пошла бредить дальше.

Надо отдать ей должное, бредила весьма умело. Тонко цепляла за болючие струнки, вызвав нужную реакцию, тут же хваталась за другие, противоречила сама себе, истеричничала там, где нужно было спокойствие, и наоборот, нечленораздельно бормотала в тех местах, где слушатели подсознательно ждали всплеска эмоций. При этом ее мутные глазки

прыгали с одного лица на другое, то страхом глуша противодействие, то поощрением вызывая солидарность.

«Хорошо, сука, работает, — оценил Максимов. — Ценный кадр. Наверняка, охраняют».

Он решил проверить.

Баба уже скрестила проблему старости с ростом преступности и переключилась на дела молодежи. Максимов подумал, что в самый раз появиться на сцене лучшему представителю молодежи. Он ткнул соседа ботинком в голень. От резкой боли впавший в глубокую задумчивость парнишка взвился и сразу же обрел дар речи и геббельсовский раж.

— А кто это говорит?! Кто?!
Почему говорит? Говорит, или просто так живет? Кому какое дело, как я живу!

Баба быстро сориентировалась.

— Вишь, до чего людей доводят!
А еще молодежь. Их уму надо учить.
А они дубинками их калечат! Не
бывать этому, не бывать!

Наркоша прыжком обернулся.
Уставился на оппонентку.

— Чему быть, тому не миновать!
— заявил он. — Я сверху все вижу. Ты
вся серая. И ноги у тебя — черные. От
асфальта. Он был горячим, когда ты
родилась. А теперь его нет. Нет,
понимаешь?! У тебя ноги
асфальтовые. Поэтому и трава не

растет. Трава не растет, не растет – и все. И что ты на это скажешь?

– Мы до самого Первого дойдем! Пусть знает, что с народом творят! – завизжала баба. – Не будет по-ихнему!

– Их нем, ниht! – в ответ взъярился наркоша. Стал дергаться всем телом и жестикулировать с характерной пластикой наркомана. – Отдай мой оранжевый зонтик, дура! У тебя на него инструкции нет. Как управлять зонтиком, знаешь?! А зачем украла? Ты его асфальтом испачкаешь. Он же летать не сможет, это ты понимаешь? Или понимаешь? Крак-с-бухты-бухты-бумс. Уф, ууф. Почему у тебя платок синий? Он же

вчера был белый. Белый, как... Как огонь. Зачем тебе огонь, асфальтовая баба? Он не твой. Он не мой. Он даже не наш. Он всех! Подумай над этим, герла. Это уже было. Только давно. Надо обязательно вспомнить. Их там много было, они вот так вот крутились, в кожу лезли, в каждую пору. Пора, пора... Это – нора. А в ней асфальт спрятан. Ведь так оно было, да? Ну говори, говори, говори!

«Крепко вставило парнишку», – усмехнулся Максимов.

Глаза у бабы беспокойно запрыгали. Тонкая провокация превращалась в балаган.

– Ничо не было! Ничо не было! Ты сам из этих. Они их специально

колют! Вот до чего дошли. Люди, держите его, пока он всех не порезал!

От ее визга по салону покатила волна истерии. С задней площадки протиснулся мужчина в кожаной куртке. Без лишних слов врезал наркоше по почкам. Удерживая за воротник, не дал опасть на пол. Наркоша вырубился хорошо и надолго.

«Профессионально», – оценил Максимов.

Баба чуть заметно кивнула мужчине на дверь.

– Водила, дверь открой! – проорал мужчина. – Я эту срань выкинуть хочу.

Водитель резко ударил по

тормозам. Салон дружно охнул.

— Конечная, я дальше не поеду, —
объявил водитель.

С компрессорным визгом
распахнулись двери.

Пассажиры завопили.
Большинство почему-то поминали
наркошу.

— А мне пофигу. Бензин на нуле,
— разом парировал водитель.

С ворчанием и матюгами все
стали выгружаться из автобуса.

Максимов забросил на плечо
рюкзак, выпрыгнул наружу.
Осмотрелся.

Чуть дальше тянулся квартал,
пострадавший при взрыве ТЭЦ.
Смятые коробки домов, черные

амбразуры окон. В туманной мути тревожно трепыхались огненные цветы костров.

Над дорогой висел рекламный щит. Лик Первого был обезображен пятнами бурой жижи и ислекван пулями. На ржавой конструкции, удерживающей щит, болталась пара армейских бутсов, связанных шнурками. Намек патрулям, что вход в запретную зону чреват ускоренным дембелем по состоянию здоровья.

Водителя можно было понять. Без особой нужды в руины лучше не соваться даже днем. Разберут машину по винтику. Или просто сожгут забавы ради.

Несколько человек, кто поддался

суггестии, окружили бабу и внимали ее безумным речам. Двое сопровождающих провокаторшу курили в сторонке. Тело наркоши покоилось у перевернутой урны.

Максимов прислушался к себе. Пересекать пустырь и пробираться к ветке железной дороги не было никакого желания. Там можно было отгрести неприятностей не меньше, чем в руинах. Железную дорогу охраняли с повышенной бдительностью. Блокпосты и секреты зверели от скуки и плохого питания. Полоснут очередью и даже не подойдут посмотреть, кого скосили.

Он подошел к кабине водителя.

Постучал в дверь.

В приспущенное окно
высунулось лицо водителя.

— Что надо?

— Назад поедешь?

— Бензина нету!

— А если заправить?

Водител выжидающе уставился
на Максимова.

Банка консервов, вытащенная из
рюкзакa, произвела ожидаемый
эффект. Водитель шумно сглотнул.

Максимов вошел через
переднюю дверь в темный салон.
Водитель не стал зажигать свет и
сразу же закрыл за ним дверь.

— Куда надо?

— До Ховрино подбрось.

Максимов передал плату за проезд. Опустился в кресло, вытянул в проход ноги.

— А вообще, куда надо? — с затаенной надеждой спросил водитель.

“Голодный. За десяток банок в Кремль повезет”.

— Туда и надо, — отозвался Максимов.

«Извини, мужик, ты у меня на довольствии не состоишь».

Половину банок он закопал в парке. В рюкзаке сейчас имелись три “звездочки”, брикеты с гречкой, пакет с фруктами и поллитра водки. Вполне хватит на царский обед. Или на НЗ на случай экстренного рывка

из города.

Водитель запустил двигатель.

Охранники провокаторши переглянулись. Один сделал шаг вперед и вскинул руку. Им явно не улыбалось застрять до вечера в столь небезопасном месте. Баба вскоре закончит “промывку мозгов”, получившие дозу обыватели поплетутся по домам, и что тогда? Втроем маячить на виду у руин? Там народ живет жесткий. Ни ксивой, ни пистолетом не отмахнешься.

— Пошел ты! — Водитель зло хрустнул коробкой скоростей. — Задолбал уже. Пусть тебя Ларин катает.

В последнее время кликуши

наводнили городской транспорт. Работали, как нищенки, карманники и контроллеры, по порученным маршрутам. И если пассажиры не успевали вычислить в кликушах агентов Управления “К” СГБ, то водителям эти орудия создания и смурные рожи их охраны должны были уже примелькаться до оскомины. Возможно, водил даже гоняли на инструктаж, разъясняя как содействовать трудной службе профессиональных кликуш.

Автобус дрогнул. За окном поплыла остановка с загипнотизированными слушателями. Провокаторша. И ее охранники. Проводившие автобус

злыми взглядами.

* * *

Фараон

Исполинское здание театра Армии выплывало из белесой хмари грязно-серым айсбергом.

Старостин вытащил из-под вояк театр пять лет назад. Обозвал “самым бестолковым военным объектом”, “отстойником блядей в погонах и педерастов с контрабасами” и отобрал под нужды Движения. Никто даже не пикнул. Отбирал просто так, без всякой хозяйственной нужды, просто решил проверить, насколько силен его авторитет. И лишь по-хозяйски осмотрев помещение, оценил, что же

прибрал к рукам. Идеальное по своей монументальности, вместительности и многофункциональности сооружение.

Только знаменитая своими размерами сцена театра могла вместить размах шоу съездов Движения. В многочисленных гримерках, подсобных и служебных помещениях размещался бюрократический аппарат, размножающийся со скоростью колонии дрожжей. И все равно места хватало всем. Даже Агитотдел Движения уместился без проблем со всем своим оборудованием и цыганистым персоналом.

По коридорам блуждали толпы

региональных активистов, разыскивающих своих кураторов, а заодно присматривающих теплое местечко для себя.

Самое главное, что при штурме театр мог стать вторым Рейхстагом. Или Бресткой крепостью, если в обороне задействовать систему подземных коммуникаций. По негласному распоряжению Старостина в здании под благовидными предлогами каждый день находилось до ста боевиков из “Молодых львов”. Это не считая двух рот охраны из тех же “львят”, прошедших подготовку на базах Сил Быстрого Развертывания МЧС. Резерв первой очереди в триста

человек в полной выкладке прибывал к театру в течении получаса. Систему обороны объекта разрабатывали лучшие спецы из штаба генерала Скобаря.

И с точки зрения чрезвычайных ситуаций и катастроф здание было идеальным объектом. По-сталински монументальное, сработанной на совесть, оно единственное в районе не дало осадки и не пошло патиной трещин после серии подземных взрывов, разрушивших Палиху и Лесную улицу вплоть до Белорусского вокзала.

Для личной резиденции Старостин конфисковал Клуб офицеров. Старинный особнячок в

уютном парке с примыкающими флигельками и теннисными кортами походил на посольство независимой державы.

Когда отремонтировали особняк и служба безопасности отселила из соседних домов всех неблагонадежных, по настоянию Старостина провели боевые учения. Стрелок-одиночка, миновав все кордоны, преспокойно вогнал три пули в окна кабинета. Стрелял с чердака дома, находящегося почти в километре от штаб-квартиры.

Выматеренный с ног до головы, начальник личной охраны признался в том, о чем и сам давно догадывался Старостин: «Ни одна система охраны

не срабатывает против одиночки. Чистого одиночки. За которым не стоит организация, а значит, нет возможности получить утечку. Который, если и псих, то не болтлив, а значит, нет возможности агентурными средствами упредить его подход на точку в ы с т р е л а. Который оказался достаточно умным, либо везучим, и подготовился, ни разу не задев незримой агентурной паутины. У которого хватает мужества не просчитывать варианты отхода, если он действительно готов убить и заплатить за это единственно возможную цену. Тогда — крышка. Одна надежда на везение и нашу

реакцию. Успеем прикрыть, спасем. Если не повезет ему, повезет нам. Вот такие расклады».

Старостин оценил прямоту начальника охраны. Не любил, когда ему пудрят мозги, пользуясь неосведомленностью в узкоспециальных вопросах.

Сказал с улыбкой: «Богу богово, кесарю – кесарево!» И приказал отстроить под особняком бункер, которые острые языки сразу же окрестили “Берлогой”.

Старостин задернул штору. Прошелся по кабинету. За громоздкий дубовый стол садиться не стал. На ходу, в размеренном движении по диагонали огромного

кабинета думалось легче. Кочубей, верный помощник и поверенный во многие, весьма опасные тайны, называл этот процесс "качанием маятника". Сам предпочитал забиться в угол, до минимума ограничив жизненное пространство.

«Интересно, — подумал Старостин, бросив взгляд на скорчившегося на стуле в углу Кочубея; тот сидел в тени, только отсвечивали носки туфель, да изредка вспыхивала золотая дужка очков. — Как соответствует моторика и стиль мышления. Я мыслю смело, с непосильным для других размахом. Вороча б л о к и чужих интересов, стряпаю новые и раздираю старые

союзы, давлЮ всмятку и бросаЮ кость не группкам, а целым группировкам. Он же, шельма, мыслит д е т а л ь к а м и. Чуткими пальчиками сучит по ниточкам чужих интересиков, вяжет и развязывает узелки, сплетая собственную сеть, загоняя в нее человечков и группки. Без его обстоятельности и веры во всемогущество д е т а л е й, иезуитской способности улавливать влияние н е у ч т е н н о г о фактора я бы давно свернул себе шею.

Дал я ему не мало. Больше бы он не получил ни от кого. С таким умом ходить в советниках у шестерок, терпеть непонимание и пинки, нет,

он бы долго не выдержал. Я дал ему возможность реализовать себя. Я подпустил его к таким тайнам, от причастности к которым он будет тихо балдеть до старости лет. Очень важно, что т и х о.

Конкретные тайны имеют свой срок давности. Время от времени их на забаву историкам и исследователям сдают, выставляют на всеобщее обозрение, как вышедшее из моды платье забытой кинозвезды. Всегда найдется дурашка, желающий казаться, а не быть, готовый отдать последнее за право приобщиться к миру состоятельных и состоявшихся. Он-то и платит красную цену за

уцененный секретный материал, наспех кроит из него книжонки и диссертации, задуряя голову себе и новой поросли тайнолюбцев, еще меньше, чем он сам, представляющих, в каком мире они живут и как этот мир лепится из тысяч воль, амбиций, похоти, самолюбий, химер и миражей истины. Больше всех витийствуют непосвященные, по тем или иным причинам обойденные вниманием с и л ь н ы х.

Посвященные хранят молчание. И дело не в мелочной секретности, кто кого и как подставил, или на чем взял, или почем купил — детали все это, мелочевка. Раз прикоснувшись к

д е л у, они познали, как же хрупок
мир, несуразная машина
цивилизации от основания и до
самого верха пронизана невидимым
остовом тайных сделок и союзов,
отменить и переиграть которые уже
не во власти ныне живущих. Это и
есть единственная тайна. Не приведи
господь, Шальная рука профана
цапнет хрупкий каркас, рухнет
тысячелетняя Вавилонская
громадина, похоронив и мастеров, и
каменщиков, и надсмотрщиков, и
рабов.

Пусть пока мозолит себе мозги
Карнауховым. Деда уже не вернешь,
обыграть его смерть должным
образом одно, постоянно об этом

думать – другое».

– Так, Кочубей, что у нас есть?

Старостин круто развернул грузное тело и посмотрел на Кочубея.

– Пока думаю. Есть мыслишка...

– Я не о том. Артемьев уже прибыл?

– Кофе пьет в приемной. Девочки от него млеют.

Старостин понимающе хмыкнул.

– С придурками связался?

– Если имеешь ввиду парапсихологов, то – да. Назначил на семнадцать часов.

– Ага!

Старостин посмотрел на

бронзовые часы на каминной полке. Атлант, взвалив на плечи земной шар, силился подняться с колена.

— Ни хрена не выйдет, любезный. Пупок развяжется.

— Ты о чем? — подал голос из своего угла Кочубей.

— Это я так. Выползай из угла, засел там, как таракан, понимаешь ли!

— Кое-что я успел обдумать. Если хочешь... — скороговоркой произнес Кочубей, подходя к нему. Невысокого роста, худощавый, острые глазки за толстыми линзами очков и тонкая щеточка усов — он действительно напоминал таракана.

— После. Сейчас гони ко мне

Артемьева. Сам накрути хвост народу. Дармоеды, хозяин приехал, а они от безделья по коридорам как шатались, так и шатаются!

– Сделаем.

Старостин удержал его за рукав.

– Мы с Артемьевым не здесь побеседуем, а в “берлоге”. Сам будь в досягаемости. Можешь понадобиться.

Кочубей пошевелил усиками, чуть дрогнув тонкой верхней губой. На его языке это означало самодовольную улыбочку.

* * *

Старостин решил принять Артемьева в "берлоге", как он называл находящийся в бункере специально оборудованное рабочее помещение.

Вниз можно было попасть либо на лифте из "верхнего" кабинета, либо миновав несколько постов охраны. Стены, если верить строителям, защищали от прямого попадания авиабомбы.

Старостин больше полагался на заверения службы безопасности. Они соорудили двойные переборки, засыпав пустоты песком, вмонтировали излучатели, парализующие работу любых

электронных и радиопередающих устройств, при попытке просверлить внешнюю поверхность стены или обмотку кабелей, выходящих из его личного отсека, любопытных обдавало струей нервнопаралитического газа. Кроме этого, трижды в сутки помещение проверяли на "жучков" специально подобранные специалисты.

Старостин взял с сервировочного столика тяжелый хрустальный графин. Вытащил пробку. В воздухе возникло облачко аромата дорогого виски.

— Давай-ка мы, брат, старика Карнаухова помянем. Как-то не полюдски получается. День прошел, а

помянуть забыли, — сказал он сидящему напротив Артемьеву.

— Его не поминать надо, а осиновый кол в могилу забить, суке старой!

— Гресишь, Кирилл, — с хитрой улыбкой ответил ему Старостин. Протянул Артемьеву графин. — Наливай. А я полюбуюсь, как ручонки у тебя от злобы дрожат. Грешно, Кирилл, о мертвых плохо говорить.

— Грешно при жизни собачится, а потом покойного в лоб взасос целовать! — Артемьев плеснул виски в стаканы. — Вот за что нас ненавижу, так за лицемерие на кладбище.

— А в Европах демократических

еще политесу не обучился? – поддел его Старостин, оцениваяще осмотрев дорогой хорошо сшитый костюм Артемьева. – Слезу пустить над убиенным, это же так политкорректно! Ладно, не заходись. Выпьем молча.

– Выпьем. Пусть земля ему пухом, если уж так сложилось.

Артемьев красивым жестом поднял стакан.

Выпили. Старостин налил поновой.

– Я тебя не зря драконю. Мне сейчас от тебя правда нужна. Вижу, спросить что-то хочешь. Спрашивай.

– С Лариным встречались, Иван Иванович?

– Уже растрезвонили, оглоеды! Елки-палки, два часа человек в Москве, а уже все тайны знает. Никакой конспирации. Языки им, что ли, поотрывать? Так, ведь только ими и работать умеют! – Старостин отвалился в кресле, стакан примостил на колене. Сразу же стал серьезным. – Конечно, высвистал его. Смазал под хвостом скипедаром. Пусть, зараза, побегает!

– Дело же по принадлежности должна вести Служба охраны Первого, – подсказал Артемьев.

– Ну и пусть. Всегда полезно их на перегонки запустить. Это все, что ты хотел узнать?

Артемьев поболтал виски в

стакане, медленно пригубил.

– Нашли, кто старика грохнул?

– Нет. Пока – нет. Если Ларин на своем месте остаться хочет, раньше Филатова найдет. – Старостин с удовольствием отметил, что Артемьев не отводит взгляда. – “Сердцем чувствовал, вырастет из щенка волчара. Не ошибся!”

– Вот как? – Артемьев изогнул бровь.

– А ты что думал, я позволю своих людей стрелять и никому за это башки не снесу?!

– Его же отравили... – Артемьев мягко улыбнулся.

– Не принципиально, – отмахнулся Старостин.

— Как посмотреть. Почерк
выдает убийцу в головой.

— Ну-ка, ну-ка!

— Ну, например, вы, Иван
Иванович, организовали бы
авиакатастрофу. Или отправили с
инспекцией в провинцию, а там
банды лютуют... Или взрыв бытового
газа в доме мог случиться. Короче,
чем грубее, тем надежнее. И уж ни
при каком случае не позволили
Филатову сунуть нос в сейф
старикана.

Старостин заворочался в кресле,
как медведь в берлоге.

— А ты бы, дружище, как
поступил?

Артемьев смочил губы виски.

Облизнулся.

– Именно так. Ликвидировал бы тихо, но с максимальным резонансом. И так, чтобы бумаги Карнаухова по всему городу разлетелись. Чтобы все узнали о нашей “китайской линии”. И обомлели от восторга.

– Так, может, это ты его, а? – усмехнулся Старостин.

– Рад бы. Но опередили.

Старостин в ответ на тонкую улыбку Артемьева затрясся в беззвучном смехе. Отхлебнул из стакана. Протер заслезившиеся глаза.

Обшарил прищуренными глазками Артемьева.

Дорогой костюм, ухоженное

лицо, альпийский загар, свободная поза, небрежно свесившаяся кисть, на мизинце простенький перстенок с черной кляксочкой свастики. Взгляд прямой и твердый. В глазах плавают синие льдинки. Русые волосы, прическа идеальная, волоск к волоску. В девять утра сел в самолет в Женеве, два часа добирался из аэропорта в штаб-квартиру, а на лице и костюме ни складочки.

«А ведь мог, волчонок! Грохнул бы и не поморщился».

Артемьева он приблизил к себе за изощренный ум и зверинное чутье. До Катастрофы Артемьев успел закончить два факультета МГУ — психологический и экономический,

сделать свой десяток миллионов, поработать на правительство, по разнарядке уйти на солидный пост в солидный концерн, покурировать политическую партийку. А когда валом пошли первые признаки беды, отчалили на личной шлюпочке от давшего течь государственного “Титаника”. Молодым волком резко скакнул за флажки, разом обрубив все связи. Ушел, ничего не потеряв. Отсиделся в Европе. Вынул из мути откатывавшей Первой волны. Сам вышел на контакт с нарождающимся Движением. Предложил свои услуги и к о н т а к т ы.

С двадцати двух лет — ни одной

ошибки, резюмировал Старостин, *пробив* биографию и контакты Артемьева. Дважды проверил на вшивость, один раз — на слом, парень, скрипел зубами, но выдержал. Был приглашен в “берлогу” на беседу с глазу на глаз, и вышел в должности “посла по особым поручениям”.

— Крепко старик тебе насолил?

— Едва не спалил, когда к Ганнеру на контакт полез. — Артемьев брезгливо поморщился. — Я перед нашим друзьями неделю по паркету ползал. Еле убедил, что инициативный дурак на должности — это у нас так принято.

— В мой огород камень?

Артемов сделал вид, что сосредоточенно изучает содержимое стакана.

— Кадровые вопросы у нас курирует Кочубей, — обронил он.

— Нет, брат, ты не юли! Я не для того тебя высвистал. Если что есть на душе, так и выкладывай!

— Очень грубо и очень не вовремя, — помедлив, произнес Артемьев.

Он без видимых усилий выдержал тяжелый взгляд Старостина.

Артемов поднял ладонь, пошевелил пальцами, словно перебирал невидимые струны.

— Бисер. Будто рассыпали бисер

по столу. Шарики прыгают, мельтешат в глазах, а никак не сложатся в одну картинку. Вот так выглядит ситуация, Иван Иванович. И вдруг кто-то со всего маху бьет кулаком по столу. Шарики просто сходят с ума. Все ожидание насмарку, все заготовки – к черту. У кое-кого могут сдать нервы.

Он уронил руку на колено. Машинально погладил острую складку на брючине. Поднял взгляд на Старостина.

– Я ясно обрисовал ситуацию?

– У серьезных игроков ручки и коленки не дрожат!

– Правильно. Они просто берут ручку в твердую руку и вычеркивают

дурака из списка серьезных игроков.

— Тебе это так и сказали?

— Ну, в лоб говорят и стреляют только у нас. Там политкорректно намекают, что тебе не место в приличном обществе. Не понял намека, вызовут дворецкого... — В глазах Артемьев вспыхнула льдистая искорка. — И вышвырнут в окно, как гонца Карнаухова. Как этого идиота при жизни звали?

— Неважно. Нашел, о ком поминать!

Старостин, тяжело сопя, выбрался из кресла, пошел "качать маятник", благо, места и здесь хватало.

Артемьев закурил тонкую

сигару, выпустил облачко душистого дыма.

– Вы поставьте себя на их место, Иван Иванович. Люди готовятся к серьезной игре. А это почти всегда дележ сфер влияния, а не банальный намыв бабок. Само собой, для игры нужны деньги, но важнейшее – это информационное обеспечение операции. Все решает доступ к информации, возможность ее перепроверки и создание надежной дезинформации, иначе не задействуешь в игру абсолютное большинство держателей столь необходимых тебе денег. Остальное дело техники. Создаете ажиотаж, все, кто проглотил вашу "дезу",

сбрасывают акции, вы скупаете б у м а ж к и, имея в кармане гарантии на поставку реального товара по оговоренной цене. Когда купите нужный пакет акций, достаете из кармана гарантированное обязательство, взвинчиваете цены, и все платят. А что делать, если товаром был кофе, то кофе пьют все, и в вышеупомянутый карман сгребаете курсовую разницу.

Старостин на ходу коротко рыкнул, потряс головой, и бросил:

— Продолжай!

— А теперь представьте, что серьезные игроки провели расчет сил, средств и времени, прокачали все возможные варианты, отладили

каналы оперативной информации, впустили “дезу” и наблюдают за б и с е р о м, интуицией угадывая момент для удара. И тут — хлопбысть! — Артемьев хлопнул ладонью по колену. — Чистый форс-мажор в виде неучтенного фактора. Мелкота начинает психовать, паника перекидывается на середняков, запускается цепная реакция, и серьезные игроки вынужденно бросаются в драку.

— Что такое “неучтенный фактор”? — с подозрительным прищуром спросил Старостин.

— Ну... Типа, пошли Коляну морду бить, а к нему как раз в гости приехал брат-кузнец.

– Образно. А по-точнее?

– Если совсем уж точно и конкретно к нашему случаю, то “неучтенный фактор” – это неожиданный выход на биржу русских купцов. Помните, как платину продавали? “Привезли пять тонн – налетай, кому надо!” Сэйл такой устроили, что у всех челюсти отвалились.

– Понятно... Возвращаемся к игре. Если она начинается спонтанно, кто выигрывает?

– Кто уцелеет, тот и выигрывает.

Артемьев выпустил колечко ароматного дыма.

Старостин остановился перед столом. Заложил руки за спину. С

минуту изучал лицо Артемьева.

– Первая умная мысль за пять минут, Кирилл, – произнес он. – Выжить они хотят. Но без нас им не выжить. Вот в чем проблема.

– Проблема в том, Иван Иванович, что они хотят выжить за счет нас.

* * *

Оперативная обстановка

Особой важности

ЭКЗ. единств.

ТОЛЬКО ЛИЧНО

т. Старостину И.И.

Аналитическая записка

(фрагмент)

“...рождение III тысячелетия н.э.

вместе с глобальными структурными
преобразованиями планетарной
жизни сопровождается динамичной
эскалацией комплекса
геофизических, метеоклиматических,
социальных и др. катаклизмов...

Фаза интенсивного перехода
(1999 г. – первая треть XXI века)

Основные угрозы данного периода:

– Прогнозируются вспелски (числом до девяти) ускорения в смещении орбиты и оси Земли, что будет иметь катастрофические последствия для планеты, по своим формам и степени запредельно превосходящие коллективный опытнынешней цивилизации;

– при этом научное осмысление нарастающих планетарных угроз и выработка системы мер по ликвидации и минимизации их последствий тормозятся существующей научной парадигмой (Ньютона-Эйнштейна), “монополия на истину”, которой из

своекорыстных соображений
искусственно удерживается
представителями мировой и
отечественной науки;

— эскалация иммунодефицита
населения, усиленная
разрушительным воздействием
наркотических, алкогольных,
техногенных и информационных
средств на фоне нарастания
эпидемиологических и
экологических угроз (так, по данным
экспертов ООН, не учитывающих в
своих прогнозах грядущие
катастрофы и удары стихии, в
ближайшие семь лет ожидается
скачкообразный рост пораженных
вирусом СПИДа с нынешних 30 млн.

до 80-150 млн. человек);

– масштабный подрыв идущими деструктивными процессами качества генного кода человечества, что ведет к генной потере душевного, интеллектуального и иммунного потенциала в последующих поколениях;

– непосредственно для Евразии угрозу представляет активность эгоцентрических кругов некоторых развитых стран, которые за три десятка лет скрытых естественнонаучных исследований накопили достаточный информационный массив по данной проблеме и с начала 90-х годов используют полученные знания в

рамках “стратегии не прямых действий” (что не исключает ими прямых действий по созданию хаоса, усугубляющего последствия природных деструктивных процессов) для установления жесткого контроля над Евразией, как самого устойчивого и наиболее ресурсобеспеченного участка планеты”.*

* — использован фрагмент доклада к.в.н. Смотрина Е.Г. “Стихии и катастрофы – главная угроза планетарной и евразийской безопасности при входе в XXI век”; подробнее см. материалы сайта фонда “Геостратегия и технологии в XXI

веке”(www.geostrategy.ru)

...Специалистами Европейского центра мониторинга и прогноза, отслеживающих признаки нарастания угрозы ЧС, высказано обоснованное опасение, что в самое ближайшее время следует ожидать катастрофическое изменение экологической, социо-культурной и техногенной среды Западной Европы.

К факторам, интенсифицирующим катастрофическое изменение среды обитания западноевропейской цивилизации относят:

— повышение тектонической

активности и пробуждение вулкана Этна, с последующим таянием альпийский льдов (степень угрозы – “красный”);

– масштабные наводнения, вызванные комбинированным воздействием альпийского паводка и ливневыми дождями при ударе Анзорского антициклона (степень угрозы – “красный”)

– разрушение прибрежной инфраструктуры средиземноморья и большинства островов в результате комбинированного удара тектонического и климатического характера (землетрясения, тайфуны, песчаные бури со стороны Сахары) – степень угрозы – “оранжевый”;

— аварии на сложных технических комплексах, особую опасность представляют военные объекты, био- и химические производства и объекты ядерной энергетики;

— массовая катастрофическая утечка вредных химических и биологических веществ (особую опасность представляют хранилища химического оружия в Балтийском море — суммарный объем 300 тыс. тонн иприта).

При краткосрочном одномоментном воздействии перечисленных факторов эко- и техносреда западноевропейской цивилизации окажется необратимо

разрушенной.

В настоящее время политическими и конспиративными кругами Запада принято решение об ускорении миграционных процессов, ориентированных по оси “Запад – Восток”. По масштабам и геостратегическим последствиям планируемая акция сопоставима с Великим переселением народов.

В беседах в узком кругу не скрывается, что от России нужны не просто природные ресурсы, а сама территория, предназначенная для заселения западными колонистами. Можно не сомневаться, учитывая этнопсихологию западноевропейцев, что в России повториться история

освоения Американского континента.

В качестве идеологического обеспечения колонизации используется тезисы Марка Дерье – “Евразия – естественная среда обитания европеидов”, “Белая раса должна вернуться на свою прародину”, “Новая Атлантида – это Алтай”.

К числу факторов, способствующих колонизации относят:

– стабилизацию ситуации в России, достигнутую методами неприкрытого авторитаризма;

– откат к феодально-олигархической социальной

формации, с незначительными элементами капиталистической олигархии;

— компрадорские настроения элиты, ее низкий профессиональный и этический уровень, исключающий адекватное исполнение функций социального управления;

— предельный износ человеческого материала: снижение энергетического потенциала организма, мифилогизация сознания (примат подсознания над сознанием), повышающая внушаемость, люмпенизация и катастрофическая техническая безграмотность с точки зрения норм XXI века.

— национальные вооруженные силы ввиду технического отставания и морального разложения не в состоянии противостоять высокотехнологическим средствам ведения войны, а их задействование в карательных операциях на собственной территории практически исключает массовую поддержку населением военного противодействия колонизации;

— существующее в настоящее время вооруженное противостояние олигархическому режиму не имеет общей идеологической и управленческой базы, разрозненно и слабо вооружено, по мнению экспертов, напрямую или

опосредствованно инспирировано и манипулируется спецслужбами; в качестве серьезной угрозы для программы “Исход” рассматриваться не может, по расчетам экспертов, снижение активности ниже критического уровня может быть достигнуто широкомасштабными высокотехнологическими средствами ведения контрпартизанских операций за один год, учитывая естественное снижение активности в осенне-зимний период.

По мнению западных аналитиков, Россия представляет собой “цивилизацию ацтеков на кануне прихода Кортеса”.

Обращаю внимание, что

японская эконимка (наиболее подверженная катастрофическим ударам стихии) заблаговременно переброшена на континентальные рынки США и Юго-Восточной Азии. По негласному соглашению конспиративных кругов для экстренной эвакуации населения Японских островов определены районы на территории США, Вьетнама и Австралии. Рассматривается вопрос об эскалации “принуждения России” к передачи для освоения японской ветви западной цивилизации районов Приморья и Сахалина.

Нарастающая операция по инфильтрации китайской

цивилизации в Западную Сибирь в настоящий момент заблокирована ввиду угрозы создания Китаем оси развития “север-юг” в континентальном масштабе (по аналогии с созданной осью США – Латинская Америка). Создание подобной оси приведет к полному выходу Китая из системы договоренностей, достигнутых глобалистскими конспиративными кругами в рамках программы “Исход”.

Нагнетание идеологического “шума” вокруг попыток создания исламского глобального объединения “Халистан” имеет под собой окончательное решение локализовать

исламскую цивилизацию в ее нынешнем состоянии, лишив доступа к альтернативным видам энергии и энергосберегающим, высокоэффективным, низкозатратным технологиям. В результате чего исламисты окажутся обреченными на традиционно низкий технологически уровень жизни и полную зависимость в жизнеобеспечении: пища, лекарства от Запада.

В планах основных фигурантов программы “Исход” Россия рассматривается исключительно в двух ипостасях: либо театр военных действий с Китаем, либо зона прямой коллонизации Западной

цивилизации.

К. А. Артемьев

* * *

Фараон

Артемьев все просчитал, но сознательно тянул время. Он давно выучился скреплять наиболее конфиденциальные сделки обменом понимающих взглядов. Контракты на бумаге существуют лишь для дураков, был уверен Артемьев. Хоть высеки их на камне, партнер всегда может наплевать и растереть, если нет кровного интереса. А интерес виден по глазам. Как и готовность быть в деле до конца. Сейчас Старостин выманивал его, до предела затянув паузу.

“Э, старая бестия, на такие

подлянки я уже не ловлюсь! Тоже мне, нашел мальчика для порки, — подумал Артемьев. — Лучше с глупым видом играть в молчанку, чем дать себя повязать с л о в о м. Сколько на Руси за слово голов порубили! Д е л о поддается анализу, всегда есть шанс переиграть его под себя, над делом мудрят, раскладывают по полочкам, гадают да выгадывают. За дело впопыхах головы не рубят. Дельная голова всегда в цене. А трепливые языки рубять вместе с глупой башкой. Лучше я делом повяжусь, чем ляпнув, не подумав или под нажимом, век под топором ходить!”

— О чем задумался, детина? —
первым нарушил молчание

Старостин.

— О слове и деле, Иван Иванович. В контексте российской истории. Почему за дело миловали, а за слово сразу голову рубили? Потому что народ русский вельми до красного слова охоч. Хмелеет от него, как от водки. Наслушавшись слов подметных смуту в государстве учудить норовит. По глупости и темноте в слово верим, словом себя подстегиваем и за слово души губим.

Артемьев посмотрел ему в глаза.

«Ох, и не прост ты, Кирюша, ох, не прост! Таким ты мне и нужен. Довериться и отпустить, а потом клясть себя? Был бы дурак, тарахтел бы, как банка с гайками. Молчит,

шельма, и правильно делает. В конце концов, должен отдавать себе отчет, что первым же пунктом в моем завещании будет найти и открутить его умную голову. Если сторим, мне уже никого и ничего жалко не будет».

— Об этом на досуге подумаешь.

Старостин встал, прошел к столу, заставленному разноцветными телефонами. Ткнул клавишу селектора.

— Слушаю вас, Иван Иванович! — моментально отозвался женский голос.

— И правильно делаешь, Лидия Николаевна. Где Кочубей?

— Был в приемной, но пять минут назад вышел, Иван Иванович.

Сказал, будет работать в вашем кабинете.

– Спасибо. – Старостин нажал другую клавишу, искоса посмотрел на закурившего Артемьева. – Кочубей, Хорош хозяйский кабинет обживать, еще успеешь, когда меня со свету сживут. Садись в лифт и давай сюда. Срочно!

– Понял. Уже иду.

Старостин вернулся в кресло.

– Времени мало, Кирилл. Да не напрягайся ты, Кочубею можно доверять! – Он заметил, как подобрался Артемьев, услышав звук остановившегося лифта. – Сюда иди, Кочубей! – крикнул в соседнюю комнату Старостин. – Не могу же я

все один тащить.

— Я понимаю, Иван Иванович.

Артемьев небрежно кивнул вошедшему Кочубею.

— Садись за стол, усатый. Готовься писать. А мы тут еще парой слов перебросимся. На дорожку. Когда можешь вылететь?

— Мой самолет в Чкаловском. Готовность к вылету в течение часа.

— Ага. Позвони отсюда, пусть греют движки. Теперь ты. — Он ткнул толстым пальцем в сторону притихшего за рабочим столом Кочубея. — Пиши. Срочный сбор в Москве. Повод — панихида по Карнаухову. Явка обязательна. Контрольное время — 10.30 по

Москве. Распиши и размусоль, как ты умеешь, проводишь Кирилла, и рывком к шифровальщикам. Понял меня?

— Понял. — Кочубей заметно побледнел.

— Дальше. Свяжись с Останкино, пусть Большаков...

— Он болен, Иван Иванович. Замещает его Панкович, — скороговоркой вставил Кочубей.

Старостин нахмурился.

— А этот как там оказался? Панкович, Панкович... Что-то я его не помню такого. Доверять можно?

— Человек Филатова. Родственная связь Дорониной, из комитета по средствам массовой

информации, – сходу выдал справку Кочубей. – Лучше я позвоню Большакову, он даст команду Панковичу.

– Лады. Дело твое, но чтобы с утра они талдычили по всем каналам, про слет Движения. Намекни, что в двеннадцать ноль ноль Председатель Совета национальной безопасности и лидер движения "Родина" выступит с важным заявлением.

Кочубей что-то быстро черкнул в блокноте.

– Они же обязательно спросят, что за заявление, Иван Иванович. Да и наши начнут интересоваться.

– Всех интересующихся бери “на

карандаш”.

— Само собой. А тема?

Старостин засопел.

— О введении в России обязательной педерастии, твою мать! — рывкнул он.

Карандаш в руке Кочубея дрогнул.

— Ну хотя бы “дезу”, Иван Иванович... — протянул он.

— Придумай что-нибудь сам. Я так складно врать не умею.

Артемьев тихонько хмыкнул, послав Старостину взгляд, полный иронии.

Кочубей погрыз кончик карандаша.

— Есть идеяка... Объявим, что

мы бросим “львят” на
восстановление Питера?
Патриотический порыв молодежи по
спасению достояния нации, а? Пусть
дерьмо после наводнения
поразгребают, воду из подвалов
ведрами потаскают. Идет?

Старостин, подумав, кивнул.

– Умеешь, когда хочешь... Дай
команду все батальоны “Львов”
перевести на казарменное
положение. Сегодня же! Все понял? –
Он перевел взгляд на Артемьева. – У
тебя есть вопросы?

– Нет. – “Повязал-таки, сука!
При свидетеле повязал! Очень
хорошо, мне теперь терять нечего”. –
Одно хочу уточнить, Иван Иванович.

По н а ш е й игре.

— Да? — Старостин заворочался в кресле, приподнялся, давая понять, что основное сказано.

— Если информация, которую я передам нашим друзьям, скажем так, не подтвердится... Будем до конца реалистами, возможны любые неожиданности, да? Меня раздавят, так и знайте. Но раздавят и Движение. Мы заплатим за срыв большой игры все до последнего цента. О наших заграничных вкладах они знают практически все. Прошу это учитывать.

— К чему ты клонишь, я не пойму? — насторожился Старостин.

— Вы должны отдать себе отчет,

чтобы ни произошло после моего отлета и до двенадцати часов завтра, кто бы не появился на экране телевизора, он обязан повторить слово в слово наши обязательства. Фактически это будет означать конец "русского долга". Биржа рухнет в одну секунду. Наши друзья начнут атаку. Поймите, эта операция во многом определит вектор развития на ближайшее столетие.

— Это мне понятно.

— Тогда поймите главное. Срывов быть не должно. Иначе — крах! Дуракам деньги доверять нельзя. У нас отнимут все. Наш пай останется в общем котле под попечительством гарантов. Они

умеют ждать. Будут хранить наш пай, пока не придет человек и не предъявит на него права. И не примет на себя негласные обязательства, которые мы, лопухи, не потянули.

— Здесь не дети, Кирилл. Не пускай пузыри! — Старостин поморщился.

— Тогда, как взрослым, я поясню. На личные счета, — он по очереди посмотрел на Старостина и Кочубея, — на личные счета это правило распространяется в полной мере. Не сомневаюсь, варианты отхода вами рассматривались. Но ни один банк не заинтересован изымать деньги из оборота. Не удержали власть, не

удержим и деньги. Умереть после операции аппендицита или от инфаркта где-нибудь в альпийской клинике я, да и вы, надеюсь, желанием не горите.

— Я понял тебя, Кирилл. — Старостин встал и протянул ему руку. Улыбнулся одними глазами. — Передай, я никогда не планировал закончить свои дни в бунгало с бассейном на личном острове.

— Очень хорошо, Иван Иванович, что мы в с е друг другу сказали.

— Да, какие непотнятки меж своими! — Старостин крепко пожал ему руку. — Все, поехали, ребятки! Время не ждет. До встречи через две недели, Кирилл.

Он проводил Артемьева и Кочубея до лифта, сам нажал кнопку. Придержал за локоть Артемьева, тот уже расслабился и колючего взгляда Старостина выдержать не смог, отвел глаза.

– Не подкачай, Кирилл. Лучше тебя у меня нет. Связь держи постоянно. Кочубея не жалей, ему, худосочному, много спать вредно. Буди в любое время ночи. Понял?

Он чуть развернул Артемьева, заставив смотреть себе в глаза.

Артемьева умел понимать невысказанное. Молча кивнул и вошел в лифт.

Оперативная обстановка

Справка

о досмотре воздушного судна

*самолет: " Гольфстрим" –
бортовой номер 18001*

*рейс: КПП "Чкаловский" / г.
Москва/ – Франкфурт*

*Экипаж: Пирогов Я. Л. Мунтян
И. К.*

*Пассажиров: 1 чел. (гр. РФ
Артемьев К.А.)*

Начало осмотра: 16.08 Конец

осмотра: 16.25

Отправление: 17.00

Время взлета: 17.13

Наряд: ст. с-нт Карачаев мл. с-нт Неципайло

Признаков нарушения гос. границы РФ не обнаружено.

*" 13" октября Ст. наряда к-н
Сизаков
/подпись/*

** * **

Срочно

Сов. секретно

*Начальнику Службы охраны
Президента РФ
генерал-майору Филатову И.Л.
ШИФРОГРАММА*

*В ответ на ваш N 0038 от
13.10. сообщаю:*

*дешифровка радиоперехвата
радиообмена с борта самолета
"Гольфстрим", б.н. 18001,
невозможна ввиду краткости
сообщения (три группы сообщения и
четыре группы ответа).*

Позывные передающего и принимающего (771 и 210 соответственно) ранее в радиообменах объектом "Гонец" не использовались.

Предполагаю, что цифровой шрифт использован для шифровки известных участникам радиообмена кодовых фраз.

В настоящее время силами сотрудников отдела проводится анализ данного сообщения на ситуативные аналоги, известные нам по предыдущим перехватам радиообмена объекта "Гонец".

Нач. 12 отдела СОП РФ п/п-к
Кузин

*Срочно
Сов.секретно*

Ш И Ф Р О Г Р А М М А

*В ответ на Ваш N 0037 от
13.10. с о о б щ а ю:*

*передатчик с позывными "210"
по ряду характерных особенностей
идентифицирован. Передатчик
входит в систему дальней связи,
используемой информационно-
аналитическим подразделением
банка " GBC International".*

Ранее нами контролировался по

позывным "ФАИ", "СКД" и "707".

Позывной "210" использован впервые.

Нач. 12 отдела СОП РФ п/п-к
Кузин

Резолюция: т. Шалашову

Срочно все материалы по банку!
Проанализировать связи "Гонца" с
банком. Доложить к 18.30

подпись: Филатов

т. Гранаткину

Срочно – в работу!

подпись: Шалашов

*Весьма срочно
Секретно*

*Москва, Центр
Начальнику СОП РФ
генерал-майору Филатову*

Агентурное сообщение

*По информации агента
"Марат", объектом "Зубр"
подготовлена шифрограмма. В
настоящее время текст
зашифрован, но команды на его
передачу не поступало.*

*Текст: "Вне очереди. Особой
важности. Личным шифром.*

По получению настоящего

предписывается всем лицам, включенным в список №1, немедленно прибыть в Москву для участия во внеочередном совещании руководящего аппарата Движения. Срочность поездки мотивировать участием в похоронах трагически погибшего соратника т. Карнаухова. На местах предписывается оставить вторых помощников, лично проинструктировав их о порядке взаимодействия по сигналу "Енисей".

Контрольное время прибытия в Москву – 10 час. 30 мин. По вопросам размещения прибывающих обращаться к куратору представительской службы т.

Игнатову А. С.

*С товарищеским приветом /
подпись объекта "Зубр"/".*

Резолюция:

т. Кокошину

Изменить гриф на

"сов.секретно"!

Сообщение – в дело!

Личное дело агента "Марат" –

мне срочно!

подпись: Филатов

** * **

*Вне очереди
Сов. секретно*

*Представителю СОП в
Германии
т. Семенихину Б.К.*

ШИФРОГРАММА

Приказываю принять все меры по установлению наблюдения за объектом "Гонец". Прибытие объекта в а/п Франкфурта – ориентировочно 19.20 /время московское/. Использует частный самолет "Гольфстрим", бортовой № 18001.

В оперативных мероприятиях

задействовать весь личный состав резидентуры. Указание "соседям" на оказание Вам всесторонней поддержки поступит в ближайшее время.

Обращаю внимание, что сотрудники, по чьей вине будет допущен срыв мероприятий по объекту "Гонец", будут немедленно отозваны для проведения служебного расследования.

Всю полноту ответственности за операцию по объекту "Гонец" несете Вы лично.

Подпись: Филатов

ГЛАВА ДЕВЯТА Я

Фараон

Старостин отложил в сторону папку, заслышав мерное урчание опускающегося лифта. Убрал со стола стаканы. Из них все еще поднимался дымчатый запах виски. Кочубей даже запаха спиртного не переносил. В самом начале их совместной работы Старостин уломал своего зама “по кадрам и особо щекотливым делам” обмыть

новую должность. Кочубей пригубил грамм пятьдесят, пожевал тонкими, враз сделавшимися синюшными губами, и рухнул в обморок. С общим отравлением организма провалялся неделю. Врачи, вычистив кровь специальным аппаратом, потом объяснили Старостину, что у Кочубея нет какого-то фермента, расщепляющего спирт. Смертельна доза у него была просто смешной для русского человека — сто грамм водки.

«Зачем пил?» — спросил тогда Старостин.

Кочубей, все еще синюшно-бледный, ответил:

«Чтобы ты больше не предлагал».

Старостин как раз успел поставить графин с виски на пол; двери беззвучно разъехались в стороны.

— Ну?

— Проводил, — коротко ответил Кочубей и сел в кресло напротив.

— Телеграммку додумался не отправлять?

— Естественно. Ты же сказал, сразу к тебе. Не маленький, интонации ловить умею.

Старостин чиркнул зажигалкой. Сосредоточенно раскурил папиросу.

— Как раз дети интонации и ловят, потом слова понимать учатся, — хмуро произнес он. — Что дети, что собаки. К природе ближе. Это мы в

словах изголяемся, а там все честно.
У тебя собака есть?

– Мاستиф-неаполитано.

Старостин покачал головой.

– Рисково пса благородней себя
иметь. Может на голову влезть. И
прав, подлюга, будет, потому как
прав у него верховодить больше. Как
считаешь?

– Не знаю. – Кочубей пожевал
тонкими губами. – Мой меня
слушается. На счет арийских
заморочек – это к Кирюше
Артемьеву. Я – собачник со стажем,
меня не купишь.

– А я вот всю жизнь мечтал
собаку иметь, – вздохнул Старостин.

– А что не завел?

– Не до того было. То негде, то некогда.

– Заведи сейчас, кто мешает.

– Фига! Только сердцем к нему прикипишь, какая-нибудь сволочь отравит. Нагадит по мелочи, а у меня сердце кровью изойдет.

– Ну ты накрутил!

– Знаю, что говорю. Пока ты ходил, я тут подумал, за человеком так не буду убиваться, как за псом. Почему? Не знаю. Может быть... Они же в наши дерьмовые игры не играют. Божьи твари, одним словом. Это мы людишек просчитываем, через колено ломаем, давим, как клопов. Вот Карнаухова взять. Лежит, с утра уже лежит с номерком на

пятке. Распластали, небось, всего. Дети его что говорят?

— Я связывался. Из морга забирать не хотят. Говорят, пусть Движение за свой счет хоронит.

— Ну говно собачье! — Старостин перекатил в губах папиросу.

— Они же с ним давно в ссоре. Характер у деда, сам знаешь.

— Все равно — говно! — Старостин по-бычьи дернул шейей. — И не спорь!

Кочубей погладил усики, всем видом дал понять, что к теме “отцы и дети” абсолютно равнодушен.

— Ладно, проехали... Ты шифровку аккуратно подкинул?

— Да. — Кочубей сразу же

оживился. — Может быть, еще где-нибудь сверкнуть? В секретариате, например.

— Лишнее. Если стукачок и есть, в пункте связи ему самое место.

Старостин встал из-за стола, несколько раз прошел из угла в угол, окутывая себя дымом.

— Как тебе Артемьев?

— Нормально.

— Хм! И что вы не поделили, ума не приложу?

— Разные мы. — Кочубей отвел глаза.

«Вот это точно! — подумал Старостин — Один франт, второй хореk хорьком. Ишь, как глазенками стреляет!»

— Он верит в экономические модели, Иван. Такие лезут в политику, чтобы доказать очередную теорию, подцепленную из иностранного журнальчика. Какое-то экономическое диссидентство, если не хуже. Я бы за такое стрелял...

— Настрелялись, хватит, — отмахнулся Старостин. — А Кирюша на своем месте. Не с нашими свинными рылами в их калашный ряд лезть.

— Кстати, он наших друзьях, Иван. — Кочубей брезгливо дернул крыльями носа, уловив спиртовой запашок. Достал белый платочек, аккуратно высморкался. — Не чересчур мы, а? Они же не любят,

когда их перед фактом ставят. Как бы обиду не задавили.

Старостин круто развернулся.

– Тогда пусть купят себе новый глобус! И новую Россию на нем нарисуют. – Он развел руки. – Вот такие мы, сиволапые и косорожие! Хотите – любите, не хотите – идите нафиг. Сами знают, будут носы морщить, уйдем к узкоглазым.

– После того, как мы спалили “китайский канал”, к узкоглазым на сивой кобыле не подъехать, – возразил Кочубей.

Старостин тряхнул головой.

– Не спалили, а сыграли! Красиво сыграли. Узкоглазые в таких делах толк знают, они-то оценят.

Пощураться для виду, но уважать станут.

Кочубей пожал плечами.

– Мне бы твой оптимизм, Иван.

День прошел, а пока результата нет.

На столе ожил телефон
правительственной связи.
Мелодичная трель очередью прошила
вязкую тишину кабинета.

“Вас вызывает президент. Вас
вызывает президент”, –
металлическим голосом оповестил
определитель.

Старостин удовлетворенно
хмыкнул, послал Кочубею
торжествующий взгляд. Снял трубку.

Оперативная обстановка

Срочно

Сов.секретно

Начальнику СОП РФ

Генерал-майору Филатову

Направляю в Ваш адрес контрольную запись телефонного разговора по линии ВЧ-связи между объектом "Дед" и объектом "Зубр".

Мероприятия в отношении объекта "Зубр" осуществляются согласно Вашего распоряжения от

01.01. с.г.

Нач. 12-го отдела СОП РФ

п/п-к Кузин

** * **

Стенограмма

*"Дед". – Привет. Как
настроение, Иван?*

*"Зубр". – На букву "хе", не
подумай, что "хорошо".*

"Д". – Понимаю тебя, Ваня.

Прими соболезнования.

"З". – Ага! Ты думаешь, для меня это личная боль? За нас, козлов, больно. Сегодня один, завтра другой... Только волю дай, начнете друг друга дырявить. Не дай бог войдет в моду!

"Д" – Это точно! Однако, есть же профессиональный риск. Вон Николай-батюшка пулю принял, как должное. Дело наше, Иван, царское, терпи, если взялся. Из наших кресел дорога одна – в каземат или на эшафот. Про персональные пенсии можно забыть, не при социализме живем.

"З". – Спасибо, утешил! Я тут мозгую, что народу своему

наплести. А ты с утешениями лезешь. Их бы чем утешить? Дураков и у меня много.

"Д". — С дураками построже надо. А умные что говорят?

"З". — Пока ни с кем не советовался. Думаю, стоит устроить старику похороны по первому разряду, с гонкой на лафете, как считаешь? Заодно, кого надо в Москву высвистаем, а? Хвосты накрутим, под хвостом скипидаром намажем, а то вконец в провинции разболтались. Хозяйский кулак забывать стали.

"Д". — Можно, можно... Деньжат из казны на такое дело подброшу. Да и перед Движением я

давно не выступал. Хотя, Иван...

"З". – Говори, я слушаю.

"Д". – Да так, мыслишка проползла... Ну припрутся они в Москву, наберутся здесь сплетен, пойдет бодяга гулять по провинциям. На кой нам это надо? Покой дорожке.

"З". – Да я и сам об этом думал. Но ведь уже слух пошел, притравили старика.

"Д". – Слух мы прижмем. У него уже был инсульт, да?

"З". – Да.

"Д". – Вот и ладно. Объявим, помер от инсульта, а для своих запустим слух – от передозировки лекарства. Дело, мол, темное, но "контора" уже копает.

"З". – Ага, и все на тормозах спустить!

"Д". – Зачем? Копать-то все одно будем, но тихо!

"З". – Тихо копать у нас не обучены, сам знаешь.

"Д". – Я это на контроль возьму. Сейчас позвоню Филатову, хвост накручу. Или ты “за” Ларина?

"З". – Да оба они мудаки.

Филатов, конечно, профессионал. Ларин пока свой интеллигентный пятак морщит и думает, как эту кучу дерьма разгрести, чтобы не запачкаться, твой Филя весь по уши вымажется, а результат даст.

"Д". – Ха-ха-ха! За то и ценю! Так как решим, Иваныч? Стоит мне на трибуну выползать, или как?

"З". – В принципе, согласен. Это же не мое личное, под тебя все делалось. Я, так, рулю по мере сил. "Движение", мать их за ногу! Пока педаля под задницу не дашь, никто не двинется.

"Д". – Ты на завтра сможешь все организовать?

"З". – Без проблем. Только тут

такое дело... Родня от старика фактически отказалась. Мне все разгребать предстоит. Считай, что от имени скорбящих обращаюсь: дай указание Филатову, пусть выдаст тело. Что там следакам копать? Распластали уже, наковыряли, что надо, вот и хватит.

“Д”. – Сделаю, Иван. А с утречка я перезвоню, и мы окончательно договоримся. Где планируешь отходняк Карнаухову пить?

“З”. – В штаб-квартире, само собой.

“Д”. – Ладно, поддерживаю. Место у вас там на всех хватит. Орлов Филатова загодяпустишь?

“З”. – Да пусть хоть ночуют, мне то что!

“Д”. – Вот и договорились. О, погоди! А разве не на третий день полагается закапывать?

“З”. – У нормальных – да. Только Карнаухов такой христианин, как я японская гейша. У него партбилетов больше, чем у тебя орденов. Поэтому, если он во что-то и верил, так это в таблицу умножения.

“Д”. – Эк, ты, Иван! О мертвом же либо хорошо, либо...

“З”. – А я еще хорошо! У меня тут все такие. Послушаешь, что скажут, когда я помру.

“Д”. – Иван, ты не не каркай. Ты мне еще нужен.

“З”. – Приятно слышать. Да, вот чего еще! Тут созрела инициатива бросить моих хунвейбинов на восстановление Питера. Ты как на это смотришь?

“Д”. – Да, вроде бы, ничего идейка... А не жалко?

“З”. – А что их жалеть? Пацаны молодые, силы девать некуда. Пусть поработают. Заодно генофонд в городе подправят. А то совсем уже запрыщавели от спермотоксикоза.

“Д”. – Ха-ха-ха! Ну ты дал, Иван!

“З”. – Я так понял, ты поддерживаешь?

“Д”. – Ага, особенно в части,

касаемой генофонда. Ха-ха-ха!

“З”. – Я планирую завтра клич бросить. Или ты огласишь?

“Д”. – Не, давай лучше ты с инициативой выступи, а я поддержу.

“З”. – Договорились. Значит, я даю команду собрать пацанов в казармах, чтобы речь слушали и дружно в ладоши хлопали. И сразу – в поезд. Нормально?

“Д”. – Нормально. Все, жду утром звонка. И еще раз – мои соболезнования.

“З”. – Спасибо.

Резолюция: В дело!

Подпись: Филатов

Преторианцы

В трубке на низкой ноте пульсировали короткие гудки.

Филатов положил трубку на рычаги.

— Это называется — перехват инициативы, — Первый самодовольно усмехнулся.

— Этого мало, Валентин, — произнес Филатов.

На скулах Первого забугрились желваки.

— Хватит на этот раз, — процедил он.

— Старосту пора за ребро подвесить, — твердо глядя ему в глаза,

произнес Филатов.

Первый моментально вспыхнул.

– Хочешь посорить меня с Движением?! – он, как всегда без всякого перехода сорвался на крик. – Только всех построили, так опять бардак начинаешь!

В комнатке, куда была проведена линия ВЧ-связи, было тесно. Первому, вскочившему из кресла, пришлось встать почти вплотную с Филатовым. Положение было явно не в его пользу. Миниатюрного сложения, сухопарый, с уже наметившимся брюшком, он проигрывал Филатову, грузному и мощному, как римскоу борцу. Особенной пикатности внешнему

виду шефу президентской охраны добавлял скошенный на бок нос. “За одного битого двух не битых дают”, – подкалывал его Первый. Филатов терпел, или умело скрывал раздражение за косой улыбочкой боксера-супертяжа.

– Чье Движение, наше или Старостина?

– Мое! – выкрикнул ему в лицо Первый. – Только не царское это дело в дерьме ковыряться. Старостина мне пока заменить нечем.

Филатов даже не пошевелился. Дорога к двери была заблокирована его мощным телом.

– Старостин насадил своих людей от Москвы до Владивостока.

Его “Молодые львы” — банды отморожков, сбитых в батальоны штатной структуры спецвойск. По первому щелчку они растерзают любого.

— А у тебя Гвардия! — оборвал его Первый.

— Вот и верни ее в Москву. Дело пахнет большой дракой. Я еще раз прошу, верни моих людей на улицу. Сам же видишь, обкладывают нас!

— О! Только не начинай, прошу тебя, — скривился Первый. — Опять к Скобарю докопался!

Филатов стиснул зубы.

Все началось с доклада на Совете. Новый командующий СБР МЧС Скобарь выложил на стол

сводки по основным особо опасным производственным комплексам. Практически на всех сложилась ситуация близкая к чрезвычайной. Только случай или Господь бог еще берег их от цепной реакции катастроф. Все держалось на соплях, честном слове и матюгах. Картина для России привычная, и по мнению Филатова, не стоило делать круглые глаза, но сработал "эффект жаренного петуха", клюнувшего в самую способствующую мышлению часть тела.

Оказалось, в одной Москве все еще оставалось сто шестьдесят объектов радиационной опасности, не считая химических производств и

неучтенного числа лабораторий и прочих "шарашек". Намек на безопасность первых лиц государства был достаточно тонок. Чего от генерала Скобаря никто не ожидал.

Первым поднял крик премьер правительства. Ему по должности полагалась орать "держи вора". В дискуссии, кто и насколько виноват, чуть не передрались. Под эту горячку Филатов упорно пытался добиться от Первого приказа передать охрану особо опасных объектов частям Президентской гвардии. Сидевший до поры, как медведь в малине, Старостин неожиданно вылез на трибуну. Давить он умел. А в тот раз под его нажимом хрустнули позвонки

у всех.

Совет принял "вполне разумное и обоснованное" предложение отдать объекты, а значит, и патрулирование города, частям МЧС, структурно входящими в СБР Скобаря. А Президентскую гвардию, численностью в три дивизии, рекомендовали шире использовать по прямому назначению — давить партизанщину как основную угрозу власти. Дружно проголосовали за создание единого штаба антитеррористической войны в составе командующих войск МВД, СГБ и Президентской гвардии.

Филатов, как непосредственный начальник частей Президентской

гвардии, конечно, получил щелчок по носу, но уж больно он его, считал Первый, стал совать не в свои дела.

— Генералом Скобарем меня не пугай, он в наши игры не игрок.

— Разве? Зачем его тогда Старостин в Москву приволок? — зло прищурился Филатов.

— Приволок он, а утвердил я. Если бы подлянку почуял, отправил бы назад на китайскую границу. У тебя на него компра есть? Нету. Вот и хватит об этом!

— Как скажешь.

Сквозь толстые стены пробивались тугие удары мяча и гортанные вскрики игроков.

С лица Первого сошел

спортивный румянец. Он только что отыграл пару геймов в теннис, все еще был в белых шортах и тенниске, с полотенцем на шее и напульсниках на жилистых руках.

— Ты не умеешь ждать, Игорь, — севшим голосом произнес он. — Нарой мне компру на Старостина. Только стопудовую компру, и я его сниму.

— Снять мало. Надо арестовать и шлепнуть при попытке бегства. А потом судить закрытым трибуналом.

Первый коротко хохотнул.

Филатов не смог удержаться, чтобы не испортить настроение своему шефу.

— Обязательно ехать в этот

гадюшник? – спросил он.

Первый ответил, как учитель бестолковому ученику:

– Политика! Я давно лично с народом не общался.

Это было правдой. Первый со дня вступления в должность для граждан страны существовал только в телевизоре, куда доходил сигнал, и в газетах, куда их довозили. Одно время еженедельные выступления Первого транслировали по радио, но, проанализировав агентурные сообщения и “отзывы с мест”, решили отказаться от американских приемов “обращения к нации” по поводу и без повода. В народе за Первым, открывшего в себе дар

говорить правильно и долго, прочно закрепилась кличка “Матюгальник”.

— А ты здание театра давно видел? — спросил Филатов.

— Не понял? — сделал удивленное лицо Первый.

— Проехали...

Филатов не стал уточнять, что его отдельная рота личной охраны раствориться в лабиринтах исполинского храма песни и пляски Армии, как муравьи в тайге. А брать штурмом здание театра без поддержки танков и авиации — занятие безнадежное. Особенно, если в тылу у тебя части СБР, молящиеся на своего командующего и плевавшие на главкома.

Он задом толкнул дверь, вышел в коридор, открывая выход Первому.

Фараон

Старостин положил трубку. Полез в карман за папиросами, вспомнил, что оставил пачку на столе внизу, и выругался:

— Паяц, дешевка! А туда же лезет... Ему бы только потрепаться на публике. Второе явление Троцкого народу!

«Спокойно, Иван, — приказал он сам себе. — Не мандражируй. Так начнешь от собственной тени шарахаться. Ни с чем этот звонок не связан. Вернее, связан, но не с тем, чем ты подумал. Филатов крутит, сразу видно — он!

А ведь ты правильно рассчитал, когда сам за кремлевскую стенку не полез, а этого попугая в кресло впихнул. На хрен, на хрен! Быстро же они паяца окрутили, даже не ожидал. Знал, что с гнильцой парень, с изрядной гнильцой, жизнью пыльным мешком не битый, но что бы так быстро скурвился, нет, не ожидал. Урок! Половину, если не больше своих придется к ногтю, и в самое ближайшее время. Начнут хапать и врать. Им только позволь, схарчат самого, не крякнут! Разберемся...

А мне сейчас крепкие мужики нужны. Какой номер-то у него? Вот, память девичья — "дала, а кому — не

помню". Ага! Сейчас мы отца-командира обеспокоим».

Он потянулся к телефонной трубке...

Ретроспектива

**Особый Дальневосточный
военный округ
(за четыре года до
описываемых событий)**

Фарон

Утки выскочили из-за леса неожиданно, дружно пошли кругом

над озерцом; четыре силуэта четко выделялись на фоне по-вечернему прозрачного неба.

Старостин присел, взяв ружье на изготовку, с замирающим сердцем следил как медленно снижаются птицы, выждав момент, выпрямился, поймал на мушку первую. Стрелял на упреждение; утку подбросило, вышибло несколько перьев, она сложила крылья и камнем пошла к воде. Он уже было взял на мушку вторую, но краем глаза заметил, что первая выровняла полет и по крутой глиссаде уходит к камышам; растерявшись, дернул стволом в ее сторону и не целясь выстрелил.

Слева один за другим ударило

два выстрела, по характерным всплескам понял, Скобарь попал, и чертыхнулся.

— Эй, мазила, иди ко мне, перекурим! — позвал из-закамышей Скобарь.

Старостин стал пробираться по кромке воды, с трудом различая тропку в густеющих сумерках, несколько раз оступился, громко чавкнув глиной.

— Тише там, лосяка! Птицу распугаешь.

— Да иди ты! — Старостин с трудом пробившись через пучки сухой осоки, выбрался на сухой пятачок, где стоял, подхватив ружье под руку, Скобарь.

Джана, отчаянно молотя лапами, разгоняя круги по матовой стоячей воде, уже подбиралась к лежащей на воде утке.

— Скорее ты глоткой своей луженой распугаешь! — проворчал Старостин.

— Учись, пока я живой. Две — как с куста! — Скобарь закинул ружье на плечо, вытер руки и полез в карман бушлата за сигаретами. — Нет, это какая же память нужна, чтобы в такой одежде ходить? Только на спине карманы не напендюрили!

— Мои будешь? — Старостин протянул пачку папирос.

— Твои курить, легкие до колен иметь надо. Спасибо, уже нашел.

Местный табак, кислятина, но приятный.

— Одну вижу, а вторая где? — спросил Старостин, выдохнув дым.

— Там, под камышами. А ты? Глаза в разные стороны разбежались, да? — Скобарь выставил в улыбке крупные хищные зубы.

— Ага. Думал, подбил, а она, стерва, опять на крыло поднялась. Обидно.

— Запомни, все стрелки делятся на дергунчиков, моргунчиков и мазунчиков. Ты — типичный дергунчик. Зачем впрыскал прыгал? Спокойнее надо, тут утки к выстрелу привыкли, стрельбище рядом. А на шебуршение внизу реагируют

моментально. Ай, молодец, Джана!

Собака выбралась на берег, бросила утку к ногам хозяина, завертела длинным телом, обдав их с ног до головы холодными брызгами.

— А вторая? Мы филони не договаривались! Ищи ее, Джана, ищи. Пшла вперед, собака моя ненаглядная! — Скобарь слегка толкнул собаку к воде.

— Темнеет. — Старостин поднял голову. — Вон и звезды высыпали. Может, поедем, Алексей?

— Погоди, сейчас еще один заход будет. Я их расписание полетов уже изучил. Пульнем по разу — и домой. Ай, молодец, Джана! Ай, хорошая! Давай-ка ее сюда.

Джана выбралась на берег, бросила в траву трупик утки, самозабвенно от черного носа до кончика куцевого хвоста затряслась, обдав людей шрапнелью холодных капель.

— Ох! — невольно вздрогнул Старостин. — Что же она, стерва, брызгается! Приучил бы в стороне отряхиваться.

— Э, не понимаешь! На утренней зорьке иногда так в сон клонит, а Джана как даст душем, аж дух захватит! Сервис, ха-ха-ха! Бесплатный...

— Тише, граммофон!

— Ладно, не бойся, Иванович. Будут у тебя утки. Еще вчера

заготовили. Покажешь в Москве, пусть сохнут от зависти.

Помолчали, прислушиваясь к небу. Было тихо, только что-то плескалось у дальнего берега. От воды тянуло холодом.

— Так что ответишь, Леша? — спросил Старостин. — Одни мы, можно поговорить.

— Да что говорить! — Скобарь бросил под ноги окурок, зло сплюнул. — Превратили армию в публичную девку, а потом разрешения спрашиваете! Надоело, понимаешь. Что я за, к чертям собачьим, генерал, если человеком себя только здесь на болоте чувствую?

— Главное, начать, так я думаю. То, что я предлагаю, должно положить конец всему. И все расставить по местам.

— Неужели? — Под козырьком фуражки Скобаря клинком вспыхнули глаза. — А как со стороны смотреться будет, ты подумал? Россия вам не Парагвай какой-нибудь занюханный! Это там президенту раз в год пинка под зад дают, и ничего, привыкли. А я не хочу, понимаешь, не хочу, чтобы вы своими играми страну в Парагвай превратили! У нас народ, если в охотку войдет, палкой не отучишь.

— Мы и так, считай, в Парагвае живем. И не меня в том винить надо,

Леша. Скажи спасибо тем, кто Америку здесь хотел устроить. Мечта идиотов! Понимали же, придурки, что не уперлись никому на Западе, решили сюда Америку притащить. Ни одна сука не подумала, что у нас только Латинская выйти и может. Со всеми истекающими и подтекающими... Вот и живем, радуемся неизвестно чему.

– Во-во! А еще учти, для рвани черномазой их армия, хоть самая дохлая, белая кость, элита нации! Все в Америке учились. А у нас поголовно все из крестьян, от сохи, значит. Кто постарше, со звездами большими, еще помнят, как в армии первый раз в жизни от пуза наелся да

сапоги исправные одел. Молодняк, кто их осудит, ухватились за единственную возможность карьеру сделать и в люди выбиться. А они на отцов-подневольников с детства насмотрелись, а это, брат, знаешь как бережит! Нет, кто в армию попал да прижился, считай себя спас. От тюрьмы, пьянки и петли. Я не прав?

— Прав, конечно!

— Вот так. А из мужика вы давно инициативу повышибли. Он не то что в поле, на толчок без визы районного барина не пойдет. Так что вы от крестьянской армии хотите? Сила мы огромная, согласен. Только от дури идущая!" Несокрушимая и легендарная"! Жаль, чувство долга

поперед меня родилось, а так — послал бы все к едрене фене. Надоело!

— Хочешь сказать, интересы у нас с армией разные?

— Пока жареный петух не клюнет, конечно, разные. Чтобы в вашей сучей политике понимать, нужно не академию Генштаба заначивать, а камасутру штудировать. Как слаще ублажить и как сподручнее отдаться. — Скобарь брезгливо сплюнул — Нет, за родину мы все амбразуры собой позатыкаем! Но это в крайнем случае. А так, на кой вы нам сдались? Ни один серьезный мужик своих людей под ваши игры не даст. У меня в

батальоне обеспечения одни бывшие молодые бизнесмены служат. Специально. Шуршат на кухне, аждым идет. Бойцы им регулярно-периодически по морде дают. Знаешь за что?

— Классовая ненависть?

— Так точно! Так за что нам воевать? За вас? Нахрен! С кем? С народом, больше же не с кем. Довели, бляди кремлевские, что нам посилу только своих на своей же земле... Нет, Иван, иди ищи идиотов в другом месте! В моем округе таковых не имеется. Дубовых полно, как без них, но подлецов не ищи. Нету!

— А я знаю, до меня кое-какие

людишки к тебе подкатывали...

— Во-во. Летят мухи на гавно! Не один ты круги нарезаешь. А вокруг кого, не подумали? Дедам еще при Леньке на парадах фуражки-аэродромы к ушам привязывали, да двух ординарцев-бугаев по бокам ставили, чтобы их с картузами вместе ветром не унесло, а вы к ним с предложениями лезете! Кто помоложе, у того рыло в крови солдатской и золотой пыли. Не знаешь, сколько наши генералишки нахапали?

— Да все это знают!

Скобарь длинно выдохнул.

— Твою дивизию... А в ЦРУ о наших бизнесменах в лампассах

знают все до последнего цента. Как воевать будешь? Сдадут, блин, как Хусейна. Один звонок из Вашингтона, типа, генерал Пупкин, ваши счета арестовать или предать гласности? И звездац генералу Пупкину! Ему проще в плен сдаться, чтобы к счетам и вилле поближе оказаться, чем героически вот такое болото оборонять. Нахрена ему наше болото, когда у него во Флориде свое имение имеется? Там теплее, крокодилы плавают и негритянки топлесс разгуливают. А у нас только лягухи квакают, да бабы спившиеся от тоски воют.

— Меня дерьмо в погонах не интересует. Мне такие как ты нужны.

Скобарь поморщился.

— Слушай меня, я тебе как на духу скажу. Ни они, ни мы, честные, ни фига не решаем. Приказать можем, а толку? Капитанишка какой-нибудь роту свою высвистает и полгорода танками разутюжит, порядок, значит, навел! Мы его к стенке, а у него баба молодая на шее, да два сопляка, а третий — помер, потому что расквартировали их папашу в сборном фанерном домике посреди Среднерусской возвышенности. И денег ему год не платили. Вот и командуй, если можешь! Такая нищета в гарнизонах, что любую проверку зубовным скрежетом от первого до последнего

дня сопровождают. Так что ты не очень-то стратегам из Отдельного Арбатского округа доверяй. У них на бумаге все гладко. А в казармах — гадко.

Он раскурил сигарету, роняя искры.

— Спасибо за совет. Я их Первому перепоручил. — Старостин зло усмехнулся. — Он сам трепач и трепачей любит. Пусть шаркуны арбатские перед ним танцуют. А мне вояки нужны! Типа тебя.

Скобарь отмахнулся.

— Не сватай! Для ваших игр Жуков нужен. А где его взять? Чтобы Жуковым стать, надо пол-Европы на колени поставить. И армия

соответствующая. Победительница! А не шлюха, как вам сподручней. Вот среди шлюх себе кандидата в Пиночеты и ищите!

— Все ясно, Алексей. — Старостин осмотрелся по сторонам. Скобарь обещал разбросать по периметру бойцов из комендантской роты, мышь не должна проскочить. — Мужик ты конкретный. Да и я не из тех купцов, что сюда заезжали. На фуфло не торгую. Слушай внимательно. Дела у нас херовые.

— У кого "у нас"?

— У страны. Значит, у нас с тобой. Пока за двоих речь вести будем. А дела — херовей не бывает. Замерли на краю пропасти. Еще

немного и полыхнет по всей стране. На этот раз серьезнее в сто раз. Пугачевщина с одной стороны, аварии на производствах – с другой. Если срочно не принять меры, позавидуем мертвым. На нас давят по всем международным каналам, требуют незамедлительного развертывания системы предотвращения ЧС. Вся соль в том, что наша структура должна быть встроена в их глобальную систему. Даже денег обещали подкинуть. В Москве уже хлебальники раззявили, готовят карманы.

Лицо Скобаря в миг закаменело.

– Какие элементы входят в систему?

— Как объект — вся инфраструктура страны, включая и вооруженные силы. Субъект управления — система мониторинга, естественно, с выходом за кордон, единый штаб, силы быстрого реагирования на ЧС, включая массовые беспорядки, эпидемии и тому подобное. Бойцы в “голубых касках”, естественно. Добавь еще технические и транспортные средства и табун научных кадров.

— Как всегда, деньги и командиры их, руки, головы и все остальное, чем ежей плющат, — наши. Угадал?

— А как иначе? Русского Ваню разве можно без художественного

руководства оставлять!

— Ну-ну... “Мажет губы
Родион,

Вася красит глазки,

Едут к нам войска ООН -

“голубые каски”! — частушечным
дурным голосом пропел Скобарь.

Старостин хохотнул.

— Альтернатива есть? — резко
спросил Скобарь.

Старостин почувствовал, что
наконец зацепил за живое.
Аккуратно подсек.

— Любая альтернатива, Леша,
если это не девичья иллюзия, должна
включать в себя силы, средства и
кадры. Иначе она так и останется
химерой и скуляжом. Средства я

найду, своими, хм, средствами. После чего у тебя на кухне мойщиков посуды из бизнесменов резко прибавится. Меня интересуют кадры. Способные составить костяк сил быстрого реагирования, как основы будущей новой армии. Способные в кратчайшие сроки наладить управление и обучить личный состав. Бучу в стране я подниму. На международной арене я найду повод послать всех к гребаной маме с их проектом глобальных сил ЧС.

— Кто-то против?

— Само собой, несогласные имеются. Китай, естественно.

— Уже полдела. Насколько все серьезно?

– Ровно настолько, насколько ты себе представляешь. Если не хуже.

– Сроки?

– Время мы давно упустили. Год.

Максимум – два. Либо мы разворачиваем свою систему и начинаем и г р у, или нас ставят раком до конца времен. Если я сейчас получаю твое согласие, через неделю поставлю вопрос на Совете. Через две недели ты будешь в Москве.

– Так меня туда и пустили!

Старостин втянул носом воздух, словно готовился сорваться на крик, но произнес неожиданно тихим голосом:

– Я их всех в их же собственном

дерьме утоплю, но ты там будешь через две недели! Слово даю.

Скобарь потоптал озябшими ногами, щелчком отбросил окурок в воду.

— Скажу так. Согласен. Одно условие.

— Говори.

Скобарь переломил стволы, выщелкнул гильзы, сноровисто загнал пару новых патронов. Старостин ждал, наблюдая то за движениями его по-мужицки крепких пальцев, то за топорно сработанным лицом. Козырек фуражки бросал густую тень на глаза, прочитать в них ничего не удалось. На пальцы действовали

уверенно и хватко, без малейшего признака дрожи.

— Договариваемся здесь и сейчас, Иван. Силы быстрого реагирования на ЧС я создам. Но не под тебя. Они будут молиться на меня, как эта Джанка будут готовы в огонь и в воду, только прикажи. Но...

— Он поставил ружье на боевой взвод. — Первый же приказ давить своих — первая пуля твоя. Вторая мне, чтобы другим не повадно было мундир пятнать. Ясно? Приказ, законный приказ, мы крякнем, но выполним. Только в дерьме больше нас не изваляете, кровь пускать своим мы больше не станем.

— Ты уже стал говорить "мы",

как у нас, в Москве. Там всякий своей кодлой пугает, в одиночку поджилки трясутся. Что скажешь мне ты, Алексей?

Он приблизился, стараясь лучше рассмотреть лицо Скобаря.

— Молодняк, узнай о нашем разговоре, тебя бы на руках носил и в зад целовал. Но на то я и генерал, чтобы о пацанах думать, пока у них в башках пионерские костры не отпыхали. Мне за тебя договорить, или сам скажешь?

— Ты не дурак, Леша.

— " Войны не хотим, но к войне мы готовы", так? И с кем, если не военная тайна?

— Время покажет. Но готовься

воевать против всех сразу.

– На своей территории? Другого же нам не осталось.

Старостин почувствовал на своем лице тяжелый взгляд Скобаря. Нутром ощутил, дрогнет внутри хоть жилка, выйдет из доверия навсегда.

– Леша, это единственная реальная ЧС, к которой ты должен будешь подготовить войска. Сможешь сделать страну не оккупиремой?

Скобарь медлил с ответом. Нетаясь, думал. Тяжко, с мукой, зная, что ответ может быть только однозначным. Как не ответить, но мосты за спиной сами собой рухнут. В его ремесле нет словес, а есть

только команды. Только скажи “Огонь!”, и вылетившую пулю назад в ствол не затолкнуть.

В этот момент прямо над ними в воздухе запели крылья, Старостин только успел вскинуть голову, как близко, показалось, над самым ухом, рванул выстрел.

Утка упала точно между ними, испугнув Джану. Собака тут же зашлась на все озеро визгливым лаем.

— Вот так! — выдохнул Скобарь. — Мать твою... Понял?!

«Он пойдет. Сам пойдет, до конца, и пацанов своих за собой поведет, — подумал Старостин, невольно залюбовавшись мощной,

будто вылепленной из одного куска фигурой Скобаря. — Он сам им завидует, своим пацанам. Им, малозвездным, можно быть безоглядно честными. Это воин, а не служака. Да, я правильно делаю, он мне и нужен. Пойдет! Не за мной, а по своему разумению. За него я спокоен. Пусть и не со мной, лишь бы рядом. Упаси господь от такого врага».

* * *

Фараон

Старостин отодвинул от себя телефон.

“От греха подальше. Наверняка, Филатов сел на телефоны. Не стоит светить Скобаря. Ему и без меня забот хватает. В конце концов, для того и создан рабочий аппарат, чтобы в нужную минуту врубиться на полные обороты. Нет, решил играть, играй, но по своим правилам”.

Старостин потер виски.

— Ну и денек. А завтра будет еще хуже.

Кочубей, молча наблюдавший за ним, заметно расслабился.

– Что?

– Все правильно, Иван. Мы на шаг впереди всех.

– А я чуть не дернулся, да?

Кочубей чуть дрогнул усиками.

Старостин откинулся в кресле.

– Имею право понервничать!

Нервы у меня, между прочим, не стальные.

Кочубей покачал головой.

– За твои нервы, Иван, я спокоен. Как бы Филатов не дернулся, вот чего я боюсь. До утра он психануть может. Вот уж кто все теряет, так это он.

– Без приказа Первого?

– Сейчас у них один приказ: “Спасайся, кто может”! Весь вопрос,

когда до него это дойдет.

Старостин выбрался из-за стола, прошел к Кочубею. Тот загодя взял пачку папирос, протянул.

– Спасибо, – буркнул Старостин. Раскурил папиросу, выдохнул вместе с дымом:

– А мы подождем! Нам с тобой уже торопиться некуда.

Кочубей блеснул хитрыми глазками и удовлетворенно кивнул.

* * *

Срочно

Секретно

СПРАВКА

Согласно имеющимся
оперативным данным, банк "GBC
Inernational" входит в систему
банковской группы "Genoa Banca di
Credito", имеющей устойчивые
корреспондентские связи с "Банко
Алеман трансантлантико"
Барселона и концерном "Ментцель
унд Ко" Бангкок. В отношении всех
вышеперечисленных концернов
имеются данные, подтверждающие
факт сотрудничества во время
второй мировой войны с германской
службой СД в валютных операциях.

Информационно-аналитическое подразделение "ГВС" возглавляет Фридрих Эгген / 11.12.75 г.р., частная школа в Лугане, факультет правоведения Сорбонны, Гарвардская школа бизнеса, свободно владеет английским, французским, испанским и японскими языками, женат вторым браком, двое детей/, состоит в прямых родственных связях с Гансом Эггеном.

(Ганс Эгген – 12 г.р., штурмбанфюрер СС, сотрудник Главного управления СС, руководил группой агентов, занимавшихся сбытом фальшивых банкнот в Лозанне; связной между группенфюрером СС Вальтером

Шелленбергом и Роджером
Массоном.

Роджер Массон – бригадный
полковник швейцарского
Генерального штаба, начальник
швейцарской военной разведки, агент
6-го управления СД, кличка
"Зеннер-1".)

Объект "Гонец" поддерживает
устойчивые личные связи с
Фридрихом Эггеном и его
сотрудниками – Клаусом Мейером и
Альфредом Росснером. Нами
фиксировались неоднократные
контакты "Гонца" с дочерью
Альфреда Росснера – Дагмар Ханке
во время рождественских каникул,
проведенных "Гонцом" в Сент-

Морице и Лозанне.

Деловые контакты между фирмой "Гонца" и Банком осуществляются через брокерскую контору "Лидиц и К". Юридическое обеспечение фирме "Гонца" предоставляет адвокатская фирма "Лаппельман, Ротоцки и партнеры", Цюрих.

По информации агента "Абориген", во время пребывания в апреле с.г. в Бангкоке "Гном" проживал на вилле, арендуемой для представительских целей фирмой "Голден Сан транспортэйшн" – дочерней фирмой концерна "Ментцель унд Ко".

В настоящее время мною

разосланы запросы в
соответствующие подразделения
СОП для получения более полной
информации на основных
фигурантов данного дела.

ст. оперуполномоченный 2-го
отдела ВГУ СОП

Гранаткин С.С.

Резолюция: т. Шалашову
Ускорить работу!

Особое внимание уделить
информации о совместных
финансовых операциях.
Установочные данные на всех
сотрудников фирмы "Гонца"!

Личный доклад – в 21.00!

Подпись: Филатов Н.Б.

Резолюция:

т. Гранаткину

Срочно – в работу!

** * **

Начальнику Службы охраны

Президента РФ

генерал-майору Филатову Н.Б.

Ш И Ф Р О Г Р А М М А

Произведен перехват радиообмена борта "Гольфстрим" с передатчиком с позывными "ДЛС", входящим в систему дальней связи концерна "Ферросталь де Венесуэла СА" Каракас, Венесуэла. Продолжительность контакта 18 секунд, время выхода в эфир – 17 час. 50 мин.

Обе стороны использовали аппаратуру сжатия сигнала, в результате чего существенно затруднена дешифровка сообщения.

Позывной "ДЛС" использован данным передатчиком впервые, в ответ на вызов борта "Гольфстрима". До настоящего времени он контролировался нами по

позывным "ФДВ" и "ССГ".

Работа по дешифровке ранее полученных данных радиоперехвата продолжается с привлечением наиболее квалифицированных специалистов.

зам нач. отдела м-р. Каспарян

* * *

Вне очереди
Сов. секретно

Резидентура СОП в Женеве

Ш И Ф Р О Г Р А М М А

Приказываю всеми имеющимися в Вашем распоряжении силами установить местопребывание и взять под контроль передвижения следующих лиц: Фридрих Эгген, Клаус Мейер, Альфред Росснер, Дагмар Ханке /Росснер/. Установочные данные на перечисленных объектов будут переданы в Ваш адрес немедленно.

При получении информации о возможном их контакте с объектом "Гонец" информировать Центр немедленно.

13.10. 17 час. 55 мин.

Подпись: Филатов

* * *

Преторианцы

Филатов прошелся вдоль корта, привлекая внимание разрезвившегося Первого. Тот явно красовался перед партнершей, бросая длинное тело с выпиравшим сквозь майку дрябло вздрагивающим животиком за каждым до свиста закрученным мячом.

“Таракан беременный, —

беззлобно подумал Филатов. Сам в тайне гордился, что его хорошо в свое время натренированное тело если и поросло жирком, то равномерно, нигде лишнего студня не болталось. — А девица хороша! Резкая, как газель. И когда он только натрахаётся, кобелюка? Видно, в молодости не добрал”.

Первый остановился, стирая напульсником пот со лба.

— Не хочешь мячик популять? — спросил он.

— Нет настроения. — Филатов глазами указал на девицу. — На секунду.

— Везет тебе, Игорь. У тебя дела, а у меня одни проблемы. — Первый

махнул ракеткой. – Перекур, Лана!
Через пять минут продолжим.

Девушка пошла к скамейке на углу корта, легко нагнулась над сумкой.

Филатов успел отметить и врожденную грациозность движения, и крепкие стройные ноги, и белую полоску трусиков, сверкнувшую из-под розовой подкладки коротенькой юбочки.

Теннис опять стал “президентским” спортом. Вслед за Первым кто нехотя, кто со стоном, а кто с радостью повыползали на корты. На открытом воздухе играть было смертельно опасно, неизвестно чем можно надышаться и что

подцепить вместе с пылью. В бункерах, которыми обзавелись все серьезные организации, срочно оборудовали теннисные корты. Особо приближенные к кормушке владели личными кортами, обустроенными по последнему слову “подземной” моды.

Молоденькие девицы на выданье и девочки “на продажу” срочно обучались искусству сексапильно перебрасывать мячик через сетку. Партнершами для Первого занимался специальный отдел в Службе Филатова.

Первый подошел вплотную, стрельнул глазами через корт и сально улыбнулся.

– Глаза сломаешь.

– Не такое видел. Дело срочное.

– Давай. – Первый сдернул со лба повязку, взъерошил курчавую шевелюру. – По Карнаухову кое-какое дермецо вспыло, я угадал?

Филатов хлюпнул носом.

– Ха! Это потому что я на дермецо поставлен? Как появился, так и запахло?

– Ладно, не прибедняйся. Что нарыл?

– Только начали обрабатывать наследство Карнаухова, а уже, как канализацию прорвало. Там что ни документ, то удавка для Старостина. Можно спокойно на крюк вешать.

Первый п о д в о д к у пропустил

мимо ушей. Или сделал вид, что не заметил.

— А Старостин, что, утерся, когда ты в его сейфы нос сунул?

— Как сказать... — Филатов решил бить в лоб. — Он высвистал в Москву своего эмиссара в Европе, накрутил хвост и пинком погнал обратно. Артемьев сразу же вошел в контакт с группой немецких финансистов. Есть точные сведения, что от них идут каналы на “Черный интернационал”.

Сквозь спортивный румянец стала проклевываться характерная бледность насмерть напуганного человека.

Филатов дожал:

– Старостин вышел на “казну Черного Ордена СС”. До сего дня из наших этого никому не удавалось.

– Это есть в бумагах Карнаухова?

– Нет. Эти данные либо в сейфах Старостина, либо в его башке. Дай команду, я тебе их достану. Хоть через задницу Старостина.

– Сделаем так. – Первый вытер испарину со лба. – Ты бди и держи со мной связь. Пока притихни, не время дразнить собак.

– Самое время! Бить надо первыми. Что толку рожу подставлять, чтобы потом оправдываться, мол, они первыми начали? Мы – власть! Какие еще

аргументы нужны, я не понимаю.

– Не дави! Ты что, хочешь меня поссорить с Движением?! – повысил голос Первый.

Эхо покатилося по залу. Девушка, долдонившая мячом по стенке, оглянулась.

– Ладно, я все понял.

– По глазам вижу, ни хрена не понял! Версии свои на толчке изучай, а мне точная фактура нужна. Кто, как, с кем, сколько. И главное – зачем? Ну зачем Старостину это нужно? У него и так все есть. Он что, по-твоему, президентом земного шара решил стать?

– Не знаю.

– Так узнай. И доложи. – Первый

нервно забарабанил ракеткой по колену. — И убеди меня, слышишь, убеди, что Иван сошел с ума и сам сует голову в петлю. Только тогда я помогу тебе ее затянуть.

Филатов посмотрел через плечо Первого, как девица поправляет сбившийся гольфик.

— Значит, доказательства нужны?

Первый, перехватив его взгляд, оглянулся.

— Иди, нарой мне, что сможешь. Тогда и решим. Доложишь после ужина.

— А на эрекцию не повлияет? — спросил Филатов.

— Не хами. — Кровь прилила к лицу Первого.

– Нет, чисто для проформы поинтересовался. Чтобы потом на меня обиду не таили.

– Это у тебя мандраж. – Первый ослабился. – Ты, чего, Старостина испугался? Сам же говорил, на каждую хитрую задницу найдется хрен с болтом со снайперским прицелом. Как еще твои “рексы” шутят?

– “Нам только повод дай, а мы не промахнемся”, – не без удовольствия процитировал Филатов.

– О! И я о том же. Повод! Повод мне нужен. Основанный хотя бы на минимуме достоверной информации. – Он с нарочитой силой ткнул Филатова в плечо. – Все!

Иди, а то у меня от тебя давление подскочило.

Он небрежно сунул Филатову руку и танцующей походкой засеменял в дальний угол корта.

“Козел! Знаю, от чего у тебя давление подскочило. Довыеживаешься, прямо здесь на корте и порешат. Вот будет доказательство! Просто убойной силы. А я героически буду отстреливаться от твоих дружков-соратников!” — зло думал Филатов, идя по коридору.

Из двери неожиданно вы нырнул молодой охранник, из нового набора, Филатов еще не запомнил имени.

— Что шаришься по раздевалкам?

Где пост?

— Здесь. — Парень вытянулся в струнку.

“Недавно из училища, — понял Филатов. — Наверно, блатной, но из мелких. Идет же дурачье в училища, в наше-то время!”

Он потянул носом. Пахло холодным мрамором. От молодого ничем не пахло, даже удивительно. Первый страдал каким-то расстройством обоняния, навязчивые запахи чудились ему повсюду. Охране строго настрого запретили пользоваться любой парфюмерией. На возражения Филатова, что мужики без лосьена после бритья пойдут прыщами, как девица на

выданье, Первый коротко парировал: “Пофигу”. Старослужащие, борясь с щетиной, все-таки пользовались чем-то, почти без запаха. Но этот молодой был абсолютно стерилен.

“Твою мать, еще один критерий отбора – полное отсутствие запаха! Хоть стрелять-то умеет, или нет?”

– А там что делал?

– Проверял. Согласно инструкции. Сейчас заканчивают, пойдут в раздевалку.

Филатов хотел было сорваться, но молодой так старательно тянулся в струнку и так таращил телячьи глазки, что злость сама собой улетучилась.

– Увидишь их, не маячь на виду.

Не хрен зыркать, как девка титьками трясет. — “А наш козел — яйцами”, — мысленно добавил он.

— Так точно, товарищ генерал-майор.

— Ну бди, молодой.

Филатов быстро пошел по коридору.

“Е-мое! Он же обязательно девку
пялить в раздевалке начнет, – со
стоном подумал Филатов. – Эх... А
молодому рано еще на такое
смотреть”.

Он на ходу достал из кармана
рацию.

— “База”, ОТВЕТЬ

“одиннадцатому”!

– На приеме, “одиннадцатый”.

– Пост у раздевалки срочно сменить. Поставь кого-то из “дедов”.

– Принял. Через минуту сменим.

– И в следующий раз думай, куда молодого ставишь!

– Понял, “одиннадцатый”.

В холле, превращенном в вечно цветущий зимний сад, слабым эхом отдавались тугие удары по мячу.

Филатов остановился, с ненавистью посмотрел на буйную зелень, источавшую одуряющий аромат, и в голос, не боясь, что услышат и стуканут, выругался: “Мудак!”

Звук разбился о стеклянный потолок и затих в зеленой чащобе.

Полегчало.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Странник

Срезав путь дворами
пятиэтажек, Максимов вышел к
Речному вокзалу.

Чем ближе подходил к площади
у метро, тем тревожнее и муторнее
становилось на душе.

Максимов привык доверять
своему предчувствию. Не сбавляя
шага, закрыл глаза, постарался
маскиимально четко представить себе

опасность. Ничего не получилось. Она никак не хотела оформляться в законченный зрительный образ. Так и осталась грязно-серым вязким студенистым комом. Цвета и фактуры неба над головой.

Напряжение нарастало с каждым шагом. Еще можно было повернуть, но невидимая сила все настойчивее тянула вперед. Максимов решил не сопротивляться. То, что ждало впереди, каким бы оно опасным не представлялось, потребовало к себе. Значит, так тому и быть.

На площади копошился “блошинный рынок”. Или здесь не торговали из-под полы оружием, или

сегодня до него не дошли руки, но примитивная торговля и натуральный обмен кипели вовсю.

Максимов смазал взглядом площадь. Под прикрытием пары пенсионеров проскочил мимо патруля. Вклинился в людской поток, вяло тянувший между рядами торговцев к входу в метро.

И тут оно и произошло.

Идущий впереди дедок с сумкой-тележкой встал, как вкопанный. Максимов чертыхнулся. Попробовал обойти. Но и сосед деда замер.

Воздух неожиданно уплотнился. Показалось, морось на секунду сгустилась, стало нечем дышать.

Максимов завертел головой.

«Епонамать, попал!»

Эпицентр оцепенения, липкой патокой, сковывавшей людей, находился всего метров в двадцати. Там они уже стояли, как истуканы, мертво и покорно. Невидимая медуза распускала свои щупалцы во все стороны, парализуя новые жертвы. Они сомнабулически тянулись ближе к эпицентру.

Кто-то обморочно навалился на спину Максиму. Слева и справа уже стояли полуживые истуканы. Обморочные лица, пустые глаза, влажные разляпившиеся рты.

— Торчки! Торчки! — вскинулся над толпой истерический голос. —

Ма-а-ама!! Ма-а-моча-а-а!!

Голос захлебнулся. Толпа заколыхалась. Те, кто еще мог противиться массовому гипнозу, панически бились в сером клее толпы.

Максимов рубящим ударом врезал стоящему слева. Сосед выпустил из рта пенистую слюну и завалился набок. Падать ему было некуда, но в образовавшуюся прореху вполне можно было втиснуться.

Пришлось пробиваться, как через салон автобуса в час-пик. За Максимовым, как за ледоколом, в фарватер пристроился жидкий ручеек спасавшихся. Напирали, помогая протискиваться вперед.

«Считай, считай, что угодно считай! – приказал себе Максимов. – Тридцать два на шестнадцать? – Мысли уже вязли в голове. – Ну, сука, считай!! Пять-два-один... Верно! Еще считай!»

Среди серых лиц вдруг мелькнул фосфорно-белый профиль. Беззащитно выбриытый череп. Головка на тонком стебельке шеи. Существо повернуло к Максиму лицу.

Огромные серые глаза. В них – немая мольба. Перекошенный плачем и натугой рот.

Максимов выкинул руку, выхватил девушку из топи толпы. Поставил перед собой. Вцепился узкие плечи. Шепнул в ухо:

– Двигай ногами!

Тараня тонким тельцем истуканов, отчаянным усилием вырвался из толпы. Оглянулся. Толпа, чавкнув телами, закрыла брешь. Неудавшиеся выбраться ее немного потрепыхались и замерли. Лица потухли. Глаза остекленели.

Максимов поверх голов осмотрел людскую массу. В сером безликом коме увязло больше двухсот человек. Отрава продолжала действовать. Ком вбирал в себя все новых и новых, б е з л и к и х. Отхлынувшая было толпа потянуль к кому.

– Уходим!

Максимов нащупал тонкую

кисть, сжал. Потащил девушку за собой.

Ближе к универмагу, смотрящему на людское безумие равнодушными глазами забранных в сталь витрин, толпа поредела настолько, что уже можно было не прокладывать себе путь локтями и ударами ног.

Менты в мышинного цвета куртках сбились вокруг одного, талдычившего в рацию:

— Торчки. Торчки у нас! Торчки, говорю!!

Максимов решил, что сейчас близость с ментами — не помеха. Торчки могли оказаться топтунами на первой стадии психоза. Оживут, с

утробным воем начнут крутить адову карусель, вовлекая в безумие всех вокруг. Вот тогда уже будет не до смеха. Топтуны вытаптывали все живое вокруг. Только кинжальные очереди могли защитить от крутящейся водоворотом толпы.

Он сбросил с плеча рюкзак. Нагнулся, сорвал завязку. Достал бутылку водки. Зубами сорвал пробку. Пахнуло спиртом.

«Молодца, бабка, не обманула!»

Максимов сплюнул прилипшую к губе золотишку. Сделал большой глоток. Водка оказалась жуткой. Но дело свое сдала. Ухнула огнем в желудок, лавой пронеслась по венам и вспыхнула в мозгу, выжигая всю

муть.

– Пей!

Максимов протянул бутылку девушке. Она затрясла головой.

– Пей, кому сказал!

Она осторожно поднесла горлышко к темным губам. Максимов подбил доньшко, заставив водку плеснуться в приоткрытый рот. Девушка закашлялась. На меловый щеках выступил румянец.

– Все, живем! – удовлетворенно вздохнул Максимов. Потрепал девушку, согнувшуюся пополам, по выгнутой спине.

Менты, привлеченные ее хрипами и тихим матом, встрепенулись. Максимов показал им

бутылку. Менты сразу же вспомнили инструкцию. Дружно достали из карманов плоские коробочки аварийных аптечек. Закинули в рты белые шарики. Переглянулись. Одни из командирской сумки выудил фляжку. Отпил сам, передал товарищам. Судя по реакции на выпитое, они решили усилить действие таблеток проверенным народным средством, прочищающим мозги.

Рация неожиданно рявкнула командным голосом:

— Ты, что, не знаешь, что делать?! Исполнить и доложить!!

Над площадью сразу в нескольких местах всплеснулись

вскрики.

Интеллигентного вида гражданин, упирвавшийся руками в забор, в двух шагах от Максимова, вдруг затрясся в судороге. Захрипел и, рухнул на асфальт. Тело продолжало биться в конвульсиях. Гражданин никак не хотел вырубиться.

На трясущейся кисти прыгал стальной браслет.

«Торпедоносцев отключают. Сейчас начнется!»

Торчки были самой невинной психической заразой. Просто стояли в тупом столбняке. Не бесновались, не громили все вокруг, не бились в истерике, не орали благим матом

церковные песнопения. Стояли, по
головы увязнув в тухлом желе
собственного безумия. От первого
парализованного покорностью
эпидемия распространялась
мгновенно, как лучевой импульс
атомной бомбы. Не успеешь глазом
моргнуть, как уже стоит сотня
истуканов. И если не принять
экстренные меры, то через полчаса
вырастет плотная толпа в несколько
тысяч человек.

Страшен был именно полный
паралич воли и чувств. Торчков не
брали ни уговоры, ни удары дубинок,
ни слезоточивый газ.

Сначала против торчков бросали
ментов с дубинками. Но толпу

рассеять не удавалось. Люди просто замертво падали под ударами и продолжали валяться, бессмысленные и жалкие, как сломанные заводные игрушки. Неподвижные тела плотным ковром устилали асфальт, блокируя движение. Кома могла длиться несколько часов, истуканов надо было либо охранять, либо срочно скирдовать в машины.

Подозрение в тайном сговоре и своеобразной акции протеста пришлось сразу же отбросить. Зараза возникала неожиданно, а торчки, придя в себя, оказывались законопослушными серыми личностями, без всякого признака

политической зрелости. Очнувшись, они ничего не помнили, вели себя тихо и покорно, как алкоголик после дебоша.

Методом проб и ошибок, не без подсказки ученых, было найдено средство. Эффективное и универсальное, как укол сульфазина. Очередь в эпицентр. В самую гущу. Туда, где в сером вареве плавала клетка первых обезумевших. От них шла вся зараза. Если успеть вовремя вырезать очередью очаг, то инфекция прекращалась сама собой. Люди, словно проснувшись, начинали двигаться. И тихо расходились по своим делам.

Максимов дернул девушку за

воротник куртки, заставив выпрямиться. Прижал к себе и поволок прочь.

Менты все еще не решили, кому из них лезть на козырек универсама, чтобы очередью провести санацию толпы.

Лица их были хмуры и сосредоточенны, как у мужиков перед барщиной.

* * *

За спиной свинцовым кнутом хлестнула очередь. Трескучее эхо

очереди покатилося по улочке.

Девушка неожиданно уткнулась в грудь Максимову и разрыдалась.

Пришлось остановиться.

— Ну... Мы же целы, правильно? Бог сегодня за нас.

Под его ладонью подрагивали острые лопатки. Словно птица била обрубками крыльев, пытаюсь взлететь.

— Далеко живешь? — Он решил спросить о чем-то более приземленном.

Она, не отрывая лица от его груди, повертела головой. Махнула рукой за спину.

Максимов едва расслышал — “Там”.

– Там, это где?

– На Водном, – невнятно пробормотала она сквозь рыдания.

– А точнее?

Она назвала адрес.

«Приятное совпадение. День сегодня странный. Если точно – хуже некуда».

Он отстранился. Осмотрел девушку с ног до головы.

Ботники с высокими берцами на тонких ногах в черных колготках смотрелись ортопедической обувью. Широкая юбка из байковой ткани в клетку. Утепленная натовская куртка. Трогательно тонкие ключицы проглядывали в ворота растянутого свитера. Фарфоровое лицо. Наголо

бритые волосы. Огромные серые глаза.

И то, что он раньше не успел разглядеть. Трехлистная свастика над правым ухом. Тщательно вытатуированный знак биологической опасности.

В первые годы Катастрофы им клеймили всех женщин, носительниц СПИДа, гепатита и прочей гадости, не поддающейся антибиотикам. Потом клеймо распространили на пораженных радиацией и химией. Последнее время к “прокаженным” добавили тех, у кого выявили генетические отклонения.

Максимов погладил пальцем пушок волос над татуировкой.

– Это правда?

– Нет. Чтобы не приставали.

Честно. Сейчас многие девчонки так делают.

Есть такие глаза, которым нельзя не верить. У нее были именно такие. Не от мира сего.

В клеймо размером с пятак любой псих мог плюнуть пулей или вогнать шило. Власть, не в силах спасти, только клеймила прокаженных женщин, право привести приговор в исполнение предоставляла подданным. Что законопослушные граждане и делали. В истовой святой злобе. Как всегда на Руси мордовали баб, пороли детей и насмерть забивали

скотину.

– Ну ты даешь! Как тебя зовут?

– Марго. – Она замялась. –

Марина, если честно.

– Пошли, провожу.

* * *

Мелкая морось, с утра висевшая в воздухе, неожиданно превратилась в жгуче холодный дождь. Оставшееся под одеждой тепло вырывал резкий ветер.

Они вбежали во двор ее дома.

Марина остановилась, увидев

милицейский уазик у второго подъезда. Три фигуры в хлюпающих на ветру дождевиках замерли на клумбе. Смотрели на выбитые стекла в окне на четвертом этаже.

– Никогда не останавливайся, – прошептал Максимов. И подтолкнул Марину вперед.

Свободная правая рука, словно защищая живот от холода, легла на рукоять пистолета.

Тесно прижавшись друг к другу, пряча лица от струй дождя, они прошли мимо неподвижных фигур. У ног милиционеров лежало изломанное тело. Мужчина лет сорока на вид. На голой спине пузырился дождь.

В жарко натопленном нутре уазика под гитарную сурдинку тянул душу какой-то лагерный бард. Радиостанция “Наше время”.

— Ужас какой, — выдохнула Марина. — Я его зналаю От него жена недавно ушла. Переехала в Домен.

— Отмучался мужик, — обронил Максимов.

«Хуже было бы, если бы он выпал из третьего подъезда. Квартира шестьдесят три», — подумал он.

Марина потянула его за рукав под козырек подъезда. Третьего.

— Зайди. У меня чай есть. Согреешься.

Серые глаза пробежали по его

лицу, словно что-то отыскивая.
Слабая улыбка тронула ее губы.

– Странно. Я тебя не боюсь.

Он решил промолчать.

Марина долго возилась с
раздолбанным замком на стальной
двери.

В подъезде пахло кошками.
Лифт, само собой, не работал.

– Высоко идти? – спросил
Максимов, поправляя рюкзак на
плече.

– На пятый.

Она пошла первой. На
лестничных клетках оглядывалась.
Каждый раз он ощущал кожей лица
прикосновение ее взгляда.

«Шестьдесят первая, – загадал

он. — Пусть она живет в шестьдесят первой. Так не хочется подставляться!»

Предчувствие, почему-то, мочало. Будто смотрел на белый лист бумаги.

Марина свернула в узкий тамбур, заваленный всяким бытовым хламом. Подошла к первой слева двери.

«В сумме будет семерка. Счастливое число».

Пока она открывала дверь, Максимов покосился на квартиру номер шестьдесят три.

«Девятка тоже неплохо. Но сегодня невезучее число».

За дверью под номером

шестьдесят три слышался
сдавленный астматический кашель.

Сосед проявил гражданскую
бдительность и здоровое
любопытство, проконтролировав,
кого притащила молодая соседка.

Максимову до колючек под
ножками захотелось выхватить
пистолет и вогнать пулю в дверной
глазок.

* * *

Ретроспектива

Странник

Побродив по району, Максимов вышел к знаменитой “Луже”. Затхлый пруд на Академической дал имя пивняку, в котором похмелялось, напивалось и просто жило мужское населения Коптево. Сам пивняк представлял собой павильон, смастыренный из стальных щитов. Но питейное заведение “Лужа” включало в себя еще пляж и прилегающие к нему кусты. На бревнышках, строительном мусоре и трухлявых ящиках спитые компании

собирались, как за столиками. Все знали друг друга, были насмерть спаянны декалитрами выпитого, неотданными долгами, пьяными откровениями и беззлобным мордобоем. Круговая порука, своеобразное понятие о чести и подозрительное отношение к чужакам делали “Лужу” идеальным местом для конспиративных встреч.

Полуразвалившийся пивняк, смердя на всю округу положенными ему ароматами, благополучно переживал очередной крутой исторический излом. Единственным темным пятном в памяти его обитателей был недолгий период сухого закона, когда пивняк,

работавший по утрам в режиме реанимации, встречал страждущих человеконенавистнической объявой – "Пива нет и не будет".

Скажите, на кой простому человеку уперлась власть, от которой хлеба не допросишься и пива не дождешься? Короче, скovyрнули, не без помощи тухлых интеллигентов и шахтеров, лысого с его трепотней о "человеческом факторе". Какой ты, на хрен с редькой, политик, если не понимаешь, что мужик свободу внутреннюю только после второго "ерша" в себе ощущать начинает, лелеет ее, отстакана до стакана, плавно поднимая градус, пока не превратиться она, согласно

неведомым законам алкогольной алхимии, в исконно русскую волю. А тогда уж держись! Тут уж можно соседу по морде съездить от полноты чувств, но не до смерти, упаси бог, а потом, обнявшись и жахнув последний на последние, выть на пару от тоски, что вот она была и нету, вся выходит вместе с хмелем, воля-волюшка, и опять ты скотство и рабство свое на себя принимаешь, как грех неведения, и одна тогда отрада добратся до дома, свалиться в забытье, а наутро пусть Господь за все тяжкие пошлет стакашку на опохмел, чтобы под ломоту эту ненароком не удавиться. Вот такой "фактор", мужики, че-ло-ве-ки...

Максимов подождал, пока Юрка, пришедший со стороны Речного, не растворится в пьяном сообществе “лужков”. Перешел через дорогу и вломился в чахлые кусты. Переступил через мужичка в лияной тельняшке, заляпанной желтыми подтеками, устало прикорнувшего на картонке. Счастливец уже не ощущал ни холода, ни сырости, ни вони. Он пребывал в алкогольной Вальгалле, героически пав со стаканом в крючковатых пальцах.

Компания, расположившаяся на двух бревнышках, настороженно уставилась на Максимова. Мужики варганили горячую закуску на

чадающем костерке. Судя по литражу бутылок, банок и кружек, напиться собирались качественно.

— Бог в помощь, славяне! — находу приветствовал их Максимов.

Чистокровных славян в компании было меньше половины. Но все дружно закивали. Заулыбались, выставив плохе зубы.

— И тебе, браток! — подбросил мужик, ковырявший прутиком в углях.

Произнес в меру приветливо, но ровно настолько, чтобы не заманить чужака к столу.

Максимов по тропинке, петлявшей вдоль обрыва, вышел на пляжик. На мокром песке мужики

накрыли с десяток “полян”. Каждая компания пила свое и на соседей пока не бросалась.

«Еще не вечер», – улыбнулся Максимов.

Он с наслаждением вдохнул сырой озерный воздух. Близость воды и леса не могли перебить миазмы загаженных кустов, кислый пивной дух и плотная кисея табачного дыма, висевшая над гомонящей сворой “лужков”.

Подумал, что все, кто пожил на воле, подсознательно тянется к малейшим кусочкам дикой природы, чудом сохранившихся в бетонных катакомбах города.

«Надо быть осторожнее. По

этому признаку можно спалиться по счету раз».

Юрка уже успел отовариться в баре. Вышел из павильончика с двумя литровой фляжкой “Клина”. Осмотрелся и направился к компании “лужков”, облепивших шаткий столик.

Максимов подошел к столику. Встретился с Юркой взглядом. Достал из кармана плоскую фляжку. Юрка, подумав, кивнул.

Компания к их переглядкам отнеслась с равнодушием. Решили, что эти двое скоперировались на “пиво с прицепом”. Ничего необычного. А фляжка крохотная, чтобы делить водку больше, чем на

ДВОИХ.

Они отошли в сторонку, присели на котрочки, как сидят зеки и спецназовцы. По разу отхлебнули из фляги. Поморщились. Пиво и без них разбавили спиртиком.

Максимов вытер губы.

— За тобой “хвост”. Темно-синий “фольксваген”. Работают одной бригадой. Мужик, с меня ростом, плотный, обут в коричневые ботинки. Пацан, выше тебя, худой, чуть сутулиться, при ходьбе загребает правой ногой, в армейских бутсах. В машине был еще кто-то, очевидно, резервный. Разглядеть не мог.

Юрка улыбнулся.

— Еще с ними тетка. Ехала со

мной в автобусе. Тридцать с гаком. Ходит, как утка. Сапоги черные, подошва сплошная.

Максимов удовлетворенно кивнул. Это он научил Юрку запоминать не одежду “наружки”, а манеру ходьбы и обувь. Одежду можно быстро поменять, походку и обувь – гораздо труднее.

– Что скажешь?

Юрка пожал плечами.

– Стремно, конечно. Но...

– Где тебе навесили “хвоста”?

– У явки.

– Вот тебе и “но”.

Юрка отхлебнул из фляги. Прополоскал рот пивом, выплюнул пенной струей.

– Дай водки, Макс.

– Потом. Как было на явке?

Квартира его?

– Да. Подходит, как нож к ножам. Кстати, у Бетховена астма. Или типа того. Сипит и кашляет, почти задыхаясь. С баллончиком постоянно ходит.

– В том же кармане держит стрелялку.

– Возможно.

– Трюк старый.

Максимов прикрыл веки.

Очетливо представил себе перегруженную мебелью квартирку. Плотные гардины на окнах. Затхлый запах болезни. Концентрированный запах менола. Полки с книгами.

Книги стопками на полу. Лежащие в самых неподходящих местах. Кухня, в которой нехотя и неумело готовит хозяин.

Облысевший до неопрятных клочков волос над ушами, крупный пожилой мужчина шаркает по квартире на отекавших ногах. Подолгу неподвижно сидит в кресле. Положив листок бумаги на колено, задумавшись, чертит какие-то одному ему понятные знаки. Никто не знал, откуда он черпает информацию, загруженную в крупную породистую голову. Никто не мог представить, какая адская работа мысли кипела под черепной коробкой.

Бетховен был мифом
незаконных вооруженных
формирований. Считалось, что его
наводки безупречны. Потери
списывали на неизбежный процент
неудачи. В которых никто и никогда
не винил Бетховена. Прямого выхода
на Бетховена не было. Исключение
составляли только “исполнители
приговора”. Только им, и то,
прошедшим сито
контрразведывательного прикрытия,
позволялось войти в личный контакт
с Бетховеном. Приговор Трибунала
только указывал цель. Бетховен
рассчитывал выход на выстрел и пути
отхода.

— Макс, может, мы зря

мандражируем? Мы же не знаем, чей “хвост”!

– Сейчас свинтят, все разом узнаешь, – ровным голосом произнес Максимов, но Юрка замер, как от окрика.

Максимов взял в руку флягу. Выдохнув, сделал глоток.

– Уф, ну и гадость!

Он сунул в губы сигарету. Прикурил.

– Что ты решил, Юрка?

– Я иду в Домен. Ребята у Антона надежные, прикроют, если что.

Максимов выдохнул дым. Покачал головой.

– Вопрос не в том, готов ли ты

достойно принять смерть. Сможешь ли ты погибнуть по-глупому, сознательно подставившись.

Юрка нахмурился.

— Это как?

— Сейчас ты мышонок в мышеловке. А можешь стать косочком сыра.

Максимов придвинулся и быстро зашептал ему на ухо.

Отстранился. Заглянул в зеленые с рыжими крапинками глаза. В Юркиных глазах сначала мелькнуло удивление, потом откровенный страх, потом бесшабашная отвага.

— Ну ты, Макс, даешь!

— Иными словами, я ни чуть не хуже Бетховена. Разница

незначительная: он хочет, чтобы ты сделал все тихой сапой, а я прошу нашуметь по максимуму.- Максимов покатал в губах сигарету. – Выбор за тобой.

Юрка, не медля ни секунды, кивнул.

– Еще раз подумай.

Юрка снова кивнул.

– Сейчас нет ни меня, ни твоих друзей, ни Трибунала. Никого. Ты один. Слушай только себя. Почувствуешь хоть малейшую слабинку, откажись.

Максимов не отпуская взглядом Юркины глаза. Даже тени смертной тоски не увидел.

– Я иду, Макс.

Максимов подождал немного, потом кивнул.

– Пусть так и будет!

Он поставил флягу на землю. Свою фляжку с водкой протянул Юрке.

– Пригодится. До темноты посидишь в лесу. Постарайся не схлестнуться с бомжами. Время зря не трать, потренируй растяжку и баланс. Пригодится. Альпинистскую подготовку не растерял?

Юрка только хмыкнул в ответ.

Максимов встал. Потянулся. Обшарил взглядом окрестности “Лужи”.

– Мужик уже здесь. Пацана не вижу. – Он одернул задрывшуюся

куртку, пряча выглянувшую рукоять пистолета. – Пойди в кустики, типа, отлить. Уходи, не торопясь. “Наружку” я беру на себя. Сделай вид, что ловишь тачку. Ни в коем случае не дергайся. Чтобы не произошло, тебя это больше не касается.

* * *

Оперативная обстановка

Контроль радиопереговоров

Закрытая частота УСГБ по Москве и области

*А. — "База", ответ
"тридцатому"!*

Б. — На приеме!

*А. — У нас ЧП. Нападение на
бригаду. Нахожусь в районе улицы
Большая Академическая. У "Лужи".*

Б. — Конкретнее, что случилось?

*А. — Да ты, бля, слушай, а не
перебивай! Объект вышел из-под
контроля. Ушел в парк
Тимерязьевской академии. Его
прикрывали. Нападавшего не
рассмотрели. Мужик в кожаной
куртке. У нас один "холодный" и
двое "сотых"!*

Б. – Нифига себе!

А. – Преследовать не могу. Двое раненных. И радиатор пробит.

Б. – Принял. Высылаю поддержку и “скорую”. Ждите, “тринадцатый”!

А. – “База”! Поставь в известность заказчика. Пусть вешается, мудила! Все, “база” – конец связи!

** * **

Странник

Разопревшая гречневая каша приняла в себя куски мяса и прозрачный золотистый жир. Из кастрюли пахло настоящей едой. Горячей, плотной и сытной.

— Ничуть не хуже, чем у многодетно-кормящих мамок, а?

Максимов оглянулся.

Марина сидела на угловом диванчике, поджав под себя ноги в толстых шерстяных носках. Не отрываясь, смотрела на распахнутый зев вещмешка.

Он нагнулся, достал пакет с фруктами. Положил ей на колени.

– Ещѣ, не стесняйся.

«Сначала понюхает яблоко», –
подумал Максимов.

Она поднесла яблоко к лицу.
Закрыла глаза. Тонкие ноздри
затрепетали, ловя осенний аромат
яблока.

– Домом пахнет, – тихо сказала
она.

Распахнула глаза. Теперь они у
нее были цвета моря в ненастье.

– Странно. С утра знала, что-то
произойдет. Очень важное. Пошла на
“блоху” раскрутить лоха на жарчку. А
встретила тебя.

Максимов отвернулся к плите.
Помешал ложкой прямо пахнущее
вариво.

– У меня все готово. Тарелки в этом доме водятся?

Чахлые газовые огоньки дрогнули. Пар над кастрюлей отклонило дуновением воздуха.

Марина вышла из кухни. Через секунду в ванной ударила струя воды.

Максимов зябко передернул плечами, представив, как ледяная струя касается кожи. В квартире было ненамного теплее, чем на улице. Влажная одежда не давала уняться ознобу.

Он оглянулся на бутылку водки, стоявшую на столе.

– Тарелки в духовке. Бери кашу и иди сюда! – крикнула Марина из ванной.

Максимов решил сначала посмотреть, куда зовут. Ванные из-за вечной проблемы с горячей водой превратились в сырые склепы, пропахшие приговоренным к стирке тряпками.

Марина лучинкой зажигала свечи. В сколотых бутылках оживали оранжевые светлячки. Вскоре все три стены усеяли крохотные звездочки.

Полумрак окрасился в янтарные цвета. В неярком, колеблющемся свете, Максимов рассмотрел идеально вычищенную ванну и отмытый до блеска кафель “под песчанник”.

Марина опустилась на колени. Повозилась под ванной, сунула лучину в заслонку на плоском

коробе. В черном нутре короба загудел огонь.

Максимов догадался, зачем в ванной гофрированная труба, присоединенная к воздуховоду.

— Ванна по-японски. — Марина подняла лицо. Слабо улыбнулась. — Только попу об дно прижечь можно. Но если полотенце подложить, то не страшно.

— Сама придумала?

— Ага. И смастерила сама. Не могу без воды. Ты же тоже водный знак?

Она отодвинула от стены плетенную корзину для белья.

— Будет вместо стола.

Присела на край ванной.

Погладила на коленях юбку, еще
квелую от дождя.

— Сейчас станет тепло.
Заберемся в воду. И нам будет
хорошо. Ты когда-нибудь купался в
ночном море?

Она посмотрела ему в лицо.
Глаза, показалось, стали еще больше.
В их темной глубине плавали
янтарные искорки.

— Я не из-за еды с тобой. Ты же
понимаешь?

Максимов осторожно провел
пальцами по пушку на ее голове. Она
прильнула к его ладони, как
истосковавшийся по ласке котенок.

Оперативная обстановка

Срочно

Секретно

В 17.44 на КПП “Новопеределкино” при проверке рейсового автобуса № 742, следующий по маршруту “м. Юго-западная – платф. Переделкино” был обнаружен и установлен особо опасный преступник Орехов Антон Борисович, кличка “Филин”, проходит по оперативным учетам категории “А”.

Преступник оказал вооруженное сопротивление наряду милиции, убив трех сотрудников и легко ранив одного.

Совместными действиями нарядов милиции и отряда комендатуры округа преступник блокирован в лесном массиве, примыкающем к ветке железной дороги.

Сотрудникам отделения “Т” УСГБ по Москве и Московский обл. Приказываю срочно прибыть на место происшествия для организации поиска и задержания преступника.

Оперативный дежурный по штабу “Центр”

n/ n-к Скорыхватов

Преторианцы

Дмитрий закрыл глаза, посидел с минуту неподвижно, нервно покусывая губы. Петровский, скосив глаза, следил, как медленно белеют пальца начальника, мертвой хваткой вцепившиеся в край стола, а тот все давил и давил, пока нервная дрожь не пробежала от пальцев к плечам и на высоком с ранними залысинами лбу не забилась синяя вьющаяся жилка.

— Ух! — Дмитрий резко сдернул пальцы со стола и шлепнул кулаком о левую ладонь. Глаза нехорошо блеснули, на губах заплясала хищная

ухмылка. Он подмигнул Петровскому, тот почему-то сразу почувствовал неладное, и снял трубку:

— Рожухин говорит! Срочно группу... А вот это меня не чешет ни разу! Так... Ты мне еще на толчке начни советы давать, урод маломерный! Ну-ка передай трубку старшему. Привет, Рожухин беспокоит. Здорово, Семен! Твоими молитвами. Мне срочно нужна группа захвата. Вот и хорошо, что в курсе. И у меня все на облавах! Семен, ты меня знаешь, если надо, я кадык у любого вырву, но своего добьюсь. Почем, пугаю? Тебя на испуг брать бестолку. Не бойся, не обижу. Ящик много, а стакан всегда

налью... Все, договорились! Готовность – десять минут. Нет, вряд ли что-то серьезное. Одного кадра надо затравить. Пока!

Он бросил трубку и уже без улыбки посмотрел на Седого; тот против своей воли, как собака в ожидании удара, вжал голову в плечи.

– Дим, я пас. Мне еще Губану манускрипт ваять, – подал голос со своего места Басов.

– Седой, собирайся, поедешь на захват.

– Дмитрий, на кой я там сдался? – взмолился Петровский. – Есть же молодняк!

– Не юродствуй, Седой! Собирайся, люди ждут. А молодняк с

утра уже ноги по самые яйца стер по городу носиться, пока ты язву свою неизвестно где грел. Все! – Дмитрий отвернулся к Басову. – Бас, хватит филонить, шефу кровь из носа нужна справка. В сортире, видно, читать больше нечего. Короче, похерь все, сиди и пиши. Прямо сейчас!

– Машинистку дашь или опять самому пальцем тыкать? – без всякого энтузиазма отозвался Басов.

– Понял – не дурак. – Дмитрий кивнул. – Я сейчас к Губану забегу, заодно попрошу на время его свистульку. За час чтобы настрогали бумаженцию.

– Да эта коза еще медленнее меня печатает!

— А я тут причем? Как говорит Губан, идеальных работников не бывает. — Дмитрий отпер сейф, выбрал папку из стопки. Через весь кабинет ловко бросил на стол Басову. — Мы в мае нечто подобное уже ваяли. Просто перепечатайте. Ну и добавь каких-нибудь новых данных. Из, блин, оперативной практики героических органов ГСБ. Короче, не мне тебя учить.

Седой выгреб из шкафа, где хранили для таких случаев всякое старье, выдавший виды бушлат, неопределенного размера и окраски свитер, засунул руку между разномастными, в бурых пятнах засохшей глины, ботинками, с трудом

вытащил армейскую шапку без кокарды и, свалив все это на пол, повернувшись спиной к начальнику, стал стягивать рубашку.

Злоба клешней сдавила горло, он не удержался и бросил через плечо:

— А нет желания, Дмитрий Алексеевич, личным присутствием обеспечить успех операции? У нас это любят.

— Генералы старые такое любят, а я нет. — Дмитрий перекатил из одного угла рта в другой незажженную сигарету; он с интересом разглядывал сутулую, с выпирающими позвонками спину Седого, с дряблой, по-бабьи белой кожей, усыпанной крупным горохом

родинок. — Для меня это эпизод, а для них — событие мирового масштаба. Ты, кстати, не каркай! Если сейчас Губану нашему шлея под хвост попадет, вспомнит молодость, вот тогда точно развернут бои средней интенсивности.

— Почему бы и нет?

Он повернулся к Дмитрию и наткнулся на пристальный холодный взгляд.

— Не-а. Мелкота. — Рожухин опустил глаза, расслабил заострившееся было лицо и замедленным, — Седой чутко уловил наигранное спокойствие, — плавным движением поднес спичку к сигарете.

– Это Филин-то мелкота? Зачем в таком разе ему литер “А” присвоили?

– Чтобы было за что орденюк на грудак получить.

Седой повернулся к сейфу и достал пистолет.

Пальцы жадно обхватили рукоятку. – «Эх, вклепить бы тебе между ушей! У, гад! Раньше "позвоночники" сидели и не лезли в дела, по звонку придешь – по звонку и уйдешь, а этот хвост распустил, стратег хренов. Ладно, не таких палили!»

– Долго ты еще там торчать будешь? – Дмитрий оглядел наряд Седого и добавил:

– Боец невидимого фронта!

Седой молча запахнул бушлат, сдвинул на затылок шапку, смел со стола бумаги, небрежно сунул их в верхний ящик стола и закрыл на ключ.

– погоди. – Дмитрий подошел вплотную, развернул Петровского к себе лицом, мягко и обаятельно, как он умел, когда была нужда, улыбнулся. – Ты не пори горячку, старый. Сам же видишь, людей нет. Плевое дело, салагу недострелянного взять! Через часок назад будешь. Ты там только проконтролируй, чтобы они его сгоряча не доби́ли. У них ума хватит. Для того и едешь.

– Все я понимаю, – вздохнул

Петровский. – И какого хрена он из города рванул? Облав, что ли, испугался?

– Вот привезешь клиента, мы него все вежливо и спросим. – Дмитрий похлопал его по плечу. – Не ссы, Седой, прорвемся! Ты его только сюда живым привези, остальное состряпаем.

– Извини, устал я. Пойду! Пару дней отоспаться дашь?

– О чем речь! От меня будет зависеть – дам. Иди.

Он легонько подтолкнул Седого к дверям. Вернулся к столу, взял только что дописанный Басовым листок черновика, сделал вид, что читает.

«Он что-то знает, или мне показалось? Связи у него по всем управлениям, низовка, конечно, но информашку имеет. Сам что-то пронюхал, или играют? Ох, не вовремя! Просто полоса невезения какая-то. Мужик он безвольный, трусоват малеха, таким он мне и нужен. Но ведь могли сыграть на ущемленном самолюбии. Или разнюхал и побежал стучать? Вероятнее второе. Как знать, как знать. На стукача больше Басов смахивает, у него и амбиций побольше, да и расти требуется. Двое? Двое — уже перебор. Двое — значит, тебя обложили, братец! Только так это следует понимать.

Может уже время пришло? Надо все взвесить. Знак тревожный, слов нет. Пешечка может стать ферзем. Причем в твоём тылу. Ох, не зря же со вчерашнего вечера все идет через пень колоду!»

Дмитрий пробежал глазами по стенду с фотороботами “розыскников”. Машинально отметил, что одной карточки не хватает.

Басов отвлек его, протянув исписанный лист.

— Зацени, шеф.

Дмитрий наискосок пробежал взглядом по строчкам.

— Вот здесь. — Он царапнул ногтем по бумаге. — Сделай вставку и

напиши о "странниках". Не стесняйся, пиши, как есть. Пусть почитают, как мы в футбол на минном поле играем.

* * *

Оперативная обстановка

Секретно

экз. N 2

Аналитическая записка

(фрагмент)

Для проверки информации
агента " Лось" и организации
агентурной работы по
бандформированиям
террористической организации
"Меч" нами был подготовлен и
внедрен в преступную среду
сотрудник нашего отдела капитан
Угольников С.Д.

Собранная им информация
заставляет предполагать, что под
прикрытием разрозненных и плохо
организованных террористических
группировок, действующих на
территории РФ и некоторых стран
СНГ, активно функционирует

хорошо законспирированная организация, с жесткой внутренней дисциплиной, с собственной идеологией, т.н. "Кодексом Воина", объединяющая под единым руководством группы высокопрофессиональных боевиков.

...Основу отряда составляют группы из пяти либо трех боевиков. Группы способны самостоятельно осуществлять диверсионно-террористические акты, проводить разведывательную и агентурную работу. Для осуществления масштабных террористических акций группы собираются по принципу "три плюс три" или "пять плюс пять", при этом максимальная

численность бандформирования не превышает 45 человек. В таком составе, исходя из вооруженности и подготовки, отряд способен навязать боевые действия численно превосходящим подразделениям ЧОН и Президентской гвардии, захватить и вывести из строя, а при необходимости оборонять крупный объект, н.п. технологический комплекс, транспортный узел, населенный пункт районного значения, отдельные здания и учреждения государственных органов в крупных городах.

...Командиры отрядов и групп постоянно ведут идеологическую обработку членов

бандформирований, руководят боевой и тактической подготовкой. Члены организации "Меч" владеют навыками конспирации, осведомлены о формах и методах работы органов МВД и ГСБ.

...Отряд имеет фиксированный "район ответственности", на котором организует и проводит диверсионно-террористическую работу. Жесткой привязанности к конкретному населенному пункту, либо оборудованной базе нет. В зависимости от стоящей задачи, командир отряда извещает потребное количество боевиков, с учетом их специализации. Группы конспиративно выдвигаются к месту

сбора, где до них доводится задача, при необходимости организуются тренировки и рекогносцировка. Как правило, в целях конспирации сигнал на сбор дают нескольким "пятеркам", но в акции принимает участие лишь одна.

...Связь, контрразведывательную работу, "доводку" боевиков в избранной специализации осуществляют т.н. "странники". По нашим данным, "странники" являются связующей нитью между отрядами и глубоко законспирированным руководством организации. По сообщению агента "Лось", они входят "во внутренний круг", что, с учетом идеологической

и организационной доктриной организации, заимствованной у средневековых рыцарских орденов, говорит о их принадлежности к высшему уровню руководства организацией.

...На основе собранной информации нами был разработан план оперативно-войсковой операции "Капкан", осуществленной Центром специальных операций...

*13 октября Подпись: майор
Басов*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Странник

Максимов спал чутким сном сторожевого пса, малейший шорох или прикосновение — и он моментально выныривал из сна. Тело оставалось расслабленным, глаза закрытыми, но отточенным за годы непрекращающегося г о н а чутьем он ощупывал темноту, при первом же признаке опасности, и тело превращалось в сорвавшуюся

пружину, сметающую все на своем пути.

Но опасности не было, просто тепло успевшего стать родным тела просто невесомая нежность ее ладони на его груди. Тогда он осторожно целовал ее в ложбинку под тонкой ключицей и засыпал, мысленно проклиная свое неумение жить нормальной человеческой жизнью.

«Это, наверное, жутко, ощущать сквозь сон, как близко, почти вплотную к сжавшемуся в теплый комок телу подступил холодный и равнодушно-беспоощадный мир. Одиночество слабых, кто, кроме них самих, знает ему цену? Сколько раз

дано вынести ужас холодной пустоты под рукой, когда ни коснуться, ни вцепиться, ни уткнуться лицом... Сколько раз дано пройти через это, пока не заледенеешь изнутри и не перестанешь ощущать боль? Легче мне или труднее, черт его знает, даже не сравнишь, но я привык и умею быть один. Одиночество, может быть, и есть высшая форма свободы.

А может, ты хитришь? Тебе так легче свыкнуться с потерями, помнить о каждом, но не беречь себя воспоминаниями... Выходит, не свобода это, а способ существования. Способ достойно и до конца сделать свое дело. И уйти, заплатив за все сполна. Только платить приходится

привязанностями, дружбой и любовью.

Сколько же можно тащить на себе это бремя потерь и нерастраченной нежности? Рано или поздно пристрелят, куда уйдет то, что сейчас берedit меня изнутри? Может быть, в другой жизни, в другое время мне будет дано искупить грех нелюбви, и я смогу отдать людям то, что не смог отдать в этой жизни. Там не придется мерить дружбу готовностью пойти на верную смерть, там любовь к женщине не сделает слабым.

Только там не должно быть г о н а, засад, изматывающих бросков через замерший под дождем лес,

ночевок на стылой земле и жгучей ярости рукопашной схватки. Пусть люди там не делят себя на своих и врагов, нет страшнее и беспощадней границы, только пули снуют через нее. Только пули и предатели. Смерть и нежить.

А если и там, в сказочном мире, случится такое, я знаю точно, когда-нибудь я проснусь среди ночи и вспомню себя сегодняшнего. И все начнется сначала...»

Преторианцы

Справа тянулась китайская стена высоток Новопеределкино, слева грязным, комковатым полотнищем раскинулось поле. Лес за полем, клином подобравшийся к ветке железной дороги, смотрелся сплошной, густо-темной массой.

Петровский покосился на верзилу за рулем, тот поймал его взгляд и хохотнул:

– Что, Седой, непруха, а? Быва-а-ет! Направо пойдешь – в “гарлем” попадешь, налево пойдешь – ногу свернешь, прямо – вообще, ну его нафиг.

Машину тряхнуло на выбоине.

— Черт! — Петровский ухватился за ручку, едва не ударившись лбом об стекло.

— Бывает и хуже, но реже, — тут же прокомментировал верзила.

Петровский не нашел в себе сил откликнуться на шутку. Всю дорогу верзила веселил сам себя и пытался растормошить хмурого пассажира. Сначала он черпал вдохновение в неказистой одежке опера. Потом, видимо сообразив, что ему, одетому в добротный спецназовский комбез, трудно рассчитывать на взаимность. Стал выискивать повод для шуток за окном.

Командира группы захвата

Петровский про себя окрестил “Орангутангом с гранатой”, шуточки у верзилы соответствовали внешности.

Машину опять тряхнуло. Резкая боль через позвоночник ударила прямо в мозг.

– Твою мать... Суки-комендаши, упустили из-под носа! – Петровский уже не знал, на ком сорвать злобу.

– Во-во! Его гасить надо было по счету раз. Клиент по литеру “А” проходит, а они сопли жевали. Кста, кто сказал, что он живой нужен?

– Начальство.

– Твое?

– “Центр”. Не разобрались, спустили указивку. А нам отдуваться.

Верзила тяжело вздохнул.

— Как говорится, все шло путем, пока не вмешался Генштаб.

— Ты уже надумал, как его брать будем?

— А что мне думать? Вон, лошадь пускай думает, у нее голова — во! — Он на секунду оторвал руки от руля, показав предполагаемые размеры лошадиной головы. — Может, и нету там его, а? Он же к “железке” рвался. Вот и тю-тю литерной скоростью на первом же товарняке. Как мысль?

— Оптимист, бя, — поморщился Седой.

Верзила щелкнул танкетой рации, в полутемной кабине ярко

вспыхнул малиновый огонек.

— Центральный, ответь
"Рамзесу".

— "Рамзес", на приеме
Центральный, — прохрипела рация.

— "Полста пять". Подтвердите.
Прием.

— Подтверждаю "полста пять".
"Рамзай", "Рамзай", для вас
информация. Выход из леса, квадрат
двадцать два — одиннадцать, "по
улитке" — шесть, квадрат двадцать два
— двенадцать, "по улитке" — тройка,
перекрыты заслонами силами
комендантской роты соседней в\ч.
Работают на частоте 442, позывной
"первого" — "Шмель". Организуйте
взаимодействие. Как понял, прием?

– Позаботились, спасибо! –
Верзила шлепнул микрофоном по
колену. – Нет, ты видал, а? –
обратился он к Петровскому. – Здесь
в округе кроме стройбата с лопатами
не фигу нет! Ну, сейчас будет делов!
Сейчас навоюемся!

– “Рамзес”, прием! – позвала
рация.

Верзила вновь поднес микрофон
к губам.

– Да на приеме я! Чем еще
обрадуешь?

– Больше для вас ничего не
имею. Конец связи!

Верзила отшвырнул микрофон
на “торпеду”. Распахнул на колене
планшетку.

– Идиоты, блин! – простонал он.

– Что? – насторожился

Петровский.

– Через плечо! Они ему, козлы, в Переделкино уйти не дали.

– А в поселке разве было бы легче?

– Там было бы иначе.

Петровский посмотрел из-за его плеча на лес.

Хмарь, слякоть, а главное – ни черта не видно вокруг. Он, выросший в городе, всегда испытывал инстинктивный страх перед чуждым лесным миром. Меньше всего сейчас хотелось идти туда, в темноту, наполненную скрытой незнакомой жизнью, да еще с возможностью

получить пулю из-под каждого куста.

Бронированный “ЗИЛ”, вспугнув ревуном блок-пост, перевалил через переезд. Охрана, увидев эмблему спецназа ГСБ на капоте и по бортам, не стала высовываться из-за бетонных плит.

У моста через речушку верзила остановил “ЗИЛ”. Кулаком грохнул по стенке фургона.

– Подъем, кишкомоты! Хорош массу давить! К машине!!

За перегородкой слышалась возня и тихая ругань. Верзила вытащил из фиксатора на задней стенке автомат, распахнул дверь и выпрыгнул наружу.

Петровский выбрался на

промозглый ветер. Зябко поднял воротник бушлата.

По правую руку чернел срез холма, густо утыканный надгробьями. Впереди чернели остовы разгромленных писательских дач.

«Ну и местечко!»

Он подошел к перилам моста, сплюнув в черную воду.

Сзади горохом поспались удары тяжелых бутсов об асфальт.

Петровский смотрел на рослых парней в темных пятнистых комбинезонах. Они разминали ноги, тянулись сильными молодыми телами. Близкая опасность, казалось, только возбуждала их, кто-то что-то

сказал вполголоса, и тут же остальные ответили дружным приглушенным смехом. Он поежился и еще выше задрал воротник бушлата.

— О, бя, рты раззявили! Даю минуту покурить, отлить, заправиться. И хорош лясы точит, Пеликан. — Верзила растолкал сгрудившихся вокруг него людей и подошел к Петровскому.

— Не везет, так не везет от начала и до конца! Гнилое дело, сердцем чую. А ну их! — Он полез в карман за сигаретой. — Хорошая работа начинается после хорошего перекура.

Петровский прикурил от протянутой спички, покосился на верзилу и, придав голосу

необходимую твердость, почему-то решил, что тот должен лучше реагировать на "командирский" тон, резко бросил:

— Тянем время, капитан! Выводи людей на рубеж, будем брать, пока не стемнело. Предупреждаю, огонь открывать только в крайнем случае!

Верзила лихорадочно пускал дым, разглядывая темную полосу железнодорожной насыпи, стараний Петровского не оценил, даже не пошевелился.

— Ты меня понял? Выводи людей! И вбей себе в башку...

Верзила с неимоверной для своих габаритов резкость, — Петровский только успел дрогнуть, —

сгреб его за грудки, так что хрустнуло в спине, пахнул в лицо табачным перегаром:

– Это я твою седую башку в землю вобью! По самые пятки, ясно?! Своими людьми командую я, ясно?! – Он оттолкнул Петровского. – Сиди и не выеживайся, командир гребаный!

Он злобно пыхнул сигаретой.

– Завалишь дело, я рапорт напишу, запомни! – просипел Петровский.

– Да пошел ты! Рапорт он накатает. На меня уже три тома "телег" накатали, а как такое задержание – я первый. Иди, Василь, рви задницу, спасай Родину! – Он

выбросил сигарету в воду. – Извини, нервы. Третий выезд за день. И все со стрельбой.

Верзила вздохнул, как заезженная лошадь.

– Василий, мне он живым нужен. Кровь из носу.

– Кровь уже пустили без тебя! Я сейчас типа взаимодействия с комендашами организовал. Они обрадовали: кажись, подстрелили они его.

– Насмерть?

– Твоими устами... Зацепили слегка. До леса дошкондыбал. – Василий закрыл глаза. – Не мешай. Чую я его, чую... Он умирать решил. Причем, с боем. Эх, плохо наше дело,

башка седая!

— Что-то я тебя не пойму, Василий?

— А что тут, Седой, понимать? — пробормотал Василий, не открывая глаз. — Сидит сейчас твой клиент под кусточком и ждет. Бить будет на любой шорох. А за лесом нас ждут обмочившиеся от страха бойцы, они, может быть, после присяги второй раз в руки автомат взяли. Шмалять будут по всему, что шуршит и дышит. Вот тебе и обстановка. Из лесу нам выходить нельзя — свои окучат. В лесу по такой темноте лазить — смерть искать. Первый выстрел его, сам понимаешь.

Он проморгался, вытер комок в

уголке глаза.

— Как клиента кличут?

— Антон Орехов, кличка “Филин”.

— Значит, глазастый. Или в темноте отлично видит. Иначе бы не прилепили такое погоняло. Что особо опасный, не фуфло?

— Если честно, нет. Молодой, но уже матерый.

Василий хищно прищурился.

— Так значит!

— А прибор? — встрепенулся Петровский. — Как его... “Курсор”! У вас же должен быть радар.

— Знаешь, куда его засунь! У него сейчас очко лучше любого прибора. Вот я и говорю, давай подождем.

Неизвестно, куда ему дырок понаделали. Может через часок сам дуба даст, а? Подберем, как родного, без шума и пыли.

— Нет. Извини, не могу. Чем раньше возьмем, тем лучше. Мне в управление срочно вернуться надо. Там такие дела...

— Вот житуха, а! — Василь цыкнул сквозь зубы тонкой струйкой слюны. — Вечно с вами проблема. Нарешаете у себя в кабинете, а мы пыхти. Хрен с тобой! Попробуем его поднять. Но учти, на выстрел мы его выманит, а там уж извини, что останется, если останется, можешь брать себе. А людей я губить не дам. У твоего придурка ума хватит

подорвать всех гранатой. Так что силового задержания не будет, я так решил! Категория “А” – имею право ликвидировать при обнаружении. Все!

– Откуда знаешь, что у него граната есть?

– Вот пойдешь и проверишь, – огрызнулся верзила. – Идешь с нами, понесешь тарабайку типа “Курсор”. Будет что в рапорте отразить.

Он развернулся, рывкнул на своих:

– Але, гараж! Я кому сказал, зубы попрятать?! Хватит ржать, как конь Буденного.

Бойцы сразу же присмирели.

– Вот и вся моя армия, видишь?

Пятнадцать лбов. На весь лес. Я тебе все сказал, повторять не буду.

– Слушай, куда я в ботинках, а? – Петровский еле доставал до его крутой, как бочка, груди. – Без меня не затравите?

– Раньше думать надо, не к бабам шел. – Василь оглянулся на своих людей и тихо, будто сам себе, прошептал:

– Надоело. Рвешь задницу на фашистский знак, а на тебя баллоны всякие крысы кабинетные катят. Для особых гнид у меня с собой пистолет бесхозный. Пулю могу списать на того парня. Вот такая хренотень получается.

Седой съежился.

«Псих! Давно крыша поехала. Еще бы, каждый день руки по локоть в крови! А нашим плевать, может, им и надо такого. Какой нормальный в лес под пулю пойдет? Господи, ну и попал!»

Что-то кольнуло под сердцем, и он ясно, до смертной тоски, ощутил свою обреченность...

* * *

Антон замер, прислушиваясь к темноте. Слева и справа опять возник этот звук — едва слышно

чавкала земля под ногами. Он кружил по лесу уже больше часа, но как не отрывался, через некоторое время звуки опять возникали с двух сторон. Кто-то уверено и настойчиво, разойдясь "вилкой", выжимал его из леса. Иногда казалось, что преследователи отлично видят в темноте. Или нюхом чуют след.

Он упал на колени, зачерпнул воды из тускло отсвечивающей лужи, протер горящее лицо. Вода пахла размокшими листьями и замершей землей.

«Сейчас отдохну. Только пару секунд. Качественно гонят, суки. Ведут по прибору, сразу ясно. Из лесу выходить не буду, подстрелят,

как зайца. Лучше уж здесь...».

Он закрыл глаза. Так были лучше слышны приближающиеся шаги. Совсем близко.

Уже сколько ночей, едва погрузившись в забытие, он слышал эти неумолимо приближающиеся шаги. Кто-то безликий и многоногий, похрустывая сырыми ветками, жадно чавкая липкими палыми листьями, крался сквозь темноту, подбираясь на бросок, а он лежал, беспомощно скребя сырую землю бессильными руками. Перебитые ноги отказывались слушаться и лишь стреляли на каждое усилие огненными всплохами боли. Автомат был рядом, пальцы уже касались его

вороненого холода, но не было сил подтянуть, навалиться грудью, вдавив в себя ствол, ощутить последнюю острую боль, а дальше – тьма...

Он знал, такие сны – это предел. Из-за этой грани еще никто не возвращался. Стоило лишь раз замереть на ее краю, ощутив неумолимый зов пустоты, и ты сам подгадывал свою смерть, каждым шагом, каждой мыслью ты вел себя к краю. Оставалось только выбрать место. Последний сознательный акт, последняя возможность самому доделать судьбу, не дать нелепой случайности размазать тебя у самого порога, перешагнуть через него, как жил, с в о б о д н ы м.

Пытка бессонницей не могла быть бесконечной. Рано или поздно он бы сломался, став опасным для своих и легкой добычей для э т и х.

Он сам все подгадал. Что стоило выйти за две остановки до КПП и пешком пройти ветке железной дороги? Дождался бы первого товарняка, рывком по насыпи, набрать скорость, вцепиться в стальную дужку и, подгадав момент, забросить тело на тормозную площадку вагона. И прощай, Москва!

«Для того и нарвался, – ответил он сам себе. – Для того, чтобы наяву услышать эти чавкающие шаги. Для того, чтобы уйти, пока еще не поздно! Юрка спалился... А я

сломался. Таким мне лучше не жить».

Через поляну он перебежал уже не таясь, сознательно старясь побольше нашуметь. Э т и должны были осмелеть для броска, тогда уже будет поздно отступать.

О н и моментально изменили направление. Редкий хруст веток и мерное чавканье земли шли точно к поляне.

«Вот и все! — облегченно подумал Антон. Достал оба пистолета, вытянул руки вдоль тела и прижался спиной к мокрому, пахучему от дождя сосновому стволу. Заставил себя расслабиться, закрыл глаза и стал ждать. Откуда-то сверху

на плечи падали тяжелые крупные капли. Ладони покалывало от приятной тяжести нагретого телом металла. — Вот и все... Осталось совсем чуть-чуть».

Преторианцы

Василий положил руку на плечо Седому и тихо шепнул:

– Приехали! Слыхал, стреканул, как заяц, спекся!

Петровский, борясь с отвращением, сквозь табачный перегар у Василия явственно проступил спиртовой, бойцы дружно приняли по сто грамм перед выходом, шепнул в ответ:

– Тридцать метров ровно.

Он ткнул в темный дисплей прибора, на котором в сплетении изумрудных нитей ярко горела фосфорная точка.

– А толку? Темно, как у негра в жопе.

– Очки ночного видения, – подсказал Петровский.

– Он, гад, за дерево встал, хоть рентгеном свети, не достанешь.

– За какое?

– А хрен его знает. – Василий присел на корточки, втянул воздух толстым перебитым носом. – Здесь он, чую.

– Цель не движется, – шепнул Седой.

– Не суйся, башка седая. – Он дернул Седого за рукав, заставив сесть рядом. Глаза азартно заблестели. – Сейчас мы его, родненького, делать будем. Есть

желание, доставай пукалку, пошмаляешь с нами.

— Может, голос подать?

Прикажем сдаться...

— А вот хрен ты угадал! Подашь голос, рапорт писать не кому будет, понял? Вишь, притаился, чмо болотное. Ждет. Я же говорил, его выстрел — первый. Как у Пушкина, бя!

— Черт с ним, давай шквальным огнем! — Азарт верзилы невольно передался Седому, только сейчас он понял какой кайф испытывал Дмитрий в командировках.

— Усохни! Хрен ты угадал. Две его гранаты — и наши кишки по соснам. Приготовься!

Он поднял автомат. Свободной рукой выписал над головой восьмерку, махнул рукой вправо и влево, погрозив кому-то сжатым кулаком размером с пивную кружку.

Седой пошевелил озябшими пальцами ног, в ботинках давно хлюпало, сбившиеся носки до боли натерли пятки. Хотя он почти ничего не видел в темноте, достал пистолет и снял с предохранителя.

— От это я понимаю! — В глазах верзилы вспыхнул сумасшедший огонек. — Хрен ты угадал. А ты — рапорт!

Вся поляна была у него под обстрелом. Он засек движение прямо по центру, там, где чернел куст. Потом хрустнула ветка справа. Слева подошли еще двое.

«Надо начинать. Пока не подобрались остальные. Будет больше суматохи. — Антон погладил палец о спусковой крючок пистолета — Та-ак. Две в центр, две — влево, выстрелит справа — две на вспышку. — Он еще раз наметил ориентиры и вытянул руки перед собой. Они абсолютно не дрожали, чему он сам удивился. — Раз-два, понеслась!»

* * *

Преторианцы

Первый выстрел всегда громче других. Седой от неожиданности подпрыгнул и толкнул под локоть успевшего вскинуть автомат Василия.

Василий дернул стволом, очередь ушла косо вверх, сквозь грохот автомата Седой не услышал второго выстрела.

Пуля прошла его насквозь, он завалился на Василия, потянул его к земле. Тот дернулся, стряхивая с себя цепляющиеся за одежду пальцы. Тупой удар в левое плечо опрокинул Василия на землю, спину свело тупой болью, он вцепился зубами в

бушлат лежащего под ним Седого, заглушая рвущийся изнутри крик...

* * *

По характерному «швак», с которым пуля входит в тело, Антон понял — попал. И насмерть. Ни вскрика, ни стона. Только грузный удар о землю.

Быстро выстрелил вправо, по пуле из каждого ствола. Успел развернуться и послать пулю влево, откуда полетели яркие светлячки трассера. Очередь ударила в ствол,

разлетевшись ослепительными
цветными брызгами, точно указав
цель, и сразу же в нескольких местах
по черной кайме поляны зарябили
ярко-красные всплохи.

Он успел трижды выстрелить по
вспышкам, отпрыгнув к соседнему
дереву, когда хрустнуло под коленом
и глаза залило красное марево. Он
задохнулся от боли и упал лицом в
мокрую кашу палой листвы.

Яркая вспышка трассеров
вспорола землю прямо перед
глазами.

Рефлекторно перекатился. До
крови закусил губу. Ослепленный и
контуженный болью он помнил
только одно: надо нащупать гранату

на ремне и непослушными пальцами сорвать чеку...

О н и слышали крик и засекли, куда уперлась прерывистая нить трассера, и теперь посылали со всех сторон одну очередь за другой, прекрасно зная, что уже все, что уже кромсают мертвое тело...

Преторианцы

Кто-то сноровисто бинтовал ему плечо, но все равно Василий дергал от боли белым, как мел, лицом.

— Писец, командир! Покрамсали в лапшу. Не фигу даже смотреть. С собой возьмем?

— Что?! — Василий вскинул голову и бешено сверкнул глазами на стоящего над ним Пеликана. — Шашлык, из него делать?! Если фотик работает, щелкни для истории — и все!

— Что — все? — огрызнулся Пеликан. — Там куча дерьма лежит, и все!

– Вот ее и щелкни! – Василий слегка толкнул локтем бинтовавшего – Бля, да хватит тебе душу мотать! Кончать быстрее!

– Все пучком, командир! – осклабился боец. – Не будь бронника, да на два пальца пониже... Але-улю, привет семье!

– Знаешь куда свои два пальца засунь! Покаркай еще, Айболит недоделанный. – Он с трудом встал. – Что стоишь, Пеликан, или не ясно сказал?

– Гостинчик от покойника. – Пеликан протянул еще теплую гранату. – С намеком от личного состава вверенного вам подразделения. Народ требует шухер.

Василий сплюнул под ноги.

— Опять? Как вы меня задолбали!

— Стукачей нет, командир. И вони меньше. Если что, народ подтвердит, покойный сам себя подорвал. Нафига нам лишние проблемы? Опять начнут тебя сношать за срыв задержания.

— Ох, бя, подведешь ты меня под монастырь своими заботами. Последний раз, Пеликан! И не скалься ты, клоун беззработный!!

— Это я от радости, что вижу вас в полной здравии.

— Нет, ты точно до дембеля не доживешь!

— Ну что париться, кэп? Без

свидетелей, все свои. — Пеликан кивнул на лежащего у их ног Седого.

— Ладно, лепи горбатого. Пошмаляйте у кого чем осталось и подорвите сучонка. Пехота наверняка услышит. Вот тебе и свидетель. Да, ствол его на всякий случай подбери. И рюкзачок, если цел.

— Ага. — Пеликан перебросил гранату из руки в руку.

— Не "ага", бля, а так точно. Совсем оборзели! — Василь поморщился, пошевелив плечами. — Ой, мама родная, роди меня обратно. Как бревном по руке офигачил, паразит. Хрен ты угадал, собака бешеная. Айболит!

— А?

– На! Кого еще зацепило?

– Гаврилу в ногу, Леща по башке царапнуло. Оба легко.

– Лещу, козлу, каску с рогами, как у фрица, куплю.

– Не надо, – хохотнул Айболит, складывая свое медицинское хозяйство в подсумок. – От той башки даже снаряды рикошетят! Лучше Гавриле сапоги стальные.

– С этим что? – Василий стволом указал на Седого.

Петровский лежал, как спит уставший человек, подогнув ступни вовнутрь, над воротником бушлата торчал клок седых волос, с правой ноги слетел ботинок, и сквозь дыру в носке белела шершавая пятка.

– Холодный. Хорошо и надолго.

– Айболит тюкнул пальцем в лоб. – Сюда. И раскрошила затылок.

– На себе-то, сынок не показывай!

Василь презрительно сплюнул. Он не любил доходяг и кабинетных крыс. В седом опере было и то, и другое. Теперь уже ничего не осталось. Только изношенное и продырявленное тело.

По лесу застрекотали ленивые очереди, потом надсадно ухнул взрыв, сбив с веток поток холодных капель.

Ударная волна тронула колокол в часовне у кладбища.

В серых сумерках поплыл

долгий протяжный стон.

ГЛАВА ТРИНАЦАТАЯ

Преторианцы

В скверике сырой ветер остервенело гонял мокрые листья. Мелкая морось обволакивала голые черные ветки и срывалась вниз тяжелыми каплями. Казалось, темнота, сгустившаяся у земли, наполнена возней серых жадных зверьков, барабнящих по упругому слою сбитой листвы розовыми безволосыми лапками.

Где-то недалеко был открыт канализационный люк; оглушительно воняло тухлыми яйцами и жженой пластмассой. Вкупе с застоялым смогом запах был с трудом переносим.

Дмитрий выдохнул, выталкивая из ноздрей липкую пробку запахов, уткнул нос в воротник плаща.

После прокуренного тепла кабинета и спертой духоты метров промозглый ветер казался изощренной пыткой. Тело тряс мелкий противный озноб.

«К гребаной маме такие явки, — зло подумал он. — Пора переходить на зимний вариант. В кабаках воняет не лучше, зато не так холодно. Так же

можно все себе отморозить!»

На детской площадке, вернее, том, что от нее осталось, уцелела лишь одна скамейка. Больше сидеть было не на чем. Дмитрий вычистил подошвы ботинок о край скамейки. Полез в карман за сигаретами. Мельком взглянул на часы. Агент опаздывал на десять минут.

Дмитрий ненавидел людей, не умеющих ценить время. Как свое, так и чужое.

«Паразиты! Ну почему нужно подцепить СПИД, чтобы осознать, что тебе отпущена вовсе не вечность, а сторого отмеренное количество секунд? На смертном одре, смердя дерьмом, слезлизво считают

секундочки! Миллиарды секунд по ветру пустили, а за последнюю цепляются. Твари... Все свое прохерят, проспят, протрепят, а потом сосут у других. Вампиры и паразиты! Кругом одни вампиры и паразиты. Только дай им шанс, высосут все: и силы, и время, и средства».

Давным-давно, когда он только начинал д е л а т ь себя для будущей работы, один седовласый мастер ремесла тайной войны раскрыл ему тайну времени. Он просто поставил перед Дмитрием песочные часы и приказал смотреть, как течет песок. Смотреть на тонкую ниточку песка и слушать себя. Смотреть б е з д у м н

о, полностью распахнув сознание. Иначе готовое ворваться знание просто не найдет для себя место, и когда закончиться созерцание в сознании окажется ровно столько, сколько содежится в голове у обычных людей: заученных, запуганных и растленных гордыней.

Дмитрий навсегда запомнил то жгучее чувство необратимости произошедшего, словно свершилась вселенская катастрофа, когда оборвалась прозрачно-белая ниточка песка и на конусообразную кучку пала последняя песчинка.

«Вот и все, – произнес Учитель. – Время кончилось. Время – это такая же характеристика системы,

как масса и энергия. Выкинь из головы всю заумь про уплотнение, ускорение, нелинейность и бесконечность времени. Это интеллектуальные игрища. Человек — смертное существо. Все научные спекуляции о времени просто отравлены страхом смерти. Время не абстракция. Время реально и материально. Оно убывает, как течет песок. С постоянной скоростью. Неумолимо и необратимо. Научись определять временные характеристики любой системы — государства, коллектива, человека, и ты никогда не допустишь ошибки, соединяя свою жизнь с чужой. Это все равно, что подглядеть в книгу

судеб, что ведет наш Господь. Обрести чувство времени — это значит стать равным Богу».

Дмитрий без часов знал, что прошло две минуты. Две минуты из трех оставшихся часов.

* * *

Оперативная обстановка

Совершенно секретно
Начальнику УСБ ГСБ РФ

генерал-майору Калашникову

Г.Б.

Рапорт

*Докладываю, что в ходе
проведения мероприятий по делу
оперативной проверки,
возбужденного по Вашему приказу в
отношении сотрудника отделения
“Т” УГСБ по Москве и Моск.
области майоре Рожухина Д.А.
установлено, что в 02 час 42 мин.*

13.10 с.г. Рожухин Д.А. участвовал в передаче задержанного за нарушение режима Особого района, позже опознанного как Садовский Ю. Н., особо опасный преступник, литер учета "А". (Установочные данные прилагаются).

По данному факту мною сняты показания с начальника отдельного поста №47, расположенного на пересечении ул. Никитской и Суворовского бульвара, капитана СБР Буров Н.Н., безоговорочно опознавшего по предъявленной фотографии Рожухина Д.А..

Со слов Бурова Н.Н. сегодня в 12.20 при при пересечении границ поста им был опознан Рожухин,

находившийся в машине вместе с оперативными сотрудниками отдела Петровский и Басовым. При упоминании о задержанном, переданном ночью составу блок-поста группой неустановленных лиц, предъявивших удостоверения сотрудников ГСБ, в число которых, со слов командира о блок-поста, входил Рожухин, майор Рожухин повел себя неадекватно, затеял ссору с командиром блок-поста, вмешиваясь в его служебные обязанности.

Данная информация
подтверждена ст.
оперуполномоченным Басовым.

Показаний с Петровского С.Г. до

*настоящего времени снять не
удалось ввиду его отсутствия на
рабочем месте.*

*Начальник 3-го отделения УСБ
полковник Журбин С.Г.*

** * **

Срочно

Совершенно секретно

Начальнику УСБ ГСБ РФ

генерал-майору Калашникову

Г.Б.

По информации оперативного дежурного штаба “Центр”, сотрудник отделения “Т” УГСБ по Москве и Моск. обл. Петровский С.Г. в 17.45 погиб в ходе боестолкновения с особо опасным преступником в районе п. Переделкино.

** * **

Срочно

Совершенно секретно

Начальнику УСБ ГСБ РФ

генерал-майору Калашникову

Г.Б.

По моему поручению сняты
свидетельские показания со
ст.следователя Следственного
управления СГБ Тихомирова П.К. по
факту самоубийства в ходе допроса
Садовского Ю.Н. (кличка “Соловей”).

Тихомиров П.К. показал, что
Рожухин Д.А. склонил его к
совершению должностного
преступления – подлоге протокола
допроса. Со слов Тихомирова, под
видом показаний Садовского Ю.Н.
были включены оперативные данные
по факту смерти г-на Карнаухова,
известные на тот момент
Рожухину.

По моему приказу Тихомиров

*П.К. задержан и препровожден во
внутренний изолятор Следственного
управления.*

* * *

Преторианцы

Не прошло и дня, а худшие предположения шефа ГСБ стали явью. Его визит к Старостину задел невидимую паутину, густо развешенную по всем коридорам здания на Лубянке.

Первый зам Ларина обычно ограничивался утренним докладом и парой звонков входе дня. Сегодня он без предупреждения второй раз оказался в приемной. И не один. На прицепе, как гаубийцу, притащил Калашникова.

«Ясно, готовились давно. Ждали удобного момента». – Ларин держал

на лице дежурную улыбку, время от времени поглядывая на Давыдова.

За всю беседу его первый зам обронил пару фраз, не больше. Но докладом Калашникова дирижировал именно он, умело, другой бы и не заметил.

Калашников настойчиво
отрабатывал свой хлеб, он – шеф
Службы собственной безопасности,
ему и карты в руки.

«Рад, наверно, до смерти, что вовремя спохватился. Конечно, сейчас еще можно любой провал преподнести как высочайшее достижение оперативного искусства, – подумал Ларин, прикуривая очередную сигарету. – А Давыдов

доволен, по глазам видно. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. А ведь не выкрутиться мне, качественно обложили, подлецы!»

— Время не ждет, давайте, товарищи, решать, — Ларин решил взять инициативу на себя. — Во-первых, благодарю за информацию. Это по-товарищески, это хорошо. Не дело играть в прятки, особенно в такой трудный для страны период. Да и не люблю я, как вы знаете, внутренние интриги в ущерб основной работе. Мы делаем одно дело, порой грязное, но необходимое для государства и общества. — Сделал паузу, дождался их реакции. Оба

согласно кивнули. – Надеюсь, ваших полномочий, Глеб Борисович, вполне достаточно для оперативного реагирования на данную ситуацию. Вы, Сергей Семенович, как мой заместитель, – он посмотрел на Давыдова, – берете это дело на личный контроль, я правильно понял?

У Ларина еще был шанс отвертеться, выскользнуть из их мягких лап, сыграв занятого начальника.

Давыдов крякнул в кулак.

«Пошла в дело тяжелая артиллерия», – подумал Ларин.

– Конечно, Денис Михайлович, возьму на карандаш. Но есть

немаловажный аспект, к-хм.

— Продолжайте, прошу вас. — Ларин сыграл заинтересованность, но при этом демонстративно посмотрел на часы, стоящие на каминной полке.

— Дело в том, что этот Рожухин до сего времени был на хорошем счету. Стоял в резерве на выдвижение и все такое прочее. Лично храбр, отличное оперативное чутье. Что с ним произошло, ума не приложу. Будем выяснять, естественно. Я уже поручил нашим специалистам подготовить психологическую экспертизу. Ну, знаете, почерк, стиль изложения и все такое.

– Да, да, это немаловажно, –
ключнул на больную тему Ларин.

Давыдов покосился на
Калашникова, давая ему слово, тот
тут же включился:

– Одна из предварительных
версий, Денис Михайлович, пока
только предварительная, конечно.
Мы подняли медицинскую карту
Рожухина. Медосмотр в этом году он
еще не проходил. Но по словам
одного специалиста по силовому
задержанию, в ходе операции, – он
стрельнул глазами в блокнот, – да, в
апреле этого года, Рожухин получил
легкую контузию. Тогда, если верить
этому офицеру, а оснований не
верить у нас нет, контузия

сопровождалась временной потерей сознания. Конечно, я не медик, но, сами понимаете, контузия, плюс нервное истощение, плюс некоторые особенности характера, все это могло привести к срыву.

Ларин нутром почувствовал западню. Временное умопомешательство — слишком простая версия. Ради такой безделицы эти два матерых волка не стали бы тревожить шефа.

— К-хм. Видите ли, Денис Михайлович, — вновь вступил в разговор Давыдов, — пока это все попытки объяснить. Не стоит забывать главное. Рожухин, помешан он или нет, еще неизвестно, но он

втянул всех нас в работу по "центральному террору". Не отреагировать мы не могли. Но что же выходит, товарищи? Какой-то опер забрасывает высосанную из пальца версию. Как он окрутил Тихомирова, мы знаем, показания уже сняли. Подлец и законченный алкоголик! Сидит сейчас под арестом и скулит от страха. Приехали его брать, а он с дивана встать не может, упился, подлец! К-хм, так. Вот в чем суть. Вымазал нас с головы до ног в дерьме, а дело по "ЦТ" уже в работе у Филатова. — Он выждал и врезал вопросом:

— В каком свете мы предстанем перед руководством страны?

– М-да! – Ларин, придав лицу соответствующее выражение, кивнул.
– Могу себе представить.

– В том-то все и дело! Понимаете, Денис Михайлович, я лично и товарищ Калашников, конечно же, со мной солидарен... – Давыдов чуть подался вперед. – Мы являемся сторонниками того, что наши органы должен возглавлять не столько профессионал, сколько политик. Такого уровня, как вы. Взаимодействие с политическими сферами – вот что спасает нас от перегибов и местнических настроений. Только так можно отстаивать интересы государства. Хватит с нас печального прошлого,

хватит с нас примата интересов органов. Я не желаю, чтобы органы вновь стали государством в государстве. Знаем, чем это кончается и для государства, и для органов!

Он достал платок и вытер покрасневшееся лицо.

Ларин не стал таить тонкую улыбочку.

«Э-э, братец! Так как ты Чистки испугался? Наверное, перед сном читаешь историю ВЧК и мурашки по телу бегают. Надо не мандражировать, а читать внимательно! Никто же не уцелел: ни палачи, ни палачи палачей, ни палачи палачей для палачей. Такое

вот чекистское перпетум-мобиле!»

— Похвально, товарищи, что мы сходимся по главному вопросу. — Ларин добавил в голос благородно баритонистости. — Меня можно упрекнуть в непрофессионализме, чекистскому ремеслу, увы, не обучался. Но перед руководством я всегда отстаивал нашу, коллегиально согласованную, позицию. Быть в русле политике и обеспечивать ее специфическими методами — вот наше предназначение и главная задача.

«Фу, как мерзко! Словно на общем собрании. Гадко! Рассказать им как они давили на Басова, выбивая компромат на Рожухина?

Мне же уже донесли. Все крутят! Нет, предательства их интересов они мне не простят, это очевидно. А кто сказал, что я их предам? Переход к Старостину – это вполне очевидный карьерный ход. Кто посмеет сказать, что это предательство?

Интересно, как я буду смотреться в черной косоворотке Движения? Анастисия утверждает, что строгий черный мне идет. Впрочем, у нее свои понятия о прекрасном».

Ларин докурил сигарету, аккуратно затушил в громоздкой хрустальной пепельнице. Посмотрел на притихших Давыдова и Калашникова.

– Мне кажется, мы подошли к сути проблемы. С одной стороны, этот Рожухин – вышедший из-под контроля человек, способный нанести еще больший вред своими непредсказуемыми действиями. Это наша личная проблема. Я бы даже сказал, вопрос чести и престижа нашей организации. Решать ее исключительно нам. Вы согласны?

– Вы прямо мысли читаете, Денис Михайлович! – облегченно вздохнул Давыдов. – Рожухина, надеюсь, долго волынить не будешь, а, Глеб?

Калашников утвердительно кивнул.

– Мы уже ведем поиск. Он,

вероятно, что-то почувствовал. Официально ушел на встречу с агентом. Но нужно рассматривать худший вариант – он ударился в бега. Мы уже контролируем все его адреса. Конечно, если официально дать его в розыск, это только ускорит дело...

– Так давайте! – От Ларина не ускользнуло выражение невольного облегчения, синхронно отразившееся на напряженных лицах Калашникова и Давыдова. – Неужели вам требуется моя виза? Работайте, Глеб Борисович, работайте!

«Ага! Думали я попадусь на старый приемчик и лично подпишу приказ за задержание этого шельмеца? Фиг вам, умники! Не на

того напали! Нет, надо им врезать как следует».

Ларин потянул из темно-красной пачки новую сигарету. Прикурил, держа паузу.

— Перед тем как вы пойдете работать, товарищи, я бы хотел вас оградить от небольшой ошибки. Мне кажется, мы несколько упрощаем ситуацию. Фактически сотрудник, работавший на линии борьбы с бандформированиями, а точнее — бандами политических террористов, подозревается нами, в самом щадящем варианте, в недобросовестном исполнении своего служебного долга, так? Где гарантии, что мы не вскрыли факт

предательства в наших рядах? Вы же не исключаете и такой версии, Глеб Борисович?

— Сейчас никакую версию нельзя отбрасывать. — Калашников нахмурился.

— А эту вы отбросите в самую последнюю очередь, вам ясно, Глеб Борисович? — дожал Ларин.

— Да.

— Не сработал ли тут принцип "что охраняю, то и имею"? — играя рассуждение вслух, произнес Ларин. — Но в таком случае, этот Рожухин был лишь проводником чьих-то нечистоплотных политических интересов. Установить их, вот в чем я вижу главную задачу. И здесь,

именно здесь, сокрыта максимальная опасность для авторитета нашей организации. Вы согласны со мной, Сергей Семенович?

— Есть резон, — кивнул Давыдов, искоса взглянув на Калашникова. — Он всех подставил под удар.

— Но и своих хозяев тоже! — перешел в атаку Ларин. — Лицо запылало, но он уже не обращал внимания. — На кого-то же он работал! Политический террор — не пьяная драка. Без разбора здесь не убивают. Думаю, вам, Сергей Семенович, следует обратить особое внимание на проработку возможных заказчиков и фигур прикрытия нашего инфант-террибль. Вы человек

огромного опыта, подойдите к делу тонко, лишний шум нам ни к чему, но достаточно жестко и цепко, как вы умеете.

Давыдов только кивнул. Хотел он того, или нет, но дело он получил на руки. Но под персональную ответственность.

Ларин провел ладонью по горящему лицу. – «Черт, к врачу надо. Может, что-то с сосудами? Доведут они меня до инсульта! Ладно, успокоились и работаем дальше».

– Надо честно смотреть фактам в лицо. А они очень дурно, к-хм, пахнут. Я еще готов смириться с тем, что некоторые нагоняют себе показатели, манипулируя

преступниками. Но использовать свои служебные и оперативные возможности, чтобы творить преступления в угоду политическим преступникам, это, простите, ни в какие ворота не лезет! — Он повернулся к Калашникову. — Кстати, Глеб Борисович, откуда у нас взялся этот Рожухин?

«Ну что, ребята, не ждали?! А я тоже заготовочки имею».

Ларин положил ладонь на папку, в которой лежала выписка из личного дела Рожухина. Каналов информации в родном ведомстве у Ларина было не так много, как у Калашникова, зато, как выяснилось, работали оперативнее. Только в

паутине завязла фамилия “Рожухин”, как Ларин получил на стол всю необходимую информацию. Под соответствующим соусом и с необходимыми комментариями.

Калашников перелистнул страницу блокнота.

– Да. Четыре года назад переведен к нам из Службы Филатова. Направили на линию “Т” с учетом физических данных и общей подготовки. У Филатова он тоже сидел на антитерроре.

– Вот видите, еще один резон не передавать дело в полном объеме Филатову, – элегантно затянул петлю Ларин. – Именно под таким ракурсом я и рассматриваю наше

совещание. Вопрос не сводится к банальности: выносить мусор из избы или нет. Я ставлю вопрос в иной плоскости. Дело нашей чести и долга — в кратчайшие сроки обнаружить и ликвидировать угрозу государственной безопасности. От кого бы она не исходила. Вы согласны со мной, Сергей Семенович?

По глазам Давыдова было не угадать, выиграл Ларин или проиграл. Время покажет. Сейчас Давыдов лишь тяжело, как мерин в гору, выдохнул и кивнул.

Ларин перевел взгляд на Калашникова. То, что Давыдов человек Филатова, ни для кого не

было секретом. А на кого работал шеф службы внутренней безопасности, до конца выяснить не удалось. Лавировал умело, тонко вымерял меру сотрудничества, заключал временные союзы и, когда считал нужным, держал нейтралитет. Его профессионализм ценили все группировки, но ни одной не удалось перетащить его на свою сторону.

— Надеюсь, вы не считаете, что я выдвигаю обвинение в адрес Филатова? Наше дело — собрать факты. Оценка их — прерогатива политического руководства страны.

— Как всегда, Денис Михайлович, вы очень четко сформулировали, — капнул елея

Калашников. И тут же добавил яду:

– Лубянка – это Лубянка, а
Кремль – это Кремль.

* * *

Оперативная обстановка

ВНИМАНИЕ РОЗЫСК!

Органами правопорядка разыскивается по подозрению в совершении особо опасного преступления Рожухин Дмитрий Алексеевич, 1983 г.р., проживающий по адресу: г. Москва, ул. Садово-Кудринская д. 7, кв 43.

Приметы: рост средний,
крепкого телосложения; волосы
темно-русые, зачесаны наверх,
стрижка короткая; лицо широкое
трапецевидное, лоб высокий,

широкий, с залысинами; брови короткие, густые, с изломом вверх; глаза светло-голубые, круглые, нос короткий, широкий, "картошкой", носогубная линия ярко выраженная; губы тонкие, нижняя губа выступает; подбородок скошенный, раздвоенный.

Особые приметы: О-образный шрам над правой бровью, размером 1 см. На первой фаланге большого пальца правой руки шрам от глубокого пореза. На шее под воротником слева крупное родимое пятно черно-коричневого цвета.

При себе может иметь поддельное удостоверение сотрудника ГСБ на имя Рожухина

Дмитрия Алексеевича,
удостоверение сотрудника МУРа на
то же имя, паспорт на имя Алешина
Алексея Дмитриевича, выданный 120
о/м г. Москвы.

Внимание: осведомлен о
формах и методах работы органов
ГСБ и МВД, владеет приемами
рукопашного боя, вооружен. При
задержании особо опасен.

Всем сотрудникам ГСБ, МВД,
Военной комендатуры,
военнослужащим ЧОН МВД, СБР и
МО при обнаружении и задержании
соблюдать предельную
осторожность. Огонь на поражение
не открывать.

Преторианцы

В скверик со стороны Беговой вошла молодая женщина. Нервной, дерганной походкой подошла к скамейке. Осмотрелась. Машинально поправила темный платок, прятавший волосы от насыщенной химией мороси. На измазанную скамеку садиться побрезговала.

Она еще осмотрела скверик. Поднесла правую кисть к лицу.

Дмитрий отошел от ствола. По густой тени дерева, как по тропинке, подкрался к женщине сзади. Встал за спиной.

— Ты опоздала на пятнадцать минут, Нина.

Женщина вздрогнула, уронила руку. Заторможено оглянулась.

— Как ты меня напугал!

В ранних сумерках, накрывших город, ее лицо казалось неестественно бледным. Губы нервно подергивались, никак не хотели сложиться в рекомендованный журналом мод розовый моллюск. Нину никто не считал красавицей, себя она называла “довольно миленькая”.

Если бы не нос, придававший лицу вечно меланхолический вид.

Дмитрий молчал, предоставляя ей возможность оправдаться.

— Извини. У нас на работе страшный завал. Еле вывалась. А еще на выходе из метро устроили проверку документов.

Она быстро взяла себя в руки.

— Владислав весь день, как с цепи сорвался. Знаешь, какую морду он умеет делать. — Она довольно похоже изобразила каменное лицо Владислава. — Наехал на Вовчика. Сказал, если еще раз СУБДэешка глюканет, то устроит разрушение храма Веспасианом.

— Храм в Иудеи разрушил не

Веспасиан, а его сын – Тит, – поправил Дмитрий. – Впрочем, для Владислава ошибка простительная, “Иудейскую войну” он явно не читал.

Нина игриво блеснула густо накрашенными глазками.

– Может, тогда ты знаешь, как звали последнюю царицу Израиля?

– Легко. Береника.

– А как зовут любовницу Ивана Старостина?

Дмитрий был не из тех, кто, не зная, бояться в этом признаться.

– Просвети, сделай одолжение.

– Тоже – Береника. Забавно, да?

Она была ниже его на полголовы, контролировать тыл скверика было не трудно. “Хвоста”

она за собой не привела. Но Дмитрий не мог совладать с нарастающим напряжением. Опасность была совсем близко.

«Настройся на нее. Чувствуй, сопереживай. Нельзя же так. Человек потребовал экстренной встречи. Значит, что-то ее встревожило. Что-то касающееся тебя лично».

Он нащупал ее кисть, мягко сжал холодные пальцы.

— Нина, ты очень рисковала. Неужели только для того, чтобы я узнал, с кем спит наш главный урапатриот?

Она смотрела ему в лицо, как только может смотреть безнадежно влюбленная женщина.

– Про эту девицу растрепал Вовчик. Он просчитывает встречу нашего шефа со Старостиным. – Она покусала губку. – Но это не так уж важно. После обеда влетел Владислав, приказал на все забить и срочно прокачать всю информацию из директории “Зетта”.

Нина пошевелила пальцами в кулаке Дмитрия. Словно продрогшая, испуганная зверушка укладывалась спать в норку.

– И?

– В критериях поиска есть ты, Дима. Владислав так и сказал: “Ищи пересечения с этим...”. Ну слово не приличное...

– Догадываюсь.

Дмитрий заставил себе беззаботно улыбнуться и расправить плечи. Для нее, затурканной жизнью, имеющей полный комплект: больную мать, невзрачную внешность, нелюбимого мужчину и принеси-пошла-вон работу в службе информации концерна “Сапсан”, он был рыцарем из другого мира, где дорогу к мечте прокладывают мечом, где в каждой пещере живет по дракону, где подлость и навет тщаться извести благородство и честь, где в замках тоскуют заколдованные принцессы, а принцы на белых конях всегда успевают вовремя. Он не имел права быть другим.

Она свободной рукой раздвинула лацканы плаща, нырнула за воротник свитерка, выудила кулон на цепочке. Отстегнула плоскую палочку кулона, вложила в ладонь Дмитрия.

– Это флэшка. Я скачала данные поиска. Будет возможность просмотреть?

– Ты жутко рисковала, Нина!

– Не волнуйся, Дима. Никто меня не заподозрит. – Она слабо улыбнулась. – Я же телушка. Хожу по офису такая вся глупая-глупая. Глазами хлоп-хлоп. Ой, а знаешь, как Вовчик расшифровывает “телушка”. Ха, это тело и ушки! Забавно, правда?

Дмитрий спрятал флэшку в

карман брюк.

— Сама копировала?

— Вовчик сбросил.

— М-да.

— Ну, Дима! Он прекрасный мальчик. Чуть с прибабахом, как все компьютерщики. Но он хороший. Чистый мальчик. Правда, ругается матом жутко. Нет, он на нем просто разговаривает. Позер ужасный... Вообще-то, он немного в меня влюблен.

— Будем надеяться, что он додумался подчистить журнал команд.

Дмитрий отпустил ее руку.

— Пора? — спросила она.

— Да. Расходимся.

– Ты на меня не сердишься, что я тебя так неожиданно вызвала? Извинии, я... Я очень за тебя испугалась.

– Спасибо, Нина. Ты очень мне помогла.

«Черт! Она же не может все бросить и исчезнуть. Больная мама... На маме и ломают. У нас всегда ломают на самом дорогом. Вычислят, к чему сердцем прикипел, туда и тычут раскаленным шомполом. Жаль девчонку! Черт, не тащить же ее с собой. И час вдвоем не протянем».

Он, решившись, притянул Нину к себе. Поднял подбородок, заставил смотреть себе в глаза.

Она немного потерпыхалась, как

пойманная птица. Потом ослабла в его руках, подставила взгляду незащищенные зрачки. Губы ее слегка приоткрылись.

Дмитрий на секунду закаменел. Показалось, что от внутреннего напряжения, вот-вот лопнет жилка на виске.

Он отстранил Нину от себя.

— Иди домой. Иди и считай шаги. На счет двадцать ты все забудешь. Ты все забудешь, Нина. Ты все забудешь!

Он развернул безвольную, как марионетку, Нину, мягко толкнул в спину.

Она сделала первый шаг, неуверенно и ломко. Потом второй.

Третий...

Дмитрий слушал, как цокоют по асфальту удаляющиеся каблучки. Нина свернула за угол. Звук ее шагов растворился в приглушенном городском шуме.

«Дойдет. Тут всего-то – улицу перейти. Дойдет – и все забудет. Даже, как меня зовут. Только опытный гипнолог сможет снять блокировку на четвертом уровне».

Он пошевелил плечами, сбрасывая напряжение.

– Так, к Салину нам больше нельзя. Нас там больше не любят. Поинтересуемся, гденам верят и ждут, – пробормотал он.

Достал мобильный. Выскочив на

встречу с Ниной, держал телефон выключенным. Знал, что функцию “поиск сети” давно научились использовать для пеленгации абонента. Мобильный при желании “вел” клиента не хуже пресловутого браслета “торпедоносцев”.

Связь была пресквернейшей. Очевидно, над Москвой опять бушевали магнитные бури.

* * *

Оперативная обстановка

*Срочно
Секретно*

*Начальнику УСБ ГСБ РФ
генерал-майору Калашникову*

Докладываю, что в ходе оперативно-розыскных мероприятий по ДОР с окраской “Измена родине”, заведенного в отношении гр-на Рожухина Д.А. в 18.32 12 отделом УСБ проведен радиоперехват телефонного разговора следующего содержания:

А. — Басов, привет. Как обстановка в отделе?

Б. — Дмитрий?! Блин, где тебя черти носят! Тут такое творится,

Губан рвет и мечет. Приказал тебя из-под земли достать.

А. — А ты сказал, что я на встрече?

Б. — Ибсестно! Только он один хер по потолку бегают.

А. — Что стряслось? Особый период отменили?

Б. — Бля, ты дошутишься, Димка! Тут такое... Ты когда будешь?

А. — Скоро.

Б. — Скоро, это как?

А. — Скоро, значит, скоро.

Б. — Дим, ты бы рвал сюда, как подорванный. Как друг тебе советую.

А. — А что стряслось? Можешь

сказать?

Б. — Ну это... Седого... Грузом “двести” с выезда привезли. Что молчишь?

А. — Перевариваю.

Б. — Дим? Ты далеко сейчас? Может машину тебе прислать? Пойми, чем раньше нарисуешься, тем Губан быстрее на дерьмо прекратит исходить. Я тут держу оборону, но моих сил, сам понимаешь... Куда машину высылать? Алло?

А. — Через полчаса буду.

Б. — Алло, Дим?

Докладываю, что ст. оперуполномоченный отделения “Т”

УГСБ по Москве и обл. майор Басов незамедлительно уведомил руководство отделения о факте прошедшего телефонного разговора с гр-ном Рожухиным Д.А.

Согласно информации ОТО УГСБ по Москве и обл. служебный мобильный телефон № 712-22-80, с которого велся разговор, закреплен за гр-ном Рожухиным.

начальник 3-го отделения УСБ

полковник Журбин С.Г.

** * **

Преторианцы

Дмитрий выключил мобильный. Самолетик на дисплее, мультяшно свалился в штопор, проиграл бравурный аккордик и хлопнулся об землю. Экран погас.

– Тушим свет, сливаем воду, – прошептал Дмитрий.

Басов был слишком профессионален, чтобы выдавать в прямой эфир служебные тайны. И достаточно профессионален, чтобы умело тянуть время, давая возможность запеленговать мобильный.

“Жаль, что так и не узнаю, кто

на меня стучал: он или Седой. Утешимся здоровой мыслью, что оба”.

Из-за угла дома, за который свернула Нина донесся слабый вскрик.

Дмитрий прыжками преодолел расстояние до угла. Успел выглянуть и увидеть двух мужчин, заталкивающих Нину на заднее сиденье невзрачного вида “жигулей”. Она только перейти улочку. До арки ее дома оставалось какие-то десять метров.

«Неважно. Взяли бы в подъезде. Или дома», – машинально отметил Дмитрий.

Он отступил за угол.

В скверике зачавкала земля.

Бежал грузный немолодой мужчина. Но бежал энергично, зло, словно опаздывая в драку.

Дмитрий развернулся. Правая рука вскинулась, отбрасывая полу плаща. Сквозь дырку в кармане высунул тупое рыло глушитель. Пистолет рванулся в пальцах. Ствол выплюнул огонь. Кладнув, повернулся барабан.

Поу-унк! И вторая пуля нашла рухнувшее на землю тело. Чавкнув, впилась в плоть.

Дмитрий высвободил пистолет из кармана. Держа лежащего навзничь мужчину на прицеле, подошел. Выцелил сердце и нажал на спусковой крючок.

Из ствола с глухим хлопком вырвалось оранжевое жало огня. Мужчина дрогнул всем телом, изогнулся, проскреб каблуками по мокрой земле. И затих.

Дмитрий склонился над ним. Заглянул в лицо. Узнал одного из оперов Владислава.

– Привет вам, товарищ Салин, – прошептал Дмитрий.

Затравленно осмотрелся по сторонам. И бегом бросился через сквер.

* * *

Оперативная обстановка

Срочно

Секретно

Начальнику УСГ ГСБ РФ

генерал-майору Калашникову

*Докладываю, что прибывшая в
квадрат пеленгации оперативная
группа обнаружила труп
неизвестного мужчины, на вид
пятидесяти лет, крепкого
телосложения.*

*На теле были обнаружены
идентификационная карточка
жителя Москвы, выданная на имя*

Юдина Петра Михайловича и
удостоверение сотрудника
управления информации концерна
“Сапсан”. В потайном кармане
пиджака было обнаружено
удостоверение сотрудника МУРа на
имя Кашина Петра Ивановича с
фотографией, аналогичной на
идентификационной карточки и
удостоверении “Сапсана”.

Информация о личности
потерпевшего уточняется.

В прилегающем районе силами
оперативной группы и прибывшими
на место нарядами милиции и
военной комендатуры ведется
активный поиск преступника.

*начальник 3-го отделения УСБ
полковник Журбин С.Г.*

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Старые львы

Ее заставили сесть на что-то металлическое и жутко неудобное. Стальная полоса больно врезалась в копчик. Руки плотными ремнями прикрутили к гладким, жгуче холодным подлокотникам. Широко раздвинутые колени приковали к таким же, сделанным из стального холода, ножкам.

Люди, возившиеся с ней, жутко сопели, но не проронили ни слова. Каждая ее попытка заговорить с ними обрывалась жестким ударом по губам. В конце концов, Нина могла только тихо поскуливать, слизывая

соленую кровь с разбитых губ.

Ни одной мысли в голове уже не осталось. Все съел страх, голодным крысенком копошащийся в голове.

Эти, с жесткими пальцами и натужным дыханием, оставили ее в покое. Их шаги удалились.

Она осталась одна в кафельной гулкой тишине.

Включили такой яркий свет, что Нина кожей лица почувствовала его силу.

Нина сидела, точно ошпаренная этим светом. Очетливо представила, какая она жалкая, беззащитная, вывернутая наизнанку в садистском кресле. Внизу живота образовался жгуче горячий комок, колени

рефлекторно сжались, но в кожу тут же впились жесткие кожаные ремни. Ужас стиснул сердце. Она жалобно заскулила.

Ворвались шаги. Твердые, уверенные.

Человек подошел вплотную. Пахнул дорогим одеколоном.

Цепкие пальцы сорвали повязку. В глаза впился свет.

Нина сквозь выступившие слезы едва разглядела вытянутый овал лица и седой искристый бобрик волос.

– Нина Тараканова, как же ты так, а? – спросил мужчина. Бросил кому-то за спиной. – Убавь свет!

Слепящий круг под потолком сделался тусклым, превратился в

люстру, какие бывают в операционных. От ее вида у Нины еще больше заныло внизу живота.

Мужчина взял ее за подбородок, заставил смотреть себе в лицо.

Она охнула, узнав Владислава Николаевича, начальника службы безопасности концерна.

– Ну, как я вижу, уже начала соображать. Рассказывай, деточка.

– Я ничего не знаю.

Владислав Николаевич укоризненно покачал головой.

– Это я ничего не знаю, девочка. Пока. – Не оглядываясь, бросил:

– Наташа, покажи нам клиента.

Слева донеслось дуновение воздуха, хлопнула закрывшаяся дверь.

В операционную вполз скрипучий звук.

Владислав Николаевич отступил, встал, положив руку на плечо Нины.

Она увидела в метре от себя человека, раскоряченного на стальной конструкции на колесах. Нина сообразив, что сидит так же и на таком же идиотском сиденье из гнутых стальных трубок, задохнулась от стыда.

— Узнаешь?

Кто-то в салатного цвета одежде, стоявший за спинкой кресла, за волосы поднял голову человека. Подставил распухшее лицо под свет.

Нина с трудом узнала Вовчика. Не столько по чертам лица, они были смазаны и словно накачанны воском. Вовчик по последней моде брил волосы полукругом над лбом и заплетал локоны в десяток мелких косичек. И одежда была его, армейские штаны и клетчатая рубашка навыпуск, под ней оранжевая футболка с черным штрих-кодом во всю грудь.

Вовчик не подавал признаков жизни. Под узкими отечных веками тусклой слюдой светились расширенные зрачки. По распющенным губам стекала красная слюна.

— Как ты догадалась, я уже знаю,

что Вовчик скачивал для тебя файлы с нашего сервера. — Голос Владислава Николаевича звучал сверху, давил на тебя, как тяжелая ладонь. — Пока я не знаю, кому ты их передавала. И с кем ты встречалась сегодня. Вова рассказал нам все. Теперь твоя очередь.

Очевидно, по его сигналу, кресло с Вовчиком отъехало в сторону.

Владислав Николаевич встал напротив, ощупал взглядом ее лицо. Прикосновение его студенных глаз жгло кожу не меньше, чем сталь подлокотников.

— Что-то в тебе есть. Не красавица, но что-то есть, —

задумчиво произнес Владислав Николаевич. — Оказывается, он любил тебя, Ниночка. Но все равно рассказал нам все. И ты все расскажешь. Даже если очень любишь Дмитрия. Ты же его любишь, девочка моя?

— Я не знаю никакого Дмитрия,
— севшим голосом ответила Нина.

Глубокая, как шрам, морщинка у носа Владислава Николаевича дрогнула.

— Жаль, девочка. Жаль, что у меня мало времени. Я бы с удовольствием дал тебе поиграть в благородство. Но, извини, у меня просто нет на это времени. Зачем ты передала флэшку Дмитрию?

– Я не знаю никакого Дмитрия. Я ничего не передавала. Я шла домой. На меня напали.

Владислав Николаевич покачал головой.

– Зря ты так... Наташа, ты готова?

– Да, – раздался женский голос.

Салатного цвета пятно подплыло ближе. Пахнуло дезинфекцией и синтетикой.

– “Лед” или “огонь”? – спросила женщина в хирургической робе.

– Дай подумать, Наташенька. – Владислав Николаевич протянул руку и теплыми пальцами коснулся щеки Нины. – Дай подумать... Ты же у нас мерзючка, Ниночка, да? Я угадал?

Нина, насколько позволял налобный ремень, отодвинула голову. Пальцы захватили кожу на щеке, больно сжали. До слез.

– Мерзлюшка, я угадал.

– Значит, “лед”?

– Попробуем “лед”.

Женщина скальпелем вспорола рукав кофточки Нины. От манжета до плеча. Раздвинула разрез. Пальцы у нее были резиново липкими. Не живыми.

Владислав Николаевич испытывающе смотрел в лицо Нине.

– Сейчас мы введем тебе препарат. Сначала ты почувствуешь слабый озноб, как при начале простуды. Будешь ждать приступа

жара, но его не последует. Тебя начнет трясти. Холод будет проникать в каждую клеточку тела. Ты почувствуешь каждую косточку. И покажется, что они покрыты инеем. А колотун будет нарастать и нарастать. Все тело будет ходить ходуном. Для этого, кстати, мы и сделали такие крепкие кресла. Ты будешь трястись от холода. Мышцы сделаются, как твердая резина. Станет трудно дышать. Сухожилия и связки тоже промерзнут и станут пластмассовыми. И каждое движение будет причинять жуткую боль. Особенно будет больно в позвоночнике. Знаешь, каково это, когда между позвонками хрустит

лед?

Он сжал губы, следя за ее реакцией. Чуть дрогнул уголками губ.

– Хорошо, девочка моя, не веришь на слово, проверь все на себе.

Его зрачки прыгнули вправо и вверх. И снова впились ей в глаза.

Нина почувствовала резиновые пальцы на своем локте.

Иголка проткнула кожу.

– Еще не поздно, Нина. Ты уже сейчас плачешь от страха. Представь, что будет дальше!

Его лицо стало таять в прозрачной, жгучей мути, заливающей глаза.

– Я ничего не знаю. Правда. Отпустите меня, пожалуйста! Вы же

хороший, Владислав Николаевич...
Я, я хочу к маме!

– Поедешь к маме, я обещаю.
Только скажи, когда тебя завербовал
Дмитрий.

– Ну я же не знаю никакого
Дмитрия!!

Пятно его лица пропало.
Остался только мутно-белый свет.

Откуда-то сверху, как
булыжники на голову, упали слова.

– Она твоя, Наташа. Как только
расколешь, доложи.

А в венах, действительно,
журчал жидкий лед...

Преторианцы

Водитель Дмитрию не понравился с первого взгляда. Но выбора не было. Бежать к Хорошовке – гарантированно засветиться. А в переулках накануне комендантского часа машин было – раз два и обчелся.

Старенький “бычок” недовольно урчал мотором, пытаясь переварить ту бензиносодержащую жидкость, что залил в бак его хозяин. Качественный бензин полагался только государственному транспорту. “Бычок” в привилегированное стадо стальных коней явно не входил.

Водитель тоже был не из знати.

Даже на придворного извозчика не тянул. Типичный водила со стажем.

И все же доверия не внушал.

Дмитрий на секунду отвлекся.

«Жаль, что Владислав лично не присутствовал на захвате. Вот кого руки чесались завалить, так это его! – зло подумал Дмитрий. – Наверное, теперь не сложится... Салин скотина вельможная, сдаст, расплатится мной со Старостиным, или перессыт раньше, даст команду, нет, намекнет, как он обычно делает, поставит перед необходимостью проявить инициативу. Стас и проявит, концов потом не найдешь. Интересно, он успеет раньше моих чекистов? Глупо, конечно, но все-таки интересно».

– Командир, слышь, а у тебя талонами разжиться можно? А то мой агрегат уже изжогу заработал от этого, мать его, бензина. Моча одна со скипидаром, а не бензин!

Водила бросил на Дмитрия испытывающий взгляд.

Тормознув машину, Дмитрий мельком показал ему красную книжечку удостоверения. Чтобы уважал и с дурными вопросами не лез.

– Сейчас прямо, на втором повороте повернешь налево. Въедем во двор, и ты свободен, – вместо ответа скомандовал Дмитрий.

– Дождешься с вами свободы-то. Сегодня, как с цепи сорвались! –

проворчал водила. – Через каждые сто метров на шмон останавливали. В честь чего такая лютость-то? Слух пошел, что грохнули какого-то шишку. Правда, или опять врут?

Дмитрий промолчал. Водитель клацнул коробкой скоростей.

Взгляд Дмитрия упал на его пальцы, лежащие на рычаге.

«Стоп! Ногти чистые».

– Вот в этот двор. И чуть вперед, до забора.

Двор был подходящий, темный. Почти все окна перед комендантским часом уже погасли. За забором белел остов недостроенного здания.

Водила сбросил газ, машина пошла накатом.

– Командир, а за то, что я тебя бесплатно вожу, мне какое поощрение полагается?

«Улыбка слишком натянутая. И зрачки дергаются. Что ты просчитываешь в уме, дружище? Я-то уже все решил».

– У нас два вида поощрения. Первый – снятие ранее наложенного взыскания. Но ты на него не наработал. Второй – дают пострелять из именного нагана Дзержинского. Вот это могу устроить.

– Эт смотря в кого! – подхватил шутку водила.

– Все, тормози.

Водила на секунду отвлекся.

Дмитрий успел выхватить пистолет.

Пуля прошила грудь водилы слева направо, пробив сердце. За грохотом разбитого двигателя хлопка выстрела слышно не было.

Водитель охнул и навалился грудью на баранку.

Дмитрий повернул ключ зажигания. Сразу стало слышно как дождь барабанит по горячему капоту.

В правом кармане ватника водителя лежал мобильный. Вещь слишком дорогая для невольника баранки. Тарифы за связь лупили адские, по карману только обитателям Домена или к ним приближенным. Возможно,

водилабыл честным и просто пахал на кого-то, кто мог потянуть плату за мобильную связь. Но чутье Дмитрия никогда не подводило.

Дмитрий отщелкнул поцарапанную крышку “моторолки”. Вошел в меню. Проверил последние звонки.

Пять звонков из шести пришли со знакомого Дмитрию телефона. Управление наружного наблюдения центрального аппарата ГСБ.

“Приехали! Теперь я точно — пролетарий чекистского труда, мне терять нечего, кроме самого себя. Хватит, покатались на мне! Я-то уйду, лягу на грунт, ни одна собака не найдет. А они пусть грызутся между

собой. Салин со Старостиным, Ларин – с Филатовым... Каждый кого-нибудь мечтает сожрать. Пошли вы все в задницу! С меня хватит!”

Он не стал искать в одежде убитого удостоверение. И так все ясно.

Чудом нарвался, чудом уцелел...

Странник

В бутылочном стекле мерцали огненные язычки. От свеч стало уютнее и заметно теплее. Пахло горячим стерингом и сухими лепестками цветов. Дрожащий свет тусклым золотом вспыхивал на корешках книг. “Сиддхарта”, “Заир”, “Степной волк”, “Дневник мессии”, “Ульфин Джус”...

«Девочка из Изумрудного города, столицы страны Оз, на флаге которого реет чайка по имени Джонатан».

– Кто научил тебя делать такие свечи?

Максимов указал на бутылки со срезанным горлышком, до середины наполненные стеарином. Расставленные на книжных полках, они превратили стену в призрачно мерцающую поверхность, искажавшую размеры комнаты. Стоило расфокусировать зрение, как огоньки расплывались в лучистые шарики, и казалось, что находишься в бесконечно большой зале.

Марина, завернувшись в плед, лежала, положив голову ему на живот.

— Мама. Мы в Крыму жили. Давным давно. Еще до Катастрофы. Я, Настька, мама и папа. Мама с папой были неформалами по жизни.

Ну, знаешь, “рок-н-ролл мертв, а я еще нет”... Потусили по всей стране, потом решили на пару лет осесть в Крыму. Настьке уже восемь было, мне четыре. Мама наследство получила, хватило купить сарайчик в деревне. Помню, одна стена была каменная. Серьезно. Домик задом врезался в скалу. Три стены, да окошка. Уютно. Особенно, когда ветер дует. Зажжем свечи с сухими лепестками и читаем. Книг у нас было много. Еще песни пели. Мама на гитаре хорошо играла, нас с Настькой учила. Райская жизнь! Выйдешь утром – а внизу море. Каждый раз разное. Ты видел море зимой?

— Да. В тот год оно замерзло почти на полкилометра. Словно стеклом накрыли. Удивленные кайки ходили по голубому стеклу. Дети бросали камешки, и они скользили по льду, пока не исчезали из глаз. Странное время было. Как-будто замерзло вместе с морем.

— Ты... Ты тогда один был?

— Нет. С собакой. Кавказская овчарка. Конвоем звали.

— Смешное имя.

— У него была дурацкая привычка ходить не рядом, а следом. Будто конвоировал, или лучше меня знал, куда идти.

— Вы дружили?

— Больше. Он мне спас жизнь.

Она свернулась калачиком, по-детски закусил палец. Максимов осторожно положил ладонь ей на голову. Мягкий теплый пушок щекотал пальцы.

— Мне четырнадцать было, когда это случилось. Слышал про сероводород?

— Да.

Ласковое, теплое Черное море на самом деле было химическим фугасом. Только никто в это не хотел верить, ни отдыхающие, ни жители приморских городов, ни “лица принимающие решения”. Все привыкли считать, что море — это курорт. А оно было — стихией. Под поверхностью, покрытом барашками

волн и солнечными бликами, таились миллионы тонн сероводорода. Глубже пятидесяти метров жизни не было, до самого дна лежали плотные слои насыщенной сероводородом воды. В мутной, цвета марганцовки с белилами, воде не выживали даже простейшие микроорганизмы.

Землетрясение, об угрозе которого уже устали предупреждать, произошло ясным днем в самое пляжное время. Эпицентр находился в трех километрах от береговой линии. Ударило бы на суше — страшно, но дело привычное. Давно отработанны методы спасения и ликвидации последствий.

Но вспучило морское дно, и из

глубины выстрелил фонтан сероводорода. Удушливое облако ветром погнало к берегу. Оно сизой медузой накрыло побережье на десять километров вглубь. За десять минут погибло все население от Ялты до Судака. Не спасся ни один человек.

Медуза, распустив щупальца к мелким поселкам, стала набухать, наливаясь сизой тяжестью. Она уже была готова хлынуть в степь, но налетел невиданной силы ураган и сбросил медузу в море. Шквал разорвал облако и погнал ошметки в сторону Турции. Сизый туман по пути накрыл рыбацкие суденышки и два пассажирских лайнера. Рыбаки

умерли моментально и всем экипажем. На лайнерах агония длилась дольше. Спаслись только те, кто заступил на вахту в машинное отделение. Через плотно задраенные люки газ не прошел.

— Самое страшное, что ветер принес лепестки цветов. Запорошил все. Представляешь, море до горизонта, серое, неживое, забрызганно цветными крапинками. И гробовая тишина. Птицы же тоже погибли... А потом ухнул такой ливень, что я подумала, начался Великий потоп, и нас всех смочет в море.

Марина пошевелилась, потерлась щекой о его ладонь.

– Сейчас понимаю, что хорошо, что мои погибли. Они бы не выдержали. Я не от мира сего, а мама и Настей – еще хуже. Папа был очень добрый, но абсолютно не приспособлен к жизни. Спаслась тогда просто чудом. Мама тогда работу нашла. Пела в каком-то кабачке в Феодосии. Сама составила программу, сама нашла гитариста. Звала меня на репетицию, а я закапризничала и осталась дома. Настька со своим парнем укатила на байке. Папа пошел на рынок. До города было километров двадцать. Он на автобусе не любил ездить. Разве что зимой. Его нашли прямо на дороге. А я все проспала. Легла под

навесом, нарвала винограда, и задремала. Странно как-то было, словно теплым одеялом накрыли. Толчок был такой, что меня с топчана сбросило. Поднимаюсь, понять ничего не могу. А солнце... Солнце сделалось тусклым. Словно через сиреневую пленку светило. С тех пор я ненавижу смотреть на солнце. В Москве оно всегда такое — мертвый глаз. Будто следит за тобой.

— А как ты в Москве оказалась?

— Шла-шла и дошла. Долго шла.

С кем-то жила, от кого-то убегала... Не помню. Приказала себе забыть, вот и не помню. А в здесь у меня бабушка живет. Она у меня — “домушница”. Смешно слово...

Почетный пенсионер МВД, прикинь! Ты только не смейся, но бабушка — генерал милиции. Я ее так и зову — генеральша Попова. Все к себе зовет. Только мне там страшно. Там все — мертвецы.

Она встрепенулась. Села. Распахнула свои огромные глаза.

— Они — ожившие мертвецы. А тут — те, кто умрет. Понимаешь разницу?

— Конечно.

Она оперлась на руки, заглянула ему в лицо.

— А ты не умрешь. Смерть рядом с тобой, но ты не умрешь. Я вижу. Я это тогда научилась видеть. Смотрю на человека — и что-то вот как тут

щелкнет. — Она прижала кулачок к виску. — И вижу, как он лежит мертвый. У тебя такое бывает?

— Иногда.

Максимов свесил руку с тахты, нашарил пачку сигарет и зажигалку.

— А ты зачем на “блоху” пошла?

— Воровать. — Она смущенно улыбнулась. — Я же пятый день ничего не ем. Как Эд пропал, так ничего не ем.

Он решил пока не курить. Рывком встал на ноги.

— Оставишь себе все, что я принес.

— А ты?

— Еще добуду.

— Нет, я не о том. Ты уйдешь и не

вернешься?

Максимов замер со свитером в руках.

— Марина, я просто не знаю, вернусь или нет. Честно.

— А ты не уходи, и не надо будет возвращаться.

Он натянул свитер.

Старые львы

Владислав собрал в своем кабинете одних матерых “стариков”. Он отобрал их лично, сам проверил на слом, тащил за собой всю жизнь. С годами мужики налились кряжистой, негнущейся силой. Пусть и проигрывали молодняку в резкости, зато были несуетливы и обстоятельны, там где молодые действовали нахрапом, “старики” давили выдержкой. На самом опасном участке, как Наполеон, Владислав ставил “старую гвардию”, зная, что ветераны не отступят ни на шаг, а когда двинуться вперед,

остановить их будет невозможно.

На столе стояли шесть стаканов и початая бутылка коньяка. Наскоро помянули Петра. Одним “стариком” стало меньше. Владислав отметил, что никто из поминавших нюни не распустил. Если и увлажнились глаза, так только от коньячных паров. А взгляды у всех остались прицельные, с деланной ленцой, чуть отстраненные, как у уверенных в себе охотников. Держать удар “старики” умели. И бить насмерть тоже.

— Мужики, на прокачку у нас хрен да нихрена. Сучонка “контора” дала в розыск. Если мы его не прищучим первыми, завтра на кукан

подвешат всех здесь присутствующих.

— Что ему вешают? — спросил Фаддей, сидевший по правую руку.

— То же, что и мы. — Владислав хищно усмехнулся. — Использование служебного положения в корыстных целях.

— К бабке не ходи, они уже заблокировали его явки и нычки. — Фаддей хмурым взором уставился на пустой стакан. — Какие знают, конечно. Без своих оперативных возможностей у него путь один — в банды.

Владислав растелил на столе схему.

— Смотрим мужик и думаем. Это связи сучонка по нашей линии. У

кого есть идеи, выдавать сразу и вслух.

Скрипнули придвинутые к столу стулья. Пять седых голов склонилось над распечаткой.

В дверь постучали беглой морзянкой. Владислав нажал кнопку под столешницей. Дверь отъехала в сторону, впустив Наташу.

Она успела сменить хирургический балахон на строгий черный брючный костюм. Волосы у нее были пострижены в короткий бобрик, как у Владислава. Только не седой, а цвета мокрой ржи. Она тоже числилась “стариком”, несмотря на свои тридцать лет.

Наташа кивком поздоровалась со

всеми. Продолжала втирать в пальцы крем.

– От этих резины кожу щиплет просто жуть, – проворчала она.

Владислав выжидающе посмотрел ей в глаза.

– Стас, я не виновата, что у девки слабое сердце! – вспылила Наташа. – Раствор Рингера* убить не мог. От страха померла, мокрощелка недоделанная.

* – антисептическое средство, применяется внутрененно после полостных хирургических операций и при сильных отравлениях, побочным действием является продолжительный сильный озноб.

Наташа взяла из пачки “Кэмела”,
лежавшей на столе, сигарету.
Закурила. Тряхнув головой,
выпустила струйку дыма.

— У-у-ф. Мое мнение, она
нифига не знала.

— Так не бывает, — не поднимая
головы, обронил Фаддей.

Остальные согласно кивнули.

— За свои слова я отвечаю.
Зрочки ни разу не среагировали,
какой вопрос ей не задай. Либо
полная амнезия, либо она,
действительно, его ни разу в жизни
не видела. Однако она его видела и
не раз. Такого не заметить
невозможно.

— Сама, что ли, на Димкину

попку облизывалась? – подколол Степан.

– Ой, только не надо! – Наташа презрительно скривыла губки. – Это вы ему в рот заглядывали. А я сразу тухляк почуяла. Говорила? – обратилась она к Владиславу.

– Было дело. Но без доказательств, кто же верит.

– Надо было ко мне хоть раз на укольчик привести, были бы тебе доказательства.

– Такие как Диман не колятся, а сразу ломаются, – возразил Фаддей. – Был бы труп, а не доказательства. Лучше бы ты ему дала разок, вот, глядишь, и имели бы информашку для размышления.

Наташа пыфкнула сигаретой.

— Яйца у тебя, Фаддей Игнатович, уже седые, а в бабах так ничего и не понял. Чем дольше баба не дает, тем дольше тебя на крючке держит. Чем дольше мужик на крючке болтается, тем больше из него вытянуть можно. Ясно?

— Личный опыт не может служить доказательством, — отбрил Фаддей.

Владислав шлепнул ладонь по столу.

— Все, тема закрыта! В “медпункте” убралась?

Наташа кивнула.

— Я “похоронной команде” и Вовчика до кучи отдала. Правильно

сделала?

– Не возражаю.

Наташа затянулась сигаретой, через плечо Степана заглянула в распечатку.

– Зря мозги коптите, мужики.

Все дружно посмотрели на нее.

Наташа несколько секунд наслаждалась всеобщим вниманием.

– Пока я с девочкой работала, мне мысль в голову пришла. Рожухин же хитрый мальчик, так? Не мог он “аппендикс” наростить там, куда вы в первую очередь нос сунете. Так что, не смотрите на схему. “Аппендикса” там нет. Потому что не может быть.

Владислав указал ей на

пустующий стул. Но она осталась стоять. Знала, что фигура у нее безупречная, глаз не оторвать, тело гибкое, как у пантеры, и неожиданно по-мужски сильное.

— Что мы знаем наверняка, мужики? Что Дмитрий таскал с нашего сервера данные, достаточные для организации “центрального террора”. А потом успешно с ним боролся. Насколько успешно, пусть судит его братва с Лубянки. Для меня главное, что он имел все необходимое для самостоятельной игры: нашу информацию, их оперативные возможности и силовой потенциал банд.

— Почему — самостоятельной? —

спросил Фаддей.

Наташа отмахнулась.

– Потому! Итак, недостает одного элемента – “мозгового центра”. Кто-то должен был сводить все в единое целое.

– “Бетховен” – это миф, ты же знаешь. Мы сами его и придумали.

Под ее саркастическим взглядом Владиславу стало неловко.

– Ладно, твоя взяла. Придумали с подачи Рожухина.

– О! – Наташа вскинула пальчик с острым алым ноготком. – А теперь с трех раз угадайте, кто мог играть роль “Бетховена”. Не липу впаривать, а реально выполнять функцию координатора. Ну? Мужики, да вы

что, совсем себе мозги прокурили?!
Он сам и крутил, это же очевидно!

– Но не убедительно, – осадил Фаддей.

– Если такой умный, скажи, где сейчас искать Рожухина!

– А мы, между прочим, о том и мозгуем.

Наташа наклонилась над схемой, сигаретой указала на прямоугольник, расположенный особняком от других, скомпанованных в плотную группу. К прямоугольнику с надписью “Бетховен” шла единственная пунктирная линия.

– Почему? – спросил Фаддей, откидываясь на спинку стула. – Докажи!

Владислав хлопнул ладонью по столу.

– Она права! Это единственный его адрес, о котором не знает “контора”. Пока не знает. Если он раньше нас возьмет под контроль “Бетховена”, мы горим синим пламенем. Все стрелки на нас переведет, сука! – Он достал из ящика стола пистолет, сунул в кобуру. – Спорить некогда. Мужики, по коням!

Странник

Свеча бросала в лицо дрожащий янтарный свет. Из зеркала смотрело совершенно чужое, словно не из этого мира лицо. Он чуть повернул голову, и в прорезях маски по ту сторону стекла вспыхнули зрачки.

Впившись в них взглядом, он ждал, пока из зрачков не уйдет тепло. Когда они окончательно заledenели, он подмигнул своему отражению.

«Вот так и надо. Таким ты мне нравишься».

Максимов смыл с щек остатки мыльной пены. Кожу немного щипало от порезов.

– Что ты там делаешь? – донеслось из кухни.

– Возвращаюсь старому правилу: или отпуская бороду, или брейся каждый день, – ответил Максимов.

Марина сидела на табурете, забравшись на него с ногами. На остро выступающих из-под юбки коленях пристроила кружку с дымящимся чаем.

– Я яблоко в чай накрошила. Вкусно. Хочешь?

– Пока нет.

Он посмотрел в ее по-детски отрешенное лицо. Она полностью ушла в свой мир, цветной, яркий и непредсказуемый, как узоры в калейдоскопе.

«Счастливая. Замерла на грани между безумием и отчаянием. Мы сгинем, а блаженные унаследуют землю. Правда, изгадили мы ее изрядно. Помойка помойкой, а не среда обитания. А они этого не замечают. Дети-цветы. Гибрид Страшного суда и светлого будущего».

– Сегодня ночь пойдет снег.

– Что?

– Сегодня ночью пойдет снег, – повторила она. – Снег – это летучий лед. Мир станет черно-белым. И все начнется с начала.

«Нави! – обмер Максимов. – Святой безумец».

Он опустился на корточки у ее ног.

– Что ты еще видишь, Марина?

Она навела на него свои распахнутые глаза.

– Скоро сюда придет человек, чтобы умереть. Ничего уже не поделать. Его время кончилось.

Преторианцы

Наползающий на город комендантский час зажигал огоньки в окнах домов. Самое тихое, боголепное время. Законопослушные граждане уже забились в свои норки. А те, кому уже все по барабану, еще не начали ночной дебош.

Официально комендантский час ввели “для обеспечения безопасности граждан в темное время суток от противоправных действий криминальных элементов”. Кого защищала мера “по нормам Особого периода” становилось ясно, стоило только взглянуть на график

комендантского часа. Ограничение на передвижение расплзлось от границ Домена к окраинам с уступом в час. Чем ближе к окраинам, тем позднее полагалось сидеть по домам и без надобности не высовывать носа на улицу. Плотность патрулей тоже убывала от центра к окраинам. В спальных районах, прозванных “гарлемами” сил едва хватало, чтобы держать под контролем основные магистрали. Об “обеспечении безопасности граждан” не шло и речи. Там гуляли круглосуточно, да так, что дым стоял коромыслом. Иногда в прямом смысле слова. Обитатели “гарлемов” страдали языческой пироманией: обожали

тусоваться вокруг горящих бочек, поджигать помойки и устраивать пожары в ограбленных квартирах.

Бетховен жил на нейтральной полосе. Точно между не растерявшим приличие Домена Соколом и расхристанным Речным вокзалом.

Двигатель урчал на малых оборотах. “Бычок” накатом прокатил по притихшей улочке. Дмитрий успел разглядеть слабый свет в окнах Бетховена. Нажал на газ, рывком вогнал машину в ближайший проулок.

Бетховен долго кхыкал и кхекал, возясь с замком. Марина терпеливо ждала, прижимая к груди банку тушонки.

Наконец, дверь приоткрылась.

«Мало ему, что глаз о глазок намозолил, так еще в щель тамбур просмотреть решил. Осторожный, гад».

Бетховен, убедившись, что в тамбуре никого, кроме соседки нет, шире распахнул дверь.

– Мариша, к-хм, чем обязан?

– Вот. Подарок.

Марина протянула ему банку.

Бетховен недоуменно уставился на нее.

Через секунду налетел черный вихрь, Бетховен, охнув, стал оседать на пол. Правую руку, сживавшую что-то в кармане халата, парализовало ударом.

Вторым ударом – ладонью под подбородок – Максимов втолкнул его в квартиру. Отстранил Марину, парализованную от неожиданности. Бетховен, по-рыбьи хватая толстыми губами воздух, продолжал пятиться, не в состоянии восстановить равновесие. Максимов подсечкой помог ему упасть. Подстраховал, чтобы грузное тело не наделало слишком много шума. Сунул руку в правый карман стариковского халата, разжал скрюченные пальцы. Вырвал

коротконосый дамский браунинг. Осмотрел, укоризненно покачал головой и сунул себе в карман.

Квартирка была маленькая, хоть и двухкомнатная, но "хрущоба" она и есть "хрущоба", спрятаться негде.

Максимов перешагнул через конвульсивно вздрагивающее тело, вышел в тамбур.

У Марины был глаза оленека, ждущего выстрел.

«Да, обманул, воспользовался, да, я сволочь и гад! Но... Ничего не объясняй, не проси прощения. Все равно не поймет».

— Уходи, девочка моя, уходи немедленно, — прошептал он.

Она заторможенно отшатнулась.

На правое веко выползла слезинка.

— Возьми пропуск и поезжай к бабушке. Прямо сейчас. Еще успеешь.

Он отступил за порог. Беззвучно захлопнул дверь.

В глазок была видна девичья фигурка, замершая в проеме распахнутой двери. Потом она пропала. Появилось вновь. Закутанная в не по росту армейскую куртку.

«Открой дверь, схвати за руку и не отпускай, пока не доберетесь до ее Изумрудного города. Она научит тебя видеть мир распахнутыми глазами. Помоги ей, и она спасет тебя. Ну, еще можно все изменить! Помоги ей вернуться к морю, уведи в

леса, куда угодно, только подальше от этого ада. Ты же тоже устал, ты слишком долго шел своей дорогой. Возьми ее за руку, и пусть ведет туда, куда сама захочет!»

Щелкнул замок. В тамбуре прошелестела юбка. Клацнул замок двери в тамбур.

Сердце рванулось вслед за ней. Он остался на месте. Сердце вернулось, забилося, как птица в кулаке. Замерло. Заледенело. Твердое, как стальной поршень, толкнуло по венам кровь.

«Ты чуть не сошел со своего Пути. Ты стал бояться смерти? Раньше ты боялся одного – не дойти до конца».

Максимов развернулся, крикнув, оторвал Бетховена от пола, проволоком в комнату и кулем бросил на диван. В ванной стряхнул с веревок влажное белье. Ножом срезал веревку. Вернулся в комнату и надежно связал Бетховена.

Осмотрел книжные полки, рабочий стол. По первому впечатлению, Бетховен был типичным трудоголиком: безалаберным в быту и скрупулезным в работе. Книги и папки со скорошивателями, контейнеры для бумаг и канцелярские принадлежности содержались в идеальном порядке. Ноутбук покрыт бархотной тряпочкой. Зато по всей

квартире – неряшливое запустение.

«Устроить обыск по полной программе, или нет?»

Чутье подсказало, что времени в обрез.

Бетховен заворочался на диване. Максимов оглянулся. Он тщательно перебирал книги на полках. Почти за час обыска он нашел немало интересного. Находки складывал на стол, будет о чем поговорить.

Максимов бесшумно подошел, присел рядом. От толстого халата Бетховена шел тяжелый дух старческого пота и больного тела. По выпавшей из-под халата противно белой ноге змеились варикозные вены.

«Ну и куда ты со своим здоровьем в наши игры? Пенсии не хватило? Или, конь старый, не навоевался на тайном фронте?»

Бетховен замычал, силялся вытолкнуть членороздельные звуки через кляп. Тужился долго, до бисеренок пота на лбу. Максимов ни слова не произнес, знал – молчание, тягучее, выжидающее молчание действует лучше крика. Наконец, Бетховен дошел до нужной кондиции. Застыл, тараща глаза.

Максимов аккуратно вытащил кляп, указательным пальцем надавил под кадык, – вдруг балбес заорет, могло быть и такое.

– Говори. Крикнешь – отправлю

на тот свет. Если понял, кивни.

Бетховен отчаянно замотал головой.

– Вижу, понял. Говори.

Максимов убрал палец.

– У меня... Я помру сейчас. –

Глаза у Бетховена налились кровью, распухший шершавый язык мешал говорить. – Мне... У меня диабет... Укол! Или убей сам. Я не...

Максимов вдавил палец, заглушив крик. Из раскрытого рта вырвалось шипение, белые капли прилипли к распухшим синим губам.

– Не ори. Кроме астмы, еще и диабет? Ну ты даешь! на одних лекарствах раззоришься. Кто снабжает инсулином? Куратор?

Бетховен вытаращил глаза. Синюшные губы затряслись, выдавливая пузырьки слюны.

— Где шприц? В холодильнике?

Бетховен отчаянно закивал. Максимов воткнул ему в рот кляп, вышел из комнаты. Выглянул из окна кухни во двор. Без изменений. Только дождь припустил с новой силой.

Время шло, время, подаренное ему теми, кто погиб раньше. А результата нет, хочешь — вой, хочешь — вешайся.

«Не надо! — одернул себя Максимов. — Шансов — один на миллион. Но этот шанс — ты сам. Так что, не мандражируй. Верь — и все будет по-твоему!»

Он вернулся в комнату. Показал Бетховену тонкий инсулиновый шприц. Тот дернулся всем телом.

— Не шуми. — Максимов сел рядом. — Я задам пару вопросов, после этого введу инсулин. Извини, иначе не могу. Не согласен, помирай так. Ты мне не нужен. Отдашь куратора, оставлю жить. Даю слово. Я пришел за ним. Ты просто встал между нами. Отойди, пока не поздно. Выбирай. Это не предательство, нет. Ты не создан для этой войны. Сдайся, и перестанешь быть моим врагом. Обещаю, я тебя пальцем не трону. — Говорил тихо, склонясь к самому лицу.

Бетховен дернул кадыком,

мучительно сглатывая вязкую слюну, и кивнул.

Настал момент, когда он мог отчаяться до самоубийственной смелости, заорать во все выжженное сухостью горло, заставив Максимова самому нанести последний удар. Порой встречались и такие. Но редко. Решив не искушать судьбу – слышимость в "хрущобе" была невероятной, все проходило под несмолкаемый аккомпанемент семейных разборок, бушевавших на два этажа ниже, – Максимов не вытащил кляп.

– Соловей приходил к тебе?

Бетховен кивнул. Это была проверка.

— Ты сам разрабатываешь операции?

Бетховен отчаянно замотал головой.

— Просто передаешь то, что приносит куратор?

Бетховен трижды кивнул.

— Плагиатор ты, дядя, а не Бетховен, — процедил Максимов.

Телефон зазвонил неожиданно. Злая, тревожная трель забилась в полумраке комнаты. Максимов рванулся к столу, перетащил аппарат к дивану, левой рукой выдернул кляп, правая сама собой выхватила из-под рукава стилет. Тонкое лезвие легло на горло Бетховена.

— Я сниму трубку. Только пикни

лишнее!

— Не... Подожди, — просипел Бетховен и зашелся кашлем. Белки глаз залило красным. — Нет... Ах-х - ха... Он... Если, он, хр-хр-ха, через два прозвона перезвонит. Еще один звонок, и бросит трубку. Он близко. Минут десять, не больше. Он всегда так...

— Откроет своим ключом? — догадался Маскимов.

— Да. У двери не встречай. Это — сигнал. Сразу выстрелит. Он такой... Укол, прошу тебя! Все, а-ха, все... Только укол, прошу тебя!

Одутловатое лицо стало багровым, губы отвисли, сейчас он еще больше стал похож на старого

налима, выброшенного на берег.

Максимов воткнул кляп. Укол сделал быстро и сноровисто. Тело Бетховена разом обмякло, он облегченно закрыл глаза.

– Теперь лежи тихо. Тебя уже здесь нет.

Максимов выудил из кармана халата Бетховена флакончик спрея. Выстрелил в воздух ментоловой струей, убивая посторонний запах.

Сел на пол, спиной оперевшись на диван. Пальцы поглаживали полированное жало ножа.

Преторианцы

Дмитрий шарахнулся за дерево.

Из подъезда выскользнула девушка. Замерла, задохнувшись от порыва ветра. Долгополая юбка хлестнула по ногам.

Ссутулившись, наваливаясь на ветер, девушка побрела из двора.

Дмитрий проводил взглядом соседку Бетховена. По учетам ее “пробил” давным давно, опасности она не представляла, разве что досаждала Бетховену привычкой петь тоненьким сопрано всякую бардовскую мутотень. Квартиру ей организовала бабушка, бывшая

соратница Бетховена. Старая “железная леди” время от времени навещала к внучке, чтобы спасти от голодной смерти и избавить от очередного сожителя. Девочка была с большим прибабахом на всю голову, самым верным признаком слабоумия, по мнению Бетховена, было категорическое нежелание переселяться в Домен.

Дмитрий посмотрел на окна Бетховена. В большой комнате горел свет, на форточка кухне была плотно закрыта. Бетховен где-то случайно заработал химический ожог бронхов и с тех пор панически боялся открывать окна. Мало ли что надует сквозняком, прошли времена, когда

для здоровья спали с открытыми форточками. Открытую форточку они договорились сделать сигналом провала. Случись такое, Бетховену не составили бы труда разыграть приступ удушья, чтобы заставить чужих впустить свежий воздух в квартиру.

Большая часть дома уже уткнулась носами в телевизоры или лицами в подушки. В трех квартирах гомонили пьяные компании. На этаже ниже Бетховена без особой злобы били женщину. Скорее всего, просто скандалили с рукоприкладством.

Дмитрий достал из кармана ключ от двери подъезда. Собрался, как перед броском. Досчитал до

десяти, с удовлетворением отметив, что сердце не трепещет, а бьется туго и ровно. Быстрым шагом пересек двор.

Вставил ключ в замок. Провернул. Распахнул дверь.

В подъезде отчаянно воняло кошками. Кто-то совсем недавно помочился на батарею. Лужа растеклась до самого порога. Но, на удивление, лампочки были целы.

Он придержал дверь, успев в щель осмотреть двор. Никого. Только ветер гоняет мусор между стволами деревьев.

Стену до самого потолка украшали граффити нецензурно и наркоманского содержания. Со

времени последнего визита на явку прибавилось две надписи: разоблачающая низкий моральный уровень какой-то Тани и пародия на девиз “Движения”: “Родина — это судьба!” Неизвестный антипатриот изменил “судьба” на матерное название женского полового органа.

Но Дмитрия интересовала древняя, глубоко выцарапанная надпись: “Все менты — козлы”. Рядом с “ы” крестика не было. Если Бетховен засек или почувствовал неладное вокруг явки, он бы оставил знак. Пусть даже маленький. Ничего не стоило, проходя мимо, наскоро перекрестить стену ключом или еще чем-нибудь острым.

«Действуй, время на исходе!» – приказал себе Дмитрий.

Достал из кармана пистолет. Сменил магазин. Передернул затвор, загнав патрон в ствол.

Бесшумно скользя вдоль стены, стал подниматься вверх по лестнице.

Прошел до пролета последнего этажа. Отдышался, снимая напряжение. Сбежал вниз, на четвертый. Дверь в тамбур Бетховен намеренно подпортил, списав на хулиганье. В расковыренную щель между плинтусом и дверью прекрасно просматривался тамбур. Никого.

Дмитрий беззвучно открыл замок. Толкнул дверь и пируэтом

развернулся спиной к стене. Ни из тамбура напротив, ни из квартиры Бетховена никто не вырвался. Дмитрий потряс пистолетом в опущенной руке. По мышцам пошла волна, выжимая напряжение.

Вошел в тамбур. Последняя “контролька”: баллончик с краской в полуразвалившемся комоде, приткнутом к стене у дверей малохольной соседки. Баллончик, как ему и полагалом стоял вертикально. В случае опасности Бетховен должен был уронить его набок. С л у ч а й н о зацепив ногой.

Дмитрий позвонил в дверь. Подождал, пока Бетховен, шаркая тапочками, не подойдет к двери. Не

подошел. Значит, никто его с пистолетом к спине к дверям не подвел.

Вставил ключ в скважину. Провернул то щелчка. Мягко толкнул ногой. И таким же замедленным движением приподнял пистолет на уровень талии.

Выждал четыре удара сердца и переступил через порог.

В полумраке витал густой шлеф ментола. Слабый свет шел из большой комнаты, там сипло дышал Бетховен.

— Опять приперло, Борис Борисович? — спросил Дмитрий.

— Д-х-аа, — прокряхтел спертый спазмом голос.

Щелкнул замок двери.

– Это никуда не годится! Вы нам живым и здоровым нужны.

Дмитрий повернулся, чтобы набросить цепочку на дверь.

Он почувствовал, как загустела темнота за спиной, дыхнула в затылок жарким дыханием зверя, изготовившегося к прыжку.

– Не стреляй, Странник! – успел прошептать он. – Когти Орла...

Старые львы

Они вышли на цель, как стая ночных бомбардировщиков, в режиме полного радиомолчания.

Обложили дом с четырех углов. Выставили засады на путях вероятного прорыва. Запустили в подъезд разведку: Фаддей и Степан сыграли алкашей, измученных холодом и жаждой накатить честно добытую бутылку.

Владислав и Наташа остались в машине одни.

Наташа вольготно развалилась на заднем сиденье, еще не остывшем от грузных сидалищ “стариков”. От

нечего делать, полировала пилкой ногти. Владислав беззвучно барабанил пальцами по баранке.

— Ты шефу доложился? — спросила Наташа.

— Начальство любит решение, а не проблемы.

— Мудро. Но стремно. Результат же не всегда бывает положительным.

— Не каркай.

Она послунявила ноготь. Провела по нему пилкой.

— Слушай, ты ногти полируешь, потому что дура, или у тебя это нервное?

— Женское.

Владислав усмехнулся.

— На захват мальчиков надо было

братъ, – обронила Наташа.

– Чтобы тебе не скучно было с ними в тесноте ехать?

– Мне и с Фаддеем было весело. Все коленки излапал. Как-бы невзначай.

– Дала бы по рукам.

– Да бог с ним, убогим. Не лишать же последней радости лишать старого пердуна. Мальчиков надо было брать, Стас. Твои “старики” в сыске сильны. А в захвате – стадо бегемотов.

– Ты видела бегемотов?

– Только в зоопарке.

– Вот и не звезды!

Наташа зевнула.

– Стас, а ты уже подумал, что

Салину лепить будешь?

— Не проблема. Он сам Рожухина к нам привел. Что-что, а свои ошибки Салин признавать умеет.

— Похвальное качество. Знаешь, о чем я думаю? Маловато будет одного агентика в нашей конторе. Девочка-припевочка и мальчик-туберкулезник — нифига себе “Красная капелла”*!

* — агентурная сеть советской военной разведки и ИНО НКВД в годы Второй мировой войны, действовала в Бельгии, Франции, Германии и Швейцарии. Стала объектом активной игры спецслужб

союзников и Рейха. “Капелла” пережила серию провалов, в ходе которых, в частности, была полностью ликвидированна берлинская резидентура. По окончании войны руководители “Красной капеллы” Тепер, Радо и Гуревич были арестованы и осуждены за провал работы сети. Первые двое, отсидев десять лет в тюрьме, были реабилитированы. Наиболее трагически сложилась судьба Гуревича (“Кент”). Успев передать сигнал о работе под контролем гестапо, он пошел на радиоигру с Центром, что было позже инкриминировано ему как пособничество врагу. Вину не

смягчила добовольная сдача в руки советской разведки следователя гестапо, ведшего дело “Капеллы”, к которой его склонил Гуревич. Выйдя на свободу в 1955 Гуревич стал настаивать на снятии обвинения, в результате чего в 1958 был осужден вновь на пятнадцать лет, с зачетом ранее отбытого срока.

Владислав бросил взгляд в зеркальце заднего вида. Плотно сжал губы.

— Сначала Рожухина возьмем, остальное подождет.

Наташа, как кошка, потянулась.

— Конечно, лучше его живым взять. Я под горячую руку на

“конвейер” не хочу попасть.

Владислав холодно усмехнулся.

– Заслужишь, попадешь.

В переулке показалась приземистая фигура Фаддея.

– Нет, ты посмотри на его походку! Бегемот с геморроем.

Владислав цыкнул на нее. Приспустил стекло.

Фаддей наклонился к щели и прошептал:

– В адресе!

– Уверен?

– На все сто. Его голос.

Наташа сбросила ноги на пол, перегнулась через спинку сиденья.

– Стас, давай я пойду! Любой из вас Димке “момент истины” устроит

и без моей “химии”. А там отмычкой надо сработать, тихо-тихонечко. Ну, Стас!

— Без тебя, красавица, разберемся. — Фаддей болезненно поморщился. — Я замки сбивал, когда твой папа на твою маму еще не лазил.

— Стас, посмотри на его руки и на мои.

Наташа выставила ладонь с широко разведенными пальцами. Тонкими и чувственными, как у пианистки.

Владислав на секунду задумался.

— Наташа ломает замок. Входят Фаддей и Степан. Я — следом. Стрелять только по конечностям.

Bce!

Странник

Максимов насторожился раньше, чем возник этот звук.

Сквозь негромкое урчание ноутбука, отчетливо слышалось тихое царапанье в замочной скважине.

Максимов на ставшими пружинистых, как у кошки, ногах прокрался в коридор. О н и стояли за дверью тамбура. Несколько человек. Тишина в подъезде изменилась. Стала живой, вязкой.

«Чувство кольца».

Он остро почувствовал их готовность к броску. И еще страх. Не

испытывают страха только дураки и мертвецы.

Бесшумно вернулся в комнату.

Дмитрий сидел в кресле, вытянув ноги и откинув голову на подголовник. Руки неподвижно лежали на коленях. Расслабленный и равнодушный ко всему. Как человек, достигший конечной точки долгого пути.

— “Пальчики” с клавиатуры сотри, а флэшку не трогай, — прошептал он в потолок. — Не забудь мой подарок. Может пригодиться.

Максимов взял со стола два черных кубика, не больше игральные кости.

— Как пользоваться, знаешь?

– Ударного действия?

– Нет. Просто чиркни по одежде.

– Прогресс, – проворчал

Максимов.

Дмитрий повернул к нему голову.

– Постарайся успеть, Странник.

– Страшно?

– Да. Иди.

Максимов шагнул в спальню.

Окна ее выходили на противоположную сторону.

Оглянулся, уловив движение за спиной.

Дмитрий продолжал неподвижно сидеть в кресле. Только теперь в его руке был пистолет с глушителем.

Старые львы

Фаддей засунул голову в тамбур. Загримасничал, словно ему на ногу шпилькой наступили, а кричать нельзя.

Наташа, стоя у дверей на коленях, повернула голову. Сделала страшное лицо, губы беззвучно прошептали длинную матерную тираду. Подняла средний палец вверх.

Отвернулась к двери. Нежно погладила пальчиком замок. Осторожно ввела в прорезь тонкую отмычку.

Бетховен мертвым тюленем развалился на диване, ни поднять, ни перевернуть. Слабое свистящее дыхание срывалось с дряблых губ. Бетховен был в глубокой коме, инсулин не помог, выстреливший в кровь сахар отравил организм.

Дмитрий положил ладонь на дряблый живот Бетховена, прямо на солнечное сплетение, вторую — между ключицами. Резко, основаниями ладоний, нажал, послав разрушительный импульс глубоко в тело. Кровь с двух сторон хлынула к сердцу, адским напором разрывая

аорту. Бетховен судорожно дернулся, выгнулся, замер, широко распахнув рот. Сипло выплеснул из себе кислый воздух, грудина опала, голова свалилась набок. Сквозь потерявшие форму синюшные губы вместе с пеной выполз дряблый язык.

— Если бы вы знали, Борис Борисович, как давно я это хотел сделать!

Произнес намеренно громко, рассчитывая на уши тех, кто стоял за дверью.

В замочной скважине царпанул металл о металл. Наверное, у кого-то дрогнула рука.

В спальне тонко скрипнула оконная рама.

«Пора!»

Дмитрий навел пистолет на
замочную скважину.

Старые львы

Вопреки прогнозу Наташи, Фаддей прошел сквозь тамбур абсолютно бесшумно. Правда, с грацией бегемота, идущего на цыпочках. В руке он держал специальной формы фомку, чтобы подцепить стальную дверь, если она окажется закрытой на засов.

Наташа сдвиг со лба прядку, посмотрела на Фаддея. Вытянул губки, послав беззвучный поцелуй. Фаддей покрутил пальцем у виска. Сделав страшное лицо, кивнул на дверь.

Наташа, медленно выбрасывая

пальцы, дала отсчет: раз, два, три.

На “три”, она стала медленно проворачивать отмычку.

Сквозь приоткрытые губки проклюнулся влажный кончик языка.

Дверь дрогнула от удара. Замок взорвался, выплюнув в лицо Наташи пламя и стальное крошево.

Когти Орла

Целил чуть ниже замочной скважины.

За дверью кто-то вскрикнул, и тут же, вышибая из двери щепки, в

коридор влетели первые пули.

Дмитрий еще три раза выстрелил в дверь, укладывая пули в одну линию. Завалить никого не рассчитывал, старался выиграть время и не дать им вышибить дверь.

Старые львы

Владислав увидел, как отшвырнуло к стене Наташу.

Первым рванулся в тамбур, перескочил через разбитый комод, закрывавший проход, в подкате затормозил у самой двери. Всадил две пули в раскуроченный выстрелом замок. В двери на уровне его лицо образовалась дыра с рванными краями. На срезе ярко светилась тонкая полоска стального листа.

«Слава богу, дверь халтурная. Пулю не выдрежит», — мелькнуло в его голове.

Он сделал парный выстрел: в

дыру и чуть выше. Обе пули ворвались в квартиру.

Владислав кульбитом вскочил на ноги. Отпрянул за косяк. Успел.

Три пули прошили дверь изнутри. Две нарисовали белые астры на стене. Последняя выплеснула на стену алый цветок.

Пуля вошла в плечо Наташи. Но она даже не вскрикнула. Как сидела, привалившись к стене, свесив голову, капая себе на колени красным, так и завалилась набок, свернувшись калачиком.

«Га-си-и-и!» — услышал Владислав собственный крик.

О н и ответили шквальным огнем.

«Вот сейчас пора», – мелькнуло в голове.

Еще выстрел, и затрещала срываемая с петель дверь.

А он уже стоял на подоконнике в спальне и ловил тонкую бечевку. Дернул что есть силы. Сверху упал канат.

Четыре узла. Четыре рывка – и он уже беззвучно бежит по крыше.

«Вечная слава Никите Хрущеву! Только с пятиэтажной "хрущобы" можно спуститься, не рискуя

разбиться в лепешку», – подумал он, спускаясь с одного забитого хламом балкона на другой.

Держась за выступ верхнего, он свободно доставал ногами до перил нижнего.

«Только не думать о мокрых перилах, только не шуметь, не дышать, скользить, едва касаясь пальцами шершавого камня. О-оп. Все!»

С этой стороны дома не было подъездов, окна до четвертого этажа заслоняли деревья, а вечная канава с горами влажно блестящей в темноте глиной гарантировала, что и х машины здесь быть не может.

Глаз заметил дрогнувшую тень

справа в кустах.

Тело ушло в кувырок. Из второго он выстрелил на вспышку алого цветка.

Чужая пуля вспорола воздух в миллиметре от плеча. Потом раздался треск веток под падающим телом.

Максимов перепрыгнул через канаву и растворился в разлитой между домами темноте.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Старые львы

После обеда Салин имел привычку закрыться в маленькой комнате позади кабинета и часок-полтора повалиться на диванчике. Телефоны переключал на секретаря. Подчиненные давно поняли, что застать его с двух до четырех часов невозможно, и лишний раз не тревожили. Для себя он прозвал этот час – “часом прессы”. В отличие от

большинства, он никогда не читал газет по утрам. Только документы. Сразу же настраивался на работу. Да и информации получал больше. Двойной выигрыш. А газетки могли и подождать. Не было в них того, что он читал в сводках. Да и не могло быть. Даже в приснопамятные времена гласности, будь она неладна.

Сегодня “час прессы” затянулся до ранних сумерок. За окном неожиданно бытро погасло небо. То ли тучи нагнало ветром, то ли опять сгустился смог. Воздух в кабинете, как во всем здании концерна, проходил тройную очистку, насыщался полезными ионами и влагой. Но ничего сегодня не

помогало. Удушье душило так, будто наглотался городского смрада.

Устав от распирающей боли в висках и звездочек, прыгающих под веками, Салин, чертыхаясь, принял лекарство.

По последней лечебной методе полагалось поглощать снадобья по сложной схеме: три беленьких шарика из одной баночки, восемь желтеньких катышка из второй, четыре крохотных таблетки из третьей и по одной пастилке из пяти коробок разного цвета. Упаси господь перепутать количество и последовательность. А как не запутаться, когда порядок и доза менялись четыре раза в день, а на

следующий день полагалась новая схема. Называлось это “медикаментозная терапия пятого поколения”.

«Можно представить, что они в шестом поколении намудрят! — Салин с неудовольствием покосился на ряд баночек и коробочек, выстрившихся на столике у дивана. — То ли дело раньше, съел какую-нибудь “тройчатку” — и весь день здоров!»

Головная боль понемногу отступила. Осталась только разбитость во всем теле. Да еще мучительные судороги корежили икры.

Он подумал о ионном душе.

Шекочущие и колючие струи в купе с озоновым паром быстро возвращали бодрость. Но установка помещалась в крохотном пенале, а добраться до его двери через всю комнату отдыха пока не было сил.

И он остался лежать, закинув руку за спинку дивана. В таком положении растягивались мышцы спины и в позвоночнике унималась тягучая боль.

«Как там сказал Администратор? “Я уйду, как Первосвященник, который стал свидетелем разрушения Храма”. Так, кажется. Неужели история никому не учит? Неужели мы обречены раз за разом сдавать ей невыученный урок?

— Он покатал под языком слюну, пропитанную лекарственной горечью, с трудом сглотнул. — Мне мы все напоминаем путника, обнаружившего в пустыне собственные следы. А сил ползти дальше просто нет».

Он закрыл глаза. Надо было отмотать пленку памяти назад, найти тот момент, когда произошел системный сбой, и ошибка стала порождать череду ошибок, вязать их горидиевым узлом, удавкой набрасывать на шею...

Он еще застал сталинских зубров Контроля. Могучих людей, могучей судьбы. Загубившие не одну тысячу жизней и положившие на

алтарь великой страны собственную, они ведали истинную цену всему: человеку, времени, стране. Благодаря им, Салин умел быть благодарным и презирал людей, лишенных этого чувства, он стал другим. Врожденный иезуитский ум стал еще более острым и изощренным. Но самое странное, если не страшное, только, перевалив за пятидесятилетний рубеж, войдя в возраст зубра, приняв от них дела и эстафету Контроля, он понял по-настоящему... нет еще не понял, не постиг, а лишь ощутил свою страну.

Она представилась ему огромной, трепещущей от бродящих в

ее толщи волн энергии, бесформенной массой, распластавшейся в низинах между великими горами и берегами океанов. Она была так огромна, что человеческим умом не постигнуть, то ли это тело исполинского зверя, то ли сама жизнь, спрессованная в студенистую клокочущую массу. Она жила, дышала, заходилась судорогой, пила соки принявшей ее земли и бросала в черное в высверках звезд небо протуберанцы ослепительного бело-золотого цвета.

На ее багрово-коричневой поверхности, подернутой тонкой мертвенно-белой пленкой, дрожала в такт ее дыханию полуразрушенная

пирамида.

Он вдруг увидел себя почти на самой вершине, отчаянно цепляющегося за крошащиеся камни, среди таких же, как и он, правящих и руководящих, "ответственных сотрудников" и "компетентных инстанций". А аморфная биомасса готова была поглотить рассыпающуюся пирамиду, как и все предыдущие и последующие.

Знание пришло во сне. В жуткой в своей противоестественной реальности сне. С трудом оторвав голову от подушки, все еще в липкой тине сна, встал с постели. Распахнул окно, впустил в комнату студеный валдайский ветер. Глотал жидкий

лед воздуха. Протрезвления не наступало. Завораживающий образ бурящей массы, раскачивающей и разъедающей пирамиду, накрепко засел в голове. Он понял, навсегда.

А утром позвонил Решетников. Надо было срочно возвращаться в Москву. Умер Брежнев. Началось...

По служебным обязанностям он вместе со всеми пытался спасти то, что, как он понимал, было обреченно, скрепя сердце играл, крутил операции, меньше всех веря в их успех.

Весь секрет был в том, что эта масса не способна была породить пирамиды. Их жесткая иерархия и законченность были чужды ее

аморфной природе. Правители всегда привносили ее извне, очарованные порядком и благолепием заморских стран. Но не они, а сама масса решала, обволочь ли ее животворной слизью, напитать до вершины живительными соками, или отторгнуть, позволив жить самой по себе, чтобы нежданно-негаданно развалить одним мощным толчком клокочущей энергией утробы. По его убеждению, все проекты, рекламируемые многочисленной крикливой братией реформаторов были обречены. Вопрос лишь времени и долготерпения массы.

Он знал, пирамида рухнет, из ее останков не раз попытаются с грехом

пополам соорудить новую. Так было всегда. И эту тенденцию не сломить, если только не перестрелять безумных архитекторов и полупьяных каменщиков. А на это никто идти не хотел.

Новый Генсек, чью кандидатуру одобрила сам Маргарет Тэчер, а Громыко согласовал с кем-то в Вашингтоне, затеял перестройку пирамиды. А людская масса под ней уже забурлила, как перезревшая квашня. В кругах элиты режима стихийно возник нездоровый интерес к массажисткам-экстрасенсам, ясновидящим, толкователям карт Таро, тантра, агни и просто йогам, астрологам и

уфологам. Мода хлынула на нижние этажи, как вода из прохудившегося унитаза. На газетных полосах, в радио и телеэфире вдруг замелькали “масоны”, “тайные ордена”, “Бильдельбергский клуб”, “Бнай Брит”. Появились толкователи эзотерической символики сталинских высоток и государственной атрибутики СССР. Салин хохотал до слез, когда родной ЦК выступил учредителем шизофренической газетенки с претензициозным названием “Голос Вселенной”. А что оставалось делать? Только смеяться, сам же и разбудил эту волну!

Пока Генсек с проамериканской

кличкой “Горби” гробил пирамиду власти и будоражил ложной вольностью толпу, в чрезвычайно узком кругу было принято решение работать на перспективу. Никакой чрезвычайщиной при пирамиду СССР уже было не спасти. Попытаться стоило, но лишь как способом уйти в тень, громко хлопнув дверью. Самым разумным посчитали набраться терпения и, не спеша и не оглядываясь на суесящихся у оказавшегося без присмотра корыта власти, закладывать фундамент новой пирамиды.

И тут под различными личинами, под различными предложениями через границы хлынули,

как гастарбайтеры на стройку, иноземные “вольные каменщики”, “мастера” и “магистры”. Каждый со своим проектом пирамиды, своим уставом и сметой работ. Почувствовав сладостный запах зеленых банктнот, многие из отечественных строителей бросились записываться в разнаробочие, подмастерья и прорабы грядущей стройки века. Партбилеты пока не сдавали. Наоборот, хлынули в парткомы, записываться в “горбачевский партнабор”.

Система Контроля трещала по швам. Но это только казалось. Просто временно ослабили удела.

Ждали подхода от н а с т о я щ и х,
готовя и перепроверя условия
предстоящего а г р и м а н т а.

И тогда, так же, во сне-
полубреде, Салина посетила догадка:
а вдруг в слепоте полной власти и
тотального контроля они
просмотрели н а с т о я щ и х, н о с в о
и х.

Стоило только допустить, что
масса только свысоты пирамиды
кажется киселем, что внутри она
таит жесткую кристаллическую
решетку, что из нее она кует
стержни, прошивающие очередную
привнесенную из-за рубежа
пирамиду власти, и что только эти
стрезни даруют прирамиде

устойчивость и целостность, стоит изъять их, и уже ничто не спасет государственную пирамиду от краха.

Смутная догадка стала основой широкомасштабной операции. Тогда-то он благословил проклятое карьерное ремесло. Разве смог бы он, уподобившись оставленным за спиной чистоплюям, погоревшим выскочкам и сломавшимся слюнтявым идеалистам, мечтать получить в свои руки т а к о е дело и такой а п п а р а т. Сотни вышколенных сотрудников была в его полном распоряжении. Несколько звонков, пару инструктивных бесед с нужными людьми — и завертелось колесо розыска.

Тогда еще можно было работать. Пятое Управление КГБ еще исправно ловило мышей. И партвзносы платились исправно. А в головах оперов еще не поселилось "новое мышление".

Те, кому полагалось прочесали читательские абонементы в основных библиотеках двух столиц и вычислили по нужным книгам нужных людей. Другие прочесали поднадзорные им научные, околонаучные, псевдонаучные и совсем уж запредельно-заумные круги и кружки. С литераторами, как и ожидалось, вышла одна маета. Помучившись с адептами соцреализма, опера выдали лишь два

имени. Не больше десятка дали поклонники других "измов". Так же неожиданно как были заведены, неожиданно были свернуты все "конторские" ДОРы*.

* – дело оперативной разработки

Вычисленные по ним люди в стукачи не годились. Не тот материал. В диссидентуре не марались. В свой круг чужаков практически не допускали. Да и не прижились бы они там. Мало было за ночь пролистать "Архипелаг" или научиться шамкать, как Генеральный секретарь, и уметь дословно воспроизвести очередную сводку новостей "Голоса Америки". Туда шли,

притягиваясь взаимной силой
тяжести, как планеты-гиганты, люди
иного масштаба. Долго,
непостижимо для м а л ы х долго,
сближались, узнавая себе подобных
по едва заметным намекам в научных
трудах, едва обозначенному интересу,
странной цитате из редкой книжечки
малоизвестного автора вдруг
вкрапленной в диссертацию ученика.

И ни намек на суетливую
жажду признания, ни мыслишки
продаться за "цековский" паек. На
открытый контакт с
правительственными структурами не
шли, "квасных" патриотов чурались,
экономической маниловщиной не
увлекались, официозных

политологов презирали. При этом ни по линии КГБ, ни по линии МВД брать их было не на чем. Требовался нестандартный ход.

Можно было задействовать все силы четырех подведомственных НИИ и многочисленных специалистов "на вольных хлебах". Но Салин рискнул и всю подготовительную работу проделал сам. Он сознательно засветил свой интерес в библиотеках и спецфондах, через личных знакомых, не знавших о специфике его работы, но прекрасно осведомленных о м е с т е, организовывал консультации у наиболее серьезных специалистов.

По ходу дела отметил, что все, с

кем он искал встречи, как правило, были травимы и гонимы сворой мелких шавок; диссертации при Леониде Ильиче не кропал только ленивый, была бы возможность ее продвинуть, а таких возможностей в стареющей империи масса, лишь бы ты был с в о и м человеком. Дать ход “алхимикам”, как окрестил их Салин, — и тонны кандидатских и докторских пошли бы на макулатуру, пришлось бы с треском разогнать не один институт, корпящий над высосанными из пальца проблемами и вытряхнуть из мягких кресел десятков академиков. Но Салин, даже если бы это было в его власти, ничего подобного делать бы не стал.

Сытую предсмертную дрему одряхлевших “лучших умов” Красной Империи тревожить резона не было. Все равно, успокоил он себя, труды “алхимиов” уже переросли уровень страны и возможность прижизненного признания.

Он добился своего. К нему проявили интерес. Осталось только в беседе с историком, давно вычисленным как член кружка "алхимиков", вскользь упомянуть несколько имен, ставших известных ему в ходе розыска. И цепь замкнулась. Как он и предполагал, “алхимики” давно созрели для работы на государство. Только на то государство, которое еще предстояло

посторить.

Что он им дал? Откровенно говоря, ничего существенного. Не хотелось лукавить с самим собой, и Салин признавал, что стал лишь последним звеном, контактом, замкнувшим цепь. Но кем бы они были без него? Кружком утонченных мыслителей, пытающихся познать тайну тайного, обреченных выродиться в узколобых сектантов, самозабвенно перебирающих ветхие манускрипты. До него их схемы и модели современной политики, несмотря на солидное научное и эзотерическое наполнение, отдавали любительщиной. Их знания, терпкие и тягучие, как старое вино, кружили

головы невиданными миражами, но им явно не хватало искристой резкости молодого вина, заигравшего от азарта д е л а. До него они знали как делалось, благодаря ему они стали знать, как д е л а е т с я.

Проверив д е л о м их знания, Салин задал измучивший его вопрос. “Алхимики” попросили время на размышление. На контакт вышли через неделю. Ответ был ожидаемый – “да, существует”. В масонских орденах Европы и тайных кланах Востока невидимая организация известна как Орден Полярного Орла. Сами себя они называют Хранителями и Дружиной Севера.

Салин попросил более

подробных сведений. На что один из “алхимиков” с тонкой улыбкой произнес: “Помни, крылья Орла способны поднять тебя в небо, когти Орла могут вырвать твое сердце”. Оказалось, это девиз Хранителей. Призыв для ищущих и предупреждение лазутчикам.

Тот же “алхимик”, все с той же улыбочкой, предупредил, что классическими контрразведывательными мероприятиями вычислить Хранителей практически невозможно. Они материализуют свое присутствие в нашем мире ровно настолько, насколько считают нужным. Гласно или негласно,

вольно или неосознанно любой мог стать проводником их воли.

«Тогда с кем я схлестнулся? От таких мыслей давно пора умом тронуться...

Материализм! Спасительная железобетонная надежность догмы. Я с партийным стажем почти в сто лет, если суммировать мой, отца и деда, лежу и рассуждаю о вещах предвечных с легкостью члена Синода. Докатился!

Нет. Поднялся до высот, где размыты все грани, где уже...»

– Что за черт! Просил же дуру не соединять!

Салин тяжело поднялся с дивана и, подхватив спадающие брюки, ремень распустил, чтобы не мешать

пищеварению, пошел к телефонам.

Звонили по внутреннему.

– Виктор Николаевич, шифровка на ваше имя. – Голос секретаря немного подагивал.

– Через минуту, Алиса Михайловна. – Салин свободной рукой подтянул брюки. – Да, вы нашли Владислава?

– Он все еще на выезде. Так мне в его отделе отвечают.

– Хорошо.

Салин положил трубку. В глазах опять запрыгали светлячки.

Оперативная обстановка

*Весьма срочно
Особой важности
т. Салину Н.В.
личным шифром*

*В ходе сегодняшней встречи мне
были предоставлены
дополнительные данные о
транзакциях “Движения Родина” по
счетах банков, входящих в
финансовую группировку г-на Ганса
Эггена.*

*Анализ позволяет утверждать,
что контакты г-на Карнаухова с
определенными кругами Китая,*

предоставившие временные
превентивии “Движению” на рынке
“Золотого треугольника”, в
качестве меры по финансовой
поддержке “Движения” на
внутриполитическом поле России,
были поддержаны финансовой
группой Ганса Эггена,
предоставившей соответствующие
гарантии.

Подтвердилась имеющаяся у
Вас информация, что пять
комплесков тонкого химического
синтеза, находящиеся в
распоряжении промышленной
группы, подконтрольной
“Движению”, были поставлены
через третьи страны под

финансовые гарантии группы Ганса Эггена.

Существенно изменяет расклад сил информация о научно-техническом сотрудничестве группы Ганса Эггена с “Движением”. В частности, за счет средств, полученных “Движением” по “китайскому каналу”, было закуплено оборудование для систем космической связи, разработанное корпорацией “Магнус ГмбХ”. Операцию лично курировал представитель “Движения” в Западной Европе г-н Артемьев. Частично оперативное прикрытие операции проводилось по линии загранрезидентур СГБ РФ в тесном

взаимодействии со службой безопасности концерна “Магнус ГмбХ”.

Имеются данные финансовой отчетности, подтверждающие финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ лаборатории специальных проектов “Магнус ГмбХ” за счет финансовых средств “Движения”. Обращаю Ваше внимание, что трагически погибший в 1998 г. президент корпорации “Магнус ГмбХ” фон Винер являлся ближайшим родственником Ганса фон Винера, сотрудника специального института СС “Аненербэ”. Есть все основания

утверждать, что Клаус фон Винер возглавлял мистико-эзотерическое общество “Черное Солнце”. По утверждению “наших друзей”, на научной и технической базе корпорации “Магнус ГмбХ” были восстановлены и развиты разработки спецлабораторий “Аненербэ” по управлению человеческим сознанием.

Арнольд Ганнер, присутствовавший на переговорах, выразился по этому поводу следующим образом: «Не думал, что доживудо этого. Если они вновь захотят, воспользовавшись хаосом, изменить вектро развития цивилизации, им не понадобятся

танковые дивизии и газ “Табун”. Им достаточно “Движения” герра Старостина и десятка излучателей пси-оружия. И мы все проснемся счастливыми рабами, живущими в бараках, охраняемых молодчиками в черных косоворотках “Движения”. Учитесь кричать “Хайль, Иван”, господа!»

У меня сложилось впечатление, что “наши друзья”, в силу сложившихся обстоятельств, известных Вам, действуя в условиях ограниченного маневра и недостатка времени, готовы выйти на контакты с г-ном Старостиным, как единственной персоной, способной реально контролировать

ситуацию в стране. Единственным сдерживающим фактором является то, что г-н Старостин не является официальным главой государства.

Нам рекомендовано прозондировать меру управляемости г-на Старостина в случае его выдвижения на пост главы государства. Совершенно очевидно, что деятельность г-на Старостина на этом посту должна быть направлена исключительно на реализацию проекта “Новая Атлантида” по плану и на условиях известных Вам политических групп.

В случае отказа г-на Старостина от сотрудничества, нам рекомендовано использовать

госаппарат для уничтожения в самые кратчайшие сроки “Движения”. Весь необходимый компроментирующий материал и поддержка в международных политических кругах нам будут предоставлены по линии “наших друзей”.

Для проведения консультаций под данному вопросу “наши друзья” готовы организовать Ваш визит в любую из выбранных Вами стран.

“Авель”

* * *

Решетников отложил листок, заполненный ровным убористым почерком Салина. Шифровки от “Авеля” Салин обрабатывал лично, не доверяя никому.

— Что скажешь? — спросил Салин.

Решетников пригладил чуть влажные волосы. Попробовал застегнуть верхнюю пуговку на рубашке, но потом бросил.

— Ты меня, Виктор, прямо из-под душа вытащил. Холил, я понимаю, ионами старческий геморрой, а тут ты трезвонишь. Такой у тебя голосос был... Хорошо, что не в трусах прибежал. Но новость того стоит.

Салин спрятал улыбку. Представил Решетникова, несущегося в неглиже по тихим коридорам отдельного сектора концерна.

— Ты уже в курсе, что Старостин своих стервятников в Москву скликает?

Салин кивнул.

— За что боролись, на то и напоролись.

— Будем надеяться, что Первый не прозеваает подставу, — как можно индифферентнее парировал Салин. Ждал, когда Решетников сделает первый ход, после которого, как в классическом эндшпиле, разговор сам собой придет к нужному финалу.

Решетников встал, прошелся к окну. Смотреть за стеклом было не на что. Салин отрегулировал затемнение стекла так, что за окнами, казалось, опустилась непроглядная мгла. Решетников полюбовался на свое отражения в черном стекле. Поправил отлипишшую хохолком прядку на макушке.

– Может, манкируем встречу? – как бы мимоходом бросил он.

Ход бы сделан.

– Нельзя. Мы сейчас примерно представляем его планы, но абсолютно неосведомлены о расчете времени. Где гарантия, что после панихиды, когда он перешушукается

со своими, надобность в контактах с нами не отпадет?

Решетников покачался с пятки на носок. Кивнул.

— Резонно. Дружить надо, пока человек во власть не вошел. Потом это уже не дружба, а сексуальная эксплуатация.

— Тогда давай вспоминать, что у нас на него есть. Компра “друзей” может запоздать. Или они передадут ее на не устраивающих нас условиях.

Решетников усмехнулся. Ериническим голосом произнес:

— Отдельная сотня “Молодых львов” имени инока Ослябы в районе Благовещенска уничтожила сто гектаров дикорастущей конопли.

После чего возомнила себя
“летающими тиграми” и
“затаившимися драконами” и
объявила, что летит на штурм
Великой китайской стены. В Амуре
ведутся активные поиски
утопленников. — Он повернулся. —
Помнишь шуточку?

— Пятилетней давности.

Над инициативой Старостина
“ликвидировать наркоманию на
корню” не хохотал только ленивый.
Умные сразу сообразили, что
“Движение” ставит под контроль
наркотрафик в стране. Сколько было
действительно уничтожено, а
сколько заскиродовано, высущено и
расфасованно, установить не

удалось. Победным рапортам “Движения” никто не верил, как и отчетности МВД. Но были неопровержимые данные, что Старостин стал лучшим другом милиционеров.

– А про бублики с коноплей?

– То же помню.

Старостин, решив проблему конопли, вдруг резко озаботился продовольственной безопасностью страны. Его “львята” маршем пошли на сельхозработы. Правда, быстро выяснилось, что они сами грядки не окучивают и косами не машут. Вкалывали рабы из трудовых отрядов, а “львята” осуществляли охрану сельхозлагерей и охотились

по округе за новыми рабами. На все закрыли глаза, мера была экстеренная, по регламенту Особого периода. Самое интересное, что урожай собрали изрядный. Почти полностью, о чем Старостин договорился с Первым, урожай переработали на предприятиях, подконтрольных Движению.

Первый же негласный анализ продуктов, произведенных с маркировкой «“Движение Родина” — Родине», показал наличие психотропных веществ. Сопоставить информацию о закупке комплексов тонкого химического синтеза со странными примесями в пище не составило труда. Труднее оказалось

собрать доказательную базу.

Неизвестные банды устроили налет на три склада и один мини-завод, спрятанный на территории части особого назначения МВД. Потом в Самаре пропал районный функционер “Движения”. Официально считалось, что погиб от рук террористов. Погиб. Но перед смертью успел назвать фамилию человека, лично курировавшего проходивший через Самару трафик наркотиков. Труп этого человека вскоре обнаружили в загородном доме на Рублевке. На теле чиновника из министерства медицинской и биологической промышленности имелись явные следы пыток.

Чиновник, конечно же, рассказал все. Сдал даже фамилию своего куратора. Впрочем, мог этого и не делать. Догадаться, на кого работал племянник Карнаухова, можно было и без его показаний. Карнаухов на похороны родственника не приехал. Но венок прислал.

— Заводики Старостина мы “пробили” с помощью Рожухина? — Решетников закачался с пятки на носок. — Надо бы эту веревочку... К-хм.

— Владислав уже получил соответствующие распоряжения.

— К-хм! И что дальше?

— Жду доклада.

Салин чиркнул настольной

зажигалкой. Поднес листок к огню. Папиросная бумага вспыхнула ярко, моментально превратилась в черную паутинку.

* * *

Оперативная обстановка

*Совершенно секретно
код "Водолей"*

Пояснительная записка

При сдаче в эксплуатацию

системы управления объектами, задействованными в проекте "Водолей", был поднят вопрос о целесообразности включения в нее системного блока "Руна".

Системный блок "Руна" предназначен для точной настройки излучателей, коррекции режима и уровня излучения в режиме реального времени. Блок "Руна"

автоматически выходит на рабочий режим с момента начала накачки энергии в блоки питания излучателей. В дежурном режиме блок "Руна" находится в пассивной связи с общей шиной системы управления. При этом за счет общего информационного потока

идет обогащение банка данных и
самонастройка основных программ.

Основной претензией,
предъявленной к группе
разработчиков, является то, что в
блоке "Руна" не предусмотрен
ручной режим управления, в
частности, возможность
прерывания управляющей
программы с момента отдачи
команды на запуск.

Позиция мною возглавляемой
группы разработчиков сводится к
следующему:

— сутью проекта "Водолей"
является попытка воздействия на
космо-земные связи с целью
получения предполагаемого

результата на социальном уровне;

— прямой вход в систему космоземных связей на уровне человеческого сознания исключен. Все известные нам методики контакта осуществляются в состоянии измененного сознания;

— ввиду этого, полученная информация кодируется в систему образов. Их последующая интерпретация является второй, после способности к индивидуальной настройке, способностью экстрасенса;

— нами изучены наиболее устоявшиеся системы т.н. оракулов — Таро, Руны, И-Цзин. Варианты предлагаемых в них действий

полностью взаимоувязываются с комплексом внутренних и внешних факторов. Сведенные к общему знаменателю и наложенные на разработанную нами компьютеризированную систему астрологического прогноза они составили концептуальную основу для разработки блока "Руна";

– с внедрением блока "Руна" мы имеем возможность с минимальными погрешностями провести весь комплекс операций и максимально увеличиваем вероятность получения ожидаемого результата.

Проблема проекта "Водолей" сводилась к тому, что в нашем

распоряжении отсутствовал оператор воздействия, соответствующий по уровню своих способностей целям и уровню проекта. По моему убеждению, даже если бы такой оператор и был обнаружен и привлечен к работе, то для воздействия на космо-земные связи ему вряд ли понадобился бы столь сверхсложный технический комплекс.

Блок "Руна" и является максимально возможным на современном техническом уровне решением данной проблемы.

С учетом сроков и комплексного характера проблем, решаемых группой "Абердин" при доводке

*основных систем управления,
вмешательство некомпетентных
лиц, наделенных правом принятия
решений, лишь осложняет, а порой и
парализует нашу работу.*

Подпись: Яков Зарайский

Резолюция:

*Оставить ребят в покое! Любые
комиссии на объектах “Водолей” –
только с моего личного разрешения.*

*Личное дело Зарайского – на
стол!*

Подпись: И.И. Старостин

Фараон

Старостин раскурил папиросу, широким взмахом загасил спичку.

«Нехорошо. Слишком резко вышло. Вон, даже глазками затрепетал. Не надо так. Дави, дави нетерпение, не дай вырваться наружу. Не их ума дело. Их дело — неспешное. Темп нутром чувствовать и держать из последних сил — это, брат, твое. Не вешай на них больше, чем могут потянуть. Да и грех это — невнимание, особенно к маленьким, от тебя зависящим. Все растеряли, ничего своего не осталось. Ни силы, ни ума, ни воли. Бегут со всех сторон

к тому, у кого это есть, ко мне, то бишь. В зависимость идут с легкостью, даже удивляюсь. Хотя, чему удивляться, кому безопасность нужна, кто с пути сбился, кто жратву только из кормушки добывать привык, кому служить охота, а никто не берет. Разный народец. “Движение”, твою мать! “Быдло всех стран соединяйся!”. Ладно, пора включаться в разговор».

Кочубей уже не раз посылал ему тревожный взгляд, совещание явно затягивалось и превращалось в научный симпозиум. Он был прав, надолго удалиться в “берлогу” — слишком подозрительно. Сотни пар чужих глаз, постоянно следящих за

Старостинным не упустят такого подозрительного признака. Уже, наверное, не один стуканул, своим хозяевам.

Но где еще проводить встречу с учеными, занятыми сверхсекретными разработками, как не в защищенном от чужих глаз и ушей бункере?

— Минуту, Федор Родионович! Так мы заберемся черт знает в какие дебри. Оставим теоретические изыскания до лучших времен. — Старостин вышел из-за стола. — Я тут слегка потопаю назад — вперед, а вы, будьте любезны, в двух словах обоснуйте нам свою уверенность.

— Как руководитель проекта, Иван Иванович, я не могу не быть

уверенным в том, что я делаю. — Холмогоров пыхнул трубкой, выпустив облачко душистого дыма. — А уверенность складывается из теоретической, технической, управленческой и человеческой компонент. С какой прикажете начать?

— С теоретической. — «Хрен с тобой, черт старый! Я не гордый, если надо. И не под таких подстраивался. Да и не много у меня таких, теоретиков, блин».

— Буду краток. — Холмогоров удовлетворенно кивнул и бросил взгляд на притихшего в угловом кресле Якова. — В основу данного проекта положены три

составляющие: теория сверхслабых полей, теория космогенного фактора в эволюции и, последнее, некоторые прорывные открытия в психологии, в частности, воздействие в состоянии измененного сознания, психология коллективных состояний и методики активизации рудиментарных нейронных связей. В переводе на привычный язык это звучит так — алхимия, астрология и шаманство.

— Ага. В аду нам сидеть на соседних сковородках. Если при жизни не сожгут, — бросил на ходу Старостин. — Продолжайте, профессор.

— Между прочим, Иван Иванович, рядом с нами

расположится весь цвет современной науки. Преотличнейшую компанию вам гарантирую! Однако, — Холмогоров пыхнул трубкой. — Возвращаюсь к проблеме. Если отсечь у алхимии "химизм", то есть лабораторные методики, из чего выросла и до сих пор не может вырасти современная химия, — вот уж, действительно, родила, да не облизала, — то в сухом остатке мы получим методики индивидуальной настройки на резонанс. С чем? Правильно, с вакуумом.

Заметим, что наука сия относилась к разряду "герметических", работы велись со сверхчистыми веществами, а, значит,

обладающими некими
сверхсвойствами. Помещали
вещества, как вы знаете, в
герметические сосуды. Фактически,
каждый серьезный алхимик, говоря
нашей терминологией, был
оператором, воздействовавшим на
космический вакуум. Что творилось
и что вытворяли в средневековье
даже трудно себе представить.

Наши космические полеты и
ускорители – просто детские забавы.
И здесь уровень
материалистического невежества
достигает космических высот,
простите мне этот каламбур.
Космические объекты нам
представляются каменными шарами,

глыбами льда или сгустками расплавленной массы. На них можно высаживать экипаж "Аполло", или забрасывать зонды, фотографировать и любоваться в телескоп. Их влияние на человека допускается лишь в виде приливов и периодического падения чего-то там с неба.

Наука, узурпировавшая функцию оракула и толкователя, по самой своей сути весьма консервативный институт. Именно институт! Я не говорю собственно о познании. Оно, как и вера, есть одна из потребностей человека. Но наука к познанию имеет такое же отношение, как институт церкви — к вере. Научная парадигма по своей

идеологической силе и способности формировать сознание ни в чем не отличается от догмата религии. Я понятно изложил свою мысль?

Холмогоров пыхнул трубкой, посмотрев на Старостина, как лектор на студента-тугодума.

— Более чем. — «Сам ты консерватор. Банка с консервированными мозгами! Понабрался вершков, освоил новую терминологию, и давай петь. Что за народ, лишь бы верховодить! "Научный руководитель"! Сиречь — замполит научного стройбата. Сам же на народные деньги в тот же космос консервные банки с подопытными кроликами

запузыривал и не крякал. И ни разу, сволочь, про деньги не спросил. Привыкли, все дядя дает. Вот молодец молчит, а почему? Субординацию блюдет или умный? Сейчас проверим».

Старостин круто развернулся и ткнул наполовину догоревшей папиросой в сторону Якова.

— Вы. Яков Михалыч, руководили работой на объекте “Пустынь”, так?

— Да. — Яков подобрался в кресле.

— Я помню ваши материалы. Толково. То, что вы называете “упреждающим отражением”, на сколько это противоречит, скажем

так, научной парадигме?

— Нисколько, если не задевает
ничьих научных и человеческих
амбиций.

В черных глазах Якова
запрыгали веселые бесенята.
Старостину это понравилось.
Тугодумов, зануд и заумных терпеть
не мог.

— Продолжайте, Яков
Михайлович.

— Упреждающее отражение —
основное свойство любого
материального объекта. Своего рода
пуповина, соединяющая нас с Нечто,
нас породившим. Термин
"упреждающее" мы используем как
разумный компромисс с тем, кто все

еще считает, что отражение и изменения, как и все формообразующее, имеет право на существование лишь в границах материального мира.

– А разве это не так?

– А разве религии не разделяют Творца и творение?

– Ага! – Старостин пыхнул папиросой. – “Зачем же ты, друг ситный, в лесу прятался? Или конкуренции испугался?” – Продолжайте, я слушаю.

– Важно еще и слышать. – Яков по-кошачьи посреб бородку. – Взаимообмен информацией, как и энергией, идет постоянно. Мир постоянно посылает нам сигналы и

подает знаки. Увы, мы не осознаем этого. Не слышим! Способность к упреждающему отражению коррелируется с фазой развития. При дегенерации системы способность “слышать” катастрофически падает. Многие народы, города и племена были стерты с лица земли. Но все без исключения получали сигналы о предстоящем изменении из уст прорицателей и ясновидящих. Утрату способности к упреждающему отражению мы называем "эффектом Кассандры". Орды завоевателей, засухи, мор — лишь орудия, инструмент воздействия. Но воздействие всегда предшествует предупреждающий сигнал.

Всякая связь взаимообратна, иначе это не связь, а диктат. Существовали отдельные индивидуумы, достигшие определенного уровня развития, способные к установлению подобной связи с Великим Ничто. Традиционно их называют магами. Отбросим методики, так называемые Малые и Великие мистерии, суть в способности в нужное время и нужном месте произвести точно угаданную тонкую вибрацию нужной амплитуды и нужной частоты. По всем законам физики, вакуум должен откликнуться соответствующей вибрацией, породив направленный поток виртуальных частиц. Если все

условия соблюдены, то маг получал требуемый результат. Речь, как вы поняли, идет об управляемой материализации, будь то трансмутация металлов, ураганы, возникшие из ничего и затухшие по неизвестным причинам войны и многое другое. Обратитесь в архив Святой инквизиции, они дадут более подробную справку.

— С инквизицией вопрос ясен. — Глаза Старостина неотрывно впились в раскрасневшееся от волнения лицо Якова. — А что говорит по этому поводу наука?

— Наука перевела истины древних на свой язык. В квантовой механике эта операция носит

название "нормализация функций".

– Специально намудрили, чтобы простым непонятно было? – вставил Старостин.

– Не исключено. В принципе, речь идет об установлении функций, описывающих объект так, чтобы было возможно его отыскать во Вселенной. Иными словами, перед тем как ловить черную кошку в темной комнате, необходимо четко себе представить саму кошку. Тогда пойманное с большой вероятностью окажется именно кошкой.

– А если ее до этого там не было, то вы ее материализовали, так?

– Именно! Так оно и происходит. Только ни один ученный муж не

посмеет с этим согласиться. – Яков улыбнулся и вновь забавным кошачьим движением почесал бороду.

– Ага. – Старостин ткнул папиросой в пепельницу. – Именно это от вас и требуется. Материализовать то, чего нет.

* * *

Старые львы

Пауза была долгой. Даже для Решетникова, имевшего слабость к театральным эффектам, чересчур затянутой.

Салин предложил хорошо наигранную комбинацию: “сыграть в дорожку”.

Реальная политика всегда вершится в тени, стоит вытолкнуть человека на сцену — и он против собственной воли становится актером, фигляром, играющим короля, а короля, как известно, играет труппа, ее легко разложить планомерной коррупцией, разбить на

группки, замутить мозги
вседозволенностью и липким,
подспудно точащим страхом
неминуемой расплаты, и станет
король голым, и тогда по невидимой
паутине проиграть "дорожку" —
завалить подписанта валом срочных
бумажек, так, чтобы голова пошла
кругом, и в потоке том припрятать
пару-тройку, *заготовок*, секретариат,
прикормленный с рук, организует
подпись, и — все. Остается только
подсечь, мягко, не разрывая по
живому.

Визит доброжелателей,
растолковывающих п о с л е д с т в и
я, уже позабытого решения, а
последствия — вот они, загодя

организованные, вот-вот г р я н у т.
Ломать никто не будет. Агримант,
лишь выгодный всем агримант.
Вкрадчивое пожатие рук,
понимающий взгляд — и все.

Старостин, все просчитал на ход
вперед и на Особый период посадил
в кресло попку-дурака. Первый,
громогласно наделенный
диктаторскими полномочиями, был
разыгран в "дорожку" группировкой
Салина на втором месяце своего
президентства. В президентскую
администрацию аккуратно провели
своих людей, спрос на
профессионалов аппаратного
ремесла был и будет при любой
власти. Накопленный ими

компромат, если по условиям сделки придется его объединить со старостинским, перекроет "уровень гарантированного уничтожения", так, кажется, говорят армейские стратеги. Объединившись, они смогли бы раздавить всех, кого вытаскил за собой Первый. А потом, когда скинут в небытие Первого, настанет черед самого Старостина.

— В самое ближайшее время обстоятельства могут круто измениться, и речь пойдет о существовании нашей организации как таковой, пусть даже и в нынешнем полуподпольном режиме. Или мы сегодня принимаем решение, или будем обречены еще не один год

приноравливаться к обстоятельствам, не в силах их изменить.

Салин сквозь дымчатые стекла внимательно следил за реакцией Решетникова. На лице Решетникова застыла дежурная ернически-простецкая маска. Любой другой не смог уловить ни малейшего признака волнения, но Салин, проработав бок о бок с Решетниковым не один десяток лет, отлично знал, что именно это застывшее выражение и есть вернейший знак того, что Решетников готовится принять судьбоносное решение.

– Рисково, Виктор, – наконец, произнес Решетников.

– Есть другие варианты?

Решетников сцепил руки на животе, закрутил большими пальцами, словно перематывал невидимую нить.

— Почему бы не закинуть наши материалы Филатову? Если он побывал в логове Карнаухова, то, хе-хе, представляю, как у него отвалилась челюсть.

— Хочешь доверить другому сыграть нашими картами?

— Нет, это я так. В порядке обсуждения. За тебя беспокоюсь.

— В смысле?

— Сломать такого бизона один на один...

— Думаешь, меня на такое уже не хватит?

– В тебе я уверен. В Старостине – нет. Как там говаривали самураи? “Непобедимость – в тебе самом, возможность победить – в твоём противнике”.

Салин снял очки. Кончиком галстука протер стекла.

– Мы постарели, друг мой. Стали путать необходимую осторожность с непростительной слабостью.

– Ты отдаешь себе отчет, почему он именно тебя вытягивает на встречу?

– Конечно. – Салин слабо улыбнулся. – Вовсе не потому, что я, как и он, членствую в каком-то там президентском совете. Это лишь

“легенда” для встречи, впрочем, достаточно удачная. Из всех наших сейчас наиболее уязвим я. Как так вышло, я подумаю на досуге. Стечение ли это обстоятельств, пагубное стечение, или четко структурированное последовательность обстоятельств, результировавшаяся в мое нынешнее положение, об этом я подумаю несколько позже. Если будет время... В настоящий момент надо исходить из главного фактора — я жестко подставился. Забросить на меня информашку Филатову он может с таким же успехом, как и мы на него. Никому не хочется, чтобы Филатов заявился к нам с ревизией, так?

Значит, сработает закон отрубания концов. Моя голова висит на волоске. На это он и будет давить.

Решетников изобразил на лице максимум сочувствия, но не мог не задать вопроса:

— И как ты сам оцениваешь его шансы?

Салин водрузил на нос очки.

— Я слишком стар, Павел Степанович, чтобы предавать. Ну сколько мне осталось?

Решетников не нашел, чем возразить, и чем утешить.

— Павел Степанович, будь любезен, дай знать нашим, что решение надо будет принять непосредственно после встречи. —

Салин помял левый бок. – Чувствую, времени раздумывать у нас просто не осталось. Завтра утром Старостин выйдет на трибуну своего “Движения”. Это – контрольный срок. Или я уже ничего не понимаю в стратегии.

Решетников откинулся в кресле.

– Иными словами, ты предлагаешь Большой сбор?

– Именно.

– Придется попотеть...

Раньше было просто. В большом зале особняка, притаившегося за известным зданием на Старой площади, собрались бы все двенадцать кураторов направлений и их помощники. Тогдашний Красный

Инквизитор поставил бы вопрос, все проанализировали бы его с позиций курируемых направлений и вынесли бы решение. Сейчас собрать Большой Капитул означало сдернуть с мест вкрапленных в узловые точки бюрократической пирамиды, надежно законспирированных и хорошо залегендированных людей. Троиخ пришлось бы вывозить с дач, где они отсиживались до поры в демонстративной отставке. Так с в е т и т ь с я можно лишь в крайних обстоятельствах.

Салин понимал, что его собственная безопасность и будущность были лишь картами в Большой игре. Парадоксально, но до

конца этой игры доживут не все, разрабатывавшие ее стратегию и предлагавшие тактические решения.

– Как бы ни было трудно, Павел Степанович, в полночь на моей квартире должен собраться Большой Капитул. В полном составе. Организацией сбора займись немедленно и только лично.

Под языком вдруг опять сделалось кисло от медицинского привкуса слюны. Салин достал платок и сплюнул липкую слюзь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Фараон

Старостин, привычно недоверчивый, поймал себя на том, что все больше и больше проникается симпатией к Якову. Свободно небрежный в одежде, а бородку какую неухоженную завел!, и почесывать ее абсолютно не стеснялся, Яков демонстрировал полное отсутствие комплексов и снобизма “ученого мужа”. Улыбка

открытая, заразительная. В индуски черных глазах то чехардят веселые бесенята, то вдруг распахивается такая бездна, что страшно заглянуть. Старостину он почему-то представлялся веселым в красочной нищите рикшей, познавшим все тайны Веданты, проштудировавшим все тома Махабхараты, но так и оставшимся самим собой. Груз знаний не давил ему на сердце.

И еще, оказалось, что Яков великолепно чувствует скрытый ритм встречи и умело под него подстраивается. Стоило Кочубею послать Старостину очередной тревожный взгляд, а видеть его Яков не мог, как он сразу же, сломав ритм,

быстро закончил фразу.

Яков достал из портфеля пять черных папок и разложил их веером на столе.

— Конечно, это вторично по отношению обсуждавшейся проблеме, но если мы уже закончили с теорией... Разрешите, Иван Иванович? — Он дождался утвердительного кивка Старостина. — Тогда я перейду к специальной, скажем так, части. Нами отобраны пять кандидатур. Естественно, было больше, но мы произвели необходимый отсев. Все пятеро идеально подходят для воздействия. Но! — Он отодвинул две папки. — Эти двое, фамилии нам неизвестны, мы

работали с кодированными именами, хотя... Да бог с этим! Так вот, эти двое по личным гороскопам к настоящему времени выпадают из общего планетарного ритма, что в значительной мере уменьшает вероятность их адекватной реакции на воздействие. Эффекта "вожделения воли", мы, разумеется, добьемся, но гарантировать стопроцентной управляемости, с точки зрения потребного нам результата, я не берусь.

— Тут может быть стоит пояснить специфику... — включился было Холмогоров.

— Со спецификой я знаком, — резко обрубил Старостин.

Сейчас он полностью настроился на Якова.

“Этот молодец, если мне не изменяет чутье, способен все запороть или все вытащить на себе. Странно, пока не вычислишь в любом деле рабочую лошадь, которая все на себе тащит, ни черта не поймешь в раскладах; суета и подсиделки шkodные — они в глаза сразу лезут и мельтешат. Из шкурных интересов и не подпускают к таким вот т я г у н а м, боятся, суки”.

— На ком вы остановились, Яков Михайлович?

— Вот на этом. — Яков раскрыл папку. — По всему видно, у человека кризис в личной жизни. Очевидно, с

женщиной были связаны надежды на крутой излом судьбы. Довольно часто встречающаяся картина, когда мы вешаем на человека слишком многое, принимая его за действующий фактор, за посланца силы, меняющую судьбу. А на самом деле, и это ближе всего к реальному положению дел, он — лишь посланник с благой вестью, знак судьбы, требующий самостоятельного решения. Кажется, Рерих сказал: “Когда твориться судьба, и муравей может стать посланником”.

— Муравей — это еще куда ни шло. А вот если баба...

— Простите?

– Не обращай внимания, – отмахнулся Старостин.

– А-а. Негативное влияние инь-фактора налицо. Это я так выражаюсь. – Смешивых искорок в его глазах стало еще больше. – Очевидно, под воздействием инь-фактора спровоцирован кризис. Так или иначе, но человек находится в моменте переоценке ценностей. При этом, пока не наступил этап ясновидения, когда человек отчетливо видит дальнейшую перспективу развития, максимально влияют негативно окрашенный анализ прошлого и падение общего энергетического потенциала. Если мы подключимся в этот момент,

человек испытает прилив сил, как часто бывает при начале служению некой высшей идее. При этом мы инициируем заряд негативной энергии, накопленной в нем. Обычно энергия направляется на разрушение невротического комплекса. И тогда происходит практически моментальное оздоровление, полное преобразование личности. Так называемый катарсис. Вся тонкость в том, что процесс легко можно сделать негативным. Если создать ментальный образ “врага”, то вольтова дуга психической энергии “коротнет” на образ. Если не блокировать моторные реакции, то акт разрушения пройдет на

материальном уровне. Бытовые ссоры, в которых мы “срываем зло” на первом подвернувшемся под руку — типичный и, слава богу, ослабленный вариант “короткого замыкания”. Но следует иметь ввиду, что любой сознательно направленный импульс негативной психической энергии — есть убийство. Или подсознательная тяга к убийству.

— Короче, мы научились превращать кухонную стрелу в бытовую убийцу, а латентного бытового убийцу в профессионального киллера, — вставил Холмогоров.

Старостин демонстративно его

проигнорировал.

— Для следователей оно так и останется убийством на бытовой почве?

— Да, — ответил Яков. — Следов воздействия не останется. Во-первых, для их поиска следует погрузиться в мир тонких энергетик, а какая сыскная служба опустится до такой ереси?! Они погрязнут в отработке наиболее вероятных, более, так сказать, материальных версий, а время работает против них, сроки следствия, сами понимаете, не безразмерные. Во-вторых, если мы возвращаемся к нашему конкретному случаю, у данного индивидуума стойкий суицидальный комплекс,

насколько я могу судить по предоставленным материалам. В кризисной ситуации этот человек совершит ритуальное самоубийство, как акт начала новой жизни, что в принципе невозможно, как вы понимаете. Но логика в данном случае полностью подавлена эмоцией. Самоубийца всей своей душой верит, что, вскрывая вены, он распахивает врата в новый мир. Уверен, так называемая, демонстарционная попытка суицида в нашем случае исключена. Он относится к типу, которых я называю “ритуальные самоубийцы”. Они всегда доводят дел до конца.

— Вопрос первый. — Старостин

остановился напротив Якова, вынудив того смотреть снизу вверх. — Насколько предложенный ему нами "объект" будет соответствовать его внутреннему, как вы выразились, образу врага?

Яков легко выдержал пристальный взгляд.

— Вы действительно уловили специфику наших работ, Иван Иванович, — задумчиво протянул он. — Значит, вы легко поймете меня. Дело в том, что этот человек кармически связан с "объектом". Более того, их личные гороскопы пересекаются в основных кризисных точках. Таких людей держат в "ближнем круге", им зачастую

поручают личную охрану или особые миссии. Но в равной мере он распространяет ритуал “вхождения в новую жизнь” на себя и своего патрона. Проще говоря, он кончит и себя, и "объекта", так как не отделяет одно от другого. Особенно это характерно для ситуаций обоюдной угрозы. В настоящий момент сложилась именно такая ситуация. Вы поймите, "вождение воли" — термин условный. Мы можем направить действия человека только по одной из predetermined для него линии поведения. Тут Природа весьма жестко нас ограничивает, но пересилить ее еще никому не удавалось. Вся "черная магия"

сводится ко временному отключению осознания реальности, чтобы избежать хаотических “блужданий” объекта по predeterminedенных ему “кармическим путям”.

— Подробно, но доходчиво, — кивнул Старостин. — Вопрос второй. Возможна ли самоликвидация до, кх-м, финала акции? Допустим, вы пережмете его своим “вождением воли”.

— До момента катарсиса — исключено. Это я вам гарантирую. Единственный вариант — выход из строя жизненно важных органов, как упреждающая реакция на негативную ситуацию. Но у нас имеются выписки из его медицинской

книжки, плюс данные дистантной диагностики наших экстрасенсов. Нет, исключенно. Но если вы имели в виду...

— Именно. Что будет с ним непосредственно после акта?

— Если смотреть с точки зрения психофизиологии... Скорее всего, временный коллапс сознания. — Яков посреб бородку. — С точки зрения, так сказать, конспирологии, это самый тонкий момент в акции. Понимаете, в этом состоянии контролировать его поведение мы не сможем. Он, буквально, перестанет для нас существовать. Сознание просто схопнется. — Он ладонями показал, как оно моментально

скукожится до полного ничто. — Сколько продлится состояние коллапса, судить не берусь. От десятка секунд до нескольких часов. Как только он придет в себя, в сознании активизируется программа самоуничтожения.

— За это время его успеют повязать и вколоть литр валерианки.

— Ни один седатив не сломает программу саморазрушения, а просто отсрочит смерть. Рано или поздно, но он умрет от отказа того или иного жизненно важного органа. А с учетом его хорошего физического состояния, я с известной долей вероятности могу предположить реверсивное развитие раковой

опухоли. Так как задействован инь-фактор, то кармический удар будет направлен в кундалини-чакру, и скорее всего, речь надо вести о раке простаты.

— И за сколько он от нее помрет?
— неожиданно подал голос Кочубей, промолчавший всю встречу.

Яков повернулся к нему, внимательным, каким-то лекарским взглядом, смазал по лицу. Помедлив, ответил:

— До месяца. Может, чуть больше. Но форма будет неоперабельной практически с первых дней развития опухоли.

Кочубей пожевал тонкими губами.

– Странно, – обронил он. –
Слушайте, а инфаркта от любви у
него не может приключиться?

– Мало вероятно, – ответил
Яков. – Были бы признаки вегето-
сосудистой дистонии, могли бы
надеяться. А так – увы. Под удар
попадет половая чакра. В щадящем
виде все вылилось бы в
психосоматическую импотенцию.
При мощной подпитке катарсиса,
которую мы проведем, – в рак
простаты.

Старостин задумался, крутя в
пальцах гильзу докуренной
папиросы.

– Значит, в решающий момент
мы утрачиваем контроль над

ситуацией, – глухо произнес он.

– Так это же прекрасно! – воскликнул Яков.

– Не понял? – Старостин круто развернулся к нему лицом.

– Ну-у, это же полностью коррелируется с конструкцией мироздания. Нельзя исключать влияния неучтенного фактора. Жизнь невозможна без случайности, это же очевидно. Непредсказуемость – объективное свойство реальности. На человеческом уровне, естественно. Всеведающим и всемогущим может быть только Бог, как манифестация высших закономерностей, непостижимых нашим сознанием, а значит,

полностью вне нашей власти.

Старостин смял бумажную гильзу, бросил в пепельницу.

— Ну с богом я как-нибудь договорюсь, — пробормотал он.

Кочубей подобрался в кресле. Хозяин, по хорошо известным ему признакам, вышел на принятие решения. Глыба проблемы распалась на осколки, тяжесть которых вполне по силам нижестоящему исполнителю. Теперь все умственные усилия надо направить на то, как разумнее организовать муравьиную работу по перетаскиванию стройматериала и возведения здания по ранее утвержденному проекту. А в ремесле

прораба, погонялы и надсмотрщика Кочубею не было равных.

Старостин сел за стол, грузно и основательно устроился в кресле.

— Кочубей, вызови сюда Александра Олеговича.

Кочубей сразу же потянулся к трубке телефона.

— Это наш шеф разных шkodных дел, — пояснил Старостин для Якова и Тихомирова. — Пока вы работали в тонком мире, он валялся в грязи мира материального. Так что попрошу носы не морщить. — Он посмотрел на их реакцию. — Для всех пятерых кандидатов он разыгрывал комбинации, разминая, так сказать, для последнего этапа. Как я понял,

инициировать будем одного. Без запасных вариантов. Вот и отработайте с ним все детали. Вопросы есть?

Он сознательно посмотрел только на Якова. Холмогоров свое отработал, пора заменять молодым.

— Только один — когда?

Старостин удовлетворенно гукнул. Вопрос о карьерном взлете Якова Зарайского решился этим вопросом.

— Сегодня.

Яков, показалось, ожидал именно такого ответа. Погладил бороду, мельком взглянул на запыхтевшего трубкой Холмогорова.

— Потребуется аппаратура.

Ближайший генератор у нас в Красногорске.

– Не проблема. Договоритесь с Александром, пусть пошлет человечка. Чтобы было всем понятно, вы до конца акции остаетесь здесь. Комнату вам уже подготовили. Все необходимое там есть. Если что понадобится, связывайтесь с Кочубеем.

– Напоминает домашний арест, Иван Иванович, – дрогнул голосом Холмогоров.

– Напоминает казарменное положение. Только так прошу это понимать, – отрезал Старостин. – Яков, кого из операторов вы планируете привлечь?

Искорки в глазах Якова вдруг пропали, словно серебристые мальки ушли в темную глубину. Из глазниц на Старостина смотрела непроницаемая, затягивающая в себя бездна.

— Мы заранее не готовились, Иван Иванович, — медленно произнес он. Оператора воздействия такого уровня сейчас в Москве нет. Без него наш излучатель — просто мощная катушка индуктивности, не более того. Способна, разве что, навести сбои в работе электрооборудования вашей штаб-квартиры.

— Как скоро можно доставить оператора?

– Если доверяете, им могу выступить я.

Старостин метнул вопросительный взгляд в Холмогорова. Тот сразу же ожил, засопел и утвердительно кивнул.

– Видите ли, Иван Иванович, Яша скромничает. Он прекрасный оператор “вождения воли”. С той лишь разницей, что у операторов природный дар, который нам с трудом удалось дисциплинировать. А Яша – не самородок, а, как говорится, селф-мейд-мен. Он тренировками развил в себе способность к дистантному внушению.

– Справитесь? – спросил Старостин у Якова.

Яков молча кивнул.

— Так тому и быть!

“Жаль, — мелькнуло в голове у Старостина. — Жаль расставаться. Он только начал мне нравиться. Но... Но боя без убитых не бывает”.

— Что там?

Кочубей сигналил от столика с телефонами.

— Алекс сейчас подойдет.
"Кремлевка" вызывает, Иван.

— Заегзили, паршивцы!
Переключи наверх.

Старостин вышел из-за стола.
Жестом попросил никого не вставать

— А вы работайте, мужики. Бог в помощь!

Твердым шагом пошел к двери

лифта.

Все трое проводили взглядами его громоздкую медвежью фигуру.

Так было всегда и везде, где бы не появлялся Старостин, он властно приковывал общее внимание, а уходил — в комнате повисала тишина.

* * *

Оперативная обстановка

Срочно

Сов.секретно

*Начальнику СОП РФ
генарл-майору Филатову*

*Направляю в Ваш адрес
контрольную запись телефонного
разговора по линии ВЧ-связи между
объектом "Мент" и объектом
"Зубр".*

*Мероприятия в отношении
объекта "Зубр" осуществляются
согласно Вашего распоряжения от*

01.01 с.г

Нач. 12-го отдела СОП РФ
п/п-к Кузин

М. – Еще раз здравствуй, Иван Иванович!

З. – Тебе же того же по тому же месту! Еще на работе кукуешь?

М. – Обстановка в городе, ты сам знаешь... Ты меня просил кое-что выяснить. Ну на счет одной персоны. Так вот, я готов.

З. – Какой ты шустрый! Бабы тебя, наверно, нарасхват любят.

М. – Ха-ха-ха! Иван, ты понимаешь, все только предварительно... Калашников только начинает копать в этом

направлении.

З. — А у нас только приговоры окончательные и обжалованию не подлежат. Да и то, если денег правильно занести. Говори, что нарыл?

М. — Вобщем, ты был не прав. Фамилия у человека начинается на другую букву.

З. — Точно?

М. — Предварительно. Но след ведет к нему практически напрямую. Что меня, откровенно говоря, несколько настораживает. Так глупо подставиться! Тебе назвать букву, с которой фамилия начинается?

З. — Догадался. Букв много, а мудаков с такими возможностями —

раз-два и обчелся. Доказать сможешь?

М. – Все уперлось в сучонка в моей конторе. Я его вычислил. Если Калашников не подведет, сегодня же арестуем и снимем показания. С документами на руках, сам понимаешь, совсем другой разговор получится.

З. – Ну-ну. Бог в помощь. Будет результат, сразу же дай знать.

М. – Куда звонить?

З. – Кочубею.

М. – Ла-адно.

З. – Не “ладнай”! Должен и я хоть чуть-чуть спать. Мне завтра еще весь день мордой трясти. Кстати, приглашаю на слет

“Движения”.

М. — Спасибо, Иван. Только как это будет выглядеть. Я же все-таки официальное лицо.

З. — Уж явления Христа народу не произойдет, не боись! Без тебя там первых после бога будет навалом.

М. — Ты о ком?

З. — А о ком еще?! Ладушки, спасибо за новость. Погрел душу.

М. — Ты серьезно, Иван?

З. — Абсолютно. Когда наступил на одну кучу, то радуешься, что не вляпался в обе сразу. Ну, пока!

М. — Всего доброго, Иван.

Преторианцы

Аристократичный теннис и его азиатский урезанный вариант — сквош* Филатов тихо ненавидел. Должность обязывала пулять мячиком через сетку или долбить об стену. Но сколько ни играл, ничего путного для души и сердца не обнаружил. Баловство одно и барство, короче говоря.

То ли дело футбол. Простая народная игра. Кампанейская и бесхитростная. Одно удовольствие, как кружка пива после работы. А рожденный в отморозенных головах спецназа костодробительный

вариант футбола, патриотично названный “ногамяч”* – это особый случай. Как русская водка, нет здоровья, не употребляй.

* – игра, в которой два партнера наносят удары по мячу, отскакивающему от стен, более интенсивная игра, по сравнению с теннисом, требует от игрока высокой выносливости и быстрой реакции.

** – термин заимствован с сайта www.udaff.com, шутливый прямой перевод англоязычного слова “футбол”, автор, к сожалению, неизвестен

По одной из версий, “ногамяч”

придумала охрана, подсмотрев за пуляющим в сквош начальством. По другой версии, главным толчком, направившим ход армейской мысли в нужное русло, был запрет в приказном порядке на игры на свежем воздухе. Свежий воздух стал крайне вреден для здоровья. А что прикажите делать, если здоровье прет через край, а в баскет и волейбол душа не лежит играть, ибо игры эти чересчур малокровные? Правильно, пинать в футбол в четырех стенах. Только не везде площадь соответствовала футбольным требованиям, а ворота не всегда имелись в наличие. Но было бы желание, остальное

приложится.

Методом проб и ошибок сами собой оформились правила “ногамяча”. Играть без ворот, лупить по всем стенам со всей дури, стараясь “выбить” игрока противника, а чтобы “выбивать” без споров, играть баскетбольным мячом. При умелом ударе мяч рикошетил от стены с такой адской силой, что запросто укладывал в нокаут здорового мужика. Иногда двоих сразу. Как известно, штык молодец, а летающие убойные снаряды – дурны по природе своей. Мяч клал и своих и чужих. И в этом был весь кайф игры.

На поле выходили две команды

по шесть человек. Чем больше выбывало противников, тем выше становился шанс завалить своего. Случалось, что оставшийся последний игрок выбивал все команду противников. Подножки, подсечки, подкаты и тычки под ребра в мясорубке “ногамяча” считались мелким хулиганством и на ход игры не влияли.

Неблагодарная история не сохранила имя гения, окончательно сформулировавшего правила “ногамяча”. Как не сохранила она имени изобретателя колеса. Но раз возникнув, гениальное открытие, как ему и положено, со скоростью гриппозной эпидемии

распространилось по всем гарнизонам и весям страны. Долбились в “ногамяч” в ангарах, бункерах, подвалах, на складах, в любом помещении, где были четыре стены и потолок, но не было окон. Рубились азартно, почти до летальных исходов.

Запрещать кровавый спорт оказалось бестолку. Тем более, что и командование было не в силах отказать себе в таком зрелище, ничем не уступающим римским гладиаторским боям. Очень скоро “ногамяч” завоевал себе прочные позиции в армейском спорте, следом за рукопашным боем и впереди бокса. Между подразделениями,

частями и округами загрохотал и затрещал костями чемпионат по “ногамячу”. Появились первые “придворные” команды. Что надежней приказа Главкома узаконило нововведение.

Любомудрые замполиты, способные воспеть все, что приказали воспевать, и отпеть все, что в приказном порядке запрещено, быстро нашли положительные и политически правильные стороны нового вида спорта. “Ногамяч”, оказывается, вырабатывал чувство боевого товарищества, стойкость духа, бесстрашие и даже ненависть к врагам отечества.

Филатов сидел на балкончике, нависавшем над площадкой для “ногамяча”. Президентский спортзал с саунами и зимними садами находился на три яруса выше. А здесь, на предпоследнем этаже бункера, в глухом ангаре для резерва бронетехники, настоящие мужики резались в настоящую игру. Мат, стоны, хрипы и крики “Убей его!” звучали без дураков. И кровь была самой настоящей. Алой. Брызгами.

Сегодня играла сборная кремлевского полка охраны с командой “Набат”. Филатов болел за своих, за “Набат”.

Отдельная рота СОПа, была его личной гвардией. Официально, как и

вся Служба, “Набат” служил Первому. Но ел с рук и знал только одного хозяина – Филатова. Даже название подразделению он придумал сам, в память о первой в своей жизни собаки – немецкой овчарки по кличке Набат. Впрочем, никогда этого не афишировал. Бойцы, не зная подоплеки, гордились названием, как собака гордится шикарным ошейником.

Они считали себя элитой даже в элитарной по своей сути и составу Службе. Если большая часть подразделений выполняли задачи антитеррора, то “Набат” специализировался в диаметрально противоположном. “Набат” мог

захватить и удержать любой объект на территории страны. Или “взять под контроль” любое лицо, на которое укажет Филатов. Само собой, объектами были административные здания, а лица — официальными. “Набат” предназначался для пресечения неповиновения местных бонз. Стоило только перестать в страхе поглядывать в направлении Москвы, а хуже того — попытаться играть во фродерство, визит “Набата” из вероятности становился неизбежностью.

На трехъярусной трибунке яблоку негде было упасть. Командир кремлевского полка пришел со

свитой, и высшим чинам Службы Филатова пришлось сидеть чуть ли не на коленях друг у друга. Вскакивать и орать, поддерживая своих получалось только у первого ряда, за что на них шипели и толкали в спину сидящие сзади. Обстановка была, как на трибуне Лужников в день финального матча. Общались, не взирая на звания и должности, объединенные азартом и принадлежностью к братству “силовики”. Дружно подхватывали клубные “оралки”, которые заводили группы поддержки и запасные игроки, сидящие под балконом.

Филатов опоздал к началу матча, решил не устраивать суматоху с

пересаживанием и уступанием мест, пристроился боком у трибуны. Вполглаза наблюдал за специально приглашенным Татищевым, генеральному прокурору кровавое зрелище явно пришлось по вкусу. Татищев пристально следил за мускулистыми телами игроков и никак не реагировал на вспышки азарта, сотрясавшие трибуну. Блестящие от пота торсы, казалось, интересуют его больше, чем перепетии игры.

А игра сложилась зверски интересной. “Набатовцы” держались вдвоем против полного состава противника. “Кремлевские”, почувствовав близость победы,

усилили натиск, прессовали силовыми приемами, надеясь сломать противников раньше, чем тех срубят мяч.

“Если двое завалят шестерых, Бог на моей стороне”, – загадал Филатов.

“Набатовец”, вырвавшись из “коробочки”, в которую его приняли два мощных “кремлевца”, в подкате рванулся к мячу, успел поднять его в свечку. Партнер, перепрыгнув через подскользнувшегося противника, завалился на бок, “ножницами” послал мяч в стену. Мяч отразился под острым углом, врезался в голову лежащего противника.

Гул ударов мяча о голову и

головы об пол слились в один удар. На пол плеснуло красным. Мяч со всей нерастраченной энергией вlepился в живот зазевавшегося “кремлевца”. Парня согнуло пополам, не помогли даже тугие мышцы пресса. Удар вышиб весь воздух из легких. Лицом вниз “кремлевец” рухнул на пол. Даже не попытался встать, только дрябло подергивал разбросанными в стороны ногами. Полный нокаут.

Трибуна начальства взвыла раньше, чем снизу поднялся восторженный рев подчиненных. На поле выскочил рефери, констатировать нокаут и врач, убедиться, что летального исхода не

последовало. За ними высыпали девчонки из групп поддержки. Синие топики и золотые юбочки у “кремлевских”, камуфляжные — у “набатовок”. Задрыгали ногами в смеси канкана и приемов рукопашного боя. Получалось, впрочем, довольно эротично. Особенно повизгивания при больших батманах.

Нокаутированных унесли с поля товарищи. Мяч установили в центре поля. “Набатовцы” получили право первого удара. В двух метрах впереди них, спиной к ударной стене выстроились в ряд “кремлевские”. На отскоке мяч мог сбить, как кеглю, любого из них. Поворачиваться

раньше, чем раздастся удар о стену запрещалось. За трусость игрок сразу же дисквалифицировался.

“Набатовцы” обменялись только им понятными знаками. Один накатил мяч другому, а тот из всех сил послал мяч в угол. Двойной удар отразил мяч по диагонали. “Стенка” “кремлевцев” рассыпалась, все повернулись лицом к стене, готовясь перехватить мяч. Чего не ждал крайний слева, так это того, что мяч окажется прямо напротив его лица.

Баскетбольный мяч, тугой и тяжелый, как ядро, выбил кровавые брызги. Ударом “кремлевца” сорвало с ног. Он взлетел почти вертикально, высоко забросив бутсы. И плашмя

рухнул на пол.

“Сруби-и-ил!” и “Уби-и-ил!” слились в единый боевой клич. “Кремлевцы” закружились в индейском танце победы. Девчонки из “набатовской” группы поддержки гурьбой высыпали на поле. Одна поскользнулась на полосе крови, выплюнутой при падении “кремлевским”, шлепнулась на попу, чем вызвала дружный гогот. “Кремлевские” канканщинцы трясли ляжками без особого воодушевления. Видимо, женским чутьем уловив кислый запах поражения.

Розыгрыш мяча прошел в гробовой тишине. Все поняли, что сейчас начнется беспощадное р у б и

Л О В О.

Мяч, отлетев от стены, не задел “кремлевских”. На отскоке от пола его с разворота послал в противоположную стену “набатовец”. Мяч пошел назад в полуметре от пола. “Кремлевский”, высоко вскинув ногу, изменил направление, загнав в угол. От туда мяч вылетел точно в ногу партнеру, тот виртуозным боковым справа срезал мяч влет и запулил им точно в центр стены.

Пошла серия ударов, когда противники, прямыми ударами гоняли мяч от стены к стене, накачивая его сокрушительной мощью. Удары о стену

громоподобным эхом ухали под армированными сводами потолка. Вой, с которым мяч вспарывал воздух, был слышен даже на трибуне. Игроки дышали с зверинными всхлипами, по буграм мышц ходила нервная дрожь. Всю ярость они вкладывали в удары по мячу, забыв о силовом единоборстве.

Зрители затаили дыхание. Было ясно, первый же удар в тело, напрочь переломает кости. А если в голову, то даже страшно подумать...

Филатов успел бросить взгляд на Татищева. На бледном лице прокурора змеилась сладострастная улыбочка. Глаза жрали мускулистых человекообразных зверей,

танцующих танец смерти на бетонной арене.

“Набатовец” вырвался из-за спины “кремлевского”, готового ударом в догон еще больше ускорить мяч, закрыл ему обзор, иммитировал завал в прыжке. Все видом показал, что будет бить мяч встречным ударом. И вдруг чуть согнул ударную ногу в колене. Мяч просвистел мимо, не встретив сопротивления.

“Кремлевец” застыл, отклонив корпус назад, выгнувшись в спине и лишь носком выставленной вперед ноги касаясь пола. Не увидев, а, скорее, почувствовав летящий в корпус осатаневший мяч, он уже не успевал развернуться. Решение

принял моментально и в долю секунды. Просто опрокинулся на спину. Мяч все же чиркнул по груди. Срезался, по короткой дуге ушел под удар “набатовцу”. Тот свернулся, упал навзничь, выбросив вверх ногу. Мяч точно попал в мыс бутса. Блокировавший “набатовца” противник не ожидал такой точности. По инерции продолжил отклоняться от возможного столкновения с мячом.

Мяч с ревом отлетел к ближней стене. Взвизгнули девки. Грохнула стена. Филатов с балкона не увидел момент удара. Только слышал треск костей. Показалось, что “кремлевца” на раз-два-три раскачала и выкинула

на средину поля орда болейщиков. Он сломанной куклой пролетел метра три, беспомощно разбросав тряпичные руки. Покатился по полу, размазывая по бетону красную слизь. В гробовой тишине бумкал о пол мяч.

А потом уши заложило от дикого воя. Кричали все разом, все до единого. Даже тихоня Татищев распахнул до отказа рот, выблевывая из нутра зверинный рев. Филатов только по спазму желваков на скулах и саднящей боли в горле понял, что тоже орет. А в глазах плещет алая муть.

Бесновались “набатовцы”, бились в яростных конвульсиях

“кремлевцы”, девки, забыв про “цвета”, безумными амазонками носились между пляшущих на поле мужиков.

Уцелевший “кремлевский” игрок держался в стороне от всеобщего ликования. Он слюнявил кровавую ссадину, мяч содрал лоскут кожи на груди. Отвернувшись от всех, готовился к последнему сету. Единственным шансом было рубить противника в силовом противостоянии, забыв о вышибании мячом. Правила это позволяли. Удар в колено или локтем в печень считались “столкновениями”.

Розыгрыш прошел под нарастающий вой зрителей. Теперь

голоса слились в унисон. Хриплый рев ударами плескал в стены. Показалось, даже воздух от этого стал пульсировать в так выдоху толпы.

Первый удар прошел мимо “кремлевца”. Он, увидев мяч, вылетивший из-за спины, рванулся вперед, встретил его на отбиве от противоположной стены, со всей дури вlepил бутсом по пупырчатому ядру. Мяч, взыв, молнией устремился обратно к стене, впечатался в нее, пискнув резиной о бетон. Понесся по прямой.

“Набатовец” что-то крикнул партнеру, указав на “кремлевца”. Скорее всего, требовал прикрыть с

тыла. Сам пошел на перехват мяча. Изловчился поднять его в свечку. Напарник, налетев на “кремлевца” сзади, подсечкой сбил его с ног. В это время его партнер, обработав мяч двумя касаниями, развернулся и прицельным ударом выстрелил в лежащего “кремлевца”. Парень успел вскинуть локти. Но жестокий удар легко пробил блок.

“Кремлевца”, сжавшегося в комок, прокрутило по полу. Мяч отразился от него прямо на грудь “набатовцу”. Он, замедленно, с форсом, вlepил добивающий удар в изогнутую спину противника. Гукнуло так, словно мяч врезал в пустую бочку. Крик “кремлевца”

заглушил победный рев.

Под оглушительный топот и рев парень попытался встать. Ноги после удара по позвоночнику, судя по всему, его не слушались. Оперся о перебитые руки. Они разъехались, и он ткнулся лицом в бетон. Плечи парня задрожали от сдавленных рыданий.

Из динамиков выплеснулась песня победы. Слова гимна “ногамяча” орали все, хором:

«Какая бо-о-ль, какая бо-о-ль!

*А-аргентиная майка, пять-
ноль!!»*

Уцелевших и победивших “набатовцев” качали на руках. На

поле танцевали девки и бойцы
вперемежку. Топики заменили
чепчики пушкинских барышень,
порхали в воздухе над бритыми
головами спецназа.

Начальство приветствовало
победителей стоя. Ладонек, подошв
и глоток не жалели.

Филатов дернул за рукав
Татищева. Кивнул на дверь —
“пойдем!”

* * *

Оперативная обстановка

*Вне очереди
Секретно*

*По информации Службы
дальнего обнаружения /СДО/
самолет типа "Гольфстрим",
бортовой 18001, изменил маршрут и
запросил посадку в а\п г. Цюриха.*

*Контрольное время посадки – 17
час. 10 мин. /в.м./.*

Подпись: Становой Л.Р.

** * **

*Вне очереди
Сов. секретно
Москва. Центр.*

ШИФРОГРАММА

*В ответ на Ваше распоряжение
от 13.10 с.г. сообщаю:*

*— местонахождение объектов
"Барсук", "Бригадир" и "Зонт"
установлено;*

*— вилла, принадлежащая
"фирме", где в настоящий момент
находятся объекты, взята под
наблюдение;*

*— объект "Барсук" срочно
выехал по направлению к аэропорту,
наружное наблюдение за ним*

проводится;

— объект "Белка" в городе отсутствует, по имеющейся информации, "Белка" в настоящее время находится в Риме; По данным наблюдения, на вилле принимаются повышенные меры безопасности, в результате чего практически исключена возможность слухового контроля с использованием тех.средств.

Дальнейшее продолжение наружного наблюдения за виллой может привести к раскрытию нашего оперативного интереса.

Жду Ваших дальнейших указаний.

Подпись: Логинов К.С.

* * *

*Вне очереди
Сов. секретно
т. Логинову К.С.*

ШИФРОГРАММА

Всеми силами обеспечить контроль прибытия в а\п самолета типа "Гольфстрим", бортовой 18001. Зафискировать контакт объекта "Гонец" и "Барсука".

В случае их выдвижения на

виллу, после фиксации встречи "Гонец" с остальными объектами нашего интереса наружное наблюдение разрешаю снять.

Всем сотрудникам резидентуры находиться в повышенной готовности и ждать дальнейших указаний.

Подпись: Филатов И.Л.

** * **

Преторианцы

Филатов увел Татищева в глухой тупичок в конце коридора. Прослушки здесь не было и не могло быть, голый монолитный бетон. После оглушительного бедлама спортзала тишина в коридоре показалась особенно гулкой, осязаемой, как сырость, сквозящая от стен.

— Не жалеешь, что приехал? — спросил Филатов.

Краска возбуждения еще не схлынула с лица Татищева, но он зачем-то напустил на себя солидный вид.

– Делать вам нечего. Устроили себе забаву. Парней не жалко? Такой человеческий материал по чем зря изводите, – проворчал он.

Филатов хотел уже было отпустить шуточку по поводу некоторых странностей генерального прокурора, ненароком засветившихся в этой фразе, но решил оставить на потом.

– За мужиков не переживай, завтра, как огурчики будут, помяни мое слово. Я тебе этот кордебалет показал, чтобы ты увидел, что за контингент у меня служит. Монстры, а не люди!

– Что да, то да... У меня мало времени, Коля. Совещание. –

Татищев загнул кисть и потюкал толстым пальцем по "Роллексу". – В Москву надо возвращаться.

– У всех совещание. Все сегодня шушукаются по углам, только успевай сечь, – как о чем-то своем мимоходом бросил Филатов. – Ты мне лучше скажи, Татищев, ты жить хочешь?

– И для этого ты меня сюда вытащил?

– Для государственной безопасности небезынтересно, не страдает ли генеральный прокурор суицидальным синдромом, – осклабился Филатов.

– Да пошел ты! Я думал, что-то серьезное. Опять с утра набухались

всей артелью?! — Татищев презрительно выгнул губы. Сам много пить не умел, за что и не прижился в компании ближайших сотрудников Первого. — Хорошо вам тут, в Горках. Обстановка, так сказать, способствует. Зарылись под землю, в Кремль только по особому случаю приезжаете. Что не квасить?

Татищев похлопал по бетонной стене.

— Не бухти! — осадил его Филатов. — Про Карнаухова слышал?

— А мне что? Из-под меня следствие по этим статьям убрали. Или забыл?

— Помню. Так ты у нас жить любишь, да?

– Уже сказал – да!

– Не бухти! – Филатов поймал его за пуговицу прокурорского кителя. – И про приговоры по "Особому периоду" думать не хочется? И про специальные прокурорские команды?

– Ты к чему это?

– К тому, Татищев, что отработал ты свое. Вот-вот Первый подмахнет указ. Хана наступает "Особому периоду". Толку от него, как от сухого закона, светлая ему память. А вылез ты как раз на "особняке". Вот и думай, если жить любишь. На кого-то сейчас все списать придется.

– Один я что ли? – побелел лицом Татищев.

– А другие, что, жить не хотят? Они же исполнители мелкие, такие всем нужны. Твоей кровью все и смоят. Чистенькими останутся, дальше новую задницу лизать начнут.

– От куда ветер дует? Сам, поди, указ накатал?

– Что я, с дуба рухнул? Для меня это, как самому себе серпом по яйцам. Нет, у меня еще головка не бо-бо. Старостин мутит.

– Не блефуешь?

– Подумай сам, зачем?

– Что же нам делать? – сознательно подставился Татищев.

– Вот это ты хорошо сказал – "нам". То есть – мне с тобой. Нюх у тебя есть! Это уже полдела. Осталось

замышляете. Что вы еще можете?
Кого схарчить решили?

– Быстро соображаешь. Завтра сюда слетится все воронье Старостина. Будет большой сходняк. Отпоют Карнаухова и потребуют от Первого прекратить "Особый период". Себя, естественно, объявят спасителями Отечества. Думаю, сломают они Первого. Не сразу, но сломают. Как ни крути, а кроме Старостина социальной базы никто ему не обеспечит. Он в кулаке держит и патриотическое быдло, и чиновников, которым пофиг кому служить.

– И ты решил...? – У Татищева внутри все похолодело.

«Совсем мозги пропили, на Старосту руку решились поднять!»

– Во-первых, я не решаю. Я выполняю приказы. Решать тебе. Или действуем в связке, или найду других.

– Первый уже отдал приказ?

– Не первый год работаешь! Кто такие приказы отдает? Скажем так, нам не мешают проявить инициативу.

– А потом?

– Потом доложим. Сам знаешь, не доложить нельзя, весь вопрос — как доложить. Основное пожелание — брать по грязным статьям. Коррупция, девочки-мальчики, казнокрадство и прочее. Улавливаешь?

– А материалы? На фуфло их не

ВЗЯТЬ.

— Компрой я тебя завалю. Чего-чего, а дерьма у меня на каждого по цистерне. И все с полной доказательной базой. Только штампуй обвинительные заключения. Например, Карнаухов торговал наркотой в государственных масштабах.

— Ну Карнаухову уже УКа пофигу. Он перед Всевышним сейчас отчитывается.

— Зато Артемьев жив-здоров.

Татищев поднял подбородок и устремил взгляд в серый бетонный потолок. С минуту он разглядывал армированные балки.

— Почему бы тебе не

проинформировать Первого? Он тебе не откажет в удовольствии лично свинтить Артемьева, – произнес он, опустив взгляд.

Филатов поиграл желваками на скулах.

– Проинформирую. Обязательно проинформирую. Что наш генеральный прокурор решил с мальчиков перейти на девочек. Не заладилось у него с мальчиками. Отлюбил одного сладкого такого, мускулистого и злого на это самое дело. А мальчик пошел в ванную подмываться и не вернулся. Вены зачем-то себе порезал. Только утром и выяснилось. Остыть успел. Трудно было паковать в пакет и на свалку

ВЫВОЗИТЬ.

Он вбивал фразы, как гвозди, внимательно следя за реакцией Татищева. Сначала глаза Татищева сдалались скользкими, блуждающими, потом замерли и остекленели.

— У меня и эта компра с полной доказательной базой, — дожал Филатов. — По два свидетеля на каждый эпизод. Хоть завтра в суде выступят.

Филатов чутко дернул ноздрями. Сейчас от Татищева смердило с т р а х о м. Запах был настолько пронзительный и вязкий, что Филатов сразу понял, почему от него сатанеют собаки.

– Чего ты хочешь? – почти простонал Татищев.

Филатов, поборов брезгливость, дружески похлопал его по плечу.

– Ну что ты так взбледнул? Все путем! Сейчас в сауну пойдем, девок из группы поддержки пялить. По пиву пройдемся. За одно наши дела перетрем. Ты же с нами за одно, так?

Татищев кивнул.

– Ну! А ты стеснялся.

Филатов из нагрудного кармана достал листок, сунул в руку Татищеву.

– Здесь десять фамилий самых-самых Старостинских жуков. Арестовывать будем по прибытию в Москву, прямо у самолета. Ты мне выпишишь постановления на арест.

Для начала десять штук. Вру, с Артемьевым будет одиннадцать.

Татищев бегло просмотрел список.

— Здесь те, кого мы свинтим в первую очередь. Второй список задействуем на следующий день. Пусть все думают, что кто-то уже раскололся. Большинство наделает в штаны и будет сидеть тихо, дрожать за свою шкуру. Не удивлюсь, если побегут с повинной.

— Фигуры! — Татищев еще раз, уже медленне прошелся взглядом по списку. — А не боишься, Коля?

— Я отношусь к тем счастливицам, что боятся п о с л е. А ты не ссы в компот! Что

побледнел-то?

– А материалы на них готовы?

– Само собой. Прямо в сауну тебе принесут.

Татищев тяжело вздохнул.

– Зачем тебе это надо?

Филатов опять притянул его за пуговицу кителя.

– Затем, бля, что я жить хочу. Долго и смачно. И не хочу, чтобы мною подтерли дерьмо “Особого периода” и выкинули в толчок, спустив для верности воду. Ясно? – Он ослабил хватку. – А чистенькими, пушистыми и ласковыми мы сами сможем быть, так же? Даже патриоты из нас выдут не хуже, чем из Старостина. Почему это мы

должны уйти, а он остаться?

Филатов развернулся и пошел по коридорчику к дверям спортзала. Шел, не оглядываясь. Был полностью уверен, Татищев семенит следом.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Фараон

Старостин взял еще одну сигарету из лежащей на столе пачки Александра, поймал его взгляд и спросил:

– Не жалко?

– Нет, только курите вы много, Иван Иванович.

– Копченое мясо дольше хранится, – отмахнулся Старостин.
Встал из-за стола.

Специально заказал, чтобы зал для совещаний в “берлоге” сделали круглым. Очень удобно нарезать круги, в ы ш а г и в а я мысль, и держать всех в поле зрения.

Форму стен повторял стол, массивный, со столешницей из полированного дуба. Старостин послал дизайнера куда подальше с его идейкой применить модный кремлевский стиль – стол с клумбой посередине.

“Нафиг мне этот “бублик” позолоченный? Фикция одна. Как за таким работать можно? Ни документов по нему передать, ни промежуток незаметно почесать. За “бубликом” пусть в телевизоре

красуются. А мне р а б о ч и й стол нужен! Короче, строгай верстак для документов на двенадцать персон”, — распорядился Старостин.

Вторым требованием было — “ничего лишнего”. В результате в зале не осталось ничего, кроме десяти кресел вокруг стола. Фальш-потолки, служившие источником света, сняли, чтобы не соблазнять желающих понатыкать в них подслушивающие и взрывающиеся предметы.

Обнажившиеся конструкции бетонных плит бункера Старостина не смутили. Приказал выбелить. Свет в помещение давали угловые напольные торшеры и настольные лампы.

«И хватит. Яркий свет, шум и бабы — три врага преверанса», — заключил он.

Как опытный шулер в помещение для “политического преферанса”, вмонтировал кое-что для себя. В стене за спиной его кресла, прямо за холстом картины, помещалась система кинжального огня. Если кто-то проникнет в помещение, выбив единственные бронированные двери, то будет сметен шквалом пуль из восьми пулеметных стволов. Кресло председательствующего в мгновение ока вместе с полосой пола под ним скользнет к открывшейся нише в стене. Бронированная заслонка тут

же рухнет, надежно отгородив его от ворвавшихся чужаков и вышедших из доверия своих.

— По-твоему получается, Филатов нам помешать не сможет? — сбавив шаг, спросил Старостин.

— Я так не говорил, Иван Иванович. Гарантий никто не даст. Я сказал — не успеет. Мы опережаем его на пять шагов. Начнет действовать, сразу же окажется в цейтноте. А это почти стопроцентная гарантия наворотить таких ошибок, на исправление которых у него просто не хватит времени. Он уже зашевелился. Но все его ходы просчитаны.

Старостин остановился, через

стол смерил взглядом Александра. Сороколетний, широкоплечий, по-военному подтянутый, в идущей ему черной косоворотке “Молодых львов” с нашивками хорунжего, Александр был похож на ротного атамана бритых отморозков из личной гвардии Старостина. Если бы не чуткие пальцы пианиста. Хищное, породистое лицо огрубело от ветра и солнца, но как ни прячь за крутой внешностью ум, обязательно глаза выдадут. Они у Александра были яркими и всасывающими, как у стервятника.

Память у Александра была феноменальной, цепкой и безбрежной. Старостин приблизил

его, обратив внимание, что рабочий стол у Александра всегда был действительно чист, только один листок сиротливо лежал на столешнице. Александр весь день делал на нем какие-то абсолютно нечитаемые пометки, а потом безжалостно его сжигал. На пробу Старостин приказа воспроизвести по памяти все и всех, прошедших через кабинет Александра за день. К удивлению, он без запинки воспроизвел каждую минуту бесед, каждую строчку в документах, в мельчайших подробностях и в ньюансах.

Осталось проверить на жестокость. Индивидуальную акцию Александр выполнил, как и

ожидалось, не дрогнув ни единым мускулом лица. А групповую...

Тут уже дрогнули все. Шутка про сотню “Молодых львов”, по укурке отправившихся ломать Китайскую стену, родилась благодаря ему. Направленный разобраться с сотней, захватившей Благовещенск, Александр быстро и жестко провел следствие. Подшил рапорта, служебные записки и прочую бюрократическую мелочь. А потом перетопил виновных в Амуре. Начиная с командира и заканчивая приبلудившимися маркитантками из местных жительниц. Говорят, правильно ли привязаны камни к шеям, проверял лично.

Старостин включил его в “группу ревизии и контроля” Движения, в личную контрразведку. С испытательным сроком в месяц. О чем Александра, само собой, в известность не поставил.

Как вскоре выяснилось, в оперативном и аппаратном ремесле, Александр не уступал Кочубею, заслуженному ветерану подкововерных боев. «Моцарт, твою мать! – морща нос, констатировал Кочубей. – Малолетний самородок. Но как, шельмец, работает!”

Докладывал Александр, как всегда, лишь изредка подглядывая в крохотный блокнот, где единственная страничка была покрыта

иероглифами, известными только ему одному.

– Договаривай.

– И все же, он может ударить первым, Иван Иванович.

Старостин потоптался на месте, задумчиво крутя сигарету в пальцах. Сделал шаг вперед и на ходу бросил:

– Зачем?

Алескандр пожал плечами.

– Ответ вне логики. Голая психология. Психология обреченного. Так плохой игрок, когда до него доходит, что партия неизбежно склоняется не в его пользу, старается сделать “сильный ход”.

– Напасть первым для него сильный ход?

— Расчитывает получить тактическое преимущество, которое можно развить в стратегический успех.

— Это возможно.

— Только в случае ареста вас лично. Причем сегодня же ночью.

Старостин остановился. С иронией посмотрел на Александра.

— Для этого ему придется уломать Первого.

Александр заглянул в блокнот.

— С двух часов дня, сразу же как он получил данные следственной бригады, Филатов вызвал в Горки-9 всех своих кофиденциантов.

— Кого-кого?

— Всю свою кодлу, — поправился

Александр.

— Так и говори! Нечего для врагов приличные эпитеты подбирать.

— Залегендировал сходяк под матч по “ногамячу”, — продолжил Александр. — В семнадцать тридцать в бункер в Горках прибыл Татищев. До сих пор находится там.

Старостин грузно развернулся. Встал лицом к Александру.

— Зачем?

— Думаю, Филатов решил получить прокурорскую оценку своим оперативным материалам. Под таким соусом Первый наживку проглотит. Из квартиры Карнаухова изъяли анализ операций через Амстердам. В

материалах светятся минимум десять человек. Думаю, по ним Филатов затребует ареста.

— И если Первый мне до утра не позвонит, чтобы, как полагается, согласовать аресты...

Они обменялись понимающими взглядами. Старостин, криво улыбнувшись, тряхнул головой.

— Если Первый решит свое завтрашнее выступление превратить в речь Хрущева на XX съезде... Пусть сначала удостовериться, что я уже помер*.

* — знаменитое выступление Хрущева на XX съезде КПСС,

“разоблачившее” “культ личности” Сталина. Первоначально не было включено в регламент и стало полной неожиданностью для делегатов съезда, доклад считался секретным, но его текст был разослан для ознакомления и одобрения во все партийные ячейки страны, буквально по окончании съезда текст речи был опубликован в западной печати. Но основным парадоксом являлось то, что к “очищению от преступлений сталинизма” призывал ближайший соратник недавно умершего вождя, сделавший политическую карьеру в заклеянный им период.

Александр вежливо хохотнул. Став серьезным, бросил взгляд в блокнот.

— Охрана увеличена до максимума, Иван Иванович.

— Куда же еще больше! — проворчал Старостин. — Итак на толчок идешь, как под конвоем. Стукача Филатова вычислил?

Александр сверился с записью в блокноте.

— Под подозрением семь человек, Иван Иванович. В отношении шести подозрения весьма серьезны. В отношении них я готов немедленно применить превентивные меры. Но рекомендую подождать. Самолет Артемьева, как

договаривались, изменил курс. Сейчас с его борта на узел связи придет телеграмма-”пустышка”. Стукачок не удержится от шанса выслужиться. И сразу попадет в ловушку.

— Ага. Выяви мне источники Филатова, только Филатова. О других пока можешь не думать. В этом гадюшнике кого только нет, стучат друг на друга да трепят языками на стороне. Ищи только филатовского стукача! — Старостин крякнул и надсадно закашлялся. — Уф, ну и кислятина! Американские, а дерьмо.

Он вытер слезившиеся глаза.

— За Артемьевым “хвост” есть?

— Да. Пока ведут через службу

управления полетами. На земле, уверен, встретят оперативники Филатова.

– Наручник сразу наденут?

– Не исключаю. Но, думаю, Филатов даст команду арестовать его после встречи, чтобы снять самую свежую информацию. Поиграют Артемьевым в “ногамяч”, сдаст все.

– Может, стоит предупредить Артемьева?

– Не надо. Задержается еще, не дай Бог.

– Согласен.

Старостин медвежьей походкой прошел вдоль стола. Остановился. Мрачно насупился. Медленным округлым движением рукой с

сигаретой обвел стол.

— Что бы там не удумал Филатов, в полночь здесь все кресла должны быть заняты, Александр. Под твою личную ответственность. — Дождался утвердительного кивка. — Что у тебя по “Финалу”?

Александр достал из нагрудного кармана конверт. По гладкой столешнице толкнул к Старостину.

— Последние данные от моего человека. Теперь у нас полный преферанс.

Старостин достал из конверта фотографии. Внимательно просмотрел одну за другой. Брезгливо поморщился.

— Ты не застал, но такую

порнуху раньше немые в электричках продавали.

– Они и сейчас такое продают.

Старостин покачал головой. Сунул фотографии в конверт, толкнул к Александру.

– Парапсихологам покажи, пусть скажут свое слово.

Александр накрыл подъехавший к нему конверт ладонью. Поднял взгляд на Старостина.

– А потом что с ними мне делать, Иван Иванович?

Старостин расплющил сигарету в пепельнице.

– В печку. Лично отвечаешь.

Александр лишь чуть сузил глаза. Ни один мускул не дрогнул на

его скуластом лице, лишь колюче сверкнули глаза.

– Вопросы есть?

– Только один. Когда?

– Сразу же после подтверждения

результата. Проконтролируешь лично. Отвезешь меня и сразу возвращайся.

Александр кивнул и что-то черкнул в блокноте.

Старостин вернулся к своему креслу, сел, перелистнул бумаги в папке.

– Ступай, Саша, готовь выезд. Я сейчас соберусь и тронемся.

– От главного здания?

– Да. Надо народу показаться.

Весь день в “берлоге” просидел, не

хорошо, шушукаться начнут. Кстати, что с квартирой?

– На прослушивание проверили утром и час назад. Чисто. Людей я уже разбросал. Взяли под контроль все снайпероопасные точки, прошерстили подвалы и чердаки. Сейчас контролируют передвижение по улице. Вас будут обеспечивать из квартиры напротив, плюс двое на верхнем пролете, плюс двое у дверей подъезда. На улице мы поставим машины у самых дверей. Плюс еще несколько человек на подстраховке. С охраной Салина я договарюсь, встанут, где захотят, но дверь квартиры я им не отдам. Вот и все. Да! Чуть попозже договарюсь с

вояками на ближних постах. За "жидкую валюту" они и мышь не пропустят.

— Гарантируешь порядок?

— На девяносто процентов.

— Ага! Всего? — улыбнулся

Старостин.

— По нашим временам и это много.

— Вот за это я тебя и люблю, Саша. Никогда не крутишь. Продолжай в том же духе.

Александр встал. Бросил беглый взгляд в блокнотик и лишь после этого сунул его в карман.

— Что-то еще?

— Как сказать... — Александр немного помялся. — Отловил сплетню

о вас, весьма и весьма неприятную.

— Ну давай, что уж дерьмо в кармане греть, — подогнал его Старостин.

— “Наш дон Альфонсо рискует в своей постели обнаружить вместо Ракели прекрасную Эсфирь”.

На секунду ястребинные глаза Старостина залило молочного цвета льдом. Через силу улыбнувшись, он спросил:

— И кто у нас такой знаток еврейского вопроса?

— Кочубей.

— Когда родил мысль?

— Сегодня в обед. Обронил вскользь, когда узнал, что я готовлю к встрече квартиру Ники Давыдовны.

Лицо Александра осталось непроницаемым, как не буравил его взглядом Старостин. И все же он не выдержал, первым нарушил тягостную паузу.

— Какие будут распоряжения?

Старостин перевел взгляд на кресло, отведенное Кочубею за столом для совещаний. По правую руку от председательствующего.

Сильные пальцы Старостина затискали зажигалку, как-будто пробуя ее на слом. Потом расслабились. Стальной цилиндрик зажигалки глухо цокнул о столешницу.

— Никаких, — произнес Старостин, пряча взгляд. — Пока — никаких.

* * *

Оперативная обстановка

*Срочно
Особой важности
Согласно списку*

Ш И Ф Р О Г Р А М М А

Код "Водолей"

*По получению настоящей
шифрограммы немедленно
задействовать "водозабор".*

*Перевести "контролеров" на
усиленный режим. При обнаружении
"остаточного загрязнения" в*

"первой партии" к "отбеливанию" приступать немедленно. О неполадках и сбоях в системе оперативно информировать "Абердин". Действовать согласно их указаниям. Готовность к открытию шлюзов 14.10. Контрольное время – 7.00 / в.м./

По получению шифрограммы доложить. В дальнейшем до указанного срока соблюдать режим радиомолчания.

13 октября Подпись:

Старостин

После доклада Старостину у профессора Холмогорова на душе остался неприятный осадок. Впервые за годы работы над "Водолеем" Старостин не дал и слова сказать. Раньше, особенно на первом этапе, он заваливал Холмогорова вопросами и тепреливо, как школьник, выслушивал пространные объяснения. Предпочтение, которое Старостин явно выказывал Якову, было тревожным симптомом.

В науке конкуренция не ниже, чем в бизнесе, и не всегда причиной ее является гонка за обладанием истиной. Куда там! Истину еще нужно обрести, суметь уловить ее

призрачный свет и вместить в человеческое, слишком человеческое сознание: узкое, зашоренное и расхристанное. Да и что есть истина? К чему она? Если не дает финансирования, льгот и привилегий? Напрасное напряжение ума и томление духа.

Времена титанов мысли, как и титанов духа, давно канули в Лету. Благородный и самодостаточный ученый муж проиграл эволюционную схватку государственному служащему. Кюри, Бор, Энштейн и Иоффе могли на клочке бумаги теоритизировать о строении атома. До бесконечности и в свое удовольствие. И мнить себя

полубогами. Кем, впрочем, и были.

Но чтобы расщепить атом, взорвать его с энергией в сотню мегатонн, потребно задействовать всю мощь государственной машины. Нужно бросить в котел атомного проекта миллионы тонн золота, высоколегированный стальной, бетона, меди, графита, тонны руды, сотни тысяч человеческих жизней, астрономическое количество человеко-часов титанического умственного и физического труда. И только тогда количество взорвется качеством.

Кому это доверить? Только тому, кто пусть не гений, но исполнитель, не богом возлюбленный, а пользуется

полным доверием власти, кто сам расшибется в лепешку и других в навоз замесит, но даст результат в срок. И не отрицательный, что в науке считается нормальным, а государственно значимый результат — способную взорваться бомбу и работающую АЭС. Причем, не самым красивым решением, а самым экономичным.

Наукой занимаются Боры и Йоффе, двигают прогресс Оппенгеймеры и Курчатовы. И не личными усилиями. Это раньше стяжали философский камень и грызли гранит науки в гордом одиночестве. В двадцатом веке генералы от науки бросают на штурм

высот знания дивизии и армии ополченцев в серых пиджачках с институтскими “поплавками” на лацканах.

Профессор Холмогоров был научным генералом, по табели о рангах и даже по погонам на кителе, который он одевал только по торжественным случаям. Яков Зарайский дослужился, ну, допустим, до комполка. Несомненно, умен и перспективен, но это еще не причины позволять прыгать через ступеньки карьерной лестницы. Да и генерал из него пока никудышный. Нет ни стати, ни опыта, ни волчьих клыков.

А что за война без генерала?

Партизанщина, а не война. Старостин, фельдмаршал, фюрер и “лучший друг отечественной науки” в одном лице, не так глуп, чтобы этого не понимать. Не только коней на переправе не меняют, а и званий в момент форсирования реки не дают.

Вот закончится операция, начнется процесс “награждения непричастных и наказания невиновных”, тут можно и подсуется, приминить парутройку аппаратных приемчиков и вытеснить зарвавшегося молодого и перспективного из поля внимания светлых очей начальства. И даже не поймет, дурашка, когда, как и кто его бортанул. Великая эта наука —

карьера в науке!

Оценив свои силы и примерившись к силам неожиданно объявившегося конкурента, Холмогоров успокоился и с аппетитом, смакуя каждый кучек, предался ужину. Ребрышки молодого барашка с картофелем “по-деревенски”, зеленым лучком, травками и всем остальным прилагающимся бальзамом легли на душу и тело. Глоток французского каберне, если верить запыленной этикетке, урожая еще “до Катастрофы”, окончательно заврачевал рубцы на самолюбии профессора. Он даже преисполнился симпатией к молодому коллеге.

Холмогоров старался настроить себя на отческое, заботливое отношение к Якову. Причем, искреннее. Фальшь была бы сразу разоблачена, что только навредило бы делу. Знал, Яков чрезвычайно тонко чувствующая натура. Почувствует фальшь, обидется и замкнется. А еще хуже, упреться, как ишак. Таких как он нужно выманивать лаской, а не гнать кнутом и подкупать морковкой.

— Знаете, Яков, что мне сказал их повар, или как они его тут называют, когда я заказывал наш ужин? “Не скромничайте, можете заказать хоть суп из черепахи. Сделаем, только подождать

придется”. Каково, а?

— Ничего удивительного, — ответил Яков. — Для многих приход к власти означает возможность максимального удовлетворения личных потребностей. Жаль, порой все этим и ограничивается. Вы, кстати, не знаете, что ответил Гитлер, когда его упрекнули в ужасающей коррупции среди членов победившей НДСАП?

Холмогоров был чересчур занят косточкой, чтобы отвечать. Вопросительно вскинул брови.

— Как и у нас в годы, так сказать, реформ, в Рейхе кто мог, лез в советы директоров, кто мог, принимал в подарок пакеты акций, а у кого не

было ни ранга, ни фантазии, банально брали на лапу. Кстати, называли они этот захватывающий процесс “установлением партийного контроля над бизнесом”. Короче, как и мы строили не светлое будущее для арийской нации, а вполне сытое и комфортное настоящее для себя, любимых. Такой, знаете, олигархически-бюрократический режим с ура-партиотизмом для тех, кому ничего не досталось. Кроме права умереть и убивать за любимую родину. — Яков отодвинул тарелку. — Но многие бизнесмены особой радости от партнеров в коричневых рубашках не испытывали. Со слов Раушнинга, Гитлер им сказал

примерно следующее: “Партийцы компенсируют годы лишений и преследований. Многие из них просто голодали. Я не могу им запретить взять им причитающееся. Партия меня не поймет. Мы победили. Должна же быть справедливость! Революция всегда перераспределяет блага. Пусть платят! А если кому-то не нравится, то я могу устроить настоящую революцию. Недели на две. С погромами и грабежами. Только это обойдется недовольным гораздо дороже”. За точность не ручаюсь, но смысл передал.

— Умно, ничего не скажешь, — Холмогоров принялся обсасывать

косточку. – М-м. А вы, я погляжу, всерьез заинтересовались политологией?

– В силу необходимости, в силу необходимости, Леонид Федорович. – Яков поскреб бородку и задорно сверкнул глазками. – Политические сферы для меня – это ядерный котел, где кипит процесс перехода энергии в информацию, материи в идеи, абстрактного в конкретное, частного в коллективное. Занимательное зрелище, особенно, если смотреть с позиций нашей научной концепции.

– Наблюдение как этап познания достаточно интересно, что же касается, практики... Поверьте мне,

скучно до невероятия. Примитивно. В первооснове лежат поведенческие реакции высокоорганизованного хищника, или простейшего кровососущего. — Холмогоров, спохватившись, решил сменить тему. — Вот я смотрю, вы едите мясо, Яков. А как это сочетается с Ведантой, о которой вы столько мне говорили?

— Пустое все, — Яков свободно откинулся на стуле. — Этап первой влюбленности уже давно закончился. Сейчас у меня с эзотерикой устоявшаяся семейная жизнь, ха-ха-ха! А если серьезно, нет хуже извращения, чем применение в повседневной жизни сокровенных знаний. Ведическая кулинария была

разработана традиционной
цивилизацией.

Те, кому по кастовым законам полагалось обходиться растительной пищей, подчеркну, в противовес физиологии и морфологии человека как мясоеда, вернее, трупоеда, были способны потреблять энергию, иначе говоря – прану, в чистом виде. В таком случае потреблять иную пищу означало отнимать ее у других, брать то, что тебе не положено, что есть высший грех в иерархическом традиционном обществе. “Каждому свое!” Лозунг достаточно инверсированный, но в глубинной сути своей верен. Так что доедайте барашка, профессор, и не мешаете

пищеварению дурными мыслями.

— Вы прекрасно понимаете, Яков, что меня тревожит. — Холмогоров вытер по-старчески блеклые губы уголком белоснежной салфетки. — По сути, "Водолей" сотворит то же, что и недалекие пропагандисты ведической кухни. Он покуситься на заповедное для человека в угоду его сиюминутным и неразумным потребностям.

Яков моментально стал серьезен.

— Отнюдь, Леонид Федорович! Мы же с вами идем путем Гермистра Трисмегиста. Помните? "То, что внизу, то и наверху, то, что находится вверху подобно находящемуся внизу,

ради исполнения чуда единства. Ты отделишь землю от огня, тонкое от грубого, осторожно, с большой ловкостью. Он поднимается из земли к небу и снова опускается в землю, и получает силу всех вещей, как высших, так и низших. Этим способом ты приобретешь всю славу мира и вся тьма удалится от тебя. Эта сила — сильнейшая из всех сил, так как она победит всякую тонкую вещь и проникнет во всякую вещь плотную. Так был сотворен мир!”

Яков поднял указательный палец.

— Вот в чем смысл! Мы осуществляем лишь часть воздействия. Мы производим

фон, характерный для космического излучения я к о б ы упавшего на Землю. Можно сказать, провоцируем Космос ответить подобным излучением. Вот что означает “поднимется от земли и опустится на Землю”! Маги древности умели заставить Землю излучать сигнал и устанавливали управляемую взаимосвязь с Космосом. Но ответит ли он нам в этот раз, не знаю.

— Но не грех ли, вот что меня волнует!

— Могу вас успокоить, профессор. — Яков улыбнулся. — Именно это и есть величайший грех. Его даже не сравнить с работами над биологическим оружием и зачатием

детей в пробирках. Можно гордится, если хотите, но это второй по значению грех после поедания яблока с Древа познания. Весь вопрос, позволит ли Господь, Аллах или Абсолют, как вам будет угодно, совершить нам его. Ведь и первый был совершен при попустительстве Всеведающего и Всемогущего. Нам не дано постичь промысел Божий. Вот и не будем делать вид, что нам известно все. Предвидеть, а уж тем паче — рассчитать, увы, в таких областях просто невозможно.

Холмогоров смял и отбросил салфетку.

— М-да! О последствиях лучше не думать.

— Совершенно верно, Леонид Федорович. — Яков широко улыбнулся, увидя выражения лица Холмогорова. — Нас просто сметет, если мы хоть краешком зацепили охранительные структуры Земли.

Холомогоров и без зауми Якова, подчерпнутой из священных и проклятых книг Запада и Востока, понимал, что меру ответственности они взвалили на себя запредельную. В проект Старостин вгрохал столько сил и средств, что провал произведет эффект взрыв нейтронной бомбы. Люди, виновные и случайно причастные, исчезнут, а лаборатории и оборудование останется в наследство новым придворным

чародеям. Больше всего Холмогорова донимали не мысли о грехе и карме, о неких Высших иерархиях, а вполне земные проблемы – присвоение заслуг и избежание ответственности.

Яков мог летать в каких ему угодно высях, но Холмогоров двумя ногами стоял на земле, устойчивость положение и и позволяла безопасно разглядывать звезды. Проблема состояла в том, что звезды расположились так, что Холмогоров попал в прямую зависимость от небожителя Якова. Закружится голова у одного, с плечь слетят обе.

– Как же здесь неуютно.

Холмогоров отодвинул тарелку.

Осмотрелся.

Помещение, отведенное им, напоминало уютный номер дорогой гостиницы, если бы не стальные тамбурные двери с колесом запирающего устройства.

— За свою жизнь по бункерам и “шарашкам” насиделся изрядно, но здесь что-то не по себе. Плохая аура, вы не находите? Сама обстановка давит.

— Вас, профессор, давит не обстановка, а вопрос, который вы хотите мне задать, но никак не решаетесь.

Холмогоров изогнул бровь. Решил не скрывать удивления. В чтение мыслей на расстоянии не

верил. Но Яков не раз доказывал, что достаточно четко умеет считывать внутреннее состояние человека.

— Будем считать, что я задал его.

— Да. — Яков пристально посмотрел в глаза Холмогорову. — Я сделаю это. Это часть эксперимента. Если нам было позволено сделать все, что мы с вами успели, возможно, будет позволено совершить и это. Слишком поздно поворачивать назад.

Холмогоров перевел взгляд на стоящий у стены прибор. Его прямо перед ужином доставили из Красногорской лаборатории. Укрытый белым чехлом, он казался безобидным и простым, как обычный офисный ксерокс. Если не

знать о электронной начинке.

– Профессор, вы чувствуете себя Курчатовым, держащем руку на рубильнике атомного фугаса? – с улыбкой спросил Яков.

– Мне интереснее, как вы себя ощущаете в роли запала атомной бомбы, коллега, – без тени юмора ответил ему Холмогоров.

Фараон

Тайным коридором Старостин прошел из бункера в подвал штаб-квартиры, на личном лифте поднялся в кабинет. Просторное помещение еще сохранило следы пребывания своего прежнего хозяина – главного режиссера театра Армии.

Этим кабинетом, считавшимся официальным местом пребывания лидера Движения, Старостин пользовался крайне редко. В основном, встречался здесь с делегациями “с мест” и политическими фигурами, от которых ничего путного не ждал.

Секретари из предбанника официального кабинета об отсутствии хозяина ничего не знали. Все звонки из приемной автоматически дублировались в рабочий кабинет в здании напротив или в “берлогу”, откуда Староростин или от его имени Кочубей давали необходимые распоряжения. Кочубей же предложил разделить документооборот на два потока: документы с пришпиленной розовой бумажкой уходили на обработку в “берлогу”, с желтой — клались на стол официального кабинета. Старостин подписывал их, не глядя, когда было время.

Сейчас он, пройдя из задней

комнатки в большой кабинет, лишь покосился на разбухшую папку “на подпись”. Перегнулся через стол, ткнул пальцем в кнопку селектора.

— Дарья, охрана на месте?

Секретарша от испуга охнула.

— Иван Иванович... Да, здесь.

Уже ждут.

— Молодцы, я выхожу.

Он скорым шагом прошел в двери, провернул ключ в замке и толкнул ее дубовую тяжесть.

Из кресел сразу же вскочили трое в форме “Молодых львов”. С десяток посетителей, до бледных лиц дожидавшиеся приема, с трудом поднялись на затекших от долгого сидения ногах.

Старостин обвел взглядом приемную. Выбрал первого, более-менее, симпатичного просителя. Изобразил на лице удивление. Ткнул пальцем в его сторону.

– Как, до сих пор маринуете?! – прорычал Старостин.

Посетитель чуть не рухнул назад в кресло.

– Иван Иванович, – пролепетал он. – Без вашей подписи...

Старостин шагнул к нему, вырвал из рук папку. Распахнул, корябая бумагу, вывел свою летящую подпись. Поставил жирную точку.

– А число? Число я вам печатать должен?! Дарье Ивановне по молодости лет еще простительно

забыть. Она о женихе думать обязана, а не какое сегодня число. Почему число не проставили?!

— Ну... Так мы же не знали, когда вы подпишите, Иван Иванович! — взмолился посетитель.

Старостин в заковыченной пустоте твердо нацарапал цифру тринадцать, сунул ему в руки папку. Моментально разгладил гневные морщины на лице.

— Вот из-за таких, как вы, дорогой соратник, у нас семь пятниц на неделе, четыре дня Конституции и два Новых года!

Первым захохотал, закинув голову. Посетитель подхватил дребезжащим смехом.

Под вежливые смешки Старостин покинул приемную. Охрана ненавязчиво взяла его в “треугольник”: один спереди, двое по бокам.

В коридорах штаб-квартиры сновал разномастный люд, большая часть с черно-золотыми значками Движения на лацканах пиджаков. Рыжеволосая дама из провинциальных активистов чуть было не лишилась чувств, увидя идущего по коридору живого Старостина. Пришлось остановиться, сыграть сценку "вождь накоротке общается с представителем Чухонск-Залесской ячейки".

Баба была бестолкова, как все представительницы неистребимой породы партийных дам, под чьими бы партийными знаменами они не тусовались, повсюду вносили нотку кухонной истеричности и беспросветного снобизма. Рыжеволосая так трясла огненным начесом в ответ на каждую фразу Старостина, что наружу вылез бурый клок накладных волос. Терпение у Старостина быстро лопнуло. Тем паче, что вокруг уже разрасталась толпа жаждущих подышать одним воздухом с вождем. Он подхватил под локоть серолицего с партийным значком, в ком опознал обитателя многочисленных кабинетов,

пристроил к героически рвущей
мохер груди активистки, зычно
произнес, обращаясь ко всем сразу:

— Не будем откладывать в долгий
ящик. Инициативу с мест губить я не
дам! Вот товарищ, изложите ему
суть. Он вами займется. И построже
с ним, на ваши взносы живет!

Провожаемый одобрительным
гулом, он сбежал по широкой
лестнице. Но внизу его поджидало
новое испытание.

Прямо над входом какая-то
бестолочь повесила огромную
картину. Толпа активистов
Движения, как Мамаево полчище,
косяком перла по хлебному полю,
угрожая смести замершую в

бесконечном поцелуе молодую пару: он в черной парадной форме "Молодых львов", она в сарафане и почему-то с граблями в руках.

Если художник ставил целью изобразить всех членов Движения разом, то ему это удалось. Толпа, расширяясь, темной полосой подпирала горизонт. Впереди шествовал сам товарищ Старостин. По сосредоточенному выражению лица нельзя было понять, то ли вождь искал в голом поле место справить малую нужду, то ли решил лично завалить в буйные хлеба прекрасную селянку.

Палитра художника была бесхитростна, как у ребенка.

Смешивать цвета его еще не научили.

Разглядывая картину, Старостин сбился с шага и остановился. Тут же под боком возник безликий в сером пиджаке и прокомментировал:

— Называется “Триумф Движения”, Иван Иванович. Писал наш художник Слободкин. Специально для штаб-квартиры.

— Вижу, что не Репин, — буркнул под нос Старостин.

Серый пиджак не расслышал и восторженно добавил:

— Имперский русский стиль! Чувствуется мощь и напор!

— Исчезни! — Старостин зло зыркнул на серого ценителя искусства.

И широкими шагами пошел к
дверям, предупредительно
распахнутыми охраной.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Старые львы

Услышав скрип открывающейся двери и мягкие шаги Владислава, Салин развернул кресло так, чтобы глаза не видели ничего, кроме темного проема окна.

Зыбкая темнота, время от времени вспыхивающая призрачным светом, иссеченным серебристыми струйками дождя, гипнотизировала, в сознание прокрадывалась тихая

спокойная мелодия, страх и отчаяние отступали.

“Мне просто повезло, – подумал Салин. – Судьба подарила мне этот час. Организовавший эту травлю должен быть прекрасно осведомлен о всех моих делах, всех! Страшно подумать, но это так. Слишком уж невероятны совпадения! У меня нет доказательств, только предположения, но я не полный идиот, чтобы спорить с собственным инстинктом самосохранения. Они сыграли меня. Как мальчишку. Кем бы ни был Дмитрий, он сделал свое дело, подставил меня под удар в самый решающий момент. Подлец, не раньше и не позже!

Я не давал прямого приказа убивать Карнаухова. Я лишь обсудил с Дмитрием в ы г о д н о с т ь выведения его из игры. Это был ситуативный анализ, не более того! Но кому это сейчас докажешь. Главное не это, нет, самое страшное смириться с мыслью, что со всем своим чутьем, просчитанными комбинациями, с желаниями, волей, сиюминутными импульсами, страхами, надеждой и иллюзиями, буквально всем, что есть я, ты стал игрушкой в чужих руках”.

– Виктор Николаевич, – подал голос Владислав, он уже стоял рядом.

– Да. – Салин развернул кресло.

– Слушаю тебя.

– Ситуация под контролем,
Виктор Николаевич.

– Подробности?

– Это технические детали,
Виктор Николаевич, – немного
помедлив, ответил Владислав.

Салин молча указал на кресло
рядом с собой. Владисла присел на
самый крашек, по привычке чуть
поддернул вверх брюки. Он тяжело
посмотрел в глаза Салина. Перевел
взгляд на свои кисти, неподвижно
лежащие на коленях.

– Дмитрий Рожухин
ликвидирован в ходе огневого
контакта. Я лично произвел
контрольный выстрел. Труп вывезен

в надежное место и уничтожен.

— Это я прочел в твоей шифровке. Мне нужны детали, малейшие детали, способные вывести на наш интерес.

— Прямых выходов на нас не осталось. Квартира принадлежала нашему агенту по кличке “Бетховен”. Он — единственная ниточка, ведущая непосредственно к нам. Мы его использовали “в темную”, никаких прямых контактов с Организацией и концерном. По легенде он выполнял координирующие функции в Трибунале, придуманным Рожухиным. “Бетховен” ликвидирован самим Рожухиным в момент захвата.

– Зачем?

– Рассчитывал навесить живого “Бетховена” на нас, как камень на шею. Не сложилось, решил, пусть не достается никому. Мы вполне могли бы сыграть “Бетховеным” в своих интересах. “Бетховена”, архивного агента ГСБ, привлек лично Рожухин и лично с ним контактировал. Нас “Бетховен” не знал, считал, что сотрудничает с управлением “Т”. Получилось бы, что мифические Трибунал и “Меч” Рожухин создал для пускания пыли в глаза руководству.

– Проблема в том, что “Меч” не миф, – вздохнул Салин.

– Я уже запустил процесс

зачистки всех контактов, способных вывести на нас. Есть одна фигура, которую я не могу снять с доски без вашего ведома. — Владислав поднял взгляд. — Ливитцкий. Он не раз встречался с Рожухиным по линии этого мистико-эзотерического кружка.

— Только Ливитцкий?

— Да.

Салин покачал кресло. Решение далось ему до ужаса просто.

— Согласен.

Владислав лишь кивнул.

— Ты упомянул про огневой контакт. Там что, был бой?

Владислав немного помедлил с ответом.

— Когда всплывут контакты “Бетховена” с террористами, а такую вероятность я не исключаю, все спишут на них. Пока это выглядит как бандитское нападение неустановленной группой лиц с целью ограбления. — Он сухо кашлянул в кулак. — Если вам интересны детали, мы потеряли троих. Два оперативника и Наташа Голубева.

Салин чутко уловил, как едва заметно дрогнул голос Владислава.

“Они, наверняка, были близки, — решил он. — Особо их личной жизнью не интересовался, но столько лет рядом, а Наталья — женщина яркая. Была. Теперь уже —

была”.

— Мои соболезнования...

На секунду лицо Владислава застыло.

— Наталья была обречена, — сухо произнес он. — Рак мозга. Обнаружили месяц назад. От операции отказалась.

— Глупость какая! — вспыхнул Салин. — Мы бы предоставили лучших врачей.

— Которые сделали бы ее инвалидом. И мне бы пришлось ее ликвидировать как опасного свидетеля, который за себя не отвечает. Она знала правила игры, Виктор Николаевич. Если бы в ближайшую неделю она сама бы не

сделала правильный выбор, мне бы пришлось...

— И ты бы смог, Владислав?

— Да. Когда нет выбора, это просто.

Салину показалось, что сквозь толстое стекло прорвался сырой ветер, забрался под одежду и холодным наждаком царапнул по груди. Владислав не изменил ни позы, ни выражения лица.

Потребовалась минута,
показавшаяся Салину вечностью,
пока он не справился с вдруг
залихорадившим сердцем.

Владислав поднял взгляд, что-то быстро считал по лицу Салина, и вновь стал разглядывать свои

неподвижные пальцы.

— На настоящий момент сделано все, что было в наших силах, — продолжил Владислав. — Мы намеренно сбросили в квартире удостоверение Рожухина. По нам стреляли из его табельного пистолета. Там полно его отпечатков. С учетом того, что его подозревают во внеслужебных контактах с боевиками, они побегут по самой опасной для них версии: его захватили те, кем он манипулировал. Розыск уйдет в дебри подпольных террористических групп, а там черт ногу сломит. Фактор времени работает на нас. Что же касается агентуры Рожухина в нашей

организации, она зачищена полностью.

— Вы уже попробовали установить, был ли у него заказчик?

— Работаем. — Он опять поднял взгляд. — Наташа считала, что вряд ли у него был хозяин. Есть какой-то предел информированности исполнителя. Стоит его превысить и чуть ослабить поводок, как человек становится абсолютно неуправляемым. На первых порах это не бросается в глаза, более того, он горит на работе, дает невероятные результаты, все довольны. А он, оказывается, работает на себя, творит, как вольный художник, и вся мощь организации становится лишь

средством в реализации его буйных фантазий. Так вот, Наташа была не права. Вернее, я очень опасаясь, что в ближайшие часы мы получим подтверждения ее неправоты.

Салин бросил на Владислава настороженный взгляд.

– Старостин?

Владислав отрицательно покачал головой.

– Я не Ливитцкий, Виктор Николаевич. Я не строю метафизических моделей, я работаю только с фактами. Факты же таковы. Дмитрий для акции по Карнаухову привлек опытных специалистов, я имел возможность лично наблюдать их работу. Если их не затравили в

сегодняшних облавах, или они не вышли из города после провала исполнителя, то ничто им не мешает нанести еще один удар. Но это предположение. Самый тревожный факт: в адресе был некто третий. Он ушел, ушел по крыше. Убил моего оперативника. Одним выстрелом, навскидку, с сорока шагов. Это очень профессиональная работа. Не могу не предположить, что Дмитрий Рожухин сдал ему информацию о вашей встрече со Старостиным.

— Как он мог об этом узнать?

— Снял через агента данные с нашего сервера. В адресе мы изъяли ноутбук Бетховена. Судя по всему,

непосредственно перед нашим приходом Рожухин на ноутбуке считывал информацию с флэшки. Данные на флэшке идентичны тем, что качали с нашего сервера. Таким образом, угроза утечки информации о месте и времени встречи вполне реальна. У меня твердое убеждение, что Рожухин прикрывал отход своего человека. — Владислав выдержал паузу. — Виктор Николаевич, решать, конечно, вам, но я бы перенес встречу в более безопасное место.

— Вот как? — Салин недовольно дрогнул губами.

— Мертвые иногда способны кусать живых. Никто не знает, а теперь и не узнает, что было на уме у

Рожухина. Он вполне мог затаить злобу на вас лично.

– Интересно, за что?

– Рано или поздно от вас поступил бы приказ обрубить контакт с Рожухиным. Таковы правила. Он не мог этого не знать.

Ретроспектива

Старые львы

Эзотерической кружок Ливитцкого Салин посещал не реже раза в месяц. Поводом, как правило, были “смотрины” перспективного неопита, попавшего в сети Ливитцкого.

Мистика и эзотерика на зыбкой почве Катастрофы расцвели таким буйным махровым цветом, что затмили повальное увлечение “тайными знаниями”, биоэнергетий и прочей чертовщиной, вспыхнувшее в Перестройку. Кружки, ложи и даже целые ордена возникали то тут то там, как поганки, наевшиеся

радиации. А Домен они облепили, как гнилое бревно. Не было “приличного дома”, где бы не устраивались столоверчения, ночные радения, спиритические сеансы и тантрические оргии. Медиумы, кликуши, старцы и ясновидящие гуру пользовались такой популярностью, что владелицы светских салонов вели за ними настоящую охоту. В салоны и “ложи” валом валили охочие до запредельного секса и полуполюгального употребления всяческих дурманящих зелий, жаждущие почесать языками на “потусторонние” темы и сверкнуть эрудицией в “тайных знаниях”, гонящиеся за модой и бегущие от

скуки. Редко, но попадались н а с т о я щ и е.

В профанских “ложках и орденках”, как презрительно величал салоны Ливитцкий, н а с т о я щ и е долго не задерживались. Либо уходили разочарованные... Либо уходили завербованными. Их, тщательно протестировав и прощупав, переводили для окончательной доводки в места, закрытые и запретные для профанов. Кружок Ливитцкого был именно таким местом: последним чистилищем перед входом в круги истинно причастных к реальным тайнам мира.

Салин присутствовал на

собраниях кружка в качестве “приглашенного гостя”. Хотя был единовластным хозяином самой квартиры и всего, что в ней имелось в наличии. Включая, самого “мастера” Ливитцкого.

После обязательных братских церемоний и прочей ритуальной чепухи начиналось свободное общение приглашенных. Салин наблюдал за ним через открытые двери библиотеки, делая вид, что поглощен изучением какого-нибудь толстого фолианта.

В тот вечер, четыре года назад, все его внимание было приковано к молодому, широкоплечему человеку, с открытым волевым лицом и

характерной пластикой хорошо
тренированного спецназовца.
Вечерний костюм, впрочем, он носил
с небрежной элегантностью.

Салин по “объективке”
составленной Владиславом уже знал,
что неофита зовут Дмитрий Рожухин,
разведен, работает в ГСБ по
антитеррору, имеет отличные
характеристики, перспективен и
амбициозен.

По линии Ливитцкого имелась
дополнительная информация,
окрашенная в мистические тона.
Рожухин, если верить “магам”,
обладал повышенной сенсорикой,
свободно угадывал сто карт из ста,
лежащих рубашкой вверх, владел

аутогипнозом и азами агни-йоги, как прекрасный каратист умел контролировать биологическую энегрию в своем тели, имел предрасположенность к чтению символов и глубоко изучил историю религиозных воинских орденов Западной Европы. Кто-то из “магов” специально прозондировал знания Дмитрия по данному предмету и пришел к выводу, что Рожухин в выводах значительно превысил уровень доступной ему информации.

“Это тот редкий случай, когда знания стали доступны вне ордоналий и посвящения”, — прокомментировал Ливитцкий.

Словно не чувствуя на себе

взгляды Салина, Рожухин беседовал с
перезрелой дамой, чья
неадекватность просто бросалась в
глаза. На голове у нее осталось всего
несколько жидких прядей волос, к
тому же выкрашенных в кричаще
оранжевый цвет. Одежда
представляла собой комбинацию
сари с толстовкой, сочный грим
девадаси* не мог скрыть дряблой
кожи. Если она и была красива, как
богиня Деви, то в других своих
жизнях. В этой, российской,
реинкарнации колесо Сансары
втиснуло ее в вытянутое тело, резко
утолщающееся ниже талии. Говорила
посвященная дама с пафосом
всезнайки, но время от времени,

словно стесняясь, кривила шею, так, что голова почти ложилась на плечо, и смотрела на собеседника камбалой.

* – “служанка богов” (санскрит): служка и исполнительница ритуальных танцев в индуистском храме, зачастую в обязанности девадаси входила священная проституция, приносившая храму значительный доход.

Дмитрий, если и терпел назойливую собеседницу, то великолепно умел владеть собой и обладал незаурядными актерскими способностями. Салин, во всяком случае, со своего места не заметил

ни малейшей тени неудовольствия или раздражения на его лице. А выдержать заслуженную поклонницу Рериха мог не каждый. Личный рекорд Салина был полчаса с минутой.

Агнию Львовону в салоне использовали в качестве теста на психологическую устойчивость. Ливитцкий считал, что она расшатывает психику надежнее литра водки. Агния Львововна обладала мощным шизофреническим полем, которое действовало на людей, склонных к порядку и строгой дисциплине, по-научному говоря эпилептоидно-паранояльного психотипа, как запах вокзального

туалета. При слабой воле под предельной токсодозой изнутри могло хлынуть такое, что только держись. Никакой экстрасенсорики не надо, чтобы обнаружить тщательно скрываемые комплексы, все само перло наружу. Дай бог, если в приличной форме. А то некоторые так буянили, что приходилось подд руки выводить из салона. Навсегда.

Салин счел, что тест пройден, и дал знак Ливитцкому.

Ливитцкий под благовидным предлогом вызволил Дмитрия из плена, выдержал в ничего не значащем разговоре, окуривая трубкой, и подвел для представления Салину.

— Позвольте, дорогой Гость, представить вам нашего молодого брата Юлиана, — светским тоном произнес Ливитцкий. В его салоне все фигурировали под самыми странными псевдонимами. Себя Ливитцкий окрестил Чезаре.

Салин, не вставая, протянул вялые пальцы. После “мастерского” рукопожатия, когда три его пальца легли в сильную ладонь Дмитрия, он указал на кресло рядом с собой. Ливитций с поклоном удалился.

Салин не мог не отметить, что Рожухин держался, естественно, без излишнего напряжения, но не растекся в кресле, как было принято у молодежи. Спина осталась по-

военному прямой. Салин намеренно тянул паузу, выманивая на первый ход. Дмитрий внешне равнодушно выдерживал его изучающий взгляд и губ не разжимал.

— Что для вас власть? — спросил Салин.

Неожиданный вопрос, заданный без предисловий и предварительной разминки, должен был пробить невидимые доспехи собеседника. Дмитрий лишь медленно обычного опустил веки, сморгнув.

— Насилие и перераспределение благ, — ответил он.

— Одно без другого разве не бывает?

— Без насилия распределение

невозможно, насилие без цели – паталогия.

Салин не смог сдержать вежливой улыбки.

– А разве вам не нравится осуществлять насилие?

– Мне нравятся цели, которые я им достигаю.

– И в чем ваши цели, позвольте узнать?

– В новом уровне власти.

– И когда вы себе скажете “хватит”?

Дмитрий с тонкой улыбкой ответил:

– Думаю, “хватит” я раньше услышу от других.

– Хм. И вы их слушаете?

– Если они приведут достаточно веские аргументы. Которых на тот момент не будет у меня.

По тону чувствовалось, что он имеет ввиду вовсе не слова.

– Вы неосторожно откровенны, молодой человек.

– Ваши вопросы, дорогой Гость, выдают вас не меньше, чем мои ответы.

Салин изобразил на лице вежливую иронию.

– Очень хочется знать, что же вы выведали?

– Вам привычна та степень власти, о которой я могу только мечтать. Она... – Дмитрий сделал округлый жест кистью руки,

подбирая нужное слово. – Незрима. Потому что уже не нуждается во внешних формах проявления.

Салин решил, что настал момент для последнего испытания.

– Если вы обратитесь за консультацией к нашему мастеру, то он вам разъяснит, что незримой силе служат. Никогда не пытайтесь подчинить ее себе. Это плохо кончается.

Дмитрий, подумав немного, согласно кивнул.

* * *

Салин посмотрел за окно. Ветер размазывал по стеклу дождь.

Улыбнулся своим мыслям.

Стас недоуменно посмотрел на шефа. Такие вот улыбочки он не раз видел у людей, принявших вопреки уговорам и угрозам окончательное решение.

— Виктор Николаевич, я настаиваю на изменении маршрута. Хотя так я могу гарантировать вашу безопасность.

— Делай, как считаешь нужным, Владислав. Я полностью тебе доверяю.

Оперативная обстановка

Фаил

F:/swrd/wind_2/pers_4/exct/sst/mart.do

Внимание:

Меморандум

конфиденциальности

содержание

является

корпоративной собственностью

концерна “Сапсан”, разглашение

информации способно нанести

ущерб деловой репутации и

коммерческим интересам концерна,

по умолчанию вы приняли на себя

обязательства по неразглашению

данной информации и несет всю полноту ответственности за нарушение коммерческой тайны.

Псевдоним: "Странник"

Привлечен к сотрудничеству: май 2012 г.

Первичные установочные данные: файл "С-М-1", "П-2".

Специализация: сколачивание и командование диверсионно-разведывательными подразделениями, агентурная работа, индивидуальный террор.

Индивидуальная подготовка: согласно полной программе для диверсионно-разведывательных подразделений. Снайперская

подготовка. Имеет опыт боевых действий.

Владение иностранным языком: английский, фарси, испанский.

Данные психологического тестирования: файл "С-М-4"

Детальное описание личности и особые приметы: "С-М-7"

Участие в боевых действиях: файл "С-М-8"

Специальные задания: файл "С-М-9", файл "А-13" Снабжен документами: файл "С-М-10"

Данные проверок: файл "С-М-11"

Текущий статус: убит в июне 2015 года в ходе боестолкновения с правительственными частями

особого назначения.

Информация: "Соловей"

*Подтверждение информации:
"Леший", "Дон", "Августин".*

*Проверка информации:
"ДАРИЙ"*

С Т О П!

*ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЫ
ПРОШУ ВВЕСТИ ВАШ КОД!*

С Т О П!

*ВАШ КОД НЕ СООТВЕТСТВУЕТ
УРОВНЮ ДОПУСКА*

НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВИТЕ

РАБОТУ С АРХИВОМ

дата: 13.10. время: 20:10

время работы с архивом:

00:02:15

личный код: ДАРИЙ код допуска:

ДАРИЙ_СТИНГ- СС-55

Внимание: работа прервана из-за несоответствия указанного кода допуска уровню допуска в файлы группы "С-М", "П" и "А".

Проверка безопасности: корреспонденция с файлом учета допуска в помещения концерна.

Ответ – отрицательный. На 20:10 13.10.15 ДАРИЙ систему контроля допуска в помещения концерна не проходил.

*Внимание тревога! Угроза
утечки информации с головного
сервера.*

*Код тревоги: “оранжевый”.
Использование чужого кода доступа
сотрудником концерна.*

*Локализация источника
тревоги: помещение СБ-52, рабочее
место 173.*

** * **

Странник

Волчья ночь накрыла город. Студенный ветер, остро пахнувший скорым снегом, рвал в клочья кисею дождя. Капли твердые и жгучие, как льдинки, бились в лицо, норовили запрыгнуть за воротник. Всхлипы ветра и прерывистый шелест дождя гасили все звуки. Что делала зыбкую тьму вокруг еще опасней.

Патрули и блок-посты. Скрытые посты наблюдения, поисковые группы и одиночные опера, подделывающиеся под простых граждан. Штатные и добровольные стукачи, прилипшие носами к окнам.

Наводчики грабителей и шайки шакалов, выбравшиеся на ночной промысел. Перепуганные насмерть прохожие, попавшие под комендантский час, и перепившиеся до тупой отваги ублюдки. Каждый мог пальнуть в мелькнувшую тень. С умыслом, без или просто от скуки.

Максимов петлял по Коптево, сбивая погоню со следа. Иногда накатывала усталость, и он чувствовал себе затравленным, продрогшем до костей волком, которого холод и подведенное до самого позвоночника брюхо рано или поздно погонят к теплу человеческого жилья. Под выстрел и собачий гон.

Тогда он хищно ощеривался, со свистом всасывал воздух сквозь сжатые зубы. Усталость исчезала, вспугнутая зверинной силой, просыпавшейся в человеке.

Он шел сквозь ночь, чутко прислушываясь к малейшему шуму. Шел и твердил сам себе: «Ты еще жив! Ты еще жив! Ты еще жив!»

Сарайчик, примыкавший к школьному двору показался ему самым подходящим местом. Сюда можно было быстро добраться на машине, свернув в переулок, не доезжая блок-поста, и скрытно подойти дворами, не выходя на открытый случайным взглядам школьный двор.

Максимов огляделся по сторонам. Поднял кирпич. Кроша его ребро о стену сарая, начертил большую букву “R”, для верности пририсовал стрелку на ножке буквы. Под стрелу положил кирпич. Присел на корточки. Вытащил из пачки фольгу. Расправил на колене. На белой стороне ручкой быстро написал два столбика клиновидных значков.

Свернул фольгу в плотную трубочку, согнул пополам, потом еще раз. Сделал лунку в мерзлой земле, положил в нее записку. Накрыл кирпичом.

Достал пластмассовый кубик. Чиркнул по колену. Положил кубик

рядом с кирпичом.

Выудил из пачки сигарету. Запахнувшись курткой, закурил. Блаженно откинул голову и выпустил дым. Жар сигареты, спрятанной в кулак, приятно покусывал кожу.

Максимов улыбнулся и закрыл глаза, подставив лицо под капли дождя.

Это был его первый экстренный контакт за долгие пять лет. Глупо было бы считать, что через минуту, получив сигнал радио-маячка, к сарайчику примчатся свои. Таких чудес не бывает. Возможно, что придут спустя день или два. Или не придут вовсе. Такое тоже не исключалось. Он слишком долго

существовал в режиме “свободного поиска”, чтобы знать о нынешних возможностях Ордена.

Но пока он был жив, это не значило ровным счетом ничего.

Когти Орла Ретроспектива

Ноутбук урчал, как сытый кот. Голубой экран дисплея был единственным источником света в комнате. Максимов, пробегая глазами странички на дисплее, время от времени поглядывал на красную точку сигареты, что плавала в темноте рядом черным контуром кресла.

– Ты меня в трупы офромил.
Спасибо, что не сглазил.

Огонек залел, пахнуло дымом.

– В файлах Салина и «конторы»
тебя похоронили. Живи и радуйся,
Странник.

– Они могут отменить встречу?

– Нет. Насколько я знаю Салина,
нет. Завтра собираются все зубры
Старостина, если не договориться
сегодня в ночь, потом будет поздно.

– Что Салин знает о делах
Старостина?

– Почти все. «Меч» я ему создал
для игры против Старостина. Ну и
мелких политических заказов, само
собой.

Максимов развернулся лицом к

Василиску.

– Ты идешь со мной?

– Нет, Странник, извини, нет. Меня будут искать живым или мертвым. Три конторы сразу. Сам понимаешь, шансов мало. Иди один.

Бетховен тихо захрипел, вялой рукой пошарил по груди.

– Кстати, я не очень его? – Максимов указал на Бетховена.

– Мог бы и завалить, не велик грех. Отставной конторский хрен, в конспирацию не наигрался. Да, на нем ты прокололся. Зовут-то его вовсе не Борис Борисович. – Василиск глухо хохотнул. – А в остальном, прекрасная работа. Даже завидно. Импровизация с

Карнауховым – просто блеск.

– Крупно тебя подставил?

– Как сказать... Время мое

вышло.

В дверях тамбура тихо скрипнул замок.

– Все, Странник! – прошептал Василиск. – Это за мной.

* * *

Когти Орла

Экстренная связь
Навигатору

От объекта “Василиск” получена информация о месте нахождения Фараона. Объект “Василиск” погиб. Запросите подтверждения по своим каналам.

Обладаю достоверной информацией о разработках Фараоном психотронного оружия “четвертого уровня”. Создана, опробирована и готова к применению комплексная система психотронного воздействия, кодовое обозначение “программа Водолей”.

В качестве средства по повышению внушаемости населения Фараоном проведена массовая наркотизация с использованием административных и

производственных возможностей
возглавляемой им структуры.
Ответственный за данное
направление Счетовод ликвидирован
с использованием оперативных
возможностей объекта Василиск.
Ликвидацию подтверждаю.

По утверждению моих
источников, Фараон возможная
время поступления команды на
запуск системы – вторая-третья
декада октября с.г..

Принял решение ликвидировать
Фараона.

“Свободный поиск” продолжаю.
Странник

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Странник

Заброшенное бомбоубежище под высотным домом на Войковской давно облюбовали местные бомжи. Здесь всегда былолюдно, чадно и жутковато весело. Особенно, в нудные часы комендантского часа. Нравы были разудалые, как на вольном пиратском острове. Жизнь кипела во всю. А что ей не кипеть между виселицей и ударом ножа под ребро?

Максимова здесь знали, за своего не принимали, но права находиться среди них не оспаривали.

В первый же вечер его "попробовали на нож". Больше для проформы, чем со зла, в драке человек раскрывается до конца, дерьмового и подлого видно сразу.

Максимов тогда лишь уклонился от выброшенной вперед руки, сжимавшей нож, резко ударил по сгибу локтя противника и зафиксировал его заломленную кисть. Острие ножа замерло, едва коснувшись горла. Парень сразу все понял: проделай Максимов этот трюк чуть быстрее и резче, тот бы сам себе вспорол горло, и от печатки

пальцев на рукоятке были бы только его. Он вяло улыбнулся, и Максимов разжал хват.

Больше вопросов ему не задавали, над человеку здесь тусоваться, может постоять за себя, а придется, то и за всех — значит, так тому и быть.

Они называли себя “вольные люди”. Это уже была новая генерация. Старые классические бомжи, вечно непохмеленные и завшивленные, исчезли из города с первой же волной арестов в самом начале Особого периода.

Нынешние “вольные” были сродни тем, кого Максимов встречал в заброшенных деревнях. И те, и эти

были по-своему добры, честны и наивны. Вечные идеалисты, “романтики с большой дороги”. Всегда жили одним днем, чем Бог пошлет и как Он на душу положит. То у них не нашлось приворованных денег, чтобы “войти в рынок”, то не скопилось валюты, чтобы свалить из страны, когда разом, как холодным ветром туман, развеяло все надежды. Они не были созданы для войны, их уделом, крестом и спасеньем была вера. Бессмысленная и обезоруживающая вера во что-то лучшее, которое, обязательно грядет, уже близко, осталось совсем чуть - чуть, лишь бы не замараться, не стать одним из э т и х, обреченных на

вечное сегодня и проклятое вчера.

В бочке плескался огонь, от дыма одуряюще пахло соляркой. Максимов держал над печкой промокшую куртку. Пальцы покусывал жар. В голове сделалось мутно, накатила предательская расслабленность.

«Нельзя спать! – одернул он себя. – Тут тебе не рай. Даже в преисподней есть стукачи и соглядатаи. Еще час, максимум два, и начать шерстить все бомжатники».

Он обвел взглядом подвал. Слабый свет от ламп под потолком едва достигал верхнего яруса нар. Свободные площадки освещались горящими бочками. Вокруг них, как

черти в аду, копошились “вольные”. Сразу в нескольких местах кампании хором орали песни. Каждая свою. В гул ввинчивался раздолбанный звук магнитофона. Слов было не разобрать. Какая-то рэповая абракадабра. Поток сознания городского сумашедшего.

Максимов посмотрел на кучковавшуюся рядом стайку молодняка. Над свечкой в закопченной ложке закипало адово варево. Шприц уже был наготове. Девчонка, лицо даже в полумраке светилось иссиня-белым, глаза в темных впадинах горели, отсвечивая вслохами свечи, нервно покусывала губы, следя за пузырившейся в ложке

жижей.

Внутри отчаянно взвизгнула лопнувшая струна. Максимов закрыл глаза.

Сразу же всплыло видение: перекошенное рябоватое лицо начальника склада. Прапора они завалили прямо у него на глазах в кабинете, нефиг было изображать из себя коммуниста на допросе. Полковник поплыл, глаза залило слезливой мутью. Он сдал, как просили, все, до последней бумажки. Максимов боролся с собой, гасить отупевшего от провинциальной житухи, сдобренной дармовым спиртом, безвредного служаку ему не хотелось, а было надо. Но когда

взломали дверь под номером три, разбили несколько картонок, — было там их под самый потолок, — и вывалили на пол пакеты, по глазам полковавта понял: он знал, знал, сука!

Тогда Максимов сорвал с головы вязанную маску. Юрка, прекрасно знавший его, отошел от греха подальше. Снял маску — значит непременно убьет. Полковавт напоследок выдал из себя фамилию крупного московского дядьки, от имени которого его один раз отодрали за срыв графика перевозок — Карнаухов.

Потом, Максимов еще долго прятал от всех дрожащие руки. Но

нашло, залило глаза багровым туманом, черт дернул, схватили пакет и вколотил его в орущий рот, разорвав тонкий пластик о желтые от курева зубы полковника. Дозы, которую он впихнул в полковнику, хватило бы всему бомбоубежищу на месяц.

«Я сделаю. Плевать, что все против меня. Нет ни шанса на удачу. А уж вернуться живым, об этом лучше не думать. Но я сделаю это. Не попытаюсь, а сделаю. И пусть попробуют остановить!»

Он толкнул плечом соседа.

— Слышь, брат, Каганович на месте?

— Ха! А где ему быть? Второй

день квасит у себя в углу. При мне еще не выползал.

– Лады.

Максимов пошел, осторожно перебираясь через разный хлам и спящих вполвалку, в дальний конец убежища. Там на разбитых нарах он и нашел Кагановича.

С юмором у "вольных" был полный порядок. Кто и когда окрестил старого деда, с комсомольской юности и до подкошенных ревматизмом ног оттрубившим в казематах метро, Кагановичем, не известно, но кличка прилипла.

Любил дед, приняв стакан, тысяча первый раз пуститься в

воспоминания о самом светлом дне в своей жизни, когда его, жилистого деревенского паренька, одного из тысяч ему подобных, как муравьи, снующих в подземных лабиринтах, вытащили на свет божий и поставили перед светлые очи самого Всероссийского прораба – Лазаря Кагановича. Действительно ли небожитель снизошел до чумазого смертного и пожал его трудовую пятерню, или врал старик, но историю эту знал наизусть любой, прошедший в бомжатнике больше двух дней.

– Каганович, вставай, дело есть.

Максимов присел рядом на нары.

Старик громко икнул, дернув острым кадыком, кожа на шее была дряблой и пупырчатой, как у ошипанного сдохшего с голодухи цыпленка, и открыл один мутный глаз. Максимов дунул, разгоняя тяжкий сивушный дух. Дед явно сознательно уходил в многодневный запой, экономить на пойле начал с первого дня.

— Давай, гегемон, просыпайся. Дело у меня к тебе.

— А это ты, волчара. — Дед открыл второй глаз и с трудом оторвал голову от серой слежавшейся подушки. — По делу или выпить принес?

— По делу, но на опохмел налью.

— Столкнемся! — сказал дед, удобнее устраиваясь на нарах.

Лучше него никто из известных Максимову людей не знал все ходы-выходы в подземном лабиринте. Дед подрабатывал, проводя в Домен и обратно. Лишних вопросов не задавал. Надо человеку, заплатил, пусть прет хоть черту на рога. Наше дело дорогу показать.

Максимов достал из кармана только что купленную в баре чекушку водки. Баром здесь называли нишу в стене. Пустые ящики, выстроенные в низкую баррикаду, иммитировали барную стойку. Баром заведовала Гафира, пышногрудая реклама нездорового

образа жизни. Впрочем, баба добрая и отзывчивая. В долг верила, не скупясь, назначала цену за краденное и не зажимала сдачу с баксов и рублей. А что водка валила с ног, как Моххамед Али, пахла набальзамированным покойником и драла горло, как горячий скипидар, так бизнес, он того – прежде всего.

Каганович одним глотком ополовинил бутылочку. Крякнул. Сразу повеселел. С благодарностью принял квелую от сырости сигарету.

– Сколько людей? – приступил он к привычной процедуре.

– Один.

Дед наметанным глазом скользнул по Максимову. Пыхнул

сигареткой.

— Сколько денег пришлешь?

— Сколько скажешь.

— А сколько не жалко? — хитро

ощерился Каганович, выставив редкие зубы.

— Кровь не пей! — отрезал

Максимов. — Не Чубайс тарифы поднимать. Я таксу знаю, ты знаешь. Что зря словами бряцать.

Дед опять оценивающе

посмотрел на него.

— Вижу, прямо сейчас решил,

угадал? Приспичило, значит. Вроде и не из братвы, это у них вечно шило в жопе. Человек, видно, серьезный. Вот ежели... Хотя... — Он резко оборвал себя, поймав взгляд

Максимова. – Фиг с тобой, паря. Твои дела, твои бабки. Не для того я метро копал, чтобы простой народ в него по пропускам с ментовскими печатями пускали.

– Лучше не скажешь, дед!

В метро действительно можно было попасть по вечно дорожавшей карточке, но у пассажира могли в любой момент потребовать удостоверение личности. На всех станциях шарились осатаневшие от грохота и духоты патрули, при первом подозрении, заламывали руки любому. Шла вечная борьба с терроризмом. На поверхность на радиальных ветках выходили без особых проблем. Но на выходе

станций Домене требовалось предъявить специальный “домушный” пропуск. С фото, печатями, подписями и набором малопонятных штампов.

– Двадцать уев. Не ограблю? – с надеждой в голосе сказал дед. – Тут такое дело...

– Понимаю, инфляция.

“Юрка вчера ушел в Домен за пятнадцать уев”.

Максимов вывернул карманы. Большую часть утренней добычи отдал Маринке, но что за мужик без заначки? Протянул деду линялые зеленоватые бумажки. Они тут же исчезли в складках засаленной куртки.

– Порядок?

— Как говорил товарищ Каганович, вперед — к победе коммунизма! — Дед имел привычку приписывать абсолютно все высказывания бывших и нынешних вождей только своему великому крестнику.

Он вальяжно растянулся на нарах.

— Вот только не пойду я, паря. Ты уж извини.

Нож сам собой вырвался из-под рукава куртки Максимова и лег поперек дряблого стариковского горла.

— Шутки горбатые у тебя, Лазарь. — прошипел Максимов. — Жизни в тебе на один удар, а

хохмишь, как Вечный жид.

– Э-э, паря, – прохрипел старик, – не надо! Ну кончишь ты меня, ну ребята за меня подпишутся, кончишь их, вырвешься отсель, а куда? С утра менты собаками травят. Все ищут чего-то. Куда пойдешь? Тебя в Домен на персональном "воронке" доставят. Бесплатно.

– Деньги верни! – Максимов, брезгливо поморщился от сивушного выхлопа из распахнутого рта Кагановича. Спрятал нож под рукав.

– Бабки! – шмыгнул носом старик. По грязным морщинистым щекам неожиданно побежали слезы. – А на кой они мне нужны, знаешь? Может мне они до смерти нужны?!

Может я подыхаю уже.

– Не скули, старый!

– Блядская жизнь! – не унимался старик, размазывая по щекам слезы. – Суки он, хуже падали последней. Я на них все жизнь горбатился. Я под землей больше, чем ты на свету просидел! У меня ноги уже не ходят, щенком еще по колено в воде блукал, рельсы на себе таскал. Ну житуха, японский бог, ну житуха у нас! Как ни крути, а она к тебе только задницей!

– Да остынь ты. Что стряслось?

Дед всхлипнул и рукавом вытер глаза.

– Мне сам Лазарь, великий организатор, пятак жал, бля буду! Да

я Брежнева два раза видел, вот как тебя. Лужок мне свой кепарь кожаный подарил, о как! У меня грамот от них — все толчки в городе оклеить можно! А они, падлы... Ну свинтили, ну отхерачь дубинкой, если уж старика не жалко, зуб ему выдави, но зачем такое с живой-то душой вытворять, а? Что мне теперь, с голоду помирать? Я же теперь, как пес на цепи. Все у них, пидарасов, как учили — "шаг влево-вправо, прыжок вверх — побег". Вот теперь и меня, суки, подловили.

Максимов, ужаснувшись догадке, задрал ему правый рукав. На запястье Лазаря плотно сидел стальной браслет.

— Где взяли?

— Из трубы одной вылазил. Прямо на патруль и напоролся. Озверели они, не отмажешься. А может, план надо было выполнять, кто их знает?

Истерика разом прошла, дед только шмыгал пропитым носом.

— Уходи из города, Лазарь. За Можаем он не действует, проверено. А там спецы есть, за двадцать уев они не только цацку эту спилят, новую руку пришьют.

— Погодь! — Старик цепко ухватил за рукав вставшего Максимова. — Западло человеку не помочь. Вон среди наркош очкарик, видишь? Скажи ему, Лазарь кличет.

– На фига мне детский сад?

– Дубина! Он же из этих, как их?

Спинологов.

– Спелеологов что ли?

– Ну! Дихеры, спилологи, тьфу, засранцы с понтами! Я его сколько раз из трубы пендалями гонял. Зови, не ссы. Ну в доле он у меня, не понял еще?! Гарри Поттером его кличут. Зови, не пожалеешь.

Максимов оценивающе посмотрел на пацана. Кисть тонкая, на лице без аттестата видно десять лет в хорошей школе. Потом обрыв. Недетские бороздки от носа к губам. Остывшие глаза. За волю он уже заплатил, цену ей знает, по дешевке не отдаст. И сам способ, которым он

зарабатывал на жизнь, ведь в трубу
шли всякие, говорил о многом. Кусок
такого хлеба стоил дорого.

* * *

Фараон

Ника судорожно сжала пальцы. Острые ногти царапнули по серебристой жесткой поросли, покрывавшей грудь Старостина, глубоко впились в кожу. Он успел подумать, еще немного – и их жаркие кончики войдут в самое сердце, что было сил сдавил ее по-девичьи узкие бедра, она закусил губы. Огненный столб взорвался внизу живота, залил глаза полыхающим маревом, проваливаясь, он успел почувствовать, как напряглось и выгнулось дугой ее тонкое тело...

– Коба, ты жив? – Она уже

лежала рядом, закинув ногу ему на живот. Едва касаясь, провела пальцем по груди. Теперь из него сочился легкий холодок, шел под сердце, наполняя тело покоем.

— А ты? — Он открыл глаза. Счастливо улыбнулся, увидя совсем рядом бездонную черноту ее глаз.

— Я-то что? Мне такая смерть — счастье, а тебе не простят. Кто от зависти, кто от бессмысленности. Не по статусу как-то — умереть на женщине, не находишь?

— Зато сколько помрет от зависти! С собой в могилу пол-Кремля уволоку. Импотенция и простатит — профессиональная болезнь политиков.

– Значит, ты у меня исключение из правил.

– Правила, Ника, устанавливают сильные для слабых. Это все, что я знаю и хочу знать о правилах.

Она потерлась носом о его горячее ухо, шепнула:

– Еще время есть?

– Смотря на что, – улыбнулся он.

– Смотри. – Она легко оттолкнулась, села, заломив руки, высоко подняла черную копну волос. – Смотришь?

– Ага. – Он положил ладонь на ее красиво изогнувшиеся бедро, пальцы дрогнули, едва прикоснувшись к его теплой шелковистой поверхности. Краска

уже успела сбежать с ее щек, и теперь лицо Ники светилось матово-белой чистотой.

— Ты красива изначально, библейской красотой, Ника, знаешь? — выдохнул он, щурясь от сладкой боли в груди.

— Глупый ты, Коба! — Она улыбнулась, улыбка всегда выходила хищной из-за чуть выдающихся из общего ряда острых клыков. Ему нравилось. Скорее, волновало, как видимый знак тайной опасности, исходившей от мощного женского естества, сокрытого в этом легком теле. — Кто сейчас способен такое сказать? Для этого добрым надо быть, а мужики сейчас тужатся, кто

кого круче. От этого тупеют и становятся похожи на быков-производителей. Видел? Шея, ломом не сломать, это самое, как два футбольных мяча, взгляд тупой, как пробка от портвейна. Вот у таких, чтоб ты знал, рога-то и растут!

— А я, чтоб ты знала, только этим и занимаюсь. Национальный чемпионат по крутизне. Как Лелик помер, так и начали письками меряться. До сих пор не успокоятся. От страны уже ничего не осталось, а они все лбы да хребыт друг у дружки на излом пробуют.

— Ты, Коба, другой. Ты сам по себе. Тебе можно быть и добрым и глупым, с тебя не убудет.

Само собой получилось, что он привык к этому “Коба”. Однажды само собой у нее выскочило – Коба*. Долго хохотала. Говорила, подходит больше всего, и коротко, можно проорать, если приспичит, и по-партийному скромно.

Смеялись оба, до слез. Потом, он понял, женщина умная и чуткая, Ника ничего не делала без причины, пусть даже подсознательной. За этим шутивым прозвищем что-то должно было быть. Так просто такие ассоциации не всплывают.

* – партийная кличка, ставшая дружеским прозвищем Сталина
– Скажи, Ника, умница моя, – он

приподнялся на локте, потянулся за папиросой. — Кто была девушка по имени Ракель?

— Не поняла? — Ника встряхнула головкой. — Какая?

— Не знаю, поэтому и спрашиваю.

Ника чиркнула зажигалкой, дала ему прикурить, закурила сама, села напротив, заложив по-турецки ноги.

— Тогда, будь добр, вспомни, при каких обстоятельствах ты услышал это имя.

— Обстоятельства роли не играют. — Старостин обратил внимание, как опять стали бездонными ее глаза. — Если хочешь, могу вспомнить дословно.

Он давно развил в себе способность цепко схватывать и долго хранить в памяти все случайно оброненные фразы, так или иначе выпадавшие из контекста разговора. Память у него была, как у всякого серьезного человека, з л а я.

– “Не дай бог дону Альфонсу однажды утром проснуться и обнаружить рядом в постели вместо Ракели красавицу Эсфирь”.

– Теперь понятно. – Она сбила темно-красным ноготком мизинца пепел. – Коба, это сказал страшный и опасный для тебя человек.

Из черной глубины глаз к поверхности поднялись искристые льдинки.

– Дон Альфонсо был королем Кастилии, ради любви к еврейской девушке Ракели наплевавший на Священную войну. Семь лет ее любовь хранила его и его королевство от войны, пока благородным донам не осточертело сидеть в замках и грызться с костлявыми женушками. Им хотелось войны и подвигов, крови неверных и сочных тел их жен. Вполне веские аргументы, ты не находишь?

– Дальше.

– А что дальше? Когда единственное препятствие на пути к великим походам – бестолковая женская любовь, кого оно остановит?

Ее убили, освободив лидера от ведьмаковских чар иновёрки. А чем прославилась Эсфирь, ты, надеюсь, знаешь.

— Ну Библию-то я читал.

Ника ноготком начертила на своем бедре угловатые знаки. Откинула волосы с лица.

— А кто-то читал «Иудейскую войну» Фейхвангера и узнал, что последнюю царицу Израиля звали Береника. В меня назвали в ее честь. Для Ивана Старостина иметь еврейскую любовницу... Мне страшно за тебя, Коба. Когда начинают копаться в метриках твоих близких — жди беды.

Он заглянул в ее иссиня-черные

глаза с белесыми, как у кошки разводами. Она порой удивляла, порой пугала, вдруг затихнув, подолгу разглядывая что-то не видимое ему, зрачки расширялись, все заливая своей непроницаемой чернотой, где была она тогда, в какие бездны, в какие выси уносились, легко скользя упругим гибким телом. Она была тоньше, в тысячу раз тоньше его, чуткая нечеловеческой сутью, он, насмотревшийся в досталь на человеческую подлость, обмануться уже был не в состоянии, но всякий раз удивлялся ее способности с одного взгляда, с одной фразы считать человека, до самого дна, до самого затхлого

закоулка. И не липла же, в отличии от него, к ней вся эта грязь, так и оставалась она, выныривая из зловонной тины чужого нутра, чистой и легкой, как и была.

— Коба, ты полежи, тебе, я поняла, надо подумать. Пойду сварю кофе. И что-то есть захотелось. Червячок уже проснулся.

Она задорно хлопнула себя по плоскому смуглому животу и улыбнулась. Глаза остались подернутыми черным льдом.

Когда она вернулась, Старостин докуривал третью папиросу. Он успел перегореть, первый приступ ярости быстро схлынул. Он спокойно просчитал ситуацию, с е т ь вязалась.

Кочубей в ней, само собой, был не на первых ролях, дело не в нем, а в тех, к кому тянулась крысиная цепочка его следов, люди на подбор — зубры, одним выстрелом не завалишь, все старые кадры, в Движении с первых дней, а вскрытую — еще дольше. Недовольных всегда полно, опаснее скрыто недовольные, не разбрызгивающие злобу по мелочам, копящие ее для удара. Такие были, по одиночке силы не представляли, можно было играть, умело манипулируя их разрозненными интересами. Но, не дай господь, собрались в стаю?

Стая сильна р а ж е м,

спекающим страх и злобу каждого в
клокочущую общую отчаянную
смелость. Тогда они пойдут на все,
не остановятся, если вовремя не
наступишь им на горло.

«Кто, интересно знать, тот паук,
что сплел паутину?»

Выходило, Карнаухов. Из всех
приближенных он был по-старчески
ревнив и обидчив. Главное, вокруг
него было легко сбиться в кучу — не
давил, брал сочувствием и
всепонимающей мудростью. На роль
вождя фронды не тянул, поэтому и не
претендовал. Играл роль “тайного
советника вождя”. А когда вакантна
должность вождя, да еще есть
советник на все случаи жизни, то

желающих “повождить” всегда в избытке.

«За это пришлось подставить деда. Нефиг людишек в соблазн вводить. Да и знать стал больше, чем здоровье позволяло».

Кроме Карнаухова и самого Старостина, о "Водолее" больше других знал один человек – Кочубей. И аппарат Движения плясал под его кнут и бывал сыт его пряниками.

«В чем-то я ошибся, если Кочубей позволил себе личный выпад. Причем, в самое больное место, сволочь, ударил. И нашел, когда! Рисково сейчас из доверия выходить. Какой черт его за язык дернул? Извиняет лишь одно, он

таким способом Сашку на бдительность проверял. “Не доложит, сожрем”, правило известное. А если с дуру проговорился? Только этого мне сейчас не хватало! Не пускать же его в распыл, как Карнаухова. Пока еще нужен. Черт, все сразу и разом!»

– Ох и накурил!

Ника внесла поднос. Ноздри защекотал запах кофе и еще горячих тостов. Как вышла голой, так и вернулась. Скрывать ей, действительно, было нечего. В ответ на его просьбы не сновать по квартире голышом отшучивалась: «Коба, ты не прав, дорогой. Я отношусь к одному проценту женщин, которые голыми выглядят

так же красиво, как и одетыми. Гордиться надо и тихо завидовать!»

– Включи кондиционер. Только, ради бога, накинь что-нибудь, охрана глаза сломает!

– Ха! Должны же и у них быть маленькие радости!

Она поставила поднос ему на живот, легко подбежала к окну, медленно развела в стороны тяжелые портьеры, так же медленно вытянулась. Навела пульт на кондиционер. Старостин, не в силах пошевелиться, лишь смотрел на ее подобравшуюся попку. Загорала она, конечно же, голой.

– Да быстрее же ты, ведьма! Сейчас мужики штабелями

повалятся, останемся без охраны, вот тогда и запрыгаешь!

Она захохотала, запрыгнула на кровать, оседлала его ноги и потянула к себе поднос.

– Сейчас кормить тебя буду.
Дозаправка в воздухе.

– Вот сейчас как встану!

– Не встанешь! Кофе только с плиты. Хотя, можешь встать, пусть охрана послушает арию Старостина “Обварила меня ведьма кипятком” из оперы “Жизнь за народ”, слова Старостина, музыка – блатная-народная.

– Что развеселилась?

– Ну не плакать же! Ты, я смотрю, успокоился, а то весь

закаменел лицом, мне даже страшно стало.

– Хочешь уехать? – неожиданно для себя спросил Старостин. Сорвалось. Вырыгнуло из самого сердца.- Пока есть возможность.

– Нет. – Она резко встряхнула черной копной. – Раньше не свалила и сейчас не собираюсь. Что мне там делать? Да и тебя...

“Правильно. Пожалела, не договорила. Молодец, девочка моя черноглазая, кто я без тебя? Бросишь, оставишь одного, ч т о я тогда? Одна желчь и злоба, а потом придет беспомощность и отчаянье, как с Карнауховым. Спекусь, озlobят они меня в конец, да и загрызут от

страха. Страшно без любви, без любви мы с т р а ш н ы е”, – подумал он, закрыл повлажневшие глаза, на ощупь нашел и нежно погладил ее по-детски острые коленки.

Она убрала поднос. Легла рядом. Сквозь шелк простыни он почувствовал тепло ее тела.

– Коба. – Ника потерлась носом о его плечо. – Сегодня весь день сновали какие-то люди. Глаза у них цепкие и холодные. Улыбаются, а губы твердые. Как будто никто их не целовал. Неживые они какие-то.

– Глупышка. В охране служат те, кто на себе давно крест поставил. Других не держат. У него чувство долга доведено до рефлекса, оно у

них сильнее жизни, как у собаки. Да и жизнь ли это, на поводке у ноги бегать?

— Так надо, да? Ну, эти люди, охрана... Эта встреча так важна для тебя, да, Коба?

— Для меня важнее всего, что я сегодня здесь. Остальное — повод.

— Конспиратор! — выдохнула в самое ухо. — А чем твои враги занимаются, как ты думаешь?

— Считают меня, чем же еще!

Старостин напряг живот, по седым волоскам быстро-быстро забегали ее острые ноготки, спускаясь все ниже и ниже.

— М-м! А мы сейчас законспирируемся! Никогда не

догадаются, что ты сейчас будешь делать.

– Ника, прекрати! – взмолился Старостин.

– Поздно, Коба.

– Ну ведьма!

Он на секунду представил напряженные лица Кочубея, Филатова, Салина, Первого, Артемьева, бульдожьей морды зубров Движения, серые мордочки коридорной шушеры. И захохотал во весь голос, пытаясь поймать за плечи скользнувшую вниз Нику.

Старые львы

По настоянию Владислава, Салин решил не рисковать и воспользоваться для поездки закрытой веткой метро.

Кортеж из бронированного лимузина и двух джипов охраны начал петлистый путь между блок-постами, роль пассажира лимузина играл опер, комплекцией похожий на Салина. А он сам незамеченным выскользнул из офисного здания концерна, Владислав на своей машине подбросил его к ближайшему входу в “секретное метро”, пообещав встретить в переулках у здания

Минобороны. Там, прямо из невзрачного служебного подъезда, можно было выйти на поверхность.

В пустом холле гулял пахнувший сырой известью сквозняк. Поезд только что ушел в тоннель. В гулкой тишине мерно цокал шестернями эскалатор.

Салин протянул постовому красную корочку пропуска.

С тех пор, как расконсервировали большую часть "подземного города", все чаще и чаще он встречал здесь знакомые лица. Чиновники, кому в старые добрые времена по рангу не полагалось даже знать о системе подземных коммуникаций, протянувшейся

тайными тоннелями под всей Москвой, с удовольствием по надобности, а как правило, без нее, с удовольствием пользовались новой привилегией — не быть обстрелянным на улице.

Салин отвернулся и не ответил на заискивающий кивок двух особей чинушного племени, поднимавшихся вверх по лестнице.

— Пожалуйста. — Постовой вернул ему пропуск. — Какие будут указания?

«Парень, наверно, имеет ввиду отметку в пропуске. И действительно, зачем мне соседство тех, кого я с трудом переношу? Превратили, понимаешь, в

общественный транспорт! Скоро еще плату взимать начнут», – подумал Салин.

– Да, указания будут. Я поеду один.

– Проходите, я предупрежу.

Салин вышел на платформу. Из черного зева тоннеля тянуло сыростью. Через минуту подали вагон.

Он вошел в салон, бросил кейс на соседнее сиденье, сел, аккуратно расправив по сторонам полы пальто.

Пискнул зуммер, мертвый механический голос произнес:

– К движению готов. Пожалуйста, назовите станцию назначения.

– Арбатская. Без остановок, – ответил Салин и с первым мягким толчком вагона закрыл глаза.

Последний час он с Решетниковым пересмотрели все, что так или иначе было связано со Старостиным. От света монитора и мелкого машинописного шрифта все еще рябило в глазах.

Чем глубже он вникал в сухие строчки документов, тем больше убеждался в неординарности своего противника. Компромата на него было сверх всякой нормы. Любой другой на его месте трясся от страха по ночам, а днем боялся сделать лишнее движение. Но Старостин всегда и во всем, еще со времен своей

провинциальной карьеры, шел напролом.

Имелась масса обиженных, раздавленных, использованных и брошенных, просто позабытых, люди такого не прощают, ж д у т. Но против Старостина, как утверждал Решетников, никто не хотел выступать, даже при их поддержке. Или кто-то планомерно и тщательно затирает за шефом следы, или людишки боялись чего-то другого, что они распознали в Старостине, а он никак не мог уловить.

«Совершенно другой масштаб, вот в чем дело! Это мартышкин труд, я просто утону в море фактов. Нужно изменить масштаб, — понял Салин. —

Старостин не укладывается в привычные рамки, это же очевидно.

Не могу отделаться от ощущения, что он идет ва-банк. Или он видит то, что закрыто от нас? Будто ведет его какая-то сила, играючи перенося через все препятствия. Может ответ в этом, — рассуждал Салин под мерный перестук колес. — Тогда необходимо еще раз все взвесить. Раньше было просто, была стареющая империя. Откровенно говоря, нет больше счастья, чем жить под ласковым закатным солнцем былого величия, просто политическое бабье лето! Тишина и покой на бескрайних просторах, и все еще полные закрома

Родины, надеюсь, многие искренне сожалеют о тех временах, но уже поздно, поздно, слишком поздно! Было неумолимо, признаюсь, и не всегда хлопотно, интриговать, время от времени выдергивая из номенклатурной обоймы покушавшихся словом или делом на священный покой. Очевидно, в этом и кроется первопричина наших неудач. Обросли жирком, пропал азарт от схватки не на жизнь, а на смерть. Те, что пошли на нас, сожгли за собой мосты, и потому победили.

Мы отступали, по копейке увеличивали ставки, а они сразу поставили все и шли ва-банк. Мы

проиграли власть, потому что
разучились воевать, грызть за не
глотки. Сочли за благо лечь на грунт,
спасая от разгрома костяк
организации.

Решетников сейчас, наверное,
обзванивает наших. Будут решать. А
что, собственно, они могут решить,
люди, порабощенные инстинктом
самосохранения! Лукавят, переносят
его на организацию, будут, я уверен,
рассуждать о "интересах
организации", "сохранении духа
организации". Кому это нужно! Мне
удалось, можно сказать, на блюдечке
им поднести возможность
возрождения. Но ведь они, будем
честными перед собой, больше всего

боятся именно возрождения. Я хочу от них невозможного. Ха! От тех, кто натаскан в искусстве возможного.

Дорогие мои, для большей смелости я должен принести вам еще и голову Старостина на серебряном подносе? Впрочем, не здесь ли собака зарыта?

Что есть Старостин со всеми своими прелестями и недостатками как не принципиально новое качество, еще не до конца познанное нами, а мы уже решили всеми силами его ликвидировать. А что если это единственный возможный путь? И мы своими же руками отрежем единственную возможность спасения?

Нашим объяснять это слишком рано, а потом будет слишком поздно, непоправимо поздно. В нас доминирует желание оградить "интересы организации", будь они неладны, но кто гарантирует, что они не вошли в противоречие с жизнью. Сдается, они готовы убить самую жизнь, лишь бы законсервировать себя навеки. Печальный удел всех, познавших сладость Власти! Не понимают, по скудости ума, что это и есть самый надежный путь к гибели. А ты сам, сам-то понимаешь?"»

Он впервые отчетливо отделил себя от с в о и х. Ужаснувшись этой мысли, он открыл глаза.

За темными стеклами змеились толстые жилы высоковольтных кабелей, время от времени вспыхивали мертвенным светом амбразуры неизвестно куда уводящих коридоров.

Он посмотрел на свое отражение и неожиданно подмигнул ему. Но маска, спрятав глаза за темными стеклами очков, не изменила выражения и продолжала смотреть на него огромными черными провалами матово отсвечивающих глазниц.

Странник

Где-то на два яруса выше прокатился гул поезда. Низкая вибрация заполнила тоннель. Показалось, даже кирпичная кладка тихо поскрыпывает в так стучу колес.

– А ты везучий! – Гарри Поттер выключил фонарик.

Сразу же обрушилась темнота. По тоннелю тянуло ледяным сквозняком. Тихо журчала вода под ногами.

Им действительно повезло. Спустившись под землю на Соколе, они, обойдя посты, забрались в рабочий поезд.

Как объяснил под стук колес Поттер, опоздай они на десять минут, поезд ушел бы без них. Тогда пришлось бы тащиться по коллекторам пешком. Только к утру бы добрались.

— Скоро? — Максимов стер испарину со лба.

В прорезиненной робе было жутко жарко. Но сквозь прорехи просачивалась студенная влага и сырой воздух, жгли до немоты кожу.

— Уже на месте. Сейчас сменю батарейку и проведу тебя в отвилку. Там придется ползти на брюхе по трубе. Вылезем в подвале дома.

— Где мы сейчас?

— Развилка на Тверском, поворот

к Бронной.

— Не понял! А на Арбат? Я же просил тебя на Арбат.

— Не. — Потер включил фонарик. Ярко вспыхнули стекла очков. — Дальше не пройдем. И так везло, не надо судьбу испытывать.

— Я же денег дал. — Максимов решил применить самый надежный аргумент.

— Но ведь на похороны! — возразил Поттер. — Ты про ловушки слышал? Такие штуки, вроде мин. Проходишь датчик, сзади и спереди хлопают газовые мины. Газ минут через десять нейтрализуется, но тебе уже все равно. И таких сюрпризов там понатыкано на каждом шагу. Чем

ближе к бункеру Минобороны, тем больше. А солдат застращали рассказами о диггерах-убийцах. Бойцы, деревня, епона мать, даже канализационного люка теперь бояться. Если поблизости есть ход в коллектор, спускаются пару раз за ночь и дают очередь.

— Понятно. — Максимов прижался спиной к влажной стене, давая отдых ногам. — На в этой кишке каменной одной пули хватит. Нарикошетит так, что потом дырки замучаешься считать.

— Вот-вот. Поэтому, кто здесь с "шерпами" работает...

— Кто такие шерпы?

— Ну, в Домене хаты выставляют,

а потом с барахлом низом уходит, понял? Волокут на себе, как шерпы в гору. По ним только ножом или струной работают. Стоят в нише и ждут. “Шерп” пыхтит, как паровоз, далеко его слышно. Проходит мимо, из-за мешка нифига не видит. А ему струну на шею — цвы-ык! Или ножиком по горлу. “Шерп” даже мявкнуть не успевает. Сразу носом в воду хлюпается. Тут такие приколы бывают, ого! Идут “шерпы” цепочкой, один споткнется, шваркнется носом, а остальные мешки покидают и с ором по трубе несутся. Уржешься, короче.

— А кто их режет?

— Есть люди, — уклончиво

ответил Поттер. – Мы с ними в контрах. У них свои диггеры есть. Они нас не любят. Встретят – сразу ножом.

На поясе у Поттера висел палаш с кованной рукоятью в виде когтя птицы.

– Скажи спасибо, мы на них не нарвались, – сказал он, с солидным видом поправив ножны.

– Ты подумай, может, путь все же есть? Не с руки мне раньше времени на улицу выходить.

– Только если уйти на самые нижние уровни. Там почти нет сюрпризов. Но как раз там нас и будут ждать. Ходок чистых осталось мало, кто на них сел, тот и король. А

братъ с нас нечего, значит, просто так под нож пустят.

– Спасибо, разъяснил.

– Сейчас я тебе проведу по отвилку и по колодцу подниму на первый уровень. Покажу лаз в подвал, а сам сваливаю. Ты заплатил за дорогу в один конец. – Потер пытливо заглянул в лицо Максимову. – Не мое дело, зачем идешь в Домен. Но могу подождать, если добычей поделишься. За обратный путь с грузом плата двойная. Предупреждаю сразу: кинешь или замочишь меня здесь, Каганович поднимет на уши всех. Тебя найдут и порежут на куски. Такой закон.

– Ладно, пацан, не булькай.

Обещать ничего не могу, так что лучше иди. — Он немного помедлил. Риск был, но, почему-то верилось, парень без гнилья. На такой работе гнилого замочили бы через пару дней. — Значит, шансов пройти вперед нет?

— Нет. Дальше, где тоннели пересекаются, стоит заглушка. Пройдешь, шваркнут с двух сторон стальные двери. Не сдохнешь от холода, через пару дней добьют.

— А со Старого Арбата уйти можно?

Поттер пожал плечами.

— Если люк видишь, всегда можно. Но сразу уходи ниже. Если видишь ходы вбок или вниз, выбирай

тот, который вниз. А если сразу сквозной найдешь, считай, повезло. Спускайся до упора на самый нижний уровень, на какой сможешь уйти. А там лучше затаиться. Найди сухое место, чтобы вони подозрительной не было, а то газом надышишься, сиди и жди. К утру народ почти весь уходит. Остаются только те, кто тут постоянно живет. Но их отстойники ближе к поверхности находятся. Ходки туда натоптанные ведут, сразу увидишь. К подземным лучше не суйся. Дикае люди. Сразу разорвут или рабом сделают. Глаза выколят и работать заставят.

— Круто тут у вас.

– Ай, как везде, – беспечно отмахнулся Поттер. – Короче, сидишь часов пять. Потом начинаешь идти, постепенно поднимаясь с уровня на уровень. Может и повезет. Ты мне не веришь? – неожиданно спросил он.

– Почему так решил?

– Смотришь как-то странно. Ты не бойся. Мне за тебя перед Кагановичем и ребятами отвечать. В любое время можешь придти и сказать, что я тебя подставил. Будут разборки. Сумеешь доказать, меня порежут. Такой закон. Я тебя сюда привел, я отвечаю за тебя, пока ты в трубе. Наверху, там твои проблемы.

– Справедливо. – Максимов решился задать вопрос, все равно

терять было нечего, авантюра, она и есть — авантюра. — Дом на Сивце-м Вражке. Весь в мемориальных досках, ты должен знать. От него можно уйти?

Поттер посветил ему в лицо. Потом перевел луч на стену. Нацарапал толстую букву "П".

— Смотри. Здесь и здесь окошки подвала. — Он поставил крестики по углам. — Сетка на вид крепкая, но снимается одним пинком вместе с рамой. Головки шурупов подпилены. Уходишь в дальний конец подвала. Там теплотрасса, трубы плохо подогнаны. Между плитами и трубой есть зазор. Сумеешь пролезть, твое счастье. Изоляция плохая, ползти

будешь, как уж по сковородке. Но другого пути нет. Доберешься до коллектора, иди не дальше третьей секции. Посмотришь вверх. Если не заделали, там есть размыв. Влезешь и ползи. Попадешь в старый ход. Там будут отвилки в нижние уровни.

– Спасибо, Гарик! – Максимов нащупал его тонкую кисть и крепко сжал.

– Да не Гарик я. Ребята за очки кликуху такую дали. Гарри Поттер, типа волшебник малолетний. Я и не обижаюсь. А так меня Лешей зовут.

– Все равно, спасибо.

«Романтик. Кодекс профессиональной чести и все такое, – подумал Максимов. – Антон был

таким же. Пока не перегорел. И Юрка... Земля ему пухом!»

* * *

Когти Орла

Воздух!

Печоре

*Приказываю немедленно
инициировать "Спасателя".
Гарантируйте полную поддержку по
линии "Звезды".*

Навигатор

* * *

Когти Орла

Семь лет Ледогоров возглавлял ГРУ Генштаба. Предыдущего хозяина кабинета в живых не застал. Ставленник Первого не ужился с военными настолько, что однажды его нашли в подъезде с простреленным сердцем. “Звезда” умела ждать, но ее терпение было не безгранично.

Кандидатуру Ледогорова утверждал беспогонный министр, поставленный Первым бдеть, чтобы

военные не устроили переворот. Из всех аспектов военного строительства и обеспечения оборонноспособности министр разбирался только в деятельности особых отделов. Министр, поздравляя Ледогорова с назначением, сделал лицо, как после клизмы. Ледогоров тогда подумал, а не намекнул ли кто из “Звезды”, что за строптивость министр может лечь рядом с бывшим начразведки. Вполне могло быть и такое.

Организация планомерно восстанавливала свои позиции, продвигая своих членов на ключевые посты в армии и ВПК. Без ее одобрения не проходило ни одно

назначение на должность от командира полка и выше.

Военные всегда были особой кастой. Переезды, учения, командировки бросали человека из одного угла страны в другой. И повсюду: в убогих номерах офицерских гостиниц, в тесных, прокуренных кабинетах, в сырых палатках или в студенном нутре танка накрепко вязались узелки мужской дружбы. Редкий военный к сорока годам не обрастал надежными связями, у любого друга служили от Выборга до Сахалина. И все знали о всех все. В армии, как в тюрьме, человека видно насквозь. И "Звезда", пережившее всех кремлевских

вождей, имела возможность отбирать лучших.

Сейчас выбор пал на Скобаря.

«Лицо римского легионера. Классический тип. Неудивительно, что его так вознесло в наше смутное время», — подумал Ледогоров, разглядывая сосредоточенно читающего документы Скобаря.

Тот, не отрываясь взглядом от бумаги, на ощупь вытащил сигарету, закурил.

«А злые языки трепали, он не может дольше десяти минут работать с бумагами. Врут, сволочи, от зависти врут. Скобарь, как бульдог, вгрызается до смерти, что в бою, что в деле. Есть у него это — идти до

конца, как и полагается солдату. Половина давно уже утратила понятие солдатской чести, живут по чиновничьим правилам — не спеши исполнять, дождись команды "отставить. Повезло нас с ним. Лучшего командующего СБР не найти. Вот только неизвестно, кому он больше предан: стране или Старостину».

— Херово дело! — Скобарь отодвинул от себя папку.

Глубоко затянулся. Всем сортам, как знал Ледогоров, предпочитал кислый, но духовитый краснодарский табак. Правда, и выкуривал по две пачки в день.

— Где же ты раньше был, Мартын

Владимирович?

– Копал информашку, – коротко ответил Ледогоров.

Скобарь усмехнулся.

– Морда в мыле, в задую ветка – это к нам ползет разведка. – Шутка была старой, еще военной поры. – Как он в космос-то залез?

– Очень просто. Когда разворачивали спутниковую систему "Зенит", Старостин выступил с инициативой сделать это на народные деньги. То есть на деньги "Движения". Благородно и патриотично. А что спутники связи способны автоматически перенастроить излучатели на посланный сигнал, если верно дать

код, никто не подумал. Фактически, они превращаются в систему ретрансляторов. Остальное – дело техники.

– Коды у Старостина?

– Естественно.

– Твоим источникам можно верить?

– Позвони в ЦУП. Там сейчас тихая паника. Час назад спутники сменили коды управления и начали несанкционированный маневр. Станции слежения докладывают, что шесть спутников системы “Зенит” группируются в шестигранник.

– Я, честно говоря, в этих делах – полный ноль. Какая угроза в этой “звезде Давида” у нас над головами?

– Геометрия не так важна, хотя, в ней какой-то технический смысл должен быть. Суть же в том, что сейчас спутники способны сфокусировать излучение в узко направленный луч.

– Типа лазера?

– Психолазера, – поправил Ледогоров. – Облучение мощным импульсом приведет к коллапсу центральной нервной системы. Слабый сигнал, разделенный на рабочую и несущие частоты – это уже управления поведением. Рабочую частоту они снимут с контингента спецпоселений. Помнишь, Старостин, создал эдакие «потемкинские деревни» с

идеальными пейзажами и прекрасными пастушками? Симбиоз русской крестьянской общины с колонией хиппи. Мои консультанты утверждают, что «деревни» строго локализованы в районах повышенной геомагнитной активности, психосфера в «деревнях» резко контрастирует с паталогической атмосферой городов.

– Нафига это нужно?

– Спроси у Старостина.

С минуту они смотрели в глаза друг другу.

– Уточни, – произнес Скобарь, не опуская взгляд.

– Он относится к самому опасному типу политиков. К тем, кто

нуждается в определенном типе народа, иначе, он трепач базарный и вечный неудачник. На агитацию у него нет времени, вот и решил промыть всем мозги. Благо дело, техника позволяет. Помнишь, Троцкий назвал Сталина "Чингисханом эпохи телефона". Старостин именно такой вариант.

– Не Троцкий, а Бухарин. А вот кто увязал успех Гитлера с развитием радиосвязи, я не помню.

Скобарь всегда удивлял, купившихся на его внешнюю примитивность, широкой эрудицией и острым умом.

“Черт, купился! – улыбнулся про себя Ледогоров. – У него же

сплошные красные дипломы. Школа, ПТУ, училище, Академия, Академия Генштаба. А я хорош, уподобился брехунам коридорным!”

— На вшивость меня проверять не надо, Мартын Владимирович. — Скобарь прикурил от окурка новую сигарету. — Перед фактом решили поставить?

— Есть немного. Данных, что ты повязан на проект Старостина не было. Но твои СБР неминуемо задействуют для «зачистки» той части населения, что не выдержит «промывки мозгов». Так что, извини, но ты был на подозрении.

— Черт, не знаю, какой день проклинять: когда батя подбил меня в

военное училище пойти или когда я в ваш гнилой Арбатский округ согласился перейти! – Скобарь поморщился. – Что вы все тут крутите, а? Как быбы, ей богу.

– Столичная жизнь, Алексей, что ты хочешь! А на твой вопрос отвечу так. Я лично в тебе ни секунды не сомневался. Кое-кто опасался, тебя же Старостин протезекнул.

– Я присягу не ему давал! Как и все здесь. – Лицо Скобаря закаменело. – Довыжидались, мудаки! Скоро все проснемся и замычим от счастья, как коровы. Короче, Ледогоров! Я жду официального рапорта. Без него

реализовывать информацию не буду.

— Я не ошибся в тебе. —

Ледогоров из внутреннего карманчика достал конверт, положил на стол. — Здесь докладная на твое имя, координаты объектов, их план действия по команде "Открыть шлюзы".

Скобарь накрыл конверт широкой ладонью.

— Кто со мной?

— Я.

— ГРУ еще не вся армия. Кто еще?

— Командующие войсками. Десантура жметя, но обещал не лезть. Президентскую гвариди и ЧОНы МВД лучше не трогать. И

пахнуть не будет.

– Округа?

– Все. Но выполняют только законный приказ.

– А законный, как я понял, только “Закон о чрезвычайных ситуациях”?

– Да, – кивнул Ледогоров.

– Вот вы почему меня в тени держали, стратеги херовы?

– Алексей, только твои СБР способны законно и без шума развернуться за два часа. Остальные будут ждать приказов главкома и жевать сопли. А что у нас за главком, ты знаешь. Есть только два варианта развертывания: либо война, либо ликвидация ЧС. Других вводных

войска не знают. Тебе принимать решение, больше никому.

— Если мы накроем его наземные установки, этого хватит, чтобы опрокинуть все к чертовой маме? — Скобарь ткнул толстым пальцем в конверт.

— Так говорят и его спецы, и наши консультанты. Я им верю.

— Время?

— Через полтора часа они заканчивают накачку энергией излучателей. После этого все пойдет в автоматическом режиме.

— Та-а-ак!

Скобарь вмял сигарету в пепельницу. Надорвал конверт, вытащил пачку документов и карту.

Карту развернул, бегло просмотрел. С непроницаемым лицом стал читать бумаги.

Отложил их, накрыв ладонью. С минуту смотрел в глаза Ледогорову.

– Так. Время принятия решения!

– Он нажал кнопку селектора.

– Предупреждаю, Леша. Филатов вне игры. Он может вмешаться и напортачить. С ним как?

– Пусть попробует. Запретить ему не могу. Может что-то и получится, кто знает?

Скобарьюлыбнулся, а Ледогоров подумал: «Да, его врагам не позавидуешь. После такой улыбки умный противник полдня будет махать белым флагом!»

– Слушаю, товарищ генерал-лейтенант! – раздался из динамика голос адъютанта.

– Зайди!

Скобарь встал из-за стола, зачем-то одел фуражку. Адъютант замер у дверей с блокнотом в руках.

– Пиши! – Скобарь стоял, широко расставив ноги, как тяжеловес в углу ринга. – Получив информацию от начальника ГРУ Генштаба генерал-полковника Ледогорова об угрозе ЧС значительной территории страны, я, генерал-лейтенант Скобарь, командующий Силами Быстрого Реагирования, на основании "Закона о чрезвычайных ситуациях",

соответствующих статьях "Положения о СБР" и статьях "Боевого Устава СБР" принял решение о приведении частей СБР в состояние "угроза чрезвычайной ситуации". Записал? Второе. Приказываю всем офицерам штаба занять места в Центре оперативного управления согласно расчетам. Третье. Приказываю передать сигнал войскового оповещения "Тайфун". Записал? Пока все, можешь идти.

Он сел за стол, снял фуражку, бросил в стоящее рядом кресло.

— Ледогоров, дай мне своих рексов.

– Зачем?

— Затем! Спецы у меня не хуже

твоих, но так надежней. Подними по тревоге разведроты, что ближе к объектам.

— Понял.

— Смотри. — Скобарь повернул карту к Ледогорову. — Девять наземных излучателей. Головной — здесь. Тут у них, как я понял, нервный центр. На этом объекте без шума и пыли твои должны уложить всех носом в землю и собрать все, что можно. Документы, дискеты, “языков”, все, что можно унести! На остальных пусть не церемоняться. Война, так война!

— Леша, ты же читал, к объектам так просто не сунешься. Засекут на подходе. А полезешь напролом,

превратят в эпилептиков.

— Поднимай по тревоге рексов. Поддержку беру на себя. Когда выйдут на рубеж атаки, пусть свистнут и затаятся. Удаление не меньше десяти километров. Все приборы отключить. Я накрою объекты с воздуха, остальное — их работа.

— Первого в известность поставим?

— Не раньше, чем нанесем бомбовый удар по головному объекту.

Ледогоров удовлетворенно кивнул. Они друг друга поняли без слов.

* * *

Оперативная обстановка

Секретно

Тактико-технические данные изделия "Молния".

Находится на вооружении частей ВВС, входящих в группу поддержки СБР.

Предназначена для выведения из строя крупных технологических комплексов, узлов связи, пунктов управления, открытого и закрытого типов объектов.

Основным поражающим

фактором является мощный
электромагнитный импульс,
выводящий из строя
электротехнические и
радиотехнические устройства.

Радиус действия: до 10-ти км.

вес: 250 кг.

мощность: 500 кг. тротилового
эквивалента

снабжена системой лазерного
наведения “Близир”

радиус вероятного попадания: 1
метр

* * *

Секретно

Тактико-технические данные изделия "Шлем".

Находится на вооружении частей ВВС, входящих в группу поддержки СБР.

Предназначено для выведения из строя живой силы противника, находящейся на открытой местности или в убежищах закрытого типа.

Основным поражающим фактором являются генерируемые при подрыве заряда обычного ВВ акустические волны низкой частоты. Оказывает парализующее

действие на психику, воздействуют на сердечную деятельность и деятельность органов внутренней секреции, вызывают панику, тошноту, потерю слуха, потерю ориентации, вплоть до долговременной потери сознания. Способно разрушать несущие конструкции зданий и убежищ закрытого типа.

Радиус действия: до 10 км.

вес: 350 кг. мощность: 1000 кг.

тротилового эквивалента

снабжена системой лазерного наведения "Близир"

радиус вероятного попадания: 1 метр.

* * *

Старые львы

Владислав подошел к машине, наклонился к опущенному стеклу:

– Все под контролем, Виктор Николаевич. Со старшим контакт я установил. Мы возьмем на себя двери подъезда. Остальное обеспечивают они. Квартира напротив взята под контроль. Там сидит их тревожная группа, на самый крайний случай. Дом они держат под наблюдением с самого утра. Божатся, что все в порядке.

– Им можно доверять? – спросил Салин.

– Сейчас подтянуться два

пикапа с моими людьми, тогда стану доверять еще больше, — без улыбки ответил Владислав.

— Да... Думаю, на сегодня мы лимит провалов исчерпали, — пробормотал Салин.

В щель врывался сырой ветер. До отчаяния не хотелось выходить в промозглую круговерть.

Салин поежился, поднимая воротник плаща.

“Никто и никогда не познает логику наших поступков. Историки, как всегда, наплетут небылицы, по заказу или от небольшого ума. А логики не было. Была лишь рефлексия нерешившихся признаться в собственной беспомощности перед

всевластием обстоятельств”.

— Готовы, Виктор Николаевич? —
Владислав чутко улавливал
настроение шефа, дал ему минуту с о
б р а т ь с я.

— Да, Стас. Идем.

Он распахнул дверь. Тут же в
лицо ударил ветер.

Две их машины и две
Старостина стояли так, что
полностью перекрывали проезд и
блокировали подход к подъезду.

Салин, придерживая рвущиеся
полы плаща, пошел к подъезду

* * *

Оперативная обстановка

Воздух!

Сов. секретно

ШИФРОГРАММА

*Приказываю вскрыть пакет
"номер один". Действовать согласно
инструкции.*

генерал-лейтенант Скобарь

* * *

Когти Орла

Навигатору

*“Спасатель” успешно
активизирован по линии “Звезды”. В
21.05 с узла связи штаба СБР
передан сигнал войскового
оповещения “Штурм”.*

Жду дальнейших указаний.

Печора

** * **

Срочно

Круг!

*Принять все меры по
установлению местонахождения
объекта Мавр.*

*При обнаружении – “северный
ветер”.*

Навигатор

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Странник

В подвале было жарко, как в парной. У низкого потолка ползал белысый туман. В поумраке громко шлепали крупные капли.

– Тут теплоцентраль накрылась, – пояснил Поттер. – Домен, а бардак бардаком.

– Домен, но в России же.

Поттер хихикнул.

Максимов сбросил промокшую плащ-палатку. Выпростолся из тугой резиновой робы. Стянул с ног безразмерные резиновые сапоги. Из рюкзака достал черный комбинезон и бутсы, купленные по дешевке в

бомбоубежище. Быстро переоделся. Сырую от пота и влаги "гражданку" запихнул в рюкзак. Протянул Потеру.

— Сделай доброе дело, выкинь по дороге.

— Хорошо.

Глаза мальчишки не отрывались от “макарова” на поясе у Максимова.

— Что смотришь?

— Так... — Потер покачал на руке рюкзак. — Вы забыли документы вынуть из карманов.

Максимов застегнул ножны на левом запястье. Проверил, как выходит из них стилет. Кожа немного разбухла от влаги, лезвие туго поскрипывало, высовываясь из узкой щели.

— Документы мне не понадобятся, — ответил Максимов.

Глаза у Потера заметно округлились. Он облизнул потрескавшиеся губы.

— Мне расписка нужна, — произнес он севшим голосом. — Чтобы вопросов потом не было.

— Лучше будет, если ты вообще забудешь, что меня видел.

— Не я эту бюрократию придумал. Но таков закон.

Потер достал из-под одежды блокнот и карандаш.

— Поставьте значок. Этого хватит.

У проводников, как оказалось, существовала своя система

отчетности. Уходя “в трубу”, клиент оставлял координатору диггеров какой-нибудь знак или просто ставил подпись на клочке бумаги. У вернувшегося диггера требовали “расписку” от клиента. Закорючки и значки сверяли, если совпадали — диггер мог спать спокойно. Если нет — засыпал вечным сном в каком-нибудь заброшенном штреке.

Максимов начертил руну корявую букву N.*

* — руна “Нагалас” — “Град”, символизирует силы разрушения, в активной магии используется для кардинального и одномоментного

изменения ситуации, действие
подобно сметению фигур с
шахматной доски при проигрышной
позиции.

Фараон

Конечно, не дело начальнику личной охраны возиться с двумя придурковатыми учеными. Но слово Старостина было для Александра законом. Он краем глаза наблюдал за Холмогоровым и его молодым помощником и удивлялся их детской доверчивости.

«Так ничего и не поняли, а еще экстрасенсы», — подумал он, опускаясь в кресло.

Вытянул руку, нажал кнопку на пульте. В видеомагнитофоне щелкнуло, пошла запись. На экране появилось лицо человека. Он

беззвучно шевелил губами, обращаясь к собеседнику, оставшегося за кадром. В объектив человек не смотрел, как видно, и не подозревал о его существовании.

— Вот ваш "клиент". Николай Скворцов — офицер связи в администрации Президента. Имеет право входа в кабинет Первого. Запись свежая. Сойдет?

Яков отошел от мерно гудевшего прибора, посмотрел на экран.

— А он будет двигаться? Мне важно уловить его моторику.

— Все будет. Работать мы умеем.
— Владислав положил пульт. — Теперь просмотрите вот эти фотографии.

— Что здесь? — Первым

потянулся к папке Холмогоров.

— Последний этап. Вы же просили "раскачать" Скворцова, вот мы и реализовали кое-какую информашку.

Александр внимательно следил за выражением лица читающего Холмогорова.

— Ужас! Какая, однако, грязь! — брезгливо вывернул губы Холмогоров.

— Обычная порнография, — небрежным тоном возразил Александр. — Если смотреть со стороны. А если действовать самому — акт как акт, ничего особенного. Что естественно, то не безобразно. Считайте, что кал под микроскопом

исследуете.

— Дайте я посмотрю. — Яков быстро перебрал фотографии.

— Годится?

— Такое способно повалить любого, — протянул он, терзая пальцами бородку. — А это правда?

— Конечно, нет. — Александр улыбнулся одними губами. — Всю он просто не выдержит. Я отобрал более-менее, м-м, стандартные позы. А на видеозаписи чего только нет.

— М-да. Интересно, как вы сумели такое получить? Там же, наверное, охрана на каждом шагу.

— Я тоже имею способности к дистантному вождению воли. Только средства у нас разные. — Александр

демонстративно посмотрел на часы.
– Дело за вами. У меня все готово.

– Дайте мне еще десять минут, –
Яков уселся напротив телевизора. –
Мне нужно настроиться на него. И
вот еще что. Вы можете достать
вина? После мне потребуется глоток
вина.

– Какое прикажете принести?

– “Вино какой страны вы
предпочитаете в это время дня”, –
ухмыльнулся Яков.

– Я серьезно. Назовите марку.

– Что-нибудь сухое, белое.
Отечественное.

– Вот с хорошим отечественным
у нас напряженка.

– А импортные я не знаю. Что-

то типа "Алиготе".

— Есть рейнские вина. Очень нежные вкус, с холодной искоркой.

— Сойдет. — Яков отвернулся к экрану.

Александр снял трубку, коротко отдал распоряжение.

— Желаете присутствовать при эксперименте, Александр?

Холмогоров пересел ближе к прибору. По-хозяйски положил руку на корпус. Размером с лазерный принтер, такого же серого цвета. Из верхней крышки торчал полуметровый стеклянный цилиндр, двадцать сантиметров толщиной.

— Непременно. Будет что рассказать внукам. — Александр

Яков, сомнамбулически покачиваясь, прошел к прибору. Пощелкал кнопками, начал медленно поглаживать ладонями цилиндр.

Прибор сменил мерное урчание на нарастающий низкий гул. Со дна цилиндра всплыл золотистый диск. Покачиваясь сверкающей острой гранью, стал подниматься выше и выше, пока не замер, дрожа, на уровне ладоней Якова.

Гул стал еще ниже. Диск качнулся, потом стал вращаться, быстрее, еще быстрее, пока не превратился в тонкую дрожащую золотистую нить.

— Все. Я его ч у в с т в у ю. —
Голос Якова стал неживым. — Дайте

команду, пусть начинают.

Он обернулся к Александру, и тот вздрогнул. Лицо Якова изменилось. Черты оплывали, как восковая маска от огня.

Преторианцы

Сердце ухнуло вниз, звон в ушах сменился тишиной.

Скворцов, борясь с надвигающимся оцепенением, отчаянно сжал стакан. Вода в нем дрожала мелкой зыбью. Почему-то от нее вдруг пахло затхлым болотом, хотя он знал, нет чище в Москве воды, чем эта.

Он прислушался к себе. Тело жило собственной жизнью. Кто-то влез в него, как в чужой костюм. Он был ловким и уверенным в себе. Он приказал, и рука Скворцова поплыла вниз, стакан тихо тренькнул о бок

графина.

Его повернули и толкнули к сейфу. Скворцов отчаянно борясь с жаркой волной безумия, прижался лбом к холодному металлу. Рука сама нырнула в карман и достала связку ключей. Он попытался сопротивляться чужой воле, она тут же отступила. Он было обрадовался, но в сознание ворвался рой видений, закружил, застилая глаза...

Сердце забилося, словно по нему замолотили острыми палочками. Всплыло, разрослось и ожило видение: тонкий профиль Аси, а рядом белесый дряблый живот, белые спортивные шорты,

сбитые к коленям, блаженная и одновременно глумливая улыбка на рябоватом лице. Лицо до боли, до кровавых кругов перед глазами знакомо.

Рубцов шулерским неуловимым движением смахнул фотографии со стола. Встал рядом, заглянул в глаза.

– Держись, парень. Забудь. Ее не было. Фотографий не было. Забудь, вырви из сердца, не ищи ее. Себе дороже. Кобеля нашего знаешь. Забудь!

– Когда снимали? – простонал Скворцов.

– Сегодня. Главное, жива. Видал, в теннис играет. Все у нее лучше всех.

Скворцов царапнул по гладкому холодному металлу ногтями. Хотелось выть, перебить все, что подвернется под руку. Этот чужой в нем был спокоен. Он наблюдал за ним, ждал, когда уляжется волна отчаянья. Скворцов почувствовал, что он не чужой, он друг. Всепонимающий и молчаливый, каким и должен быть друг.

«Что мне делать? Как жить?» – спросил он его.

Вместо ответа тот рукой Скворцова вставил ключ в скважину и отпер стальную дверцу.

Скворцов слабо улыбнулся и вытер жгучую испарину. Это был его последний самостоятельный жест.

Дальше он двигался, полностью доверившись тому, кто поселился внутри него...

* * *

Ночной дежурный по приемной кивнул вошедшему Скворцову.

— Не спишь, бедолага! — Это была дежурная шутка.

Только сейчас Скворцов понял ее подлый двойной смысл. За неделю до исчезновения Ланы его зарядили на ночные дежурства по комнате связи.

“Суки! Отмечали годовщину воцарения Первого. Велели привести "боевых подруг". Лана не жена, но я, дурак, потащил. Как же, Кремль, блядь! Первый приперся выпить стакашку с особо приближенным офицером. Наверно, тогда, собака, глаз положил! А этот знает?”

– Воскобойников, что ты вечно улыбаешься?

– Скворец, не задавай глупых вопросов. Еще Петр Первый наставлял, что подчиненный должен иметь вид бравый и туповатый, чтобы умом своим начальство в смущение не вводить. У тебя точно что-то срочное, а то у него Филатов сидит. Матюгаются второй час.

– Срочный пакет из ЦУПа.
Лично в руки.

Опять багровая волна хлынула к глазам. Скворцов скрипнул зубами.

Войскобойников понял это по-своему, согнал с лица сладкую улыбочку, нажал кнопку селектора.

– К вам офицер связи, господин президент.

В селекторе зашуршало, голос Первого, усиленный динамиком, больно резанул слух.

Скворцов покачнулся от резкой боли в сердце и не расслышал его слов.

Воскобойников, крякнув, встал, обошел стол и привычным движением потянул на себя тяжелую

дверь.

* * *

Филатов задохнулся от возмущения.

— А почему я это последним узнаю, как рогатый муж?

— Значит, плохо работаешь! Три года подряд действует программа, а ты — ни уха, ни рыла. Выходит, у Старостина безопасность лучше работает, чем твои стукачи.

— погоди, погоди... Так это не его инициатива?

– Повторяю для тупых – это государственная программа. Проведенная в интересах государства на базе Движения. – Первый тяжело вздохнул – Ну не брать же мне на себя ответственность за то, что мы населению психотропные вещества скармливали.

– Водки вам уже мало?

– Блин, да я тебе уже сказал: психотропные вещества повышают внушаемость! Чтоб ты знал, в Рейхе их немцам подмешивали с сорокового года. Думаешь, они такие тупые и исполнительные были, потому что Геббельса слушали? Фиг там! Одного Геббельса мало, когда Берлин англичане бомбят каждый

день. А бомбили их, между прочим с сорокового года. Какой там, нафиг “поход на Восток” в таких условиях. Однако верили. И верили, блин, даже когда наши по Рейхстагу из гаубиц долбили!

— Значит, вот откуда у нас всенародная любовь!

— А ты думал!

Филатов посмотрел на документы, рассыпанные по столу.

— Если я правильно понял, ордера на арест Старостинских соколов ты утверждаешь?

— Повесим всех собак на Карнаухова. И то, если вспывет дермецо. А чтобы не всплыло, ты, давай-ка, займись этим вопросом.

Возьми на личный контроль.

– Поставки наркотиков в страну
или их добавление в жратву?

Филатов оглянулся на
открывшуюся дверь.

* * *

Воскобойнико вернулся к столу.
Нажал кнопку, спрятанную под
медной бляшкой ручки верхнего
ящика. Щелкнула пружина, и
выехало потайное отделение ящика.
Он поборол соблазн сразу же взять в
руки то, что уютно лежало на черном

сукне.

Развернул кресло, освобождая проход к дверям. Оставалось несколько мгновений, еще можно было проиграть в уме каждое движение.

* * *

Скворцов смотрел на крупные оспины на лице Первого. Зрение так обострилось, что он даже заметил два непробритых волоска, торчащие на подбородке.

— Тварь! — выдохнул он, вложив в

слово всю накипевшую ярость.

— А? — Первый недоуменно поднял на него глаза.

* * *

Когда грохнул третий выстрел, Воскобойников уже был в тамбуре, ногой распахивая дверь.

Скворцова увидел сразу. Тот стоял вполоборота к длинному столу. Триколор за президентским креслом был заляпан красно-желтым месивом. Самого Первого он разглядел, только когда нырнул

вправо и встал на колени. Рубашку
Первого залило красным, лица
практически не было.

«Порядок», — подумал
Воскобойников, беря на мушку
Скворцова.

– Стой! Бросай оружие!
Грохнул выстрел.

* * *

Он нажал на курок еще раз.

Из груди Первого вырвался
кровавый фонтан.

Такая же красная муть залила

глаза Скворцову.

... Лана бежала по песку, отчаянно размахивая над головой руками. Толстый шмель, нудно гудя, пикировал, стараясь зарыться в русые растрепавшиеся волосы.

Он уже входил в воду, когда услышал ее крик: «Стой!»

Сделал шаг ей навстречу, раскинул руки, готовясь при нять ее жаркое тело, но шмель, взыв, перелетел через ее голову и врезался ему в переносицу.

От удара и жжения между глаз он оступился. Переносье налилось тяжестью, слепота залила глаза. Он покачнулся и рухнул в воду. Она была теплой и невесомой...

Воскобойников, держа пистолет двумя руками, подбежал к повалившемуся на пол Скворцову. Ногой выбил пистолет из скрюченных пальцев.

Филатов закатил глаза и грохнул лысой головой о стол.

— Блин, только не это! — простонал Воскобойников.

Филатов повернул голову и сразу же засучил ладонями по столу, пытаясь вместе с креслом отъехать

подальше от вида развороченного тела Первого, но потные ладони лишь скользили по полированной поверхности, оставляя влажные полосы.

С великим трудом Филатов оторвал себя от стола и отвалился на спинку кресла.

— Ради бога, — как можно спокойнее сказал Воскобойников, — только не падайте в обморок. Вы мой единственный свидетель. Держите себя в руках. Все уже кончилось. Сейчас придут люди, вам окажут помощь. Вы целы, и слава богу!

Он заметил красные и жирно-желтые бисеринки на лацканах пиджака Филатова, но промолчал.

«Скажешь, что мозгами презика забрызгало, он точно завалится в обморок!»

* * *

Фараон

Яков пил вино мелкими птичьими глотками. Расширенные до предела глаза уставились в одну точку.

— Вот сюда. — Дрожащими пальцами он провел по переносице, будто стирал капельку пота.

Холмогоров выключил прибор. В комнате повисла гнетущая тишина.

— Сюда. — Яков убрал пальцы. На бледной коже заалело яркое пятнышко.

— Получилось?! — Александр от напряжения, сковавшего все тело, не смог сразу встать. Покачиваясь на

негнущихся ногах, он подошел к Якову, положил руку на дрожащее плечо. – Скажи, получилось?

– Вам лучше запросить подтверждение по своим каналам, Александр. – Холмогоров мягко, но настойчиво, снял его руку. Провел ладонью перед глазами Якова. – Он еще в трансе. Минимум десять минут его нельзя беспокоить.

– Что это у него? – Александр указал на пятно на взмокшем лбу Якова.

– Стигмат. Побочный эффект "вхождения". Явление довольно широко распространенное среди религиозных фанатиков. У наших сенсов такое бывает, но редко.

– Пуля? – догадался Влад.

– Очевидно. Он "вел" его до последнего. Надо было "выходить" раньше. Очевидно, решил проконтролировать самоликвидацию, так я думаю.

“Без него проконтролировали”

– Хорошо. Я побегу запрашивать подтверждение. Оставайтесь с ним. Врача не потребуется?

– Нет, что вы! Ему уже лучше. Видите, зрачки уже реагируют на свет. Он "возвращается".

Холмогоров оглянулся.

Александра в комнате уже не было.

С протяжным сосущим звуком захлопнулась стальная дверь.

Преторианцы

Филатов поднял глаза на вытянувшегося перед ним Воскобойникова. В ушах все еще гудело, как в водосточной трубе в ливень. Показалось, что кожа на лице вот-вот лопнет от прилившей крови.

Он перебросил рацию из руки в руку, держался из последних сил, так хотелось залепить ею прямо в трясущуюся рожу Воскобойникова. Подергал ноздрями. Через открытую дверь кабинета в предбанник вползала удушливая вонь, смесь запаха свежевспоротого

человеческого нутра и порхового дыма.

— Ну что, стрелок ворошиловский, не мог в другое место попасть? — процедил Филатов.

— Само собой вышло, Николай Борисович! Рефлекс сработал.

— “Само собой”! Пришил ублюдка с одного выстрела... Что мне теперь с тобой сделать, яйца на уши намотать?! Резкие все, как вода в унитазе, когда не надо! Кого теперь допрашивать, а? Может ты знаешь, с какого рожна он стрелял?

Воскобойников потупился.

— Николай Борисович, у Скворцова крыша поехала, когда от него баба ушла. Давно пора было

отстранить.

— Давно пора было доложить!!

Как сучку зовут?

— Лана.

Филатов нахмурился. Имя показалось ему знакомым.

Воспоминание обожгло мозг, как кипяток. Яркое, мучительно, издевательски ярко возникло перед глазами видение узкобедрой девчонки, с грациозной бестыдностью нагибающей за теннисным мячом.

— Твою мать!

Филатов понял, что заводится, и это было хорошо. Самое время. Тупое оцепенение сменилось жаждой драки. Он схватил трубку, ткнул в

клавишу коммутатора.

— Спите, суки! Немедленно поднять дивизию в ружье! Проснись, козел, тебе говорю!! Дивизию — в ружье! Полк охраны — в ружье! Всем частям гвардии — в ружье! Да. Я буду на пульте через десять минут. К этому времени выйти на связь с оперативными по всем частям. Какие еще помехи?! Как хочешь, так и выполняй, меня это не колышет! Хоть из окна ори, но приказ передай. Все, я сказал!

Он бросил трубку на рычаги. По звериному потянул носом.

Не глядя на Воскобойникова, бросил толпившимся у президенстких дверей охранникам:

– Под арест! Все посты, где он
шел – под арест. Этого стрелка,
едрена мать, допрошу сам.

Странник

«Холод снаружи, огонь внутри!»

Он заставил огонь разлиться по всему телу. Дрожь отступила, приятное тепло защекотало мышцы. Пронизывающий холод, идущий от стены, больше не леденил спину. Вслед за теплом пришло спокойствие.

Максимов закрыл глаза. Скольких выдал и погубил случайный луч, упавший на глаза, высветив их в спасительной темноте.

Он и так прекрасно чувствовал приближающихся людей. Ветер донес едкую смесь пота, карболки,

сапожного крема и ружейной смазки. Так пахнут только солдаты. К обычному запаху примешался аромат домашней еды. Оба выпили. Оба были расслаблены и удовлетворены. Шаги выдавали.

«Левый крепко выпил, идет тяжелее. Автомат закинул на плечо. Второй выше ростом и весит меньше. — Он еще раз прислушался к своим ощущениям. Камешки под сапогами скрипели уже совсем рядом. Подворотни им было не миновать. — Да. Второй — левша. Это точно. Мысленно еще в квартире. Вспоминает женщину, с которой был. Все! Соберись».

– Слышь, Кабан, ты подошвами не шкрябай. Не паралитик, блин.

Он лишь краем глаза успел заметить скользнувшую от стены тень. Что-то блеснуло в темноте, и Кабан, дернувшись всем телом, резко закинул голову и захрипел.

Инстинктивно выбросил левый кулак и с разворота ударил правой ногой. Тень, словно ждала, ловко нырнула вниз. На тренировках в таких случаях противник отвечал подсечкой под опорную ногу. Он уже собрался для падения и молниеносного ответного удара, но

нападавший был обучен иначе, в кошки-мышки не играл, вместо подсечки резко ударил по колену. Бил наверняка, до хруста под чашечкой.

И тут он понял, что проиграл. С ним не дрались. Его убивали.

Он по инерции перевалился на спину, широко отмахнувшись кулаком, но удар лишь скользнул по руке противника. Крепкие пальцы впились в плечо, останавливая вращение тела.

«Сейчас ударит!» — ухнуло в голове.

Надо было кричать, БТР стоял в сотне метров, там обязательно услышат.

Но нож вошел в горло на

мгновенье раньше, чем родился
крик...

* * *

В БТРе тускло светила матовая
лампочка. От ее света тени
становились размытыми, лица
приобретали нездоровый восковой
цвет. Кислый дым, смешиваясь с
солярной гарью, резал глаза.

— И где вы, бойцы, такую траву
берете, крапива одна!

— Все лучше водки. Хоть не
помрешь.

– Ну и что особист?

– А что? Покрутился, в глаза позаглядывал, собрал объяснительные и свалил.

– Лишнего не понаписали?

– Не, командир. Что было, то и писали.

– Суки, нашли Пушкиных! Я сам в штабе два часа бумагу изводил. Как пчела их за одно место укусила, все носятся с круглыми глазами. Что-то напортачили со вчерашним кадром, ищут крайнего. Говорят, не того взяли. Или не у тех, я так и не понял.

– А мы при чем?

– При том! Мы у “конторских” всегда крайние. И нахрен я повелся! Надо было их послать нафиг с этим

задержанным. Пусть бы сами везли в комендатуру.

— Так они же приказом каким-то козыряли. Типа положенно нам им помогать.

— На положенно кое-что положено.

— Во, и я так всегда говорю!

— Ты бы вообще помолчал! Это же ты, дурила, их на капоте разложил. Пропустил бы без проблем, глядишь, и нас бы не дергали.

— Ха-ха... А что я виноват, да, что они пропуск на стекло не повесили?

— Фарт ты вспугнул, ясно? Сейчас непруха полосой пойдет.

Кстати, где эти два чухонца?

— Кто, товарищ капитан?

— Хрен в пальто!

— Я же говорил, на обходе.

— Знаю, сынки, ваши обходы!

Опять у той прошмондовки
ошиваются?

— Не. С обходом пошли.

— Ты мне баки не бей, сынок!

Там уже все рота побывала. Вот
намотаете на концы заразу всякую,
будете ссать со стоном, вспомните
свою сучку добрым словом! И что вы
в ней нашли? Задница — с мой кулак,
одни кости, да еще очкастая.

— Зато пилится, как машинка
"Зингер"!

— И ты туда же! Кому что, а

голый о бане. Совсем вы тут оборзели, мужики. Вернемся в часть, я гайки-то позакручиваю. Про дембель забудете. Вас же драть, как кошек надо, вы доброго отношения не понимаете!

— А что, говорят, смена скоро?

— Раскатал губу! Приказа нет, сиди и пухни. Я сегодня вякнул, что у меня народ без отдыха, по три человека на машину. Так на меня таких псов спустили, будто я родину десять раз продал! Пошли они все к ядрене фене... Дай сюда цыгарку!

— Вы с проверкой, товарищ капитан, или спать будете?

— Спать. В штабе покоя не дадут. Буду нужен, найдут. Закон знаешь?

Подальше от начальства, поближе к кухне.

— Мужики могут пожрать принести. Домашнего.

— От крысы этой?

— Ну. Она добрая.

— Конечно, добрая, если дает всем подряд.

Снаружи по броне ткнули стволом. Звук вышел резким, будто камень тюкнул по железной крыше.

— Во! Наши кобели заявили. Ну-ка, сынок, открой. Сейчас я их драть буду.

Капитан потянул вверх невесомую руку и выключил свет.

Смех уже распирал его. Легкость в теле была невероятная...

* * *

Странник

Из открытой амбразуры тянуло кислым дымом.

«Анаша! Тем лучше. По голосам — их двое. Для верного счета, не больше четырех. Пусть откроют боковой люк! Вам же лень вставать, ребята, а бортовой — он под рукой, только поверни замок. Боковой люк!»

Заскрипел замок, и тяжелый люк медленно пополз вбок. Он дернул открывавшего за руку и резко ткнул стволом в темноту.

Боец отвалился от зева люка, схватился за лицо руками и заскулил.

Трава обостряла зрение, капитан четко видел сидящего на коленях бойца, раскачивающегося, как еврей на молитве. Тень, выползшая из-за его спины, вытянула длинные, странно длинные руки.

Смешно. Он засмеялся легким детским смехом. Тело подхватила теплая волна, и оно не почувствовало боли.

Словно ящерка скользнула по горлу быстрым холодным тельцем...

Вино холодной ящеркой
скользнуло в горло.

Яков оторвал от губ край бокала.
— Все уже кончилось,
профессор, — прошептал он.

Холмогоров нервной походкой
качался от стены к дверям.

— Это невозможно! — воскликнул
он. — Через двадцать минут закончат
накачку излучателей. Я должен быть
на пульте. А сижу здесь, черт возьми,
как под арестом!

Яков поставил бокал на ручку
кресла. Провел пальцем по краю
внутренней поверхности. По комнате

поплыл мелодичный тягучий звук.

Услышав его, Холмогоров остановился. Яков, встретив его недоуменный взгляд, через силу улыбнулся.

— А знаете, профессор, что гороскопы “Водолея” и Старостина на октябрь месяц полностью совпадают? Правда, правда, я лично перепроверил все расчеты.

— Ну и что с того?

— Забавно. У технической системы и человека совершенно схожая судьба.

— Что тут удивительного? “Водолей” — порождения ума и воли Ивана Ивановича.

— Но не наоборот. В этом и

кроется ошибка.

Холмогоров уставился на Якова.

— Вы, наверное, сильно переутомились, Яков. Простите, но мне кажется, вы начали заговариваться.

— В порядка бреда... — Яков потерся затылком о подголовник кресла. — В порядке бреда, так сказать... Вынужден вам доложить, что знаю одного человека, чей гороскоп полностью, зеркально противоположен натальной карте Старостина, а значит — и “Водолея”. Представьте, что произойдет, если в этом человеке аккумулируются охранительные силы Земли, которые мы невольно расстревожили? А

влияние охранительных сил в наших расчетах так и остались неучтенным фактором.

Холмогоров завертел головой, прислушиваясь к тихому свисту, идущему от потолка.

– Странно. Что это за звук, интересно знать?

– А вы еще не поняли?

Яков широко улыбнулся, глаза сверкнули безумием.

Комнату наполнил запах горького миндаля.

Холмогоров выпучил глаза, захрипел, рванув холодеющими пальцами галстук, в уголках посиневших губ выступили белые пенистые комочки.

Яков умер легко, глубоко вдохнув
сладкую горечь, разлитую в воздухе.

За мгновение до конца его губы
шепнули: «Карма!»

И навсегда застыли в счастливой
улыбке...

* * *

Странник

Ветер когтистой лапой шкрябал по броне. Через поднятые щитки на передних стеклах в темное нутро БТРа просачивались мерцающие огни Домена. Тишина под скорлупой брони была гулкой, настороженной, готовой в любую секунду взорваться ревом двигателей и разрывами выстрелов.

“Кайтен*. Никогда не думал, что придется на себе испытать такое удовольствие. Надо признать, ощущения не ахти. Без полной отрешенности можно гарантированно сойти с ума”.

* — японская одноместная

подводная лодка-торпеда, длина 15 метров, оснащена кислородным двигателем мощностью 550 л.с., позволявшего на скорости до 56 км/ч скрытно выдвинуться к цели, маневрировать и нанести удар ниже ватерлинии, вооружена боеголовкой мощностью 1,5 тонн в тротиловом эквиваленте.

Подразделения пилотов-самоубийц кайтен были созданы в ВМФ Японии в ходе решающих сражений на Тихом океане одновременно с более известными подразделениями летчиков-камкадзе.

Слово образовано двумя иероглифами

“поворот” и “небеса”; в рамках мифологизированного сознания военной элиты Японии предполагалось, что атаки кайтен на американские ВМФ способны повернуть ход истории. Несмотря на высокую эффективность тактики камикадзе и кайтен, она не смогла остановить стратегического поражения Японии.

Максимов откинулся в жестком кресле водителя. Руки расслаблено лежал на руле. Закрыв глаза. Выровнял дыхание. И постарался максимально четко представить себе цель.

– Виктор Николаевич, я вполне отдаю себе отчет в том, что навязать свою волю Капитулу практически невозможно.

Салин ответил полуулыбкой. Лишь чуть-чуть догнул уголками губ. Дал понять, что мера осведомленности и самокритичная оценка собственных сил произвела должное впечатление.

– Они скорее вымрут, как динозавры, задавленные грузом бывшего величия, чем найдут в себе смелость смотреть жизни в лицо, – вlepил Старостин.

Салин ничем не выдал, какой силы он испытал удар.

— И что, по-твоему, есть правда жизни?

— В том, что вы еще при Брежневце начали перегонять золото за границу и вкладывать в западную экономику. При Горби процесс пошел, да так, что чуть Кремль по кирпичику за бугор не отправили. Получилось, что завод — за кордоном, а едоки — здесь. Очень удобно! Они там вкалывают на ваших фирмах и гонят в Россию ширпотреб и жратву. А здесь качают нефть, для вас же, и ядерно-ядренные ракеты от пыли протирают. Чтобы шарахнуть, если вашим интересам на их рынке что-то

угрожать начнет. А поставленный вами смотрящий то в демократию играет, то гайки затягивает. Эдакий политический онанизм, ни уму, ни сердцу. Но народу нравится.

— Разве плохо было придумано?

— Гениально! У Ленина с Троцким не получилось профинансировать мировую революцию, у Сталина не сложилось весь мир коммунизмом облагодетельствовать. А у вас получилось мировой капитализм на корню скупить! Завидую, черт возьми, белой завистью.

— Ну, положим, не скупить. А стать акционерами глобализма раньше, чем о нем раструбили

газеты. Это территория находится под нашим контролем. Не жестким, но вполне оптимальным.

— Ох-ох-ох! — Старостин покрутил головой. — Одно дело с умным лицом купоны стричь, а реальным делом заниматься — это совсем другое. Как вы народу объясните, что им подвинуться надо, чтобы вся Европа сюда перекочевала?

— Какому народу? — Салин иронично усмехнулся. — Семьдесят с небольшим миллионов человек. Треть поражена наркоманией. Двадцать миллионов наследственных алкоголиков. Статистику по паталогиям и обычным болезням,

честно говоря, не помню. Но она ужасающая. Нет никакого народа. Есть человекообразные. Если судить по нормам современной технической культуры, они — даже не рабочий скот.

— Кто из нас фашист? —
набычился Старостин.

— Лично я — реалист.

Старостин, сбросив маску дуче, рассмеялся.

— Тогда я — иллюзионист!

— Вопрос не в брэнде, а в цене товара. Мы готовы купить Движение. Это единственное, что еще представляет хоть какую-то ценность.

— И почему?

– За политическое и физическое долголетие его лидера. Который гарантирует полный контроль за социумом, если эту аморфную массу можно так называть. Как реалист я понимаю, что полный контроль можно удерживать лишь ограниченное время. Но десять лет нас вполне устроит.

– Семь. Потому что больше времени ни у кого нет.

Салин кивнул.

Старостин отломил кусочек хлеба, скатал в шарик, задумчиво стал гонять по столу.

– “Там за облаками рождается поколение, которому не больно будет умирать”, – словно самому себе,

произнес он.

От нервного напряжения на Салина вдруг напал зверский аппетит. Он посмотрел на тарелки с едой. Сервировано и приготовленно все было с великим умением. А они, поглощенные беседой, едва притронулись.

Ника впорхнула в гостиную, принеся с собой уютный аромат кухни. Старостин вопросительно посмотрел на нее.

— Простите, что вторгаюсь в ваш разговор, — когда она начинала говорить, верхняя губка забавно вздрагивала. — Но там такое! Срочно нужна мужская помощь.

Она сделала круглые глаза и

развела руками.

— Горим? — нахмурился

Старостин.

— Ну, ты же знаешь, женщина и техника — вещи несовместимые.

— О господи! — Старостин убрал с колен салфетку. — Извини, Виктор Николаевич, сам понимаешь...

На кухне у Ники все было в идеальном порядке. Пирог уже стоял на столе, накрытый ярким рушником.

Трубка телефона лежала рядом.

Ника заговорщицки подмигнула Старостину, привстала на цыпочки, скользнула губами по щеке, прошептала в самое ухо:

— Александр ждет. Как ты просил.

Старостин прикрыл микрофон ладонью, поцеловал Нику в висок. Зажмурился от аромата ее волос.

На другом конце повисла тягучая тишина. Выдержка у Александра была беспредельная. Сказали, жди, пока не подойдет хозяин, будет год сидеть и ждать.

– Саша? – Старостин покосился на дверь.

– Я, Иван Иванович.

– Говори.

– Номер отработал. Есть подтверждение.

– Ага. С остальным что?

– Полный порядок. Режим трехминутной готовности.

– Угу. В “берлоге” все места

заняли?

— Самолет Климова только что приземлился во Внуково. Я выслал спецтранспорт. Тарасенко в нашей гостинице, должен подъехать через полчаса. Остальные уже на месте.

— За Кочубеем следи. Не дай бог, сломается... На нем все сейчас висит.

— Понял вас, Иван Иванович.

— Ну раз понял, значит, молодец! Старостин положил трубку.

Ника подошла сзади, плотно прижалась грудью к его спине. Привстала на цыпочки, скользнула губами по шее. Пальцы нежно каснулись его щеки, скользнули по подбородку.

Уловив произошедшую с ним перемену, прошептала:

– Ты победил?

В ее голосе было столько надежды, что он зажмурился от сладкой боли в сердце.

– Боюсь сглазить, девочка моя, – прошепал он, ловя губами ее пальцы.

Странник

...Невероятная мощь влилась в этого человека, она распирала, рвалась наружу. Женщина нежно коснулась его щеки, тонкие пальцы скользнули к подбородку, чуткое сердце радостно дрогнуло, уловив произошедшую в нем перемену.

«Ты победил?», – шепнули ее губы.

И он вдруг осознал, победил.

А за спиной у него уже вырастала густая тень, обретая форму женщины в черных одеждах.

Он чувствовал этого человека, как еще никогда не чувствовал свою

жертву. Метр за метром, секунда за секундой приближалась точка перехвата, и уже никакая сила в мире не способна была вновь развести их по разным орбитам.

Максимов замотал головой, пытаясь отогнать наваждение.

«Никто, никто не понял маленьких гордых человечков, бросавших свои самолеты на палубы вражеских кораблей, живой торпедой врезавшихся в днища авианосцев. Гордились, жалели, боялись, презирали! Но только им было дано испытать сладость бесконечных мгновений приближения неотвратимого конца Пути. Только им было дано не отвернуть...

“Божественный ветер!» *

— Божественный ветер! —
услышал он собственный шепот.

* — буквальное значение двух иероглифов, образующих слово “камикадзе”. Понятие “божественного вмешательства” восходит к временам средневековой Японии, когда неожиданно налетевший шквал разметал и затопил эскадру противника, готового вторгнуться на Японские острова.

Оперативная обстановка

Воздух!

"Зенит-3" – Москве

Объект под контролем.

*Основной излучатель и вся
аппаратура центра управления
полностью выведены из строя.*

*Сохранность документации
обеспечена.*

*Очаг сопротивления
локализован в третьем секторе
бункера. Принимаю меры по его
ликвидации.*

С нашей стороны потерь нет.

23 час. 56 мин. 13.10.

Старые львы

Салин поковырял вилкой фаршированную рыбу. Попробовал кусочек. Оказалось, жутко вкусно. В желудке страшно засосало. Воровато оглянувшись по сторонам, Салин стал быстро клевать вилкой рыбу.

«Зависть, черная стариковская зависть! Я завидовал ему, с первой секунды, когда она вошла в комнату. Дураки мы все, грязные прокисшие интриганские мозги, будь мы все прокляты! А он живет, просто живет, широко, размашисто, потому что иначе нельзя, когда рядом такая... Эх, раньше бы ее вычислить, тогда

бы многое стало понятно в Старостине!»

Неожиданно вспомнил, каким нежным теплом пахнуло от нее, когда села рядом, как натянулся шелк долгой полы халата на острой коленке...

Странно, но в профессионально памяти, моментально схватывающей лица и фамилии, остались только смутные фрагменты ее образа: золотой высверк в каштановой копне волос, радужка зрачка цвета бутылочного стекла, чувственная складка губ, белая косточка на сгибе тонкой кисти.

«Нам Бог не дал любви, потому мы такие... страшные. Кто любит

власть, уже ничего полюбить не сможет. А он не монстр, не фигляр, а титан, коли взял на себя тяжесть т а к о й любви».

Старостин вошел в комнату. Совершенно по-Решетниковски завел руки за спину и стал покачиваться с пятки на носок.

— Что-то случилось? — Салин отодвинул от себя тарелку.

Старостин смотрел, будто прицеливался.

— Закроем все вопросы, Виктор Николаевич? Чтобы черных кошек промеж нас не бегало. Начнем с Каранухова.

Салин промокнул губы салфеткой.

– Еще раз, Иван Иванович, мои соболезнования...

Старостин отмахнулся.

– Давно напрашивался.

Думаешь, он по своей дурной воле к Ганнеру подъезжал? Ого! Два дня матюгами уламывал. А что стоило его две недели в квартире держать с одним охранником, ты подумал? Честно говоря, уже разочароваться в вас успел. Несolidными вы мне показались контрагентами. Такие дела предстоят, столько жизней перекореем, а вы менжевались одного старика ухайдокать. Просто Родиончики Раскольниковы, а не старые львы.

Салин машинально достал из

карманчика чехол, достал очки и водрузил на нос.

– Второй вопрос – нам Первый нужен?

Салин хмыкнул. Тихонько постучал чехлом по столу.

– Иван Иванович, – укоризненно покачал головой Салин. – Кто же о живом президенте такие вопросы задает? Политический моветон.

– У тебя есть люди в Кремле? – Старостин сознательно первый раз за вечер сказал ему "ты", разорвав дистанцию.

– Конечно, – Салин это уловил и насторожился.

– Тогда позвони им. Мне можешь не поверить.

– Не крути, Иван. – Салин в свою очередь сделал шаг навстречу, отбросив отчество в обращении.

– Придурка нашего всероссийского пристрелили!

– Не может быть! – Салин смахнул с лица очки.

– В России живем, Виктор. Здесь все может быть. – Старостин грузно опустился на стул.

В этот момент зашуршали полы халата, и Ника, сверкая улыбкой, внесла пирог.

– Сюрприз!

Салин не выдержал нервного напряжения, закрыл ладонью глаза и затрясся мелким смехом.

Со стороны казалось – плачет,

пряча глаза.

Старостин вдруг сам осознал весь комизм ситуации и захохотал в голос.

Ника переводила удивленный взгляд с одного на другого, верхняя губка подрагивала от обиды.

Странник

...Вихри чуждых миров сшиблись, запустили друг в друга жалящие щупальца, затрещали незримые нити, смешались свет и тьма, породив пламя. Волна огня вздыбилась к черным небе сам, задрожали звезды, как слезы на ветру, застонали камни. Время замерло...

Максимов вздрогнул и поднял голову.

«Время!» – ударило в ушах, как колокол.

Он щелкнул тумблером, движки заурчали, по стальному вымерзшему

телу машины прошла дрожь. Через руки, сжимавшие руль, она проникла под сердце.

«Время!»

Он включил рацию. В малиновом свете лампочки на панели еще раз сверился с записью в блокноте капитана.

«Моей вины нет. Они встали на пути. Сами подгадали свою смерть», — отмахнулся он от навязчивой мысли о двух трупах, лежащих за спиной.

Щелкнул тангетой.

— Я — “Ладога-тринадцать”. Я — “Ладога-тринадцать”. Внимание — “Ветер”! Всем, кто слышит меня, “Ветер”! Старый Арбат, Сивцев

вражек, нападение на патруль. Группа неизвестных, до десяти человек, вооружены автоматическим оружием. Веду бой. Я – “Ладога-тринадцать”, прием!

Отбросил шлемофон. Положил на колени автомат.

«Сами виноваты, что у меня все получилось. Оружие в городе почти у каждого, а БТР – самый незаметный автомобиль».

Эфир уже взорвался, затараторил разными голосами.

Максимов ухмыльнулся: «Забегали, черти!»

Порыв ледяного ветра вырвал из пальцев сигарету.

Владислав захлопал себя по груди, красный светлячок унесся в темноту.

– Епт! – выругался Владислав.

Поднял взгляд на окна подъезда. На площадке второго этажа появилась фигура крупного мужчины.

«Старостин. Мой еще не вышел».

В переулок ворвался рев мощных движков.

Владислав рывком развернулся.

Из темноты на них неслась, матово отсвечивая хищным телом,

стальная громадина.

Он что было сил грохнул по капоту. За запотевшим стеклом мелькнули белые пятна лиц.

— К машине! — заорал Владислав.
— Стре-ля-яй!!

Но уже заскрежетал, разрываемый страшным ударом, металл. Первый джип подняло на дыбы и опрокинуло на стоящую впереди машину.

Он застыл на месте. А груды искореженного металла неудержимо волокло на них.

Из толстого ствола, торчащего из башни БТРа, выплонуло огонь.

Жесткая сила подхватила Владислава и отбросила в сторону.

Летел медленно, как во сне,
судорожно хватая непослушными
руками ледяную пустоту...

Странник

Максимов перебросил тело с водительского сиденья, намертво вцепился в ручки управления пулеметом, сбил стопор. Весь сжался, готовясь к удару.

Машина подпрыгнула, снаружи раздался оглушительный скрежет, жалобная капель, крошащегося стекла, а потом истошный человеческий крик.

Палец вдавил кнопку на левой ручке. Пулемет ожил, забился, глухими толчками выплевывая дым, гильзы забарабанили по броне.

Стальной таран, подмяв под себя

искореженные машины, замедлил ход.

Максимов шарахнулся от к борту, плечом выбил люк верхний люк, выскочил на броню.

Козырек подъезда, как и рассчитал, был совсем рядом.

О н и еще не опомнились, но он успел заметить движение возле пары уцелевших машин и выстрелил в их сторону из подствольника.

Раньше, чем яркая вспышка разорвала темноту, он прыгнул на козырек...

Фараон

Салин почему-то задержался в прихожей.

Старостин, шагнув через порог первым, хотел было вернуться, но остановил себя. Усмехнулся.

“Суеверным ты стал, Иван! Нет, действительно, боюсь сглазить”.

Щека еще хранила нежное прикосновение губ Ники.

“Видел бы себя Салин в зеркало, рожу от зависти повело! Пусть завидует. Кто смел, тот и съел. А его я сейчас схарчу. Прямо в машине. Так в лоб и спрошу: со мной или без меня. Если мужик, поедem в “берлогу”. Там своих “зубров” и прижму, сил сейчас хватит. Салина

сделаю премьером “теневого кабинета”. Пусть только вякнут! А утром начнем брать власть в серьез.

А если у него кишка тонка, пусть катится к чертям собачьим, задним умом все смелые. Таких нам не надо. Через неделю от них только брызги полетят, передавлю, сук, как клопов.

Поплыл Салин, поплыл. Вон даже кейс забыл прихватить. Но удар держит. Сердцем чую, не играет он, нет, не играет. Может, он единственный из них с мозгами... Нифига себе!”

Он вздрогнул, услышав грохот на улице.

В окне проеме в искрах

разлетающихся осколков стекла, подсвеченная сзади полыхнувшим на улице огнем, выросла черная фигура.

«Ника!» И вместо того, чтобы прыгнуть в квартиру, спасая себя, Старостин плотно, до щелчка закрыл дверь. Заторможенно развернулся на выстрел.

За мгновение до выстрела холод стиснул сердце, и он накрыл его ладонью.

Первая пуля пробила кисть и, жадно чафкнув, врезалась в тело...

Старые львы

Владислав вскочил на ноги. Уши заложило, полы плаща обгорели.

Яркие языки пламени вырывались из покореженных машин, отражались в черных стеклах домов. Острый нос БТРа, подсвеченный снизу огнем, смотрелся страшно, как морда вынурнувшей акулы.

Сквозь вой огня он слышал крики горящих в машинах людей. Старостинская охрана так и не успела выскочить из машин.

Владислав нагнулся за выпавшей рацией.

И в это миг ухнуло. Окна квартиры, где сидела "тревожка" вспучило, а потом разметало ослепительным брызгами.

«Подствольником — в дверь, сука!»

Он упал на землю, закрылся от летящих осколков.

Что-то орал в рацию, но все уже было бесполезно. Уже грохотали выстрелы, куда и кто стрелял, он так и не понял.

Со стороны Гоголевского по улице ударил ослепительный сноп света. И вслед за ним надсадно ударил крупнокалиберный пулемет. Сзади, из-за угла дома вырвались яркие цепочки трассеров. Вой

рикошетиющих от стен пуль, крики команд, стоны раненых, жалобные всхлипы трескающихся стекол...

Владисла подтянул колени и закрыл голову руками...

Вынырнувший из темноты солдат ударом ноги перевернул его и разрядил в грудь оставшиеся в рожке патроны...

Старые львы

Салин на четвереньках вполз в гостиную. Ветер врывался сквозь разбитые стекла. В воздухе ошалелыми белыми птицами носились клочки бумаги, вырванными из растрелянных книг. Весь ковер был усыпан осколками стекла, он полз, не замечая саднящей боли в ладонях. В стену гулко бились пули, будто кто-то ловко, с одного удара вгонял в нее гвозди.

Ника лежала, широко разметаив руки, подтянув под себя левую ногу. Так спят только уставшие дети. Р у х н у в в сон.

Одна рука Ники была неестественно заломлена, пальцы еще сжимали ручку его кейса, из его распахнутого нутра вывалились листы бумаги, до пояса укутав ее тело, правой она распахнула халат на груди.

Между двух иссиня-черных сосков пульсировал красный родничок.

Липкая струя рвоты вырвалась из горла, Салина надсадно закашлял, едкая желчная пена залепила рот, жгучие слезы замутили глаза. Показалось, что губы Ники расплываются в сладкой улыбке.

Он истошно закричал, и слышал только собственный крик, пока в

голове не лопнуло вена, словно
перетянутая струна, и не обрушилась
тьма...

* * *

Оперативная обстановка

Воздух!

Совершенно секретно

Согласно списку

Только лично

ШИФРОГРАММА

*По получению настоящего п р и
к а з ы в а ю:*

*— принять незамедлительные
меры по блокированию частей и
подразделений Президентской
гвардии (ПГ) в местах их дислокации,
всеми имеющимися средствами не
допустить их выдвижения на
рубежи развертывания;*

*— командующим округами лично
войти в контакт с командирами
частей и подразделений ПГ,
дислоцированных в районе
ответственности округа, довести
до их сведения, что с момента
вступления в силу оперативного
плана "Тайфун" они переходят под
прямое командование Командующего*

Силами Быстрого Реагирования генерал-лейтенанта Скобаря, любые действия разрешаются только с моего прямого приказа;

— принять все меры по блокированию и разоружению подразделений т.н “Молодых львов”, руководителей подразделений задержать и доставить в военные покуратуры округов, инициировать уголовные дела по признакам статьи “создание и руководство незаконными военными формированиями”;

— попытки сопротивления Вашим действиям и неповиновения приказам Командующего СБР пресекать немедленно, используя все

имеющиеся силы и средства.

00 час. 12 мин.

14.10. с.г.

*Командующий СБР МЧС
генерал-лейтенант Скобарь*

** * **

Контроль телефонных
переговоров

Линия ВЧ-связи

абонент “А” – 704-12-12

абонент “В” – 701-34-78

А. — Скобарь, что же ты делаешь, гадина!

В. — Филатов, не переходи на личности. А своим передай: пусть только попробуют рыпнуться, порублю в капусту! Ты меня знаешь, я слов на ветер не бросаю. Все, твое время кончилось!

А. — Погоди, еще есть время договориться...

В. — Нет. Переговоров не будет.

А. — Так нельзя, Алексей!

В. — Только так и можно! Все, кончай треп. Еще до Чкаловского успеешь добежать. Или застрелиться. Прощай!

А. — Слушай меня, Скобарь,

ты...

В. — Да пошел ты!

Эпилог

Когти Орла

Франция, Ренн-ле-Шато

Вилла “Эстер”

На фоне подсвеченной фонарями лужаки шпалера чугунный копий забора казалось нарисованной густой черной тушью. Над непроницаемой теменью парка возвышалась острая крыша виллы. Белая полоска дорожки терялась в тени деревьев. Между стволами тускло звездочками светились подсвечивающие ее фонари.

В машине уютно урчал кондиционер. Водител выключил

дворники, и лобовое стекло сразу же
покрылось прозрачными
бисеринками.

Сидевший на заднем сиденьи
мужчина толкнул дверь и вышел под
морозящий дождь. Запахнул полы
черного плаща, поднял воротник.
Ветер расшевелил седые волосы. В
профиль остроносый мужчина еще
больше стал напоминать
нахохлившуюся хищную птицу.

Он прошел к воротам.
Требовательно нажал кнопку звонка
на низком столбике. Осмотрелся.
Встал так, чтобы свет фонаря падал
на лицо и его было видно в
видеокамеру наблюдения над аркой
ворот.

Спустя пять минут из решетки динамика раздался недовольный голос:

— Месье, извините, мы никого не принимаем.

— У меня срочное послание для господина Ганнера, — по-французски ответил мужчина.

— Месье Ганнер не принимает. Оставьте ваше послание в почтовом ящике.

Мужчина развернулся к камере. Вскинул руку. Большой палец был оттопырен, указательный и средний плотно прижаты друг к другу, оставшиеся два свернуты.

Динамик глухо кашлянул.

— Я сейчас подойду, месье.

Мужчина не стал возвращаться в машину. Замер, высоко вскинув подбородок. Он стоял, не обращая внимание на ветер, шевеливший полы плаща, и мелкий дождь, сыпавший капли прямо в лицо.

Фигура низкорослого человека с зонтиком в руке вынурнула из темноты под деревьями, заскользила по белому полотну дорожки.

Мужчина, не шевелясь ждал, когда дворецкий подойдет к самой решетке ворот.

Достал из внутреннего кармана конверт, наполовину вынул из него листок. Размял в пальцах темный шарик, прилепил к листку и расплющил золотым перстнем на

указательно пальце правой руки.
Молча протянул дворецкому.

* * *

Оперативная обстановка

Агентство “Рейтер”

В заявлении для прессы, поступившем на телетайпы основных информационных агентств, Почетный Председатель фонда "Мост на Восток" Мишель Ганнер заявил о готовности оказать экстренную гуманитарную помощь России на сумму 300 миллионов долларов. Пресс-конференция, на которой будет официально объявлено о программе помощи России, состоится сегодня в два часа

по полудню в штаб-квартире Фонда.

Мишель Ганнер подчеркнул, что данная акция готовилась давно и не может быть связана с трагическими событиями в Москве.

По словам г-на Ганнера, всякая попытка связать убийство президента России и последовавшей за ним попытку государственного переворота, предпринятую шефом личной охраны президента генералом Филатовым, является “грязной инсинуацией, имеющей целью дискредитировать благородную акцию в самом ее начале”.

В отношении мер по стабилизации обстановки в стране,

предпринимаемых генералом Скобарем, возглавившим Совет Труда и Обороны (СТО), г-н Ганнер заявил:

«Легальность нового органа управления страной в чрезвычайно не простой ситуации – внутреннее дело России. Если судить по первым шагам, генерал Скобарь показал себя решительным политиком, способным брать ответственность на себя».

В ответ на вопрос нашего корреспондента: «Выстраивая “мост на Восток”, вы рассчитываете на твердую опору на другом берегу?», г-н Ганнер ответил:

«В политике мосты наводят с

двух сторон».

** * **

Агентство “ЮПИ”

Вспышка новой звезды.

*Группа астрономов
обсерватории Маунт-Паломар
объявила об открытии новой звезды
в созвездии Водолея. По словам
руководителя группы проф. Стэна
Дугласа, новая звезда относится к
седьмому классу звездной величины и
находится недалеко от звезды*

"Гамма" Водолея.

Как утверждает проф. Дуглас, яркость новой звезды в самое ближайшее время может возрасти до такой степени, что она станет хорошо видна даже невооруженным глазом.

Странник

Он вернулся в мир людей. И в этом мире падал первый снег.

Белые хлопья беззвучно кружились, сверкая в мягком свете молочно-белого неба, таяли, едва каснувшись горячего тела, и от это в него входила тихая боль. Она была другой, та, терзавшая израненное, обожженное тело, отступала под острыми прикосновениями холодных пушинок.

От него смердело войной, липким потом, засохшей кровью, гарью пороха, парным затхлым воздухом подземелья. А воздух в

мире людей пах первым снегом.

Этот мир был чист и свеж, словно с восходом солнца должен был родиться самый первый день. И прошлое станет дурным сном, который легко забудется, стоит лишь взглянуть на черно-белый мир, просыпающийся под чистым первым снегом. Мир, в который с первым лучом зари вернутся краски...

«Снег! Снег – это хорошо. Снег – летящий лед. Лед – конец и начало всему*. Конец и начало!»

Сил отползти от люка уже не оставалось. Он так и остался лежать, свесив ноги в темную пасть люка, подставив грудь навстречу белым хлопьям...

* – в рунической магии руна “Isa” – “Лед” символизирует временную остановку, “замораживание” течения времени, позволяет остановить неблагоприятное развитие событий.

* * *

Когти Орла

Навигатору

На месте известного Вам происшествия изъят работающий маяк экстренной связи.

По имеющейся информации, следственной группой на внутренней стенке БТРа обнаружен рунический знак "Raid".

Сильвестр

** * **

Сильвестру

Приказываю задействовать все

имеющиеся средства для поиска и эвакуации "Странника".

Навигатор

* * *

И как только на чаши весов упала первая жертва, что-то необратимо изменилось в мире. Ожило Время, сдвинув мертвые стрелки часов, скрипнули заржавленные шестерни, привычно перемалывая человечину, и широко размахнулся маятник, разбрызгивая кровь...